

Опасная бритва

Дороти СЭЙЕРС

золотой век детектива

Опасная БРИТВА

Д. СЭЙЕРС

МИР КНИГИ

МИР КНИГИ

Дороти Ли Сэйерс — английская писательница, чьи романы, наряду с произведениями Честертона и Агаты Кристи, составили славу английского интеллектуального детектива. Но в отличие от многих авторов этого жанра, не признающая правил Сэйерс всегда использовала преступление и последующее за ним расследование как основу новой, еще более увлекательной истории.

Известный автор детективных романов Гарриет Вэйн засыпает на заброшенном пляже. Проснувшись, в двух шагах от себя женщина обнаруживает труп мужчины с перерезанным горлом. Писательница в очередной раз становится свидетельницей загадочного убийства и начинает собственное расследование. Удастся ли Гарриет найти преступника? И не падет ли подозрение полиции на невольную участницу происшествия?

ISBN 978-5-486-02940-0

9 785486 029400

Дороти Ли
СЭЙЕРС

ОПАСНАЯ БРИТВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
С11

Dorothy L. Sayers
A LORD PETER WIMSEY MYSTERY:
HAVE HIS CARCASE

Использование текста, в том числе фрагментов, без разрешения правообладателя запрещается и преследуется по закону.

This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd
and Synopsis Literary Agency
(данное издание опубликовано по соглашению с David Higham
Associates Ltd and Synopsis Literary Agency)

Оформление серии И.Тарачков

Сэйерс, Дороти
С11 Опасная бритва /Пер. с англ. — Пер. Ю.Ю.Котовой. — М.:
ООО ТД «Издательство Мир книги», 2009 — 416 с.

Известный автор детективных романов Гарриет Вэйн засыпает на заброшенном пляже. Проснувшись, в двух шагах от себя женщина обнаруживает труп мужчины с перерезанным горлом. Писательница в очередной раз становится свидетельницей загадочного убийства и начинает собственное расследование. Удастся ли Гарриет найти преступника? И не падет ли подозрение полиции на невольную участницу происшествия?

ББК 84(4Вел)

Copyright © Dorothy L.Sayers, 2003
All rights reserved
© Котова Ю.Ю., перевод, 2007
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», издание на
русском языке, 2009

ISBN 978-5-486-02940-0

ОПАСНАЯ БРИТВА

роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я открыла для себя удивительные детективные рассказы Дороти Л. Сэйерс довольно необычным образом, который, вероятно, вызвал бы у выдающейся писательницы невероятное возмущение, доведись ей об этом узнать. Много лет назад актер Ян Кармигел блистательно исполнил главную роль в фильмах, снятых по ее детективным рассказам. Я посмотрела их все на некоммерческом канале TV в Хантингтон-Бич, Калифорния. Помню, как ведущий шоу рассказывал о необыкновенно ярких эпизодах жизни и карьеры этой писательницы, довольно рано получившей степень в Оксфорде. Причиной же, по которой я стала повсюду искать ее рассказы, явился созданный ею персонаж — детектив-аристократ лорд Питер Уимзи.

Я никогда не была поклонницей детективного жанра, но после фильмов с блистательной игрой Яна Кармигела стала живо интересоваться детективами Дороти Сэйерс и вскоре знала все, что имело хоть малейшее отношение к лорду Питеру Уимзи: от его щегольской манеры речи до подробностей семейных отношений. За относительно небольшой срок я крепко привязалась к нему, к его спокойному и вездесущему слуге Бантеру, вдовствующей герцогине Денверской (существовал ли когда-нибудь еще более восхитительный по аллитерации титул?), сердитому и нудному герцогу Денверу, Чарлзу Паркеру, леди Мэри... Она не опускается до уровня своих читателей, напротив, она верит, что ее читатели умны и смогут соответствовать ее представлению о них.

Необходимо отметить, что, в отличие от других писателей таинственного «золотого века», загонявших себя в рамки

детективного жанра, где непременно присутствовали трупы, огромное количество подозреваемых и отвлекающие внимание читателя приемы, Сэйерс в создании сюжетного полотна не признавала никаких ограничений. Преступление и его расследование были лишь основой, это был «скелет в шкафу» (как говорят англичане, он есть в каждой семье), к которому писательница затем прикрепляла мускулы, органы, кровеносные сосуды. Скелет оживал, обретал неповторимые характерные черты, и начиналась новая история рассказа. Сэйерс создавала свои произведения так, как ткut гобелен: читатель не может не чувствовать обстановку, окружающую героев, каждый персонаж по-своему интересен и неповторим. В ее книгах всегда есть глубокий смысл, разрабатывая основную тему, она виртуозно использует литературные символы. Иными словами, в своем подходе к детективному жанру Сэйерс делает то, что я называю «пленных не брать». Она не опускается до уровня своих читателей, напротив, она верит, что ее читатели умны и смогут соответствовать ее представлению о них.

Я обнаружила в ее рассказах изобилие, многообразие приемов, которых мне не доводилось встречать в детективах ранее. Я была поражена удивительно точным использованием деталей: рассказывает ли она о том, как звонит колокольчик в «Девяти портных», или о необычном использовании мышьяка в «Силе яда». Автор прекрасно разбирается во всем, о чем пишет, — начиная от криптографии до виноделия; описание периода между войнами — полного безрассудства, отмеченного смертью одной и рождением другой, более коварной и лживой системы, — становится незабываемым.

Стремление раскрывать сущность человеческих отношений — вот что и по сей день продолжает удивлять в произведениях Д. Сэйерс. Страсти, которые владеют персонажами, созданными восемьдесят лет назад, столь же сильны, как сегодня, и так же волнуют читателей. Хотя Англия времен Дороти Л. Сэйерс во многом изменилась, но и ныне одним из истинных удовольствий, заставляющих брать в руки ее книги, является желание постичь суть человеческой природы, которую никакое время изменить не может, хотя наши представ-

ления и восприятие мира волею обстоятельств становятся иными. Да и преступления — более жестокими...

В начале своей карьеры писателя криминального жанра я заявила, что буду удовлетворена, если когда-либо мое имя будет упомянуто в том же контексте, что и имя Дороти Сэйерс. Я счастлива, что после выхода в свет моего первого произведения это произошло. Но если мне когда-либо удастся подарить читателям столько же удовольствия, сколько дарит Д. Сэйерс своими рассказами с участием детектива Уимзи, тогда я буду считать, что по-настоящему добилась успеха.

Несомненно, переиздание ее рассказов — всегда событие. Каждое следующее поколение читателей приветствует ее. Они отправляются в увлекательное путешествие в компании незабываемого попутчика. Во времена сомнений и тревог кто-то, возможно, вспомнит и Шерлока Холмса, и Эркюля Пуаро, и мисс Марпл благодаря их умению распутывать клубки хитроумных интриг и преступлений. Но если кому-то захочется успокоиться и достойно вынести все превратности судьбы, он не найдет ничего лучше, чем бросить якорь в гавани лорда Питера Уимзи.

Хантингтон-Бич,
Калифорния
27 мая 2003 г.

Элизабет Джордж

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ТРУП

От хлынувшей крови дорожка стала скользкой.

Рудольф

Четверг, 18 июня

Многие полагают, что разбитое женское сердце могут излечить лишь крепкие мужские объятия. Но они ошибаются. Куда более эффективными средствами являются работа, занятия спортом и богатство, нежданно-негаданно свалившееся на голову. Сразу после того, как с нее были сняты ложные обвинения в убийстве любовника, Гарриет Вэйн внезапно поняла, что в ее распоряжении находится и то, и другое, и третье. И хотя лорд Питер Уимзи, самым трогательным образом веривший в традиции, день за днем настойчиво предлагал ей свои объятия, Гарриет отнюдь не торопилась в них броситься.

Работы у нее было более чем достаточно. Обвинение в убийстве — отличное развлечение для тех, кто посвятил свою жизнь написанию криминальных романов. Книги Гарриет Вэйн имели потрясающий успех. Она подписала пару выгодных контрактов на обоих материках и зарабатывала теперь куда больше, чем когда-либо могла мечтать. Девушка только что закончила очередной роман — «Убийство понемногу» и собиралась приступить к следующему — «Загадка авторучки». В последнее время у нее появилась новая привычка: прогуливаться в одиночестве. Долгие пешие прогулки — отличный способ размять мышцы, а одиночество способствовало философским размышлениям, и при этом

никакой ответственности и никаких докучливых писем. Погода стояла просто потрясающая — самый разгар июня, и, хотя молодая женщина порой и вспоминала о том, что лорд Питер Уимзи наверняка названивает в ее пустую квартиру, эта мысль ее мало беспокоила и уж точно не могла заставить прервать одно из путешествий по юго-западному побережью Англии.

Утром восемнадцатого июня Гарриет вышла из Лесстон-Хэу, намереваясь пройти шестнадцать миль вдоль скалистого берега вплоть до самого Уилверкомба. Не то чтобы ее очень привлекало это место — в такое время года там собирались одни пожилые дамы и беспомощные инвалиды, и из-за их жалких попыток изображать веселье даже камни начинали слегка походить на старушек и калек. Но сидеть в городе тоже было невыносимо, хотелось выбраться куда-нибудь на природу. Прибрежная дорожка вилась вдоль края невысокого обрыва, откуда можно было видеть желтую полоску пляжа, с тут и там раскиданными массивными валунами, сверкающими в лучах полуденного солнца.

Высоко над головой небо выгибалось огромным синим куполом, местами украшенным задорными белыми облачками, напоминающими легкую перистую дымку. С запада дул мягкий, приятный ветерок, хотя пессимистичные синоптики, скорее всего, усмотрели бы в нем примету надвигающегося похолодания. Узкая старая дорога казалась практически заброшенной: все автомобилисты предпочитали широкую магистраль, проложенную между городами, избегая прибрежного серпантина, тем более что вдоль этого тракта ютились лишь крошечные полуразвалившиеся деревушки. Иногда навстречу Гарриет попадались гуртовщики со своими псами — занятые делом и безразличные ко всему окружающему, иногда пара лошадей поднимала робкие глупые глаза от вкусной хрустящей травы и смотрела ей вслед или стадо коров, чешущих широкие лбы о каменную изгородь, приветствовало ее громким сопением. Время от времени на горизонте мелькал белый рыбацкий парус. Если не обращать внимания на изредка проезжающие грузовички, на сизый дымок, поднимающийся от проходящего вдалеке поезда, то пейзаж казался таким

же сельским и одиноким, каким он, наверное, был лет двести тому назад.

Гарриет упрямо шагала вперед, легкий рюкзачок за плечами практически не мешал движению. В свои двадцать восемь лет темноволосая худощавая девушка считала себя еще не слишком старой для того, чтобы заботиться о своей внешности, но уже достаточно взрослой, чтобы предпочитать красоте комфорт. Ее кожа, обычно желтоватого оттенка, в последнее время приобрела ровный матовый загар, благодаря постоянному нахождению на солнце и ветре, при этом Гарриет относилась к тем счастливчикам, кому не грозили опасные солнечные ожоги или укусы насекомых. Поэтому в ее рюкзаке не было ни кремов для кожи, ни лосьонов от комаров, ни маленького утюга, ни шелковых платьев. Она была одета в короткую юбку и теплый свитер, с собой захватила лишь смену белья и запасную обувь, а также карманное издание «Тристрама Шенди»*, карманную фотографическую камеру, небольшую аптечку и пару сэндвичей на обед.

Примерно без четверти час вопрос об обеде превратился в насущную проблему. За плечами осталось уже около восьми миль, причем периодически девушка сворачивала с дороги, чтобы осмотреть сохранившиеся кое-где римские развалины, о которых в путеводителе было сказано, что они «представляют чрезвычайный интерес». Путешественница чувствовала себя голодной и уставшей — пора было присматривать местечко для отдыха.

Был отлив, и влажный песок переливался всеми оттенками золота и серебра в свете летнего солнца. Гарриет подумала, что было бы неплохо спуститься на пляж, может, даже искупаться. Хотя насчет последнего она не была абсолютно уверена — все-таки к незнакомым пляжам девушка относилась с опаской — мало ли, что может случиться. Но ведь ничего страшного не произойдет, если просто посмотреть на море? Она переступила низкую ограду, отделявшую дорогу от

* Роман писателя Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». — *Здесь и далее примеч. пер.*

побережья, и принялась искать тропинку, ведущую вниз. По узкой дорожке, заросшей скабиозами и армериями, она легко спустилась к пляжу и оказалась в небольшой бухте, надежно защищенной от ветра высокими скалами, на выступах которых можно было и посидеть. Девушка нашла местечко поуютней и устроилась с комфортом, предварительно достав из рюкзака свой обед и «Тристрама Шенди».

Теплое солнце, плеск волн и неспешное, даже слегка занудное повествование — от всего этого сложно было не задремать. Книга начала выскальзывать из рук Гарриет: два раза ей удавалось поймать многострадальный том, но на третий он упал на землю, где и остался лежать. Девушка уснула в чрезвычайно неудобной позе.

Разбудил ее резкий крик, прозвучавший над самым ухом. Сонно моргая, Гарриет увидела рядом с собой чайку, кружившую над остатками недоеденного сэндвича. Путешественница недовольно потянулась и взглянула на наручные часы — уже два. Осознав, что спала не так уж и долго, она поднялась на ноги, отряхивая с колен хлебные крошки. Даже отдохнув, молодая женщина не чувствовала в себе прилива энергии, хотя у нее еще оставалось полно времени, чтобы попасть в Уилверкомб до вечера. Она посмотрела в сторону моря: широкая полоска гальки и узкая лента девственно-чистого, сияющего песка, а затем вода.

Есть что-то такое загадочное в этом чистом песке, то, что пробуждает самые худшие инстинкты в любом, кто пишет детективы. Так и хочется пойти и оставить следы по всей линии песка. И единственное объяснение этому непонятному импульсу, которое может изобрести разум профессионала, заключается в том, что песок предоставляет отличную возможность для наблюдения и экспериментирования. Гарриет подобный импульс был отлично знаком. Она обязательно должна была пройти по столь манящей, девственной полосе. Собрав все свои пожитки, она отправилась в путь, замечая по дороге, как уже не раз бывало, что не оставляет заметных следов на сухом песке, не тронутым приливом.

Скоро песок сменился битыми ракушками и высушенными водорослями, что означало, что началась линия отлива.

«Интересно, — сказала себе Гарриет, — смогу ли я определить, как далеко заходит вода во время прилива и насколько отступает при отливе. Посмотрим. Что же получается, у нас должно быть две полосы с водорослями: одна — совершенно сухая и находящаяся дальше от моря. Именно она отмечает высшую точку сизигийного, то есть наибольшего, прилива. Вторая полоса расположена ближе к морю, здесь водоросли еще влажные, и, значит, они указывают, как далеко забрался прилив именно сегодня. — Девушка огляделась. — Нет, у нас тут только одна полоса. Значит, сейчас я нахожусь где-то на высшей точке сизигийного прилива, если можно так сказать. Элементарно, мой дорогой Ватсон. Перейдя отметку прилива, я начну оставлять четкие следы на песке. Поскольку никаких других следов тут нет, значит, я единственный человек, побывавший на этом пляже со времени последнего прилива, который был... ага, вот это посложнее. Я знаю, что между приливами обычно проходит где-то около двенадцати часов, но даже не представляю себе, прилив сейчас или отлив. Тем не менее обычно, когда я бываю на море, я вижу отлив, да и сейчас вода отошла довольно далеко. Значит, если я скажу, что здесь никого не было уже часов пять, я не сильно ошибусь. Теперь от моих ног остаются четкие хорошенькие следы, и песок стал более мокрым. Посмотрим, что будет, если я побегу».

Гарриет пробежалась, любуясь на свои глубокие следы и песок, разлетающийся при каждом следующем шаге. Увлечшись удивительным научным экспериментом, девушка не обратила внимания, как обогнула скалу и оказалась на широком пляже, единственной отличительной чертой которого был огромный камень у самой кромки воды на другом конце морской косы. По форме валун напоминал треугольник и выступал из воды примерно на десять футов, а на его верхушке лежали водоросли, напоминая забавную корону.

Одинокие валуны чрезвычайно привлекательны. Все нормальные люди обязательно испытывают непреодолимое желание посидеть на них. Гарриет не была исключением, и поэтому она сразу направилась в ту сторону, по дороге пытаясь сделать еще какие-нибудь умозаключения.

«Интересно, во время прилива этот валун скрывается под водой? Да, естественно, иначе на нем не было бы водорослей. И пляжный откос наверняка этому способствует. Хотелось бы мне получше разбираться в расстояниях и углах, но я бы сказала, что он должен уходить довольно глубоко под воду. Даже странно, что водоросли остались только на верхушке. Казалось бы, что они должны быть и у подножия, но камень практически чистый до самой воды. Точнее, мне кажется, что это водоросли. Они достаточно необычны по форме. И вообще-то больше похожи на лежащего человека. Разве бывает такое, чтобы водоросли скомпоновались такой кучкой в одном месте?»

Теперь Гарриет смотрела на камень с нескрываемым любопытством и продолжала двигаться по направлению к нему, разговаривая сама с собой вслух — это была одна из ее многочисленных дурных привычек.

«Черт бы меня побрал, но, по-видимому, это действительно человек. Что за странное место он выбрал для отдыха. Наверняка чувствует себя как на раскаленной сковородке. Было бы еще понятно, если бы он был любителем солнечных ванн, но ведь он даже не снял одежду. Надо же, не просто одежду, а темный костюм. Он такой тихий. Может, уснул? Если вдруг начнется стремительный прилив, он окажется отрезанным от берега, как это бывает в глупых историях, которые так любят печатать в газетах. Что ж, я не собираюсь его спасать. Придется ему снять носки и пошлепать по воде, вот и все. Времени еще достаточно».

Писательница подумала, что, возможно, не стоит идти к камню. Не хотелось бы разбудить незнакомца, ведь тогда придется заводить светскую беседу. Наверняка это какой-то безобидный турист. Личность, уж точно не представляющая никакого интереса. Тем не менее Гарриет продолжала двигаться вперед, по дороге практикуясь в построении логических заключений и оттачивая дедуктивный метод.

«Должно быть, это турист. Местные жители не имеют привычки проводить сиесту на камнях. Они сидят дома, закрыв все окна и двери. Да и на рыбака он тоже не очень-то похож — те не стали бы тратить свое время на сон. Нет, это занятие для

ребят в черных пиджаках. Назовем-ка его торговцем или банковским служащим. Но с другой стороны, они обычно проводят выходные с семьей. Возможно, он холостяк? Школьный учитель? Нет. У них отпуска начинаются только с конца июля. А как насчет выпускника колледжа? Хотя сейчас как раз конец семестра. Видимо, это джентльмен без особого рода занятий. Может, турист на прогулке, такой же, как и я, — но тогда почему он в костюме?» Девушка подошла поближе и теперь отчетливо видела темно-синий костюм спящего мужчины. «Что ж, я не могу определить, кто это, но доктор Торндайк* смог бы, вне всякого сомнения, назвать профессию незнакомца, лишь глянув на него. Ох, ну конечно! Как глупо с моей стороны! Это наверняка какой-нибудь литератор. Они вечно где-то болтаются, чтобы их не доставали докучливые домохозяцы».

Молодая женщина остановилась в нескольких метрах от валуна, разглядывая спящего. Он лежал в удивительно неудобной позе: его колени были подняты вверх так, что брючины задралась, приоткрыв розовые носки. Лица мужчины не было видно.

«Что за странная манера спать, — удивилась Гарриет. — Так спят кошки, но уж никак не люди. Это же неестественно. Его голова, должны быть, свисает с камня. Так с ним вполне может случиться апоплексический удар. Вот если бы мне хоть изредка везло, то он оказался бы мертвым. Тогда я могла бы доложить о нем в полицию, и мое имя попало бы в газеты. Получилась бы неплохая реклама. «Известная писательница, автор детективов, находит загадочный труп на заброшенном пляже». Но такие вещи никогда не случаются с писателями. Трупы вечно находят какие-нибудь ночные патрульные или мирные труженики...»

Лежащий валун напоминал огромный пирог. Гарриет забралась по его гладкой сухой поверхности и встала прямо над лежащим мужчиной. Он не шевелился. Что-то заставило ее обратиться к нему.

* Торндайк, Эдуард Ли (1874–1949) — американский психолог и педагог, специалист в области психологии образования, экспериментальной психологии, методов оценки и измерения.

— Эй! — сказала она с недовольным видом.

Ни движения, ни ответа.

«Надо было мне сразу уйти, — подумала Гарриет. — Непонятно, чего это я здесь раскричалась».

— Эй!

«Может, он в обмороке или у него удар? Солнечный удар, например. Вполне вероятно. Тут невероятно жарко». Моргая, девушка посмотрела на небо, затем наклонилась и приложила руку к камню. Он был таким раскаленным, что она чуть не обожглась. Снова окликнув мужчину, Гарриет нагнулась и сжала его плечо.

— С вами все в порядке?

Незнакомец не ответил. Искательница приключений слегка потянула лежащего за рукав. Тело чуть сдвинулось — оно казалось очень тяжелым. Гарриет осторожно приподняла голову мужчины.

А вот и ее везение, тут как тут!

Все-таки труп. И причем в этом не могло быть никаких сомнений. Человек, чье горло перерезано от уха до уха, явно не мог быть ничем иным, кроме трупа. Голова несчастного не осталась в руках у Гарриет лишь благодаря позвоночнику, соединявшему ее с телом. Шея оказалась разрезана вплоть до кости, и ярко-красная, блестящая кровь, вытекающая из раны, ручейком сбегала по поверхности камня, собираясь в лужу в небольшом углублении в его основании.

Гарриет положила голову мужчины на место, внезапно ей стало дурно. Она довольно часто описывала в своих книгах подобные трупы, но в реальности все выглядело куда хуже. Раньше она не знала, насколько жутко будут смотреться перерезанные сосуды, и не была готова к такому количеству крови, чей отвратительный запах достигал ее ноздрей. Ее руки стали мокрыми и красными. Она взглянула на свое платье. Слава богу, с ним все в порядке. Не совсем осознавая, что делает, девушка спустилась с камня, обогнула его и подошла к морю. Опустив руки в воду, она с остервенением принялась оттирать свои пальцы с помощью носового платка; она терла снова и снова. Вид красного ручья, бегущего по камню вниз, в чистую воду, ей совсем

не нравился. Отойдя в сторону, она устало присела на небольшой валун.

— Мертвец, — громко сказала Гарриет, обращаясь к солнцу и чайкам. — Мертвец. Как... как это уместно!

Писательница нервно рассмеялась.

— Самое главное, — продолжила она через некоторое время, — сохранять хладнокровие. Спокойно, девочка моя. Что бы сделал лорд Питер Уимзи на твоём месте? Или, разумеется, Роберт Тэмплтон?

Роберт Тэмплтон был героем ее произведений. Она приказала себе не думать о лорде Питере Уимзи и сосредоточилась на Роберте Тэмплтоне. Последний был настоящим джентльменом, необыкновенно умным и к тому же с выдающимся мускулистым телосложением. Руки у него были длинными, как у орангутанга, а лицо довольно уродливо, хотя чертовски привлекательно. Она представила вымышленного детектива, наряженного в кричаще-яркие брюки, а именно таким Гарриет обычно изображала своего главного персонажа, и принялась мысленно советоваться с ним.

Роберт Тэмплтон, в этом она была уверена, для начала спросил бы себя: «Что это — убийство или самоубийство?» Наверняка он бы сразу отмел предположение о том, что столкнулся с несчастным случаем. Такого рода несчастных случаев не бывает. Роберт Тэмплтон обязательно бы самым внимательным образом изучил тело и сказал...

Точно, Роберт Тэмплтон изучил бы тело! Помимо прочего, он был известен своим потрясающим хладнокровием, проявлявшимся во время исследования наиболее отвратительных трупов. Тела, превратившиеся в студень без костей после падения с самолета; тела, изуродованные до неузнаваемости пламенем пожара; тела, которые приходилось отскребать от шоссе, после того как их переехал грузовик, — Роберт Тэмплтон привык ко всему, он осматривал покойников и глазом не моргнув. Гарриет осознала, что никогда до конца не оценивала потрясающее равнодушие своего книжного отпрыска.

Конечно, любой обычный человек, который не являлся Робертом Тэмплтоном, оставил бы тело в покое и побежал за

полицией. Но здесь нет никакой полиции. В поле зрения не было вообще никого — ни мужчин, ни женщин, ни детей, только маленькая рыбацкая лодка в море. Гарриет принялась размахивать руками, но, видимо, те, кто находились на палубе, или не видели ее, или решили, что она просто делает зарядку. Возможно, что их парус загораживал им вид на побережье. Девушка закричала, но ее голос заглушали крики чаек.

Внезапно, молодая женщина почувствовала, как что-то влажное касается ее ноги. Очевидно, начался прилив, причем вода двигалась быстро. Как только ее разум зарегистрировал этот факт, мысли писательницы сразу же прояснились.

До ближайшего города, Уилверкомба, по-прежнему оставалось восемь миль. Наверняка вдоль дороги встречаются ветхие домишки, но они, скорее всего, принадлежат рыбакам, а значит, если она и застанет кого-то дома, то это будут женщины и дети, а они в таких случаях не помощники. К тому времени, как ей удастся найти мужчин и привести их на побережье, море уже накроет тело. Самоубийство или нет, труп обязательно следует осмотреть, прежде чем он вымокнет или его вообще смоем волнами. Взяв себя в руки, Гарриет решительно направилась к телу.

Оно принадлежало молодому человеку, одетому в темно-синий костюм из сержа, чересчур элегантные коричневые туфли, светло-розовые носки и галстук, который, по всей видимости, тоже когда-то был розовым, пока не окрасился красными пятнами. Шляпа из мягкого серого фетра упала, хотя нет, ее сняли и положили рядом с камнем. Девушка подняла головной убор и заглянула внутрь, но ничего интересного, кроме имени изготовителя, не обнаружила. Название шляпной фабрики было довольно известным, хотя и не в лучшем смысле этого слова.

На голове, которую эта шляпа когда-то украшала, красовалась пышная, возможно, излишне длинная копна темных волнистых волос, аккуратно подстриженных и пахнущих бриллиантином. Кожа мужчины была довольно светлой, без солнечных ожогов. Широко открытые голубые глаза смотрели на писательницу с немым упреком. Приоткрытый рот являл миру два ряда ухоженных и идеально белых зубов.

Видимых дырок Гарриет в этих роскошных зубах не обнаружила, но зато заметила, что на одном из коренных зубов стоит коронка. Она попыталась угадать возраст погибшего мужчины, что оказалось делом нелегким, потому что, помимо всего прочего, у него имелась аккуратно подстриженная борода — весьма неожиданно. Из-за этого он выглядел старше и как-то по-иностранному, хотя девушка все равно была уверена, что лежащий человек очень молод. В линиях его лица и носа было что-то совсем юное, почти детское, что позволяло предположить, что ему едва исполнилось двадцать лет.

Переведя взгляд с лица на руки покойника, отважная исследовательница вновь удивилась. Неизвестно, что бы там подумал Роберт Тэмплтон, но она была уверена, что этот элегантно одетый юноша пришел в столь уединенное место, чтобы покончить с собой. Хотя если это так, то зачем он надел перчатки? Молодой человек лежал скрючившись, подложив руки под себя, и перчатки тоже перепачкались кровью. Гарриет попыталась снять одну из них, но на нее снова накатила тошнота. Было видно, что перчатки замшевые, отличного качества, как и остальной наряд господина.

Самоубийство в перчатках? С чего она взяла, что это вообще самоубийство? У нее же должны были найтись основания, чтобы сделать подобный вывод.

Ну конечно. Если это не самоубийство, то куда тогда делся убийца? Она точно знала, что он не проходил вдоль пляжа, ведущего в Лесстон-Хэу, тому доказательством служила чистая прибрежная полоса. На песке не было ничего, кроме ее собственных следов. В направлении Уилверкомба песок также был практически чист, и его девственность нарушила лишь одинокая цепочка следов, по всей видимости, оставленная мертвым мужчиной.

Следовательно, юноша пришел на пляж с той стороны, и пришел в одиночестве. В одиночестве он и умер, если только его убийца не появился со стороны моря. Как давно умер бедняга? Прилив начался совсем недавно, и на песке не было следов причаливавшей лодки. Забраться на камень прямо из воды точно никто бы не смог. Сколько времени прошло с тех

пор, когда вода у камня была достаточно глубокой, чтобы можно было подплыть к нему на лодке?

Если бы только она побольше знала о времени прилива и отлива. Если бы в ходе блестящей карьеры Роберту Тэмплтону пришлось раскрывать тайну, связанную с морем, то Гарриет обязательно бы изучила пару книг, посвященных данной тематике. Но именно из-за этого она всегда избегала темы моря и побережья — слишком много труда пришлось бы вложить в создание романа. Нет никаких сомнений в том, что великолепный Роберт Тэмплтон знал об этом все, но, к сожалению, эти знания находились лишь в его идеальной голове. Так что же, как давно умер этот человек?

И на этот вопрос Роберт Тэмплтон, без сомнения, ответил бы не задумываясь, ведь помимо всего прочего он окончил медицинские курсы и к тому же никогда не покидал своего дома без небольшого медицинского градусника и других приспособлений, с помощью которых можно было определить «свежесть» трупа. Но у Гарриет не было с собой градусника, и, даже если бы он и был, она все равно не умела пользоваться этим прибором в подобных ситуациях. Роберт Тэмплтон обычно с важным видом изрекал: «Судя по степени трупного окоченения и по температуре тела, я бы сказал, что время смерти примерно такое-то». Но, к несчастью, он никогда не вдавался в подробности и никогда не уточнял, какая же именно температура должна быть у трупа. Что касается окоченения, то оно еще не начало проявляться, ведь это случается (вот в чем Гарриет была уверена) только через четыре и более часов после смерти. Синий костюм и туфли были абсолютно сухими, не тронутыми морской водой, шляпа лежала на камне. Но ведь четыремь часами раньше и камень, и следы на песке должны были быть покрытыми водой. Значит, трагедия произошла совсем недавно. Приложив руку к телу мужчины, девушка почувствовала, что оно еще довольно теплое. С другой стороны, в такой день все, что угодно, покажется теплым. Спина и голова покойного казались едва ли не горячее поверхности камня.

Так, но существует же еще один немаловажный факт! Оружие. Нет оружия — нет самоубийства, это закон Медеи

и древних персов. Руки юноши были совершенно пусты, не было даже следов той самой «мертвой хватки», отличной улики, которая обычно так радовала всех уважающих себя детективов. Одна рука мужчины оказалась зажата между его торсом и камнем, другая свисала прямо перед лицом. Именно под ней кровь собиралась в ручеек, так непривлекательно сбегавший в море. Если у него было оружие, то оно должно валяться где-то неподалеку. Сняв ботинки и носки, закатав рукава, Гарриет пошлепала по воде, глубина которой около валуна достигала приблизительно восемнадцати дюймов. Девушка действовала крайне осторожно, боясь наткнуться на острое лезвие брошенного ножа. И эта предосторожность оказалась отнюдь не лишней — ее рука вдруг нащарила что-то твердое и острое. Ценой порезанного пальца ей удалось извлечь из воды уже наполовину ушедшую в песок опасную бритву.

Ну, вот и оружие, что ж, значит, все-таки самоубийство. Интересно, это не страшно, что она оставляет на бритве отпечатки пальцев? Отпечатков самоубийцы там в любом случае нет — он же был в перчатках. И зачем он их надел? Перчатки надевают, когда собираются совершить убийство, что вполне резонно. Гарриет решила, что подумает об этом позже, и осторожно обернула бритву своим носовым платком.

Прилив надвигался с невероятной скоростью. Так, что еще она может сделать? Надо ли обыскать карманы? В отличие от Роберта Тэмплтона ей явно не хватит сил, чтобы перетащить труп за линию прилива. Вообще-то этим должна заниматься полиция, когда они найдут тело, но вдруг в карманах мужчины есть какие-нибудь важные бумаги, которые могут испортиться от воды? Гарриет аккуратно прощупала карманы пиджака, но молодой человек, судя по всему, придавал слишком большое значение своему костюму, чтобы что-то в нем носить. Единственными находками стали шелковый носовой платок с отметкой из прачечной и тонкий золотой портсигар, лежавшие в правом кармане, левый же был абсолютно пуст. В нагрудном кармане обнаружился светло-розовый носовой платок, явно предназначавшийся скорее для красоты, чем для использования. Чтобы добраться до брючных карманов, пи-

сательнице пришлось бы переворачивать труп, что она не хотела делать по многим причинам. Конечно, самые ценные документы обычно хранят во внутреннем нагрудном кармане, но туда девушке тоже лезть совсем не хотелось, так как именно это место сильнее всего было залито хлеставшей из горла кровью. Все равно ведь любые бумаги, хранившиеся в кармане, наверняка уже совсем промокли и испортились. Конечно, трусливая отговорка, но что поделаешь. Она ни за что не дотронется до того места.

Убрав платок и портсигар, Гарриет еще раз огляделась. Море и пляж казались такими же пустынными, как и раньше. По-прежнему ярко светило солнце, но на горизонте начали собираться темные тучи. Ветер тоже переменялся и с каждым мгновением все усиливался. Видимо, скоро погода окончательно испортится.

А ведь она еще не изучила следы на песке, надо успеть, пока их не смыло водой. Вдруг ей в голову пришла отличная мысль — у нее же есть фотокамера! Совсем маленькая, но с неплохой фокусировкой. Девушка достала камеру и сделала несколько снимков валуна и лежащего на нем трупа с различных углов. Голова мертвого мужчины оставалась в том же положении, какое ей придала Гарриет, когда тормозила тело, — слегка наклонена вбок так, что можно было даже запечатлеть черты лица молодого человека. На это пришлось потратить еще один кадр, и теперь их оставалось всего четыре. Один из них пошел на общий вид пляжа с трупом на заднем плане, для чего Гарриет была вынуждена слегка отойти в сторону от камня. Затем она сфотографировала вблизи цепочку следов, идущую в направлении от Уилверкомба. После чего она решила запечатлеть один след крупным планом, постаравшись как можно лучше направить объектив камеры.

Девушка взглянула на часы. С того момента, когда она впервые увидела тело, прошло всего двадцать минут. У нее еще оставалось немного времени до прилива, а значит, можно проверить, точно ли следы принадлежат мертвому юноше. Сняв с ноги покойника один ботинок, Гарриет обратила внимание, что на подошву налип только сухой песок и нет ни следа морской воды. Ботинок и след полностью совпадали друг

с другом. Возвращать обувь на место показалось молодой женщине делом необязательным, поэтому она захватила его с собой, на мгновение остановившись, чтобы еще раз взглянуть на валун.

Облака продолжали собираться, а ветер усиливаться. На море появились небольшие волны, которые время от времени разбивались о выступавшие из воды скалы, окружая их клочьями белоснежной пены. Вдалеке на водной глади мелькали белые гребешки, которые на горизонте соединялись с темными желтоватыми тучами. Рыбацкое судно практически исчезло из поля зрения, поспешно направляясь к Уилверкомбу.

Не совсем уверенная в том, правильно ли она поступила, Гарриет собрала все вещи, включая ботинок, шляпу, бритву, портсигар и платок, и начала карабкаться вверх по скале. Ее часы показывали всего половину третьего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ДОРОГА

Никого не осталось в доме,
Только младенец и его позабытый дед,
И лежат они оба, вне жизни,
Один на краю могилы, другой — колыбели.

Второй брат

Четверг, 18 июня

Когда Гарриет выбралась на дорогу, там по-прежнему не было ни души. Девушка решительно направилась в сторону Уилверкомба. Ее так и подмывало пуститься бегом, но вряд ли это принесло бы хоть какие-то плоды, кроме усталости. Примерно через милю наконец-то появился первый путник — девочка лет семнадцати, гонящая перед собой пару коров. Гарриет остановила пастушку, чтобы спросить дорогу к ближайшему дому.

Девочка непонимающе уставилась на писательницу, так что вопрос пришлось повторить.

Полученный ответ прозвучал с таким ярко выраженным западным акцентом, что Гарриет практически ничего не поняла, кроме того, что ближайшее жилье — «Уилл Коффинз» около Бреннертона, а идти к нему надо по петляющей тропинке справа.

— Как долго туда идти? — поинтересовалась Гарриет.

Девочка сообщила, что расстояние приличное, но определить его в ярдах или милях не смогла.

— Что ж, попробую добраться, — сказала Гарриет. — Если встретишь кого-нибудь на дороге, скажи им, что на пляже

в миле отсюда лежит мертвый человек, пускай сообщат в полицию.

Девочка непонимающе взглянула на молодую женщину.

Пришлось повторить еще раз, добавив в конце:

— Понятно?

— Да, мисс. — Судя по интонации, деревенская жительница не поняла ровным счетом ничего.

Девочка еще долго оставалась на месте, провожая Гарриет взглядом, пока та спускалась по тропинке.

«Уилл Коффинз» оказался небольшой фермой. Гарриет добралась туда минут за двадцать, но дом казался совершенно заброшенным. Она долго безрезультатно стучала в дверь, затем открыла ее и покричала — ничего. Пришлось обойти строение по кругу и покричать еще, только тогда из флигеля вышла женщина.

— Здесь есть кто-нибудь из мужчин? — спросила Гарриет.

Оказалось, что все мужчины ушли на поле, убирать сено.

Гарриет рассказала, что на побережье лежит труп и надо поставить в известность полицию.

— Как ужасно! — воскликнула крестьянка. — Может, это Джо Смит? Он сегодня вышел в море на своей лодке, а скалы могут быть так опасны. Мы называем эти скалы Клыками.

— Нет, — возразила Гарриет, — это не рыбак, похоже, что кто-то из города. И он не утонул. У него горло перерезано.

— Перерезано горло? — с восторгом переспросила фермерша. — Это так ужасно.

— Я хочу известить полицию, прежде чем прилив накроет тело.

— Полицию? — Женщина задумалась. — О, конечно. Надо сообщить полиции.

Гарриет попыталась узнать, нельзя ли найти одного из мужчин и отправить с ним сообщение. Женщина покачала головой. Они собирают сено, а погода ухудшается. Вряд ли у них есть свободное время.

— Я полагаю, телефона у вас нет?

Нет, телефона у них нет, а вот у мистера Кэрри на Красной ферме есть. Чтобы добраться до этой фермы, следует снова

вернуться на дорогу, свернуть в следующий поворот и пройти еще милю или две.

А у них нет машины, которую Гарриет могла бы одолжить на время?

Машины у них, к сожалению, не оказалось. Точнее, машина-то была, но на ней дочка уехала на рынок и вернется только поздно вечером.

— Тогда попробую найти Красную ферму, — устало вздохнула Гарриет, — Если вы увидите кого-то, кто может передать сообщение, скажите им, что возле Клыков лежит мертвый мужчина, пусть передадут в полицию.

— О, разумеется, я скажу, — радостно согласилась женщина, — Ужасно, не правда ли? Обязательно надо доложить в полицию. Вы выглядите такой уставшей, мисс, не хотите ли чашечку чая?

От чая девушка отказалась, сказав, что ей надо продолжать поиски. На выходе из ворот женщина снова окликнула ее. Гарриет с надеждой обернулась.

— Это вы нашли его, мисс?

— Да, я.

— Он лежал там мертвый?

— Да.

— С перерезанным горлом?

— Да.

— Надо же, — сказала женщина, — это так ужасно.

Вернувшись на дорогу, Гарриет призадумалась. Со всеми эти брожениями и расспросами она потеряла довольно много времени. Что же лучше: снова свернуть и отправиться на поиски Красной фермы или придерживаться главной дороги, на которой есть шанс встретить прохожих? Девушка добралась до поворота. На поле неподалеку пожилой мужчина собирал репу. Гарриет окликнула его.

— Эта дорога ведет к Красной ферме?

Тот спокойно продолжал заниматься своим делом.

— Глухой он, что ли? — пробормотала Гарриет и снова постаралась привлечь внимание огородника. Мужчина по-прежнему собирал свою репу. Несчастной молодой женщине пришлось начать искать в изгороди, огораживающей поле,

проход, как вдруг старик остановился, чтобы потянуться, и в этот момент заметил незнакомку.

Девушка поманила мужчину к себе, и он подошел, при ходьбе тяжело опираясь на мотыгу.

— Это дорога на Красную ферму? — Гарриет указала на тропинку.

— Нет, — последовал ответ. — Его нет дома.

— А телефон у него есть?

— Нет, до самого вечера, — сообщил старик. — Он уехал на рынок.

— Телефон, — повторила Гарриет. — Есть у него телефон?

— О да! Вы найдете ее неподалеку.

Гарриет задумалась, могут ли сельские жители использовать местоимение «она», говоря о телефоне, но ее надежды развеялись прахом уже при следующей фразе мужчины:

— У нее опять с ногами плохо.

— Как далеко до фермы? — безнадежно прокричала Гарриет.

— Это бы меня совсем не удивило. — Старик оперся на свою мотыгу и снял шляпу, чтобы проветрить голову. — Я ей скажу в субботу, что ей совсем не обязательно это делать.

Гарриет склонилась над изгородью, приблизив губы вплотную к уху глухого крестьянина.

— Как далеко до фермы? — выкрикнула она.

— Кричать вовсе необязательно, — сообщил ей старец. — Я не глухой. В Михайлов день восемьдесят два, спасибо Тебе, Господи.

— Как далеко... — начала было Гарриет.

— Ну, я же тебе говорю, что ты? Полторы мили по тропинке, но если хочешь срезать через поле, там, где стоит старый...

По дороге на высокой скорости проехала машина и быстро скрылась из вида.

— Тьфу ты! — пробормотала Гарриет. — Я бы могла остановить ее, если бы не потратила время на этого старого идиота.

— Вы совершенно правы, мисс, — согласился престарелый отец Уильям, каким-то непонятным образом услышав ее

последние слова. — Психи, как я их называю. Нет никакого смысла в том, чтобы нестись на такой скорости. Парень моей племянницы...

Промелькнувшая машина стала решающим фактором — Гарриет наконец определилась. Лучше будет вернуться на дорогу и идти по ней. Она может проблуждать по местным тропинкам в поисках гипотетического телефона вплоть до самой ночи. Невежливо оборвав отца Уильяма прямо посреди его истории, девушка попрощалась, развернулась и отправилась обратно к шоссе.

Вот что странно. Утром она постоянно встречала кое-каких людей, и машины проезжали довольно часто. Куда они все подевались? Роберт Тэмплтон (а может даже, и лорд Питер Уимзи, который вырос в деревне) непременно нашли бы ответ на эту удивительную загадку. Сегодня в Хизбэри рыночный день, а в Уилверкомбе и Лесстон-Хэу магазины закрываются раньше обычного. Эти два феномена, несомненно, взаимосвязаны, так как позволяют жителям двух городов попасть на такое важное событие, как рыночный день. Поэтому торговцы уже перестали ездить по прибрежной дороге. И, конечно же, сейчас движение крайне оживленное в глубине страны, подальше от моря. Местные обитатели, что не поехали в город, заняты сельскохозяйственными работами. Хотя Гарриет и повстречала мужчину с мальчиком, работавших в поле с двумя лошадьми, но на ее предложение бросить страду, животных и срочно отправиться в полицию они ответили выражением чистого ужаса на лицах. Сам фермер (естественно) уехал на рынок. Гарриет попросила и их передать сообщение властям, впрочем, без особой надежды.

Вскоре навстречу ей наконец-то попался человек, внушающий хоть какие-то надежды: мужчина, одетый в шорты, с рюкзаком за спиной — такой же пеший путешественник, как и она. Девушка повелительным тоном окликнула странника.

— Вы, случайно, не подскажете мне, где я могу найти кого-то с машиной или телефоном? Это смертельно важно.

Тощий долговязый мужчина с рыжими волосами, тяжелыми бровями и очками с толстыми стеклами взглянул на нее с вежливым недоумением:

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь. Я и сам здесь в первый раз.

— Тогда не могли бы вы... — Гарриет не закончила вопроса. В конце концов, что он может сделать? Они в одной лодке. В какой-то момент девушка вообразила, что незнакомый молодой джентльмен окажется полон кипучей энергии и изобретательности, но тотчас поняла, что он всего лишь обычный человек, с такими же ногами и мозгами, как у всех остальных.

— Видите ли, — пояснила она, — на пляже лежит мертвый мужчина. Вон там.

Она небрежно махнула рукой куда-то в сторону.

— О нет, правда? — воскликнул юноша, — это так странно, да? Гм... ваш друг?

— Нет, что вы! — резко возразила девушка, — Я и знать его не знаю. Но надо сообщить в полицию.

— В полицию? О да, разумеется, полиция. Что ж, в Уилверкомбе есть полицейский участок, вы знаете?

— Знаю, — ответила Гарриет, — но труп находится на линии прилива, и, если я не найду кого-нибудь в ближайшее время, его может смыть в море. По идее, это уже могло произойти. Господи! Уже почти четыре.

— Прилив? Ну да. Да, думаю, это вероятно. Если... — Внезапно лицо путника прояснилось. — А что, если сейчас не прилив, а отлив? Может, вода, наоборот, отступает?

— Может, но это не так, — сообщила собеседнику всезнающая писательница. — Вода прибывает уже с двух часов. Вы не заметили?

— Ну, если честно, я не обратил внимания. К сожалению, я сильно близорук. И к тому же не особенно в этом разбираюсь. Видите ли, я живу в Лондоне. Не могу даже придумать, чем вам помочь. Здесь в округе нет никаких полицейских, да?

Он огляделся по сторонам, словно ожидая, что из воздуха появится полицейский, готовый немедленно приступить к исполнению служебных обязанностей.

— Вам по пути попадались какие-нибудь дома? — поинтересовалась Гарриет.

— Дома? О да, да, кажется, я видела парочку жилых домов неподалеку отсюда. Да, точно. Там наверняка кто-то есть.

— Что ж, тогда попробую. Если встретите кого-нибудь, расскажите им тоже, ладно? Мертвый мужчина на пляже, с перерезанным горлом.

— Горлом?

— Да. Около скал, которые местные называют Клыками.

— Кто перерезал ему горло?

— Я откуда знаю? Я думаю, вполне вероятно, что он это сделал сам.

— О, конечно. Да. Иначе ведь это было бы убийством?

— Ну, может, это и есть убийство.

Молодой человек прижал к себе свои пожитки.

— О! Мне бы не хотелось так думать, а вам?

— Мы не знаем, как все было, — раздраженно произнесла Гарриет. — На вашем месте я бы поскорее покинула это место. Убийца может все еще бродить где-то поблизости, мало ли.

— Боже мой! — воскликнул лондонец. — Но это, должно быть, очень опасно.

— Серьезно? Что ж, мне пора. Не забудьте, хорошо? Мужчина с перерезанным горлом около Клыков.

— Клыки. Ах да. Я запомню. Но знаете что?

— Да?

— Может, мне лучше пойти с вами? Ну, чтобы защитить вас в случае чего, и все такое?

Гарриет рассмеялась. Молодой человек явно не был в восторге оттого, что его путь проходил мимо зловещих скал.

— Как хотите, — процедила она безразличным тоном, разворачиваясь и шагая по дороге.

— Я мог бы показать вам домики, — предложил юноша.

— Очень хорошо, — пробормотала Гарриет. — Идемте. Нам надо бы поторопиться.

Через четверть часа они добрались до пары низких домов с соломенными крышами, приютившихся с правой стороны от дороги. Перед строениями росла довольно высокая живая изгородь, защищающая их от морских ветров и при этом полностью закрывающая вид на побережье. Напротив, с другой стороны дороги, узенькая петляющая тропинка спускалась

к самому берегу. Для Гарриет дома стали истинным разочарованием. Кроме старухи, пары молодых женщин и детей, в поселке никого не было — мужское население отправилось на рыбалку и не ожидалось раньше вечернего прилива. История, рассказанная Гарриет, была выслушана с чрезмерным интересом и энтузиазмом, и женщины обещали обязательно поведать о ней вечером своим мужьям. Они также предложили гостям выпить чаю, и на этот раз отказа не последовало. Все равно прилив уже наверняка накрыл тело, так что полчаса отдыха никому не помешает. А Гарриет уже довольно сильно устала от всей этой суматохи и потому с удовольствием выпила предложенный чай. Затем они продолжили свой путь. Джентльмен из Лондона, которого, как выяснилось, звали Перкинс, постоянно жаловался на мозоли, которые он ухитрился натереть на обеих ногах. Гарриет стойко игнорировала его нытье. Она надеялась, что вскорости им повстречается хотя бы один разумный человек. Но единственным, что проехало мимо них, стал седан, пронесшийся на огромной скорости. Гордый шофер, судя по всему, решил, что парочка запыленных уставших путников сигналист ему, прося подвезти, и вдавил газ в пол.

— Вот лихач! — возмутился мистер Перкинс, потирая многотрадальную мозоль.

— От этих седанов всегда одни неприятности, — заметила Гарриет, — нам бы семилетний «Форд» или, еще лучше, грузовик. Ой, смотрите! Что это?

«Этим» оказались ворота и небольшой домик за ними.

— Вот это удача! — Несмотря ни на что, энтузиазм девушки не уменьшался. — Там обязательно должен быть хоть кто-то, способный нам помочь.

И действительно, люди в доме были. Даже двое — пожилая женщина-инвалид и маленькая девочка. Гарриет задала им все те же вопросы по поводу машины и телефона.

— Все это вы легко найдете в деревне, мисс, — сообщила старуха, — хотя это толком и деревней нельзя назвать, но мистер Хирн держит там бакалейную лавку, у него точно есть телефон. Отсюда до Дарли минут десять ходьбы. Вам там точно кто-нибудь поможет, мисс, я уверена. Секундочку... Лиз! Ворота!

Девочка побежала открывать ворота, пропуская через них маленького паренька, ведущего огромную ломовую лошадь.

— Скоро пойдет поезд? — спросила Гарриет, наблюдая за тем, как проезжую дорогу перекрывает шлагбаум.

— Нет, в ближайшие полчаса — нет. Мы предпочитаем держать проезд закрытым большую часть времени. На этой дороге движение не особо сильное, зато скот не может попасть на железнодорожное полотно. В день здесь проходит довольно много поездов. Это же основная ветка между Уилверкомбом и Хизбэри. Конечно, экспрессы у нас не останавливаются, только местные поезда, а те останавливаются всего два раза в сутки, кроме рыночных дней.

— Ясно. — Девушка задумалась, почему это ей вдруг пришло в голову спросить про поезда. Внезапно она сообразила, что машинально проверяет, каким путем и в какое время можно добраться до скал, расположенных на побережье. Поезд, машина, лодка — как погибший оказался на берегу? — Во сколько...

Нет, это не важно. В конце концов, это дело полиции. Гарриет вежливо поблагодарила старушку и взобралась по тропинке обратно на дорогу, мистер Перкинс хромал следом.

Дорога все еще шла вдоль моря, но теперь скалы подбирались вплотную к воде. Путники увидели несколько деревьев, маленькую дорожку, ведущую мимо руин заброшенного дома к большой зеленой лужайке рядом с песчаным пляжем. На поляне стояла палатка, от разведенного поблизости костерка поднимался дымок. Когда они подошли поближе, из палатки вышел мужчина, несущий канистру для бензина. На нем были надеты старые фланелевые брюки и рубашка с закатанными рукавами. Мягкая шляпа была сильно натянута на глаза, к тому же защищенные парой темных очков.

Гарриет окликнула его, чтобы узнать, далеко ли еще до деревни.

— Всего несколько минут. — Мужчина казался достаточно вежливым.

— Мне нужен телефон, — продолжила Гарриет, — мне сказали, что я найду его в бакалейной лавке, это так?

— Да. Вам надо просто пересечь луг. Вы не ошибетесь, там нет других магазинов.

— Спасибо. Ой, кстати, в деревне, случайно, нет полицейского?

Мужчина замер и уставился на нее, прикрывая глаза от солнца. Девушка заметила, что на руке у него красным и синим вытатуирована змея. Возможно, он моряк?

— Нет, в Дарли нет полиции. У нас с соседней деревней один констебль на двоих, он ездит на велосипеде. Что-то случилось?

— Несчастный случай на побережье. — пояснила Гарриет. — Я нашла труп.

— Господи! Тогда лучше позвонить в Уилверкомб.

— Я так и сделаю, спасибо. Идемте, Перкинс. Ох! Он уже ушел.

Гарриет поспешила за своим напарником, злясь на то, что он ее даже не дождал.

— Нет никакой необходимости в том, чтобы останавливаться и болтать с каждым встречным, — пробубнил мистер Перкинс. — Мне этот парень совсем не понравился, а мы уже почти на месте. Я же был здесь утром, знаете ли.

— Я просто хотела узнать, нет ли тут полицейского, — миролюбиво объяснила Гарриет. Ей не хотелось ссориться с мистером Перкинсом. Ей было о чем подумать. В поле зрения начали появляться дома — маленькие строения, окруженные небольшими садами. Дорога внезапно свернула в сторону от моря, и им открылся вид на телеграфные столбы, россыпь жилых строений и лужайку, в одном конце которой располагалась кузница, а в другом дети играли в крикет. В центре раскинулся огромный вяз, на скамейке под ним загорал пожилой мужчина; напротив стоял магазин, чья вывеска гласила: «Джо Хирн, бакалейщик».

— Слава богу! — воскликнула Гарриет.

Она едва ли не бегом бросилась к деревенскому магазину, в котором, казалось, продавалось все, начиная от лимонных леденцов и заканчивая вельветовыми брюками.

Из-за прилавка появился дружелюбно выглядящий лысый мужчина.

— Могу я воспользоваться вашим телефоном, пожалуйста?

— Конечно, мисс, какой номер?

— Мне нужен полицейский участок в Уилверкомбе.

— Участок? — Бакалейщик казался растерянным, даже шокированным. — Мне надо найти номер. Вы не могли бы пока пройти в кабинет, мисс... сэр?

— Благодарю, — откликнулся Перкинс. — Но на самом деле... я хочу сказать... это дело этой леди, правда. Я имею в виду... если здесь есть отель поблизости, я бы лучше... то есть... доброго вечера.

Он поспешно покинул магазин. Гарриет, уже забывшая о его существовании, последовала за торговцем в заднюю комнату и с нетерпением наблюдала за тем, как он, нацепив очки, роется в телефонной книге.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ОТЕЛЬ

Низкие и страшные, высокие и костлявые,
Белые, гремящие, травянистые и желтые;
Партнеры ждут, начинайте джигу,
Танцуйте и веселитесь, ведь
Смерть — веселый парень.

Где же Смерть и его возлюбленная?
Пора начинать.

Книга шуток со Смертью

Четверг, 18 июня

Было пятнадцать минут шестого, когда бакалейщик наконец-то передал Гарриет телефонную трубку. Со всеми задержками и остановками за три часа она прошла всего четыре мили. На самом деле в общей сложности девушка прошагала миль шесть или даже больше, но ей казалось, что огромное количество времени было потрачено впустую. Что ж, она сделала все, что могла, видимо, сама судьба играла против нее.

— Алло, — осторожно произнесла девушка.

— Алло. — Голос на другом конце провода звучал необыкновенно официально.

— Это полицейский участок Уилверкомба?

— Да, я вас слушаю. Кто говорит?

— Я звоню из магазина мистера Хирна в Дарли. Сегодня днем, около двух часов, я обнаружила тело мертвого мужчины на пляже около скал, которые местные жители называют Клыками.

— Секунду, пожалуйста. Да. Мертвый мужчина у Клыков. Да?

— У него перерезано горло, — сообщила Гарриет.

— Перерезано горло, — повторил голос. — Так.

— Еще я нашла бритву.

— Бритву? — Ее собеседник, казалось, был весьма рад этой детали. — С кем я говорю?

— Моя фамилия Вэйн, мисс Гарриет Вэйн. Я гуляла и нашла тело. Вы можете выслать кого-то ко мне или...

— Одну минуту. Фамилия Вэйн. В-Э-Й-Н, да. В два часа дня, вы сказали. Поздновато вы ставите нас в известность, не правда ли?

Гарриет объяснила, что добраться до телефона было не так уж и просто.

— Ясно. Хорошо, мисс, мы высылаем машину. Оставайтесь на месте. Вам придется поехать с нами и показать нам тело.

— Боюсь, там уже нет никакого тела, — печально сообщила Гарриет. — Видите ли, оно лежало совсем рядом с морем, на большом камне, и прилив...

— Посмотрим, мисс, — уверенно произнес ее собеседник. — Машина будет минут через десять или около того.

Раздался клик, а затем тишина. Гарриет положила трубку и слегка задумалась. Затем она снова взяла аппарат в руки.

— Соедините меня с Ладгейт 6000, как можно быстрее. Срочный звонок. У меня есть всего пять минут.

Оператор начал было возражать.

— Послушайте, это телефон «Утренней звезды». Звонок крайне важен.

— Ну. — Оператор сомневался. — Посмотрим, что я могу сделать.

Гарриет ждала.

Прошло три минуты, четыре, пять, шесть. Раздался звонок. Девушка вцепилась в трубку.

— «Утренняя звезда».

— Соедините меня с отделом новостей, быстро.

Очередной клик.

— Отдел новостей.

Гарриет собралась, она хотела как можно быстрее изложить свою историю, используя при этом как можно меньше слов.

— Я звоню из Дарли, это около Уилверкомба. В два часа дня сегодня на пляже было обнаружено тело мертвого мужчины. Хорошо. Готовы? Днем, на берегу моря — с перерезанным от уха до уха горлом. Обнаружила мисс Гарриет Вэйн, известный писатель-криминалист... Да, верно, та самая Гарриет Вэйн, которую пару лет назад обвиняли в убийстве... Да... Мужчине на вид лет двадцать, глаза голубые, короткая темная борода, одет в темно-синий костюм, коричневые туфли и кожаные перчатки... Рядом с телом найдена опасная бритва... Возможно, самоубийство... Да, может, и убийство, таинственные обстоятельства... Да... Мисс Вэйн совершала пешеходную прогулку, собирая материал для своей новой книги, ей пришлось пройти много миль, прежде чем она смогла позвать кого-либо на помощь. Нет, полиция еще не видела тело... Наверное, оно уже находится под водой... Я позвоню вам позже... Да... Что?... О, это говорит мисс Вэйн собственной персоной... Да... Нет, это эксклюзив, только для вас... Ну да, полагаю, скоро это станет известно всем, но я рассказываю свою историю только вам... Конечно, устройте из этого настоящее шоу... Да, конечно... Думаю, я остановлюсь в Уилверкомбе... Не знаю, я позвоню, когда точно будет известно... Да... да... До свиданья.

Только она повесила трубку, как послышался шум мотора, и в магазинчик вошел высокий полный мужчина в сером костюме. Вновь пришедший нетерпеливо представился:

— Я инспектор Ампелти. Что происходит?

— О, инспектор! Я так рада вас видеть. Я уж начала думать, что никогда не найду никого способного помочь. Я тут звонила друзьям, сказала, что остаюсь в Уилверкомбе еще на несколько дней. Это же правильно, да?

Странно, но почему-то в том, что касается рекламы, писатели и полиция никогда не были единомышленны.

— Верно, мисс. Нам придется попросить вас задержаться, пока мы будем заниматься этим делом. Давайте-ка садитесь в машину, поедem к тому месту, где вы обнаружили труп. Это-

го джентльмена со мной зовут доктор Фенчерч. А это сержант Сондерс.

Гарриет поприветствовала обоих мужчин.

— Я понятия не имею, почему меня заставили сюда ехать, — скучающим тоном сказал доктор, — если труп действительно находится в пределах прилива, то в ближайшие сутки мы его точно не увидим. Ветер сейчас сильный, и вода прибывает очень быстро.

— Точно, с этим нам не повезло, — согласился инспектор.

— Знаю, — грустно ответила Гарриет, — но я действительно сделала все, что могла.

Она поведала полицейским детали своей одиссеи, упоминая все мельчайшие подробности, а затем продемонстрировала трофеи: ботинок, портсигар, шляпу, платок и бритву.

— Отлично, — сказал инспектор, — вы проделали неплохую работу, мисс. Можно подумать, будто вы профессионал в этом деле. Даже фотографии сделали. Правда, если бы вы поторопились, мы бы могли успеть забрать тело.

— Я потратила не очень много времени, — жалобно пробормотала Гарриет, — и я думала, что, раз тело смоем, так я смогу собрать хоть какую-то информацию о нем.

— Это так, мисс, вы сделали все правильно. Кажется, ветер усиливается.

— Да, сейчас дует юго-западный, — заметил водитель, — камень будет видно только во время следующего отлива, да и вплавь к нему не подобраться по такой погоде.

— Это точно, — подтвердил инспектор, — вдоль берега течение особенно сильное, к скалам на лодке не подплывешь — это слишком опасно.

Когда они наконец-то добрались до пляжа, там не осталось никаких следов случившегося — и тело, и камень скрылись под водой. Волны тяжело накатывались на песок. Ветер, видимо, не собирался успокаиваться. Из-за сгущающихся темных туч периодически проглядывали лучики солнца.

— Это ведь то место, так, мисс? — уточнил полицейский.

— Да, это было здесь.

Инспектор покачал головой.

— Камень сейчас находится футах в пятнадцати под водой, — сказал он, — прилив продлится еще целый час. Мы не можем ничего поделать, придется ждать отлива. Хотя есть значительная вероятность, что тело уже смыло и течение выбросит его где-нибудь в стороне отсюда. Сондерс, поезжайте и скажите людям, чтобы они осмотрели побережье, я съезжу в Уилверкомб, узнаю, нельзя ли взять лодку. Мисс, вы поедете со мной, вам надо написать заявление.

— Я понимаю, — согласилась Гарриет.

Инспектор посмотрел на нее.

— Я полагаю, вы расстроены, — мягко сказал он, — ничего удивительного. Это дело не слишком-то приятное для молодой леди. По мне так это просто чудо, что вы так спокойно со всем справляетесь. Большинство девушек, увидев труп, бросилось бы бежать, и уж вряд ли им пришло бы в голову собирать улики.

— Видите ли, — пояснила писательница, — вообще-то я немного разбираюсь в этом, я же пишу детективы.

Ей самой показалось, что такое заявление прозвучало ужасно глупо и инспектор сейчас сообщит ей, что более дурацкое занятие трудно придумать.

— О, ну надо же. Редко выпадает шанс оказаться в центре одной из своих историй, не так ли? Как, вы сказали, вас зовут? Хотя я практически не читаю книги такого рода, за редким исключением, но вдруг я где-то о вас слышал.

Гарриет сообщила ему свое имя и адрес в Лондоне. Мужчина внезапно насторожился.

— Теперь я уверен, что мне ваше имя знакомо, — заметил он.

— Да, — мрачно сказала Гарриет. — Думаю, вы правы. — Она неловко рассмеялась. — Я — та самая Гарриет Вэйн, которая обвинялась в отравлении Филиппа Бойза два года назад.

— Ах вот оно что! — воскликнул инспектор. — Они поймали того, кто это на самом деле сделал, не так ли? Мышьяк, кажется. Да, конечно. Помню, процесс был весьма любопытным. Отличная работа. К этому делу приложил руку лорд Питер Уимзи, если я не ошибаюсь?

— Верно.

— Он производит впечатление умного господина, — произнес инспектор, — его имя постоянно на слуху.

— Да, — вздохнула Гарриет, — он... крайне активный человек.

— Вы его хорошо знаете? — продолжал инспектор, хотя Гарриет его любопытство казалось чрезмерным.

— О да, неплохо. Да, конечно. — Она подумала, что это прозвучало не слишком-то изящно, если учесть, что Уимзи вытащил ее из весьма неприятной ситуации, если вообще не спас от смерти, и она продолжила: — Я ему очень обязана.

— Разумеется, — согласился полицейский. — И Скотленд-Ярд все равно наверняка бы раскрыл это дело, рано или поздно. И должен заметить, что у нас здесь есть некоторые преимущества, которых не найти в Лондоне. Мы отлично знаем всех местных жителей, да и за приезжими проследить совсем не трудно. Так что мы выясним, кем был этот несчастный, буквально в два счета.

— Он мог просто проезжать мимо, — заметила Гарриет.

— Очень может быть, — согласился инспектор. — Но вот увидите, кто-нибудь все равно сможет рассказать нам о нем. Так, здесь вы выходите, Сондерс. Соберите всю помощь, какую только сможете, а когда закончите, возвращайтесь в Уилверкомб. Теперь, мисс, как, вы сказали, выглядел этот парень?

Гарриет снова описала погибшего.

— Борода? — переспросил инспектор. — Похоже, иностранец, а? Пока ничего не могу сказать на его счет, но уверен, мы скоро все выясним. А вот и участок, мисс. Вы только зайдите на минутку, начальник полиции хотел бы вас увидеть.

Гарриет зашла и еще раз поведала всю историю от начала и до конца начальнику полиции Глэйшеру, который слушал рассказ с живейшим интересом. Она отдала ему все собранные предметы и свои пленки, после чего ее опросили по поводу того, что она делала до и после находки трупа.

— Кстати, — поинтересовался Глэйшер, — тот молодой человек, которого вы встретили по дороге, куда он делся?

Гарриет изумленно оглянулась по сторонам, словно ожидала, что мистер Перкинс по-прежнему стоит за ее спиной.

— Понятия не имею. Я совсем про него забыла. Должно быть, он ушел, когда я вам звонила.

— Странно, — заметил полицейский, делая заметки по поводу Перкинса в своих бумагах.

— Но вряд ли он что-то знает об этом деле, — сказала Гарриет. — Он был весьма удивлен и напуган. Поэтому и пошел обратно вместе со мной.

— Нам все равно не помешает его проверить, таков порядок.

Гарриет хотела было запротестовать, заявить, что искать ее случайного попутчика — пустая трата времени, но внезапно поняла, что, вполне возможно, полицейские хотят подтвердить достоверность ее собственной истории. Она умолкла, и мужчина продолжил:

— Ну что ж, мисс Вэйн. Боюсь, мы вынуждены попросить вас остаться в зоне доступа на несколько дней.

— О, я понимаю. Думаю, я остановлюсь где-нибудь в Уилверкомбе. Вы можете не беспокоиться, я никуда не денусь. Я хочу поучаствовать в этом деле.

Глэйшер явно не одобрял ее порывов. Конечно, легкомысленные особы вечно хотят засветиться в какой-нибудь трагедии, но настоящие леди обычно стараются избежать этого.

Инспектор Ампелти предложил девушке остановиться в небольшом уютном хостеле, «Клеггс Темперанс».

Но та вдруг вспомнила, что ей еще наверняка придется давать интервью репортерам. «Мисс Гарриет Вэйн встретилась с нашим корреспондентом в хостеле» — это как-то не звучит.

— Хостел мне не нужен, — уверенно сообщила она, — какой отель считается лучшим в городе?

— Самый большой отель — «Респлендент».

— Там вы и найдете меня при необходимости.

— Инспектор вас подвезет.

— Благодарю. — Гарриет слегка удивилась.

Буквально через несколько минут она уже выходила из машины около одного из тех чудовищных прибрежных дворцов, напоминающих внешним видом детские игрушки. Гарриет прошла через застекленные двери и потребовала большую

комнату с ванной, видом на море и обязательно располагающуюся на втором этаже.

Но когда служащий отеля посмотрел на Гарриет, с ее рюкзаком за плечами и в запылившейся одежде, он сообщил, что, к его большому сожалению, все номера в отеле уже заняты.

— Не может быть, — возмутилась девушка, — еще только начало сезона. Попросите, пожалуйста, менеджера выйти и побеседовать со мной.

Она присела в ближайшее кресло, с твердым намерением не покидать отеля, и заказала официанту коктейль.

— Вы не присоединитесь ко мне, инспектор?

Тот поблагодарил ее, но на службе ему запрещено было употреблять алкоголь.

— Значит, в другой раз. — Гарриет улыбнулась, положив неплохие чаевые на поднос подошедшего официанта, не упуская возможности продемонстрировать всем желающим немаленькое содержимое своего кошелька.

Инспектор Ампелти ухмыльнулся, заметив, как подобрался служащий за стойкой. Перегнувшись, инспектор поманил мужчину и что-то прошептал ему на ухо. Тот заулыбался и подошел к Гарриет.

— Мадам, мы обнаружили, что у нас есть подходящий номер для вас. Только что один американский джентльмен освободил комнату на втором этаже. С видом на эспланаду. Думаю, вам она должна понравиться.

— В ней есть отдельная ванная? — поинтересовалась Гарриет без особого энтузиазма.

— О да, мадам. И балкон.

— Хорошо, — согласилась Гарриет. — Какой номер? Двадцать три. Телефон там имеется, я надеюсь? Что ж, инспектор, вы знаете, где меня найти, не так ли?

Она дружелюбно улыбнулась.

— Да, мисс, — ответил Ампелти, улыбаясь в ответ. У него были свои причины для веселья. Хотя демонстрация кошелька и обеспечила Гарриет номер, но именно его сказанная шепотом фраза «знакомая лорда Питера Уимзи» добавила вид на море, ванную и балкон. Пусть лучше Гарриет

остаётся в неведении по этому поводу. Иначе она рассердится.

Но, как ни странно, образ лорда Питера не покидал мыслей Гарриет ни пока она звонила в «Утреннюю звезду», чтобы сообщить адрес своего временного прибежища, ни пока ужинала. Если бы у них сложились другие отношения, то казалось бы вполне естественным позвонить ему и рассказать о найденном трупе с перерезанным горлом. Но в подобных обстоятельствах ее могут неправильно понять. К тому же если происшествие — всего лишь скучное самоубийство, то Уимзи тем более не стоит беспокоить по пустякам. Это дело отнюдь не такое интересное и трудное, как, скажем, «Загадка авторучки». В этой запутанной истории обычный парень оказался замешан в преступление, совершенное в Эдинбурге, и как раз занимался составлением собственного алиби с помощью яхты, радио и часов. (Видимо, джентльмен с перерезанным горлом пришел со стороны Уилверкомба. По дороге? Или приехал на поезде? Мог ли он прийти пешком из Дарли-Хэлта? Если нет — кто его подвозил?) В самом деле, ей надо сосредоточиться на этом алиби, иначе она никогда не напишет книгу. Самую большую сложность представляли собой городские часы. Все алиби строилось на том, что они пробили полночь в нужный момент. Можно ли сделать часовщика сообщником? Кто следил за часами в мэрии? (Почему перчатки? И не оставила ли она на бритве свои отпечатки пальцев?) Не надо ли ей съездить в Эдинбург? Что, если там нет ни мэрии, ни городских часов? Впрочем, любые другие часы тоже сойдут. (И мистер Перкинс тоже подозрительный персонаж. Если это все-таки было убийство, мог ли убийца подойти к своей жертве по воде? Может, ей надо было идти по берегу, а не по дороге? Ладно, уже в любом случае слишком поздно.) И еще надо поточнее проработать эпизод с яхтой. Какая у нее скорость? Такие вещи следует знать. Лорд Питер наверняка знает, он видел не одну яхту в своей жизни. Наверное, приятно быть по-настоящему богатым. Та, кто выйдет замуж за лорда Питера, тоже станет богатой, разумеется. Он интересный человек. Нельзя сказать, что жизнь с ним была бы

скучной. Но проблема в том, что никто не может точно знать, каково это — жить с человеком, пока не попробует. Это того не стоит. Даже ради того, чтобы узнать все о яхтах. Писатель не может выходить замуж за всех, от кого хочет получить нужную информацию. Попивая кофе, Гарриет развлекалась тем, что набрасывала историю об американской писательнице, которая выходила замуж для написания каждой новой книги. Книга о ядах — муж-химик, книга о завещании — муж-нотариус, книга об удушении — палач, конечно. В этом что-то есть.

Молодая женщина поднялась из-за стола и перешла в просторную комнату, где часть пространства освободили под танцы. На небольшом возвышении играл оркестр, а вдоль стен стояли маленькие столики, где можно было посидеть, заказать выпивку и понаблюдать за танцующими. Когда Гарриет села, на площадке для танцев находилась только одна пара, видимо, профессиональные танцоры, исполняющие показательный вальс. Высокий мужчина с необычным, нездорового вида лицом и девушка в экстравагантном платье темно-лилового цвета. Гарриет оглядела зал. Длинные юбки и костюмы семидесятых годов прошлого века (включая пресловутые страусовые перья). Но все это было лишь отменной подделкой. Тонкие талии стали таковыми отнюдь не благодаря сильно затянутым корсетам: просто обладательницы талий сумели подобрать выигрышную дорогую одежду. Завтра на теннисном корте прекрасно станут видны истинные формы современных мускулистых дам. И все эти опущенные глазки, взгляды украдкой, скромность и жеманность — все только маски. Интересно, мужчины действительно настолько глупы, что верят, будто бы можно вернуть старые добрые времена послушных женщин? Вряд ли. Завтра все снимут роскошные наряды, втиснутся в узкие юбки и отправятся на работу. Это всего лишь игра, и, скорее всего, все участники прекрасно знакомы с ее правилами.

Танцоры докружились в вальсе, музыканты подстроили свои инструменты, раздались аплодисменты. Затем мужчина выбрал себе партнершу за одним из ближайших столиков, а девушка подошла к подозревавшему ее фабриканту в другой

стороне зала. Еще одна девушка, блондинка в светло-голубом, вывела в центр танцевальной площадки пожилого господина. Поднялось еще несколько пар, и начался следующий тур вальса. Гарриет попросила официанта принести еще чашечку кофе.

Мужчинам нравится иллюзия того, что женщины зависят от них во всем, им вообще нравится иллюзия. Но нравится ли им реальность? «Нет», — с горечью подумала Гарриет. А ведь молодость так быстро проходит. И вот эта миловидная блондинка станет точно такой же, как вон та карга за соседним столиком.

«Карга» оказалась приодетой и ярко покрашенной сухощавой женщиной в годах. Она сразу же привлекла внимание Гарриет своим сияющим видом. Словно невеста перед алтарем. Дама сидела одна, но явно ожидала кого-то и поэтому постоянно оглядывала помещение. Особенно часто она бросала взгляды на столик около оркестра, зарезервированный для профессиональных танцоров. Постепенно она начала нервничать: теперь женщина курила одну сигарету за другой, в волнении крутила кольца на руках, доставала и снова убирала в сумочку зеркальце, поправила прическу.

«Ждет своего жиголо», — поставила диагноз Гарриет с легким оттенком отвращения.

Официант принес кофе, и «карга» остановила его на обратном пути:

— Мистера Алексиса сегодня нет?

— Нет, мадам. — Официант слегка нервничал. — Нет. Он отсутствует.

— Он болен?

— Не думаю, мадам. Господин управляющий просто сказал, что сегодня его не будет.

— Он не передавал никаких посланий?

— Не могу ответить точно, мадам. — Бедняга переминался с ноги на ногу. — Без сомнения, мистер Антуан будет просто счастлив...

— О нет, не беспокойтесь. Я привыкла к мистеру Алексису. У нас с ним шаг совпадает. Не важно.

— Хорошо, мадам, спасибо, мадам.

Официант сбежал. Гарриет заметила, что он что-то прошептал управляющему ресторана. Ей стало скучно. И этим все заканчивается, если ты вовремя не выходишь замуж? Приходится позориться перед официантами? Она снова взглянула на женщину, как раз покидавшую комнату. На безымянном пальце блестело обручальное кольцо. Что ж, видимо, свадьба тоже не всегда становится выходом из положения. Одинокие, замужние, вдовы, разведенные — конец у всех один. Девушка внезапно задрожала и решила, что танцы ей надоели. Она допила кофе и ретировалась в маленькую гостиную, где дамы вели беседу о болезнях, детях, мужьях и слугах. «Бедняжка Мюриэль, практически стала инвалидом после последних родов... Я говорила с ним очень твердо, так ему и сказала... Красивые мальчишки, оба, Ронни учится в Оксфорде, а Уилфред — в Итоне... Дорогая моя, исчезли фунты и фунты жира, я едва узнала ее, и мне было все равно... Что-то вроде жары, созданной с помощью электричества, потрясаяще... С нервным расстройством желудка ничего не поделаешь, но это так осложняет жизнь... И оставили меня в доме, полном людей, в этих девочках нет и капли благодарности...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: БРИТВА

Что ж, ты, искусство,
Порой бываешь ты отличным инструментом,
быстро работают твои зубы,
А уж если крадешь ты секрет чьего-то сердца,
То никому не расскажешь о нем больше.

Книга шуток со Смертью

Пятница, 19 июня

Хотя у любой уважающей себя женщины ужасающие события прошедшего дня обязательно вызвали бы бессонницу, Гарриет отлично выпалась в своей спальне на втором этаже отеля (с ванной, балконом и видом на эспланаду) и к завтраку спустилась, здорово проголодавшись.

Взяв номер «Утренней звезды», девушка погрузилась в детальное изучение своего собственного интервью (с фотографией), гордо красовавшегося на первой странице, как вдруг услышала знакомый голос:

— Доброе утро, Шерлок. Где же твой халат? Сколько трубок табака ты выкурил сегодня? Шприц для подкожных впрыскиваний лежит на столике в гардеробной.

— Объясни мне, каким образом ты здесь оказался? — поперхнулась Гарриет.

— Машина, — коротко пояснил лорд Питер. — Они нашли тело?

— Кто рассказал тебе об этом деле?

— О, я пронюхал об этом совершенно случайно. Где труп, там и стервятники. Могу я присоединиться к поеданию столь чудесной яичницы?

— Прошу. Откуда ты взялся?

— Из Лондона. Прилетел, как птица, слышавшая свадебную трель самочки.

— Я не... — начала была Гарриет.

— Я не о тебе. Я о труп. Хотя, раз уж мы заговорили о свадьбах, ты выйдешь за меня замуж?

— Ни за что.

— Я так и подумал, но спросить никогда не помешает. Так что, они нашли тело?

— Я не в курсе.

— Тогда вряд ли им удастся обнаружить его в ближайшем времени. Юго-западный ветер слишком силен. Печально. Они ведь не могут начать расследование без тела.

— Нет, я серьезно, — возмутилась Гарриет, — как ты об этом узнал?

— Сэлкомб Харди из «Утренней звезды» позвонил мне. Сказал, что «моя мисс Вэйн» обнаружила труп, и спросил, известно ли мне что-либо по этому поводу. Я сообщил ему, что ничего не знаю и, к сожалению, мисс Вэйн не моя — пока что. Затем я повесил трубку, и вот я здесь. Я захватил с собой Сэлли Харди. Думаю, он поэтому мне и позвонил. Старый хитрец, всегда в центре событий.

— Он и сказал тебе, где меня найти?

— Да, он, кажется, в курсе всего. Я ранен в самое сердце. Представляешь, мне пришлось узнавать, где моя путеводная звезда, у газетчиков. И Харди осведомлен лучше меня. Как, вообще, эта история попала в газеты?

— Я им сама позвонила, — объяснила Гарриет, — перво-классная реклама и все такое, понимаешь?

— Точно, — согласился Уимзи, намазывая масло на хлеб, — ты им позвонила и сообщила все кровавые детали?

— Естественно, это, собственно, первое, что пришло мне в голову.

— Деловая женщина. Но послушай, дорогая, ты же прекрасно знаешь, что я любитель трупов, неужели тебе не пришло в голову сначала поставить в известность меня, чтобы мы оказались в равном положении?

— Ну, когда ты так говоришь, — призналась девушка, которой внезапно стало очень стыдно, — я понимаю, что была неправа. Но я подумала...

— Женщины всегда позволяют эмоциям вмешиваться в дело, — резко проговорил Уимзи. — Что ж, теперь за тобой должок. Я хочу знать все детали, пожалуйста.

— Я уже устала об этом рассказывать, — капризно пробормотала Гарриет.

— Ты устанешь еще сильнее, когда полиция и газетчики наконец-то займутся тобой всерьез. Я большим трудом уговорил Сэлкомба Харди не набрасываться на тебя с расспросами прямо сейчас. Он в баре. «Знамя» и «Горн» в курительной комнате. У них быстрый автомобиль. «Курьер» прибывает на поезде (ведь это уважаемая и старомодная газета), а «Комета» и «Громовержец» околачиваются перед баром, в надежде заполучить от тебя какую-нибудь сенсацию. Те три человека, которые препираются со швейцаром, видимо, местные. Толпа фотографов втиснулась в один автомобиль и отправилась на побережье, кажется, они рассчитывают на то, что им удастся заснять труп, хотя, пока продолжается прилив, они явно ничего не увидят. Ты расскажешь мне обо всем здесь и сейчас, а уж я организую тебе твою рекламу.

— Хорошо, — вздохнула Гарриет, — я расскажу тебе все, я больше не могу.

Она отодвинула тарелку в сторону и взяла в руки чистый нож.

— Это, — сказала она, — прибрежная дорога от Лесстон-Хэу до Уилверкомба. Берег изгибается следующим образом... Девушка потянулась за перечницей.

— Попробуй лучше соль, — предложил Уимзи, — если попадет в нос, будет не так неприятно.

— Спасибо. Итак, соль изображает пляж. А вот этот кусочек хлеба — это валун во время отлива.

Уимзи придвинул стул ближе к столу.

— А эта ложечка для соли может быть трупом, — по-детски радостно предложил он.

Мужчина ни разу не прокомментировал историю Гарриет, только прервал ее пару раз, чтобы уточнить кое-какие детали

(время или расстояние). Уимзи сидел, склонившись над ее «картой» из столовых приборов, по его глазам ничего нельзя было прочесть, а кончик его носа дергался от сосредоточенности, как у кролика. Когда Гарриет закончила, он немного помолчал и произнес:

— Так, давай-ка разберемся. Ты дошла до места, где ела ленч, во сколько это было?

— В час. Я как раз посмотрела на часы.

— И ты проходила мимо скал, так что могла видеть все побережье, включая и камень, на котором лежало тело?

— Да, думаю, могла.

— Лежало ли что-то на камне в тот момент?

— Если честно, я не знаю. Я не помню, заметила ли я вообще этот валун. Видишь ли, я искала тропинку, чтобы спуститься со скал, и не особо вглядывалась в даль.

— Понятно. Жаль.

— Конечно, жаль. Но одно я могу сказать тебе точно: ничего движущегося на берегу не было. Я оглянулась всего один раз, прежде чем начать спускаться, и я достоверно помню, что подумала о том, каким пустынным и заброшенным кажется пляж — отличное место для пикника. Я же ненавижу есть посреди толпы.

— И один-единственный человек на пляже — это уже толпа?

— В этом случае да. Ты же знаешь людей. Как только они замечают, что кто-то спокойно завтракает, как они тут же налетают со всех сторон, и место начинает походить на людную площадь.

— Да, так обычно и бывает.

— Я абсолютно уверена, что на берегу не было ни души. Никто не шел, не сидел и не стоял. Но вот было ли тело на камне — этого я не могу сказать с уверенностью. Знаешь, ведь когда я увидела его с пляжа, мне сначала показалось, что это просто водоросли. И, уж конечно, я бы не обратила внимания на водоросли с дороги.

— Хорошо. Итак, в час на пляже никого не было, возможно, за исключением тела, которое удачно прикинулось водорослями. Затем ты спустилась со скал. Ты видела валун с того места, где ела ленч?

— Нет, вообще не видела. Там такое место, оно напоминает небольшую бухту, и камни закрывают обзор. К тому же я сидела облокотившись на них спиной. Ела я примерно полчаса.

— И ничего не слышала? Шагов или еще чего? Машину, может быть?

— Нет, ничего.

— А потом?

— Потом я уснула.

— Вполне ожидаемо. Надолго?

— На полчаса, примерно. Когда я проснулась, то снова глянула на часы.

— Что тебя разбудило?

— Крики чайки, которая пыталась украсть остатки моего сэндвича.

— Значит, было два часа дня.

— Да.

— Подожди минутку. Я сегодня приехал сюда слишком рано, поэтому спустился прогуляться на пляж и познакомился там с одним рыбаком. Он упомянул, что отлив в районе тех скал случился вчера в час пятнадцать. То есть, когда ты пришла, вода как раз достигла нижней точки отлива. Когда же ты проснулась, уже прошло сорок пять минут с тех пор, как начался прилив. Подножие твоего камня, который, кстати, местные называют Дьявольский Утюг, появляется над водой всего на полчаса и только во время сизигийного прилива, если ты знаешь этот термин.

— Я отлично знаю этот термин, но не понимаю, к чему ты клонишь.

— К тому, что если кто-то подошел к камню по воде, то он не оставлял следов.

— Но он оставил следы. А, ясно. Ты думаешь о потенциальном убийце.

— Ну конечно, я предпочитаю, чтобы это было убийство, а ты разве нет?

— Ну да. Так, что мы знаем? Убийца мог таким образом подойти с любой стороны. Если он пришел из Лесстон-Хэу, то он оказался бы на месте после меня, потому что я смотрела на

берег во время прогулки, и по нему никто не шел. Но со стороны Уилверкомба он мог прийти в любое время.

— Нет, не мог, — возразил Уимзи. — Ты же сказала, что там никого не было в час.

— А что, если он стоял за валуном и я его не увидела?

— Это возможно. Так, теперь насчет трупа. Мы можем довольно точно определить, когда он пришел на пляж.

— Как это?

— Ты сказала, что его туфли были совершенно сухими. То есть до камня он дошел по сухому песку. Нам осталось только узнать, когда точно песок с этой стороны камня не покрыт водой.

— Ну конечно. Глупо, что я сама не сообразила. Да, это мы можем узнать. Где мы остановились?

— Тебя разбудила чайка.

— Да. Так вот, я обошла скалу и вышла к валуну.

— В этот момент кто-то находился в поле твоего зрения?

— Ни души, кроме человека на лодке.

— Да, лодка. Так, если предположить, что лодка приплыла во время отлива и человек с нее подошел к камню по воде...

— Да, это возможно. Лодка была не очень далеко.

— Все зависит от того, когда труп оказался на том месте. Мы должны это выяснить.

— Ты так уверен, что это убийство?

— Ну, самоубийство — это так скучно и банально. И зачем прерывать свою жизнь в таком отдаленном месте, таким странным способом?

— Почему бы и нет? Это гораздо аккуратней, чем пачкать кровью свою спальню или что-то вроде того. Не начали ли мы не с того конца? Если бы мы знали, кто этот мужчина, мы могли бы проверить — вдруг он оставил какую-то поясняющую записку. Я полагаю, полиция уже все разузнала.

— Возможно, — недовольно проворчал Уимзи.

— Что тебя беспокоит?

— Две вещи. Перчатки. Почему кому-то пришло в голову перерезать себе горло в перчатках?

— Знаю. Меня это тоже насторожило. Может, у него какая-нибудь кожная болезнь и он привык ходить в перчатках всег-

да. Надо мне было посмотреть. Я начала снимать перчатки, но они были такие... грязные.

— О! Я вижу, что в тебе еще осталась капелька женской слабости! Второе, что меня волнует, — это оружие. Зачем мужчина с бородой носил с собой бритву?

— Купил ее специально?

— Да, почему бы и нет? Дорогая Гарриет, думаю, ты права. Он перерезал себе горло, и... и все тут. Я разочарован.

— Это «и» правда печально, но ничего не поделаешь. Эй! А вот и мой друг, инспектор.

Действительно, инспектор Ампелти пробирался к ним между столиками. Полицейский был в штатском и, подойдя, радостно поздоровался с Гарриет.

— Я подумал, вам интересно узнать, что получилось на ваших снимках, мисс Вэйн. И мы установили личность погибшего.

— О, неужели? Отличная работа. Инспектор Ампелти, это лорд Питер Уимзи.

Инспектор, казалось, был весьма рад знакомству.

— Вы быстро оказались в курсе дела, мой лорд. Но боюсь, вы не найдете ничего интересного в этом случае. Обычное самоубийство, как мне кажется.

— К сожалению, мы пришли к такому же выводу, — признался Уимзи.

— Хотя я абсолютно не понимаю его мотивов. Но с этими иностранцами нельзя быть уверенными ни в чем, не так ли?

— Точно, точно! Мне тоже показалось, что у него какой-то заграничный вид! — воскликнула Гарриет.

— Да. Он русский или что-то вроде того. Павел Алексеевич Голдшмидт, кажется, так звучит его настоящее имя, но он известен как Пол Алексис. Кстати, он работал в этом самом отеле. Профессиональный партнер для танцев в баре. Но здесь о нем знают не так уж и много. Он появился год назад: искал работу. Пол оказался хорошим танцором, и его сразу же взяли, поскольку как раз образовалась вакансия. Ему двадцать два или около того. Не женат. Жил в съемной комнате. Ни в чем криминальном не замешан.

— Его документы в порядке?

— Он принял британское гражданство. Вроде бы сбежал из России после революции. В то время ему должно было быть лет девять, но мы еще не нашли его опекунов. Здесь он появился в одиночестве, и его квартирная хозяйка никогда не слышала о его родственниках. Скоро мы это узнаем, стоит только обыскать личные вещи покойного.

— Он не оставил письма следователю или еще кому-нибудь?

— Пока мы ничего не обнаружили. Кстати, насчет следователя: тут небольшая загвоздка. Я и не представляю, как долго вам придется оставаться здесь, мисс. Тело мы пока так и не нашли.

— Вы хотите сказать, — спросил Уимзи, — что доктор с дьявольскими глазами и таинственный китаец уже перевезли труп в одинокий дом на болоте?

— А вы шутник, как я погляжу, мой лорд. Нет, все намного проще. Видите ли, здесь вдоль побережья наблюдается сильное северное течение, а если учесть, что дует юго-западный ветер, тело должно быть, давно смыло с камня. Его должно выбросить на берег где-то в районе Сэнди-Пойнт или же оно застряло в прибрежных скалах. Так что нам придется ждать, пока не уляжется ветер. Море слишком беспокойное, чтобы можно было подплыть к скалам на лодке, и нырять в том месте тоже не рекомендуется. Мы ничего не можем с этим поделать.

— Хм, — протянул Уимзи, — что же, я уверен, если кто и может со всем этим разобраться, так это вы, инспектор. Вы производите впечатление основательного человека. Я с легкостью могу предсказать, Шерлок, что еще до ленча инспектор Ампелти разберет все бумаги покойного, заставит управляющего отелем поведать ему все подробности об убитом, определит место, где была куплена бритва, и объяснит таинственное присутствие перчаток.

Инспектор рассмеялся:

— Не думаю, что управляющий что-то знает, мой лорд. И бритва тоже совсем нехстати.

— А перчатки?

— Ну, мой лорд, полагаю, что единственный, кто мог бы ответить на этот вопрос, — это сам бедняга, а он мертв. Но на-

счет его документов вы совершенно правы. Я прямо сейчас этим займусь.

Полицейский сделал паузу, с сомнением взглянув на Гарриет, потом на Уимзи и снова на Гарриет.

— Нет, — улыбнулся лорд Питер. — Можете не волноваться, мы не попросимся с вами. Я знаю, детективы-любители вечно путаются под ногами полиции во время расследования. Но мы лучше прогуляемся и осмотрим город, как истинные леди и джентльмены. Единственная вещь, на которую мне хотелось бы взглянуть, если вас это, конечно, не затруднит, — это бритва.

Инспектор был только рад тому, что лорд Питер хочет увидеть бритву.

— И если вы прямо сейчас отправитесь со мной в участок, — добавил он, — вы избежите столкновения со всеми этими репортерами.

— Только не я! — воскликнула Гарриет. — Мне надо увидеть их, чтобы рассказать о моей новой книге. Бритва — это всего лишь бритва, а хорошая реклама — это высокий уровень продаж. Вы двое отправляйтесь, а я догоню вас позднее.

Девушка умчалась в поисках репортеров и славы. Инспектор жалко улыбнулся.

— Эту молодую леди не проведешь, — заметил он. — Но она точно не скажет лишнего?

— О нет, но она не может упустить столь подходящий случай покрасоваться, — сказал Уимзи. — Пойдемте выпьем.

— Я только позавтракал, — отказался инспектор.

— Тогда покурим? — предложил лорд.

Инспектор вновь отказался.

— Тогда посидим в комнате отдыха, — заключил Уимзи, присаживаясь.

— Простите, — возразил Ампелти. — Но мне пора. Я скажу в участке, что вы хотите взглянуть на бритву...

«Бедный парень. Молодая леди держит его под каблучком», — думал инспектор, пробираясь к дверям.

Через полчаса Гарриет наконец-то отделалась от Харди и его коллег и обнаружила Уимзи сидящим на том же месте.

— Я избавился от инспектора, — сообщил он радостно, — надевай шляпу и идем.

Их торжественный выход из отеля был запечатлен толпой фотографов, которые как раз вернулись с побережья. Окруженные щелканьем объективов и вспышками, Гарриет и Питер спустились по мраморной лестнице и сели в «даймлер» лорда Уимзи.

— У меня такое чувство, — зло сказала Гарриет, — словно мы только что обвенчались в церкви Святого Джорджа на площади Ганновер.

— О нет, — возразил Уимзи. — Если бы это было так, ты бы сейчас дрожала, как напуганная куропатка. Для меня женитьба такое гигантское событие, ты себе не представляешь. Ничего, скоро мы доберемся до участка, и все будет в порядке.

Начальник полиции был занят, поэтому сержант Сондерс сопровождал пару во время осмотра бритвы.

— Отпечатки пальцев сняли? — поинтересовался Уимзи.

— Да, мой лорд.

— Какие-нибудь результаты?

— Я точно не уверен, мой лорд, но кажется, нет.

— Ладно, по крайней мере, я могу взять ее в руки. — Уимзи крутил бритву в руках, осторожно изучая ее, сначала просто поднося к глазам, затем с помощью лупы. Ничего интересного, кроме небольшой трещины на ручке из слоновой кости, он не обнаружил.

— На ней должна была бы остаться кровь, — заметил Уимзи. — Но, кажется, море постаралось как следует.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что орудие преступления на самом деле никакое не орудие? — спросила Гарриет.

— Да, я бы хотел, чтобы это было правдой, — ответил Уимзи. — Ведь орудие преступления никогда таковым не является, не так ли?

— Конечно нет. А труп никогда не является трупом. Очевидно, тело принадлежит вовсе не Полу Алексису...

— А премьер-министру Руритании*.

* Руритания — вымышленная страна в романах английского писателя Э. Хоупа.

— И он скончался не от того, что ему перерезали горло...

— А от таинственного яда, о котором знают только бушмены в центральной Австралии...

— А горло было перерезано уже после смерти...

— Вспыльчивым мужчиной в возрасте, с бородкой и кучей вредных привычек...

— Только что вернувшимся из Китая, — с триумфом закончила Гарриет.

Сержант, до сих пор изумленно наблюдавший за развитием беседы, громко расхохотался.

— Неплохо, — сказал он. — Забавно все это, не правда ли, те истории, которые придумывают писатели в своих книгах? Ваша светлость желает осмотреть другие улики?

Уимзи с важностью сообщил, что он непременно желает, и ему продемонстрировали шляпу, ботинок, портсигар и платок.

— Хмм, — протянул лорд, — шляпа сносная, но второсортная. Убитый пользовался бриллиантином. Физическая подготовка у него была неплохая...

— Он был танцором.

— О, а я думал, мы сошлись на том, что он был премьер-министром. Волосы темные, кудрявые и довольно длинные. Модель шляпы прошлогодняя, но лента новая. Ее форма немного более экстравагантна, чем то необходимо. Вывод: мужчина был небогат, но к своему внешнему виду относился с трепетом. Мы можем с уверенностью сказать, что шляпа принадлежала погибшему?

— Да, я думаю. Бриллиантином он точно пользовался.

— Портсигар... здесь другое дело. Пятнадцать каратов золота, совсем новый, с монограммой «П.А.», в нем шесть дорогих сигарет. Возможно, подарок от восхищенной поклонницы.

— Очень подходит премьер-министру.

— Бесспорно. Платок — шелковый, но не из дорогого магазина. Цвет отвратителен. Метка из прачечной...

— С ней все в порядке, — вклинился в беседу полицейский, — прачечная в Уилверкомбе, вполне подходит для этого Алексиса.

— Все это подозрительно, — покачала головой Гарриет. — У меня с собой три носовых платка, и там полно меток из прачечной, на них даже инициалы незнакомых мне людей.

— Это же настоящий премьер-министр, — скорбно кивнул Уимзи, — а, как нам известно, премьер-министры, особенно из Руритании, никогда не заботятся о стирке. Так, теперь ботинок. О да. Почти новый. Тонкая подошва. Ужасные цвета, форма еще хуже. Сделан вручную, так что, видимо, этот мерзкий вид был ему придан намеренно. Не для тех, кто много ходит пешком. Как я вижу, сделано в Уилверкомбе.

— Все сходится, — снова встрял сержант. — Мы видели сапожника. Он сделал эти ботинки для мистера Алексиса. Они неплохо знакомы.

— И ты сняла его прямо с трупа? Нам надо быть осторожными, Ватсон. Чужой платок — это еще ничего. А вот премьер-министр в чужих ботинках...

— У вас отличное чувство юмора, милорд. — Сержант снова расхохотался.

— Я никогда не шучу, — заметил Уимзи. Он поднес лупу к ботинку, чтобы лучше изучить подошву. — Здесь есть следы соли, от морской воды, но на верхней части ничего не видно. Следовательно, он прошел по очень мокрому песку, но в воду не наступал. Эти небольшие царапины на мысках, скорее всего, появились, когда он залезал на валун. Что ж, огромное спасибо, сержант. Вы свободны и можете поставить в известность инспектора Ампелти обо всех замечательных заключениях, к которым мы пришли. Купите себе выпить.

— Благодарю вас, милорд.

Пока они не сели в машину, Уимзи хранил молчание.

— Прости, — сказал он затем, — но придется отменить нашу маленькую прогулку. Я бы с удовольствием развеялся. Но если я не начну заниматься этим делом сейчас, я ни за что не вернусь из города до ночи.

Гарриет, уже собиравшаяся было сообщить напарнику, что у нее есть работа и она не собирается тратить свое драгоценное время на совместные прогулки, вдруг почувствовала себя обманутой.

— Из города? — повторил она.

— Ты, конечно, заметила, что проблема с бритвой требует дальнейшего изучения, — осведомился Уимзи, ловко проводя машину между грузовичком и креслом-каталкой.

— Конечно, визит в руританское посольство просто необходим.

— Хм, не знаю, возможно, это не обязательно, я смогу ограничиться Джермин-стрит.

— В поисках мужчины в возрасте, с вредными привычками?

— В конечном счете — да.

— Так он действительно существует?

— Ну, не могу точно сказать его возраст.

— А его привычки?

— Нет, возможно, это привычки его слуги.

— А его борода и вспыльчивость?

— Думаю, насчет бородки можно быть уверенным.

— Сдаюсь, — слабо сказала Гарриет. — Объясни, пожалуйста.

Уимзи затормозил у входа в отель «Респлендент» и взглянул на часы.

— Я даю тебе десять минут, — холодно произнес он, — давай присядем и выпьем чего-нибудь. Конечно, еще рановато, но я всегда лучше вожу после пинты пива. Хорошо. Теперь вернемся к бритве. Ты могла заметить, что это прекрасный инструмент высокого качества, сделанный первоклассным мастером. На ее обратной стороне рядом с названием фабрики выгравировано таинственное слово «Эндикотт».

— Да, а что значит «Эндикотт»?

— Эндикотт считался самым первоклассным парикмахером во всем Уэст-Энде*. Он был настолько велик, что даже не позволял никсму называть себя парикмахером на современный манер — он предпочитал именовать себя цирюльником. Он бы ни за что не стал брить кого-то, чья фамилия не попада-

* Уэст-Энд — самая дорогая часть Лондона, центр города.

ла в «Дебретт»* в течение последних трехсот лет. В ином случае, не важно, насколько ты богат или титулован, ты никогда не мог попасть к нему на прием. В его магазине царила атмосфера аристократического викторианского клуба. Кстати, я могу поведать тебе одну забавную историю. Однажды какой-то лорд, во время войны сколотивший целое состояние на торговле пуговицами или шнурками или чем-то вроде того, был допущен в святая святых цирюльни и усажен в почетное кресло только что принятым на работу помощником хозяина, который, к несчастью, еще не был знаком со всеми правилами Эндикотта. Через десять минут пребывания в той зловещей атмосфере волосы бедняги лорда заморозились, ноги и руки онемели, и его пришлось переместить оттуда прямо в Хрустальный дворец и выставлять там вместе с другими ископаемыми.

— И?..

— И!.. Сама подумай — человек, покупающий свою бритву у Эндикотта, носит какую-то жалкую обувь вроде той, что была на нем надета? Конечно, — добавил лорд, — это даже не вопрос цены. Его туфли сделаны вручную, ведь как танцор, он должен был заботиться о своих ногах. Но как мог мужчина, который бреется у Эндикотта, по своей собственной воле заказать туфли такой модели и расцветки?

— Знаешь, я никогда не могла запомнить всех этих правил, касающихся мужской одежды, — призналась Гарриет. — Именно поэтому я сделала Роберта Тэмплтона таким неаккуратным.

— Да, его манера одеваться всегда меня убивала, — заметил Уимзи. — Единственное слабое место в твоих занимательных в остальном историях. Но оставим эту печальную тему и вернемся к бритве. Ее явно много использовали. По лезвию видно, что она часто правилась. Обычно бритвы такого типа практически не нуждаются в затачивании, при условии, что ими пользуются аккуратно. Поэтому либо мужчина, пользо-

* «Дебретт» — ежегодный справочник дворянства; издается с 1802 г.; полное название «Debrett's Peerage, Baronetage, Knightage and Companionage» по фамилии первого издателя Дж. Дебретта.

вавшийся бритвой, был весьма неопрытен, или его щетина была слишком жесткой, или и то и другое. Я представляю его себе тем человеком, который толком не может обращаться с дорогими инструментами, ты знаешь этот тип. Их ручки всегда протекают, а их часы вечно идут не в ту сторону. Они не правят свою бритву, пока ремень для правки не становится совсем сухим и жестким, а затем начинают яростно точить бритву и в итоге портят лезвие. Потом они злятся, теряют терпение и, проклиная несчастную бритву, кидают ее на землю — и все. Новое лезвие держится несколько недель, затем история повторяется, и бритва снова летит на пол, преследуемая грубыми ругательствами.

— Понятно. Я всего этого не знала. Но почему ты сказал, что это был мужчина среднего возраста?

— Это просто предположение. Но я думаю, что молодой человек, у которого столько проблем с бритвой, предпочел бы что-нибудь побезопасней и менял лезвие каждые несколько дней. Но мужчина в возрасте вряд ли будет изменять сложившимся привычкам. Я уверен, эта бритва служила своему хозяину больше трех тяжелых лет. А если учесть, что погибшему только что исполнилось двадцать два и к тому же у него была борода, то я не вижу никаких способов так сильно испакостить бритву. Нам следует разузнать у местного управляющего, носил ли наш молодой человек бороду год назад, когда он только попал в отель. Но прежде всего нам надо найти старого Эндикотта и узнать у него, мог ли он продать кому-нибудь свою бритву после тысяча девятьсот двадцать пятого года.

— Почему тысяча девятьсот двадцать пятого?

— Потому что именно в этом году старый Эндикотт продал свое дело и ушел на пенсию в компании варикозных вен и небольшого состояния.

— А кто же продолжил дело?

— Никто. Теперь на этом месте располагается магазин, в котором можно купить самую редкую ветчину и изысканный паштет в горшочках. У парикмахера не оказалось сыновей, чтобы перенять семейное дело. Молодой Эндикотт был убит, бедняжка. Старик сказал, что он никому не продаст своего

имени. Да и вообще, «Эндикотт» без Эндикотта — это уже не «Эндикотт», не правда ли? Вот так.

— Но он мог продать бритву?

— Это я и хочу узнать. Мне пора. Я постараюсь вернуться к ночи, так что не беспокойся.

— Я не беспокоюсь, — возмущенно заявила Гарриет. — Я абсолютно счастлива.

— Прекрасно. О! Пока я буду в городе, мне получить разрешение на вступление в брак?

— Можешь не беспокоиться, спасибо.

— Очень хорошо, я подумал, почему бы и не спросить. Пока меня не будет, может, ты наладишь контакт с другими профессиональными танцорами в отеле? Ты можешь разузнать всякие слухи о Поле Алексисе.

— Это задание мне по плечу. Но мне нужно подходящее платье, если такие есть в Уилверкомбе.

— Что ж, тогда тебе нужно платье винного цвета. Я всегда хотел увидеть тебя в темно-красном. Он идет людям с кожей цвета меда. («И что за ужасное это слово — «кожа».) «О, прекрасные цветы медвянок и медовых кувшинок!» У меня всегда найдется цитата на любой случай жизни, это помогает не думать самому.

— Черт бы его побрал! — воскликнула Гарриет, когда поняла, что осталась в комнате в полном одиночестве. Она резко поднялась и выбежала на улицу, преграждая путь отъезжающему «даймлеру».

— Порт или херес? — закричала девушка.

— Что? — переспросил захваченный врасплох Уимзи.

— Платье — порт или херес?

— Бордо, — ответил лорд, — «Шато Марго» 1893 года, около того. Я не уверен, могу ошибиться на год или два.

Он приподнял шляпу и нажал на сцепление. Когда Гарриет обернулась, она услышала знакомый голос, обращавшийся к ней:

— Мисс... м-м-м... Мисс Вэйн? Могу я с вами поговорить?

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: НЕВЕСТА

Милая мама, он сказал, что я буду его графиней;
Что сегодня он приедет за мной; но с наступлением дня
Я похоронила свои надежды.

Трагедия невесты

Пятница, 19 июня

Гарриет совершенно забыла о существовании этой женщины, но теперь небольшой эпизод, произошедший вчера вечером, живо предстал перед ее внутренним взором. Нервное ожидание, загнанный взгляд, вопрос о мистере Алексисе, резкий выход из комнаты для танцев. Глядя на лицо собеседницы, Гарриет заметила, что оно совсем старо, перекошено от страха и горя, и ей пришлось даже отвести глаза и резковато ответить:

— Да, конечно. Пойдемте в мою комнату.

— Это так мило с вашей стороны, — сказала дама. Она сделала неловкую паузу, а затем добавила: — Меня зовут Уэлдон, миссис Уэлдон. Я остановилась здесь некоторое время назад. Мистер Грили, управляющий, неплохо меня знает.

— Хорошо, — кивнула Гарриет. Видимо, миссис Уэлдон пыталась объяснить, что она не какая-нибудь обманщица, мошенница или проститутка, и девушка всеми силами старалась показать, что ничего такого ей и в голову не приходило. Гарриет почувствовала себя неловко, а когда такое случилось, ее речь всегда становилась более резкой и грубой. Она чувствовала, что сейчас будет «сцена», но в отличие от многих женщин не любила чужие истерики. Войдя в комнату под номером 23, мисс Вэйн попросила гостью присесть.

Миссис Уэлдон опустилась на кресло, крепко прижимая к себе свою дорожную сумочку:

— Я насчет... насчет мистера Алексиса. Горничная рассказала мне жуткую историю... я пошла к управляющему... но он отказался отвечать на вопросы... Я видела вас с полицейскими... и все эти репортеры говорили... они показывали на вас... о, мисс Вэйн, пожалуйста, скажите мне, что случилось.

Гарриет прочистила горло и принялась рыться в карманах в поисках сигарет.

— Мне очень жаль, — начала она. — Боюсь, случилось нечто действительно ужасное. Видите ли... вчера днем я случайно оказалась на пляже и нашла лежавшего мужчину — мертвого. И, судя по всему, боюсь, это был мистер Алексис.

Нечего ходить вокруг да около. Это жалкое существо с изможденным накрашенным лицом и высветленными волосами должно знать правду. Она зажгла спичку и уставилась на огонь.

— Да, я слышала об этом. Вы не знаете, что это было, — сердечный приступ?

— Боюсь, что нет. Полиция считает, что он (как бы сказать помягче?) сделал это сам (по крайней мере, слова «самоубийство» удалось избежать).

— О нет, он не мог! Не мог! Мисс Вэйн, здесь какая-то ошибка. Это, должно быть, несчастный случай.

Гарриет покачала головой.

— Но вы же не знаете... как вы можете?.. Это невозможно. Люди не должны говорить такие жестокие вещи. Он был так счастлив, он не мог сделать ничего подобного. Почему он... — Миссис Уэлдон остановилась, вглядываясь в лицо Гарриет, — Я слышала, они упоминали бритву... Мисс Вэйн! Как он погиб?

Тут уж не подберешь мягких слов, это точно. Даже никаким научным термином не назовешь.

— У него перерезано горло.

— О! — Миссис Уэлдон смертельно побледнела. — Да, они говорили, они сказали... я точно не расслышала... мне не хотелось спрашивать... и они все казались такими довольными.

— Знаю, — сказала Гарриет. — Видите ли, газетчики... они же живут этим, для них эти события — как хлеб и вода, и тут ничего не поделаешь, они не виноваты. К тому же вряд ли они знали, что для вас их разговоры что-то значат.

— Да, но... это так. Но вы-то, вы же расскажете все как есть? Я могу вам доверять?

— Вы можете мне доверять, — медленно произнесла Гарриет. — Но происшествие на самом деле не похоже на несчастный случай. Не хочу вдаваться в детали, но, поверьте, это просто не мог быть несчастный случай.

— Значит, это не мистер Алексис. Где он? Могу я его увидеть?

Гарриет пришлось объяснить, что тело еще не обнаружили.

— Тогда это кто-то другой. С чего они взяли, что это Пол?

Девушка была вынуждена рассказать и о фотографиях, уже предчувствуя, каким будет следующий вопрос.

— Покажите мне их.

— Это не слишком приятное зрелище.

— Покажите мне фотографию. Я не могу ошибаться.

Что ж, возможно, лучше сделать это и заодно избавиться от сомнений. Гарриет медленно достала снимок. Миссис Уэлдон буквально выхватила его из ее рук.

— О господи! О господи!

Гарриет позвонила в колокольчик и, выйдя в коридор, попросила горничную принести виски с содовой. Затем она заставила бедную женщину выпить принесенное спиртное, достала чистый носовой платок и принялась ждать, когда буря немного уляжется. Ей пришлось присесть на подлокотник кресла и беспомощно гладить миссис Уэлдон по плечу. К счастью, кризис принял форму жалобного плача, а не истерики. Уважение Гарриет к миссис Уэлдон ощутимо возросло. Когда всхлипывания несколько успокоились, Гарриет всунула в руки женщины платок.

— Спасибо, дорогая, — слабо пробормотала та и принялась тереть глаза платком, оставляя на ткани красные и черные разводы от косметики. Затем она высморкалась и распря-

милась. — Я извиняюсь, — сказала посетительница несчастным голосом.

— Все в порядке. У вас наверняка сильный шок. Может, вам стоит умыться? Это поможет вам прийти в себя, как вы думаете?

Гарриет нашла губку и полотенце.

Когда миссис Уэлдон закончила смывать разноцветные полоски, она сильно изменилась, оказавшись женщиной лет пятидесяти-шестидесяти, с землистым цветом лица, куда более приятной в, так сказать, натуральном виде. Она потянулась было за своей сумочкой, но затем опустила руки.

— Я ужасно выгляжу, — женщина сухо рассмеялась, — но какое это имеет значение теперь?

— Я бы на вашем месте об этом не печалилась, — заметила Гарриет. — Вы выглядите очень неплохо. Seriously. Присаживайтесь. Возьмите сигарету. Давайте-ка я найду вам какую-нибудь таблетку, у вас наверняка разболелась голова.

— Спасибо. Вы так добры. А я, глупая, доставила вам столько проблем.

— Нет-нет. Я бы очень хотела помочь вам.

— Вы можете... если захотите. Я уверена, вы очень умны. Вы кажетесь умной девушкой. Я не такая. Хотя мне и хотелось бы. Думаю, если б я была поумнее, я была бы счастливее. Наверное, приятно уметь что-то делать. Я часто размышляла о том, что если бы я умела рисовать или водить мотоцикл или еще что-нибудь, я бы получала куда большее удовольствие от жизни.

Гарриет с серьезным видом подтвердила, что, действительно, весьма приятно иметь какое-то занятие.

— Но, конечно, — вернулась к своим рассуждениям миссис Уэлдон, — я никогда ничего такого не могла. Я жила лишь своими эмоциями. Ничего не могла поделать. Наверное, я так уж устроена. Разумеется, моя замужняя жизнь обернулась настоящей трагедией. Но теперь все кончено. И мой сын — вы можете подумать, что я еще слишком молода, чтобы иметь взрослого сына, но меня очень рано выдали замуж мой сын стал для меня истинным разочарованием. У него нет сердца, что весьма странно, поскольку я сама человек большой души.

Я нежно люблю сына, дорогая мисс Вэйн, но молодые люди настолько бесчувственны. Если бы только он относился ко мне добрее, я бы жила только ради него. Все кругом вечно твердили, что я потрясающая мать. Но если бы вы знали, как одиноко бывает, когда твой собственный ребенок совсем забывает о тебе, и ведь никого нельзя обвинить в том, что ему хочется испытать немного счастья, не правда ли?

— Я знаю, о чем вы, — сказала Гарриет. — Я сама пыталась ухватить кусочек счастья. Ничего не получилось.

— Не получилось?

— Нет. Мы поссорились, а потом... в общем, он умер и все решили, что это я его убила. Хотя это, разумеется, была не я. Его убил кто-то другой, но все это так неприятно.

— Бедняжка. Но, конечно, вы очень умны. Вы хоть что-то делаете в своей жизни. Но мне-то что делать? Я даже не знаю, каким образом решить все эти ужасные проблемы с Полом. Но вы умная, и вы мне поможете, правда?

— Для этого вы должны конкретно сказать, чего же вы хотите.

— Да, конечно. Господи, я такая глупая, даже объяснить ничего нормально не могу. Но, мисс Вэйн, видите ли, я абсолютно точно знаю, что Пол не мог сделать ничего подобного. Не мог. Он был так счастлив со мной и с нетерпением ждал этого.

— Ждал чего?

— Нашей свадьбы, конечно, — сказала миссис Уэлдон так, словно этот факт был вполне очевидным.

— О, ясно. Простите. Я и не знала, что вы собирались пожениться. Когда?

— Через две недели. Как только я подготовлюсь к столь знаменательному событию. Мы были так счастливы, как дети.

В глазах бедной женщины снова появились слезы.

— Я вам все расскажу. Я приехала сюда в январе. Я сильно болела, и доктора посоветовали мне сменить климат, а я так устала от Ривьеры. Я подумала, почему бы мне не попробовать съездить в Уилверкомб, для разнообразия? И я приехала. Отель здесь действительно неплохой, я когда-то уже останавливалась в нем, вместе с леди Хэртлпул, но она умер-

ла в прошлом году, понимаете? В первую же ночь Пол подошел ко мне и пригласил на танец. Мы сразу почувствовали какое-то притяжение, понимаете? Как только наши глаза встретились, мы поняли, что нашли друг друга. Он тоже был одиноким. Мы танцевали каждую ночь. Мы ходили гулять, и он рассказывал мне о своей печальной жизни. В какой-то степени мы оба были изгнанниками.

— Ах да, он же приехал из России.

— Да, совсем еще ребенком. Бедняжка. На самом деле он был там аристократом, хотя и не любил говорить на эту тему. Только изредка слегка намекал. Он так переживал, что ему пришлось опуститься до профессионального танцора. Когда мы узнали друг друга получше, я сказала ему, что в моем сердце он навсегда останется принцем, а он ответил, что для него это куда лучше императорской короны. Бедный мальчик. Он так сильно меня любил. Иногда даже пугал. Русские такие страстные, понимаете?

— Конечно, конечно, — согласилась Гарриет. — Вы, случайно, не ссорились в последнее время, мало ли, что могло довести его до...

— О нет! Нам было так необыкновенно хорошо вместе. В последнюю ночь мы танцевали друг с другом, и он прошептал мне на ухо, что скоро в его жизни произойдут крупные и потрясающие перемены. Он был в таком приподнятом настроении, весь в нетерпении. Он всегда приходил в восторг даже по поводу любых мелочей, но тогда... он выглядел по-настоящему счастливым. Он так блестяще танцевал в ту ночь. Сказал, это потому, что его сердце переполнено радостью, что он словно шагает не по полу, а по воздуху. Он произнес: «Возможно, завтра мне придется уехать, но я не могу сказать тебе, куда и зачем». Я ни о чем не спрашивала, чтобы не испортить сюрприз, но, конечно, я сразу догадалась, что он собирался за разрешением и что через две недели мы поженимся.

— Где вы собирались провести церемонию?

— В Лондоне. В церкви, конечно, я всегда считала, что свадьбы в регистратуре — это ужасно. А вы как думаете? Мы не хотели рассказывать о наших планах никому из местных,

чтобы не породить множество грязных слухов. Понимаете, я немного старше его, и люди могут говорить такие ужасные вещи по этому поводу. Я немного волновалась из-за этого, но Пол всегда говорил: «Важно только то, что мы чувствуем, Цветочек». Он называл меня «Цветочек», потому что меня зовут Флора, имя жуткое, скажу я вам, не понимаю, почему мои родители выбрали именно его. «Важно только то, что мы чувствуем, и я знаю, что в душе тебе семнадцать». Звучит красиво, и к тому же абсолютная правда. Рядом с ним я чувствовала себя семнадцатилетней девочкой.

Гарриет что-то пробурчала себе под нос. Разговор пугал ее. Он был тошнотворным, жалким, искусственным и при этом до жути реальным. Чересчур комичным и при этом трагичным. Ей хотелось прекратить его немедленно, но надо было продолжать и пытаться отделить важные факты от этого потока абсурда.

— Он никого не любил до встречи со мной, — изливала душу миссис Уэлдон. — В первой любви есть что-то священное, такое непорочное. Он слегка завидовал моему умершему мужу, но я сказала ему, что в этом нет смысла. Выходя замуж за Джона Уэлдона, я была еще совсем ребенком, в то время я не понимала, что значит настоящая любовь. Встреча с Полом стала словно пробуждением для меня. Конечно, были и другие мужчины, не стану этого скрывать, которые хотели жениться на мне (ведь я рано стала вдовой), но для меня они ничего не значили, совсем ничего. «Сердце девочки с опытом женщины» — вот как говорил об этом Пол. И это правда, дорогая моя, чистая правда.

— Уверена, что это так. — Гарриет старалась, чтобы ее голос прозвучал хоть сколько-то убедительно.

— Пол... он был так красив, так грациозен... если бы вы только его видели! И при этом очень скромнен и совсем не избалован, хотя за ним бегало столько женщин. Он долгое время боялся заговорить со мной, я имею в виду, сказать мне о своих чувствах. Если честно, мне самой пришлось сделать первый шаг, иначе он бы ни за что не осмелился, хотя его чувства были для меня очевидны. После нашей помолвки в феврале он предложил отложить свадьбу на июнь. Ему казалось,

что мы должны попробовать преодолеть сопротивление моего сына — так мило с его стороны. Конечно, положение Пола сделало его таким чувствительным. Ведь я довольно богата, а у него не было ни гроша за душой, и он даже отказывался принимать от меня подарки, по крайней мере до свадьбы. Ему приходилось пробиваться самому, ведь эти ужасные большевики ничего ему не оставили.

— Кто опекал его, когда он впервые приехал в Англию?

— Женщина, которая привезла его. Он называл ее «старуха Наташа», она была крестьянкой, очень любила малыша. Но вскоре она скончалась, и его усыновил еврейский портной, семья которого была необыкновенно добра к Полу. Он помог мальчику получить британское подданство и дал ему фамилию Голдшмидт. Но потом его бизнес пошел ко дну, семья страшно обеднела. Полу приходилось подстригать газоны и продавать газеты. Затем Голдшмидты эмигрировали в Нью-Йорк, но дела только ухудшались. Потом они все умерли, и Пол остался один. Он не любил рассказывать об этом периоде своей жизни, для него это было как страшный сон.

— Полагаю, он посещал какую-то школу?

— Да, он ходил в обычную государственную школу, вместе с другими маленькими бедняжками с Востока. Но ему там не нравилось. Они смеялись над ним, ведь он был таким хрупким. Его били, однажды его избили на игровой площадке, после этого он долго болел. И ему было так одиноко.

— Чем он занимался после школы?

— Работал в ночном клубе — мыл стаканы. К нему там относились неплохо, хотя об этом он тоже не любил рассказывать. Он был такой чувствительный, понимаете? Ему казалось, люди будут смеяться над ним, если узнают, что он занимался подобной работой.

— Мистер Алексис научился танцевать в ночном клубе? — задумчиво спросила Гарриет.

— О да, он был блестящим танцором. Это у него в крови, понимаете? Позже он стал профессиональным танцором, и у него отлично получалось, хотя он и не хотел заниматься этим.

— Тем не менее ему удалось неплохо устроиться. — Гарриет подумала об одежде погибшего и сработанных вручную туфлях.

— Да, он очень много работал. Но Пол никогда не был сильным — он говорил мне не раз, что не сможет долго зарабатывать танцами. С коленом у него были какие-то проблемы, и он все боялся, что ему станет еще хуже. Разве это не ужасно? Пол был таким романтиком, вы знаете, он писал потрясающие стихи. Он любил все прекрасное.

— Что привело его в Уилверкомб?

— Он вернулся в Лондон, когда ему исполнилось семнадцать, и получил работу. Но заведение то ли стало банкротом, то ли полиция его прикрыла, я не знаю... он приехал сюда, чтобы немного отдохнуть, у него оставались небольшие накопления. Узнав, что здесь требуется танцор, он временно устроился на работу, а потом управляющий предложил ему остаться насовсем, ведь Пол был великолепен.

— Ясно. — Гарриет было совершенно очевидно, что проследить за жизнью Алексиса в нью-йоркском гетто и лондонских клубах будет отнюдь не простой задачей. — Да. Пол говорил, что нас обоих привела сюда рука судьбы. Странно, не правда ли? Мы оба случайно оказались здесь, словно так было суждено. А теперь... — Слезы хлынули по щекам миссис Уэлдон, и она беспомощно уставилась на Гарриет.

— Мы оба были так одиноки, так печальны, и мы были бы так счастливы вместе.

— Это невероятно грустно, — невыразительно согласилась Гарриет. — Полагаю, мистер Алексис был темпераментным мужчиной?

— Если вы хотите сказать, что он сам совершил эту ужасную вещь, — нет, никогда! Это не он. Конечно, он был достаточно темпераментным, но ведь со мной он был так счастлив. Я ни за что не поверю, что он вот так оставил меня, не попрощавшись. Это невозможно. Мисс Вэйн, вы должны доказать, что это невозможно. Вы такая умная, я знаю, вы можете. Вот почему я хотела увидеть вас и рассказать вам о Поле.

— Вы понимаете, — медленно начала Гарриет, — что если это сделал не он, то это сделал кто-то другой?

— А почему бы и нет? — Миссис Уэлдон всплеснула руками. — Может, кто-то позавидовал нашему счастью. Пол был таким красивым, таким романтичным, наверняка нам кто-то завидовал. А может, это сделали большевики. Я только вчера читала в газете о том, что они заполонили Англию, ведь они способны на все! Я считаю, это ужасно, что мы позволяем им приезжать сюда и угрожать безопасности жителей, а правительство их только подбадривает. Они убили Пола, и я не удивлюсь, если скоро они начнут кидать бомбы в короля и королеву. Их следует остановить, иначе будет революция.

— Что ж, — подвела итог беседе Гарриет. — Мы должны подождать и выяснить, что найдет полиция. Боюсь, вам придется поделиться с ними кое-какими подробностями ваших отношений с мистером Алексисом. Я понимаю, это не очень приятно, но ничего не поделаешь, они захотят узнать обо всем, что может относиться к делу.

— Ничего страшного, я готова ко всему, через что мне придется пройти. — Миссис Уэлдон решительно вытерла глаза. — Это же для того, чтобы сохранить светлую память о Поле. Спасибо вам огромное, мисс Вэйн. Я отняла у вас столько времени. Вы очень добры.

— Не беспокойтесь, — возразила Гарриет. — Мы сделаем все, что в наших силах.

Девушка проводила посетительницу до двери, затем усеялась в кресло и задумчиво закурила. Могла ли будущая свадьба с миссис Уэлдон послужить поводом для самоубийства? Вряд ли. Таких вещей легко можно избежать, при желании. С другой стороны, с этими мужчинами никогда нельзя быть уверенной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ПЕРВЫЙ ПАРИКМАХЕР

Пожилой, добродушный мужчина.

Второй брат

Пятница, 19 июня — день и вечер

— **В**ы мне не подскажете, — спросил лорд Питер, — что стало со старым мистером Эндикоттом в наши дни?

Управляющему бакалейной лавкой нравилось самому общаться с благородными клиентами, поэтому он незамедлительно ответил посетителю:

— Да, мой лорд. У него дом в Илинге. Порой он заглядывает к нам. Замечательный джентльмен, мистер Эндикотт.

— Несомненно. Я давненько его не видел. Боялся, вдруг с ним что-нибудь случилось.

— О нет, мой лорд, что вы. Он в блестящем здравии. Играет в гольф и увлекается папье-маше. Говорит, что ничто не может сохранять человека таким здоровым, как интерес к жизни.

— И он прав, — заметил Уимзи. — Надо бы мне как-нибудь заехать к нему. Вы знаете его адрес?

Найти жилище мистера Эндикотта было несложно. Хозяин оказался дома и встретил предложение пропустить по стаканчику вина весьма благосклонно. Лорд Питер осмотрел коллекцию папье-маше, поболтал со стариком о гольфе, а затем перешел к тому, из-за чего он, собственно, и приехал.

— Мистер Эндикотт, я тут наткнулся на одну из ваших бритв, и, следует заметить, при весьма странных обстоятельствах. Возможно, вы сможете оказать мне небольшую услугу?

Мистер Эндикотт вежливо улыбнулся, налил себе еще вина и сообщил, что он будет рад помочь лорду.

Уимзи подробно описал внешний вид бритвы и спросил, нельзя ли каким-нибудь образом узнать, кто ее покупатель.

— Ручка из слоновой кости, вы сказали. Что ж, можно сказать, вам повезло, потому что таких у нас было немного, всего десятка три. Большинство клиентов предпочитает черные ручки. Так, я могу немного рассказать вам о них. Эти бритвы появились во время войны, году в тысяча девятьсот шестнадцатом, думаю я. Тогда нелегко было достать первоклассное лезвие, но эти были совсем не плохи. Тем не менее из-за белой ручки их покупали мало, помню, мы были очень рады, когда нам удалось продать десяток нашему старому клиенту из Бомбея. Его звали капитан Фрэнсис Эгертон. Он купил несколько для себя и друзей. Это было в тысяча девятьсот двадцатом.

— Бомбей? Далековато, ничего не скажешь. А что с остальными?

Казалось, что память у мистера Эндикотта весьма похожа на энциклопедию. Он уселся поудобнее и продолжил:

— Так, был еще командор Меллон, он купил две. Но эта бритва точно не командора — его корабль взорвался и утонул, вместе со всеми принадлежностями несчастного. В тысяча девятьсот семнадцатом году. Командор был галантным джентльменом, из хорошей семьи. Герцог Уэзерби тоже купил одну и недавно говорил мне, что она все еще у него. Это не он. Вот мистер Причард, с ним приключилась необычная история. Один из его слуг сошел с ума и набросился на хозяина с этой самой бритвой в руках, но, к счастью, мистер Причард оказался сильнее. Позже он купил у меня новую бритву, потому что лезвие той переломилось во время драки, но я знаю, что он хранит его у себя, как напоминание о самом страшном бритье в своей жизни. Мне еще показалось, что это отличная идея. Мистер Причард всегда был интересным джентльменом. Полковник Граймс купил одну, но он бросил все свои вещи, когда бежал с поля боя в сражении, так что не знаю, что случилось с той бритвой. Позже он купил еще одну, такую же, и она до сих пор у него. Так, это шесть, что же случи-

лось с остальными? Ах да, знаю! С одной произошла забавная история. Молодой мистер Рэтклифф, Генри Рэтклифф, однажды пришел ко мне и сказал: «Эндикотт. Взгляните на мою бритву!» — «Сэр, Боже правый! Она выглядит так, словно кто-то пытался побрить ею дерево!», — «Вы почти угадали, Эндикотт. Моя невестка и ее подруги решили, что им обязательно надо устроить театральное представление и что моя бритва наилучшим образом подходит для вырезания декораций». Господи, он так злился из-за этого! Конечно, лезвие было абсолютно испорчено, он купил другую бритву, французскую. Да, был еще бедный лорд Блэкфрайрс. Печальная история. Он женился на одной известной актрисе, она взяла все его деньги и сбежала с каким-то итальянцем. Вы, разумеется, помните эту историю. Он разнес себе голову из пистолета, бедный господин. Оставил обе свои бритвы слуге, тот не расстается с ними ни при каких обстоятельствах. Майор Хартли купил парочку, полковник Бэлфридж тоже. Они оставили город и переехали в деревню. Я могу дать вам их адреса. Сэр Джон Уэстлок... не могу сказать ничего конкретного. У него были какие-то проблемы, и он уехал за границу в начале двадцатых. Память у меня уже не та, что раньше, да... У него тоже была пара бритв. Любил острые лезвия и очень аккуратно с ними обращался. Мистер Алек Бэринг... тут тоже неприятная история. У него была одна из бритв, но, полагаю, там, где он сейчас, она ему не пригодится. Так, еще несколько штук я подарил своему первому помощнику, когда закрывал дело. Он открыл свое собственное, и я слышал, дела у него обстоят неплохо. Так, где же еще пара?

Мистер Эндикотт с несчастным видом потер лоб.

— Иногда мне кажется, что я начинаю сдавать, — сказал он, — моя память уже не такая, как прежде. Так, кто же мог их купить? Может, сэр Уильям Джонс? Нет, невозможно. Маркиз?.. Нет. Минуточку. Сэр Гарри Рингвуд покупал пару бритв для своего сына, молодого мистера Рингвуда, который учился в колледже Святой Магдалины. Я их давно не видел. Он купил их в тысяча девятьсот двадцать пятом году, а его сын, закончив университет, отправился в Восточную Африку. Вот! Я знал, что все вспомню. Это все, мой лорд.

— Эндикотт, — сказал лорд Питер. — Я считаю, что вы великолепны. Вы потрясающе молоды для своего возраста, и я бы не отказался встретиться с вашим поставщиком вина.

Довольный Эндикотт откинулся на спинку кресла и сообщил имя продавца.

— Большую часть этих людей можно опустить, — задумчиво произнес Уимзи. — Полковник Граймс является проблемой — кто знает, что могло случиться с его вещами во Франции? Наверняка их кто-то нашел. Бритва могла даже вернуться в страну. Это первый вариант. Надо найти майора Хартли и полковника Бэлфриджа. Не думаю, что это сэр Джон Уэстлок увез все бритвы с собой. Следует разузнать насчет бедного мистера Бэринга. Его бритву могли продать или подарить. И насчет молодого Рингвуда тоже надо осведомиться, хотя это маловероятно. Так, теперь ваш помощник. Как вы думаете, возможно ли, что он продал бритвы?

— О нет, не думаю, милорд. Он обещал мне, что будет сам ими пользоваться или использовать для клиентов. Ему нравилось, что на них выгравировано старое название. Но для продажи он скорее стал бы выставять бритвы со своим именем. Это довольно важно в нашем деле.

— Хорошо. Теперь скажите мне, кто из перечисленных вами клиентов не умел правильно обращаться с бритвой и время посылал ее обратно для замены лезвия?

Мистер Эндикотт усмехнулся.

— Ах, конечно! — воскликнул он. — Полковник Бэлфридж, господа! Господа! Он ужасно обращался со своими бритвами, да и продолжает, насколько я знаю. Он все время говорит мне: «Помяни мое слово, Эндикотт, я понятия не имею, что ты делаешь с моими бритвами. Их лезвие затупляется каждую неделю. Да, лезвия сейчас не такие, как до войны». Но война, а также и лезвия тут на самом деле совершенно ни при чем. Он всегда делает одно и то же. Я думаю, он неправильно правит бритвы. Полковник принадлежит к прекрасной семье, но он не очень богат. Настоящий солдат.

— Старая школа, да? Добряк, но вспыльчивый? Знаю таких. Где, вы сказали, он теперь живет?

— В Стэмфорде, — ответил мистер Эндикотт. — Он прислал мне открытку на Рождество. Так мило с его стороны иногда вспоминать обо мне. Но мои старые клиенты никогда не огорчают меня на этот счет. Они знают, как я ценю то, что обо мне помнят.

— Что ж, мой лорд, я был невероятно рад вас видеть, — добавил он, когда Уимзи поднялся и взял свою шляпу, — и надеюсь, я смог вам хоть чем-нибудь помочь. Надеюсь, вы пребываете в добром здравии. Выглядите отлично.

— Я старею, — возразил лорд. — У меня волосы на висках начали седеть.

Мистер Эндикотт усмехнулся.

— Это ничего, — утешил он гостя. — Многие дамы находят сей факт привлекательным. Мужчина с седыми висками выглядит более благородно. Надеюсь, ваша шевелюра не редет?

— Нет, насколько я знаю. Вы можете взглянуть.

Мистер Эндикотт ухватил прядь волос лорда и внимательно но осмотрел корни.

— Никаких признаков облысения, — наконец вынес вердикт парикмахер. — Никогда не видел более здоровых волос. Но если вдруг, мой лорд, вы обнаружите, что у вас начали выпадать волосы, известите меня. Я буду рад помочь вам советом. У меня по-прежнему хранится рецепт специального бальзама, я до сих пор не видел средства лучше.

Уимзи рассмеялся и клятвенно заверил цирюльника, что обязательно сообщит ему при первых же признаках наступающей беды. Старик проводил гостя до двери, восторженно пожал его руку и попросил заходить почаще.

Усевшись в машину, лорд задумался о том, куда же ему направиться далее свои стопы. У него было три пути: он мог поехать в Истбурн, в Стэмфорд или вернуться в Уилверкомб. Казалось вполне логичным вернуться в Уилверкомб, на место преступления. То, что Гарриет тоже находилась там, лишь придавало привлекательности подобному поступку. С другой стороны, его задача — разрешить проблему с бритвой, и как можно быстрее. Добравшись до своей квартиры на Пикадил-

ли, лорд Питер обнаружил там своего слугу, Бантера, наклеивающего фотографии в огромный альбом.

Поведав Бантеру о своих проблемах, Уимзи попросил совета. Тот немного подумал и высказал свое мнение:

— На месте вашей светлости, мой лорд, я бы поехал в Стэмфорд. По разным причинам.

— Ты бы так и сделал, да?

— Да, мой лорд.

— Что ж, возможно, ты прав, Бантер.

— Спасибо, мой лорд. Вы хотите, чтобы я сопровождал вас?

— Нет, — улыбнулся Уимзи. — Ты отправишься в Истбурн.

— Хорошо, мой лорд.

— Завтра утром. Я переночую в городе. Отправь для меня телеграмму... Хотя нет, я сам отправлю.

Телеграмма от лорда Питера Уимзи мисс Гарриет Вэйн:

«ЕДУ В СТЭМФОРД ПО ДЕЛУ О БРИТВЕ ОТКАЗЫВАЮСЬ БЫТЬ ГЕРОЕМ КОТОРЫЙ УВИВАЕТСЯ ЗА ГЕРОИНЕЙ ЗАБЫВАЯ О ДОЛГЕ НО ТЫ ВЫЙДЕШЬ ЗА МЕНЯ — ПИТЕР».

Телеграмма от мисс Гарриет Вэйн лорду Питеру Уимзи:

«УДАЧНОЙ ОХОТЫ ЗДЕСЬ НИЧЕГО НОВОГО — ВЭЙН».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ЖИГОЛО

Никчемная жизнь,
Жизнь смехотворная.

Книга шуток со Смертью

Пятница, 19 июня — вечер

Мисс Гарриет Вэйн кружилась в танце в объятиях мистера Антуана, местного отельного жиголо.

— Боюсь, я не очень хорошо танцую, — заметила она извиняющимся тоном.

Мистер Антуан, который, как ни странно, не был ни евреем, ни южноамериканцем, ни выходцем из центральной Европы, а вовсе даже французом, крепче прижал ее к себе и ответил:

— Вы очень правильно танцуете, мадемуазель. Вам просто не хватает тренировок. А быть может, вы просто ждете идеального партнера. Когда вместе с ногами танцует сердце, танец получается восхитительным.

Он взглянул ей в глаза, подбадривая.

— Обычно вы это говорите всем этим престарелым леди? — Гарриет рассмеялась.

Антуан слегка расширил глаза, затем произнес насмешливым тоном, в ответ на ее замечание:

— Боюсь, что это так. Часть моей работы, понимаете ли.

— Это, наверное, нелегко.

Антуан слегка пожал плечами, не сбиваясь с ритма.

— Que voulez-vous? (Что вы хотите?) В любой работе случаются тяжелые моменты, но они сменяются приятными. Ино-

гда какой-нибудь мадемуазель можно совершенно искренне сказать то, что в другом случае не являлось бы правдой.

— Обо мне не волнуйтесь, — произнесла Гарриет. — Мне надо поговорить о другом. Я хотела спросить у вас о мистере Алексисе.

— Раувге (бедный) Алексис! Это ведь вы нашли его, мадемуазель, я правильно понимаю?

— Да. Мне просто интересно, что он был за человек? Почему он сделал с собой то... что он сделал.

— Ах, мы все этим очень интересуемся. Без сомнений, во всем виноват русский темперамент.

— Я слышала, — Гарриет словно ступала по тонкому льду, — что он был помолвлен с одной леди.

— Ах да, с англичанкой. Понятное дело.

— Был ли он счастлив?

— Мадемуазель, Алексис был беден, а английская леди богата. Для него женитьба на ней имела множество преимуществ. Поначалу, несомненно, общество бы его не приняло, но вы сами знаете, как быстро забываются подобные скандалы.

— Вы не думаете, что он внезапно испугался предстоящей женитьбы и решил так своеобразно избавиться от нежелательных уз?

— Сказать определенно нелегко, но — нет. Не думаю. В конце концов, он всегда мог просто уехать. Он был отличным танцором и очень популярным. Он легко мог найти другое место, если только здоровье позволяло ему продолжать работать.

— Я все думаю о том, не было ли чего-то, что усложняло его жизненную ситуацию.

— Ну, судя по тому, что он рассказывал нам, мадемуазель, у него не было никаких проблем, которые требовали трудных решений.

— Женщины его любили, полагаю? — спросила Гарриет.

Улыбка Антуана вполне могла послужить ей ответом.

— В последнее время у него было неприятностей, может быть, он был чем-то расстроен?

— Ни о чем таком я не слышал. Хотя, конечно, мы же не всегда рассказываем друзьям обо всех своих проблемах.

— Конечно нет. Я не хочу показаться назойливой, но все это так странно.

Музыка прекратилась.

— Что дальше? — спросила Гарриет. — Продолжим или вы заняты на все следующие танцы?

— О нет, мы с вами вполне можем еще потанцевать. А затем мне надо будет уделить внимание и другим, если только мадемуазель не желает переговорить с управляющим по поводу специального заказа.

— Нет, — ответила Гарриет. — Не хочу создавать вам лишних проблем. Почему бы вам и паре молодых леди не поужинать вместе со мной попозже?

— О, с удовольствием, мадемуазель. Это так мило с вашей стороны, очень мило. Можете положиться на меня, мадемуазель, я все организую. Это совершенно естественно, что мадемуазель интересуется данным делом.

— Да, но мне бы не хотелось, чтобы управляющий подумал, будто я допрашиваю его работников за его спиной.

— *N'ayez pas peur, je m'en charge* (Не бойтесь, я этим займусь). Я снова приглашу вас через некоторое время и скажу, что мне удалось устроить.

Улыбаясь, он проводил свою партнершу за столик, направился к высокой даме в тесно сидящем платье и вывел ее на площадку для танцев. Все это время на его губах играла легкая, словно нарисованная улыбка.

Примерно шесть танцев спустя эта улыбка снова засияла возле Гарриет, и Антуан, кружа ее в вальсе, сообщил, что в одиннадцать тридцать, после окончания танцев, она должна отыскать небольшой ресторан в нескольких улицах отсюда, где он, Дорис и Черис будут ее ждать. Ресторан совсем маленький, но неплохой, и владелец его знакомый. Более того, Антуан сам остановился в небольшом отеле при ресторане и с удовольствием пригласит мадемуазель на бокал вина. Там они смогут поговорить совершенно спокойно, без посторонних. Гарриет настояла на том, что она заплатит за ужин, и незадолго до полуночи уже сидела на красном плюшевом диване, окруженном мерцающими зеркалами.

Блондинка Дорис и брюнетка Черис были только рады посплетничать о смерти мистера Алексиса. Дорис оказалась тем человеком, которому принято жаловаться на свои душевные проблемы, поэтому она смогла поведать о делах сердечных покойного коллеги. У него была девушка, о да, но несколько недель назад они прекратили встречаться, совершенно таинственным образом. Миссис Уэлдон тут абсолютно ни при чем. Нет, видимо, они разошлись по обоюдному согласию, никто не казался особенно расстроенным по этому поводу. Уже точно не Алексис, который выглядел скорее довольным, словно ему удалось избавиться от тягостной ноши. С тех пор та девушка встречалась с другим мужчиной, который, скорее всего, был другом Алексиса.

— Если вы меня спросите, — сказала Дорис с сильным акцентом кокни, — Алексис спихнул ее своему приятелю не просто так, а чтобы освободить дорогу своим маленьким задумкам.

— Каким еще задумкам?

— Я точно не знаю. Но в последние несколько недель он явно строил какие-то планы. Он так важничал по этому поводу, с ним прямо говорить было страшно — такой величественный. На все вопросы он лишь отвечал: «Подождите. Подождите, вы скоро сами увидите». Я сказала ему, что мне все равно и что его секреты мне не нужны, он может оставить их при себе. Думаю, он затеял какую-то игру. Что бы это ни было, он был от этого в восторге.

«Миссис Уэлдон тоже об этом говорила», — подумала Гарриет. Алексис приготовил для нее какой-то сюрприз, хотя та и поняла это по-своему. Писательница озвучила свои мысли.

— Разрешение на брак? — переспросила Черис. — О нет! По этому поводу он бы так не радовался. Он вряд ли мог быть счастлив оттого, что вскорости ему придется жениться на ужасной старухе. Так ей и надо, кстати. Такие вещи кажутся мне отвратительными.

— Мне ее жаль, — высказал свою точку зрения Антуан.

— О, тебе всегда всех жаль. Я считаю, что это просто жутко. Мерзкие толстые мужчины, например, тоже ужасны, вечно норовят обидеть честную девушку. Если бы Грили не был при-

личным человеком, я бы ему сразу отказала, но он, по крайней мере, умеет себя вести. Но старуха...

Черис сделала неопределенный жест рукой и скорчила рожицу.

— Думаю, — предположила Гарриет, — что Алексис хотел твердо стоять на ногах, а для этого ему надо было устроиться в финансовом плане и чувствовать себя в безопасности. Все-таки даже танцор не может протанцевать всю жизнь, верно? Особенно если у него есть проблемы со здоровьем.

Она говорила с легкой неуверенностью, но Антуан немедленно согласился, к ее большому облегчению.

— Вы правы. Пока мы молоды и веселы, все кажется прекрасным. Но затем наши головы лысеют, ноги слабеют — и все, конец! Управляющий сообщает, что ты прекрасный танцор и прочее, но клиенты предпочитают людей помоложе, — и ты вынужден распрощаться с публикой первого класса. Мы, что называется, катимся под откос. Это большое искушение, скажу я вам, когда к тебе подходит кто-то и говорит: «Эй! Тебе надо всего лишь жениться на мне, и ты станешь богачом». А что тебе для этого надо? Всего лишь повторять глупую ложь каждую ночь своей жене, а не паре десятков сумасшедших старух. И то и другое мы делаем за деньги — так в чем же разница?

— Это правда, мы все рано или поздно к этому приходим, — Черис поморщилась, — но в случае с Алексисом... Он словно всегда хотел добиться чего-то большего. Все время твердил о своем благородном происхождении, пропавшем состоянии — все эти его истории. Его послушать — так чисто романтический герой. Вечно хотел быть у всех на виду, в центре внимания, наш мистер Пол Алексис. Можно было подумать, что он оказывает полу услугу тем, что танцует на нем. А потом этот волшебный принц практически вынужден был жениться на престарелой леди ради ее денег.

— Да ладно, он не был таким уж плохим, — возразила Дорис, — не говори так, милая. Для нас, танцоров, совсем не легко, что все обращаются с нами как с грязью. Хотя при этом все они мечтают использовать тебя, только дай им шанс. Алексис ничем не отличался от нас, от всех остальных. А теперь он мертв, бедняжка, так что не надо говорить о нем гадости.

— Вуаля! — воскликнул Антуан. — Он мертв. Почему он умер? Никто не станет перерезать себе горло шутки ради.

— Да, вот этого я тоже не могу понять, — призналась Черис. — В ту минуту, когда я услышала о трагедии, моей первой мыслью было: «Это так не похоже на Алексиса». У него бы духу на такое не хватило. Господи, да он приходил в ужас оттого, что порезал мизинец. И не хмурься, милая. Пускай он десять раз мертв, это не меняет его сущности. Ты и сама частенько над ним потешалась. «Я не могу залезть на стремянку, я боюсь упасть». «Мне не нравится ходить к зубному, он может вырвать мне зуб». Я всегда говорила ему, что он ведет себя так, словно сделан из стекла.

— Я знаю, о чем вы думаете, мадемуазель, — сказал Антуан со своей обычной улыбкой. — Вы думаете: Вуаля! Вот что такое жиголо. Это не человек, а набитая кукла». Его покупают, продают, и не все это сопровождается приятными слухами. Какой-нибудь английский аристократ заметил бы: «А чего еще от них ожидать? Эти парни те еще штучки. Живут за счет ненормальных женщин и даже в крикет не играют!» А мы вынуждены выживать, пускай это и не всегда доставляет нам удовольствие. *Que voulez-vous? Ce n'est pas rigolo, que d'être gigolo* (А что вы хотите? Нет так уж и весело быть жиголо).

Гарриет покраснела.

— Я ни о чем таком не думала.

— Думали, мадемуазель, и это вполне естественно.

— Антуан не играет в крикет, — вклинилась в разговор Дорис, — но он играет в теннис и отлично плавает.

— Речь идет не обо мне, — заметил Антуан. — Если честно, я тоже не понимаю всей этой истории с перерезанным горлом. Это же бессмысленно. Зачем Алексис ушел так далеко? Он не любил ходить пешком, он от этого уставал. Если бы он решил покончить с собой, то сделал бы это дома.

— И он бы скорее принял какое-нибудь снотворное, — добавила Дорис, кивая золотистой головкой. — Я точно знаю, он однажды сам мне об этом сказал, в очередном приступе меланхолии. Говорил, что это его путь прочь из злого мира. И стихи читал. Я ему сказала, чтобы не валял дурака, — и, ес-

тественно, через полчаса он и думать об этом забыл. Такой уж он был. Но перерезать горло бритвой? Ни-ким образом.

— Очень интересно, — протянула Гарриет и, вспоминая разговор с Уимзи, добавила: — Кстати, не было ли у него проблем с кожей? Я имею в виду, может, он всегда ходил в перчатках или что-то вроде того?

— О нет, — Антуан покачал головой, — у жиголо не должно быть таких проблем. Так не пойдет. У Алексиса были очень красивые, элегантные руки. Он ими ужасно гордился.

— Он всегда говорил, что у него чувствительная кожа, поэтому он не брился, — припомнила Дорис.

— Да! Я расскажу вам кое-что, — продолжил Антуан. — Год назад он появился здесь и попросил дать ему работу. Мистер Грили сказал мне, чтобы я посмотрел, как Алексис танцует. Видите ли, мадемуазель, один из танцоров как раз покинул нас, совершенно неожиданно, даже записки не оставил. Итак, я посмотрел, как он танцует, и сообщил мистеру Грили, что вполне доволен новичком. Тогда управляющий согласился взять его на испытательный срок, но сказал, пусть юноша сбреет бороду. Дамам такое не понравится. Это неслыханно, чтобы у жиголо была борода. Но Алексис ответил, что если он побреется, то весь пойдет прыщами. А жиголо с прыщами — это тоже неслыханно, как вы понимаете. В общем, управляющий разрешил ему не сбривать бороду во время испытательного срока, но сообщил, что если Алексис будет принят на постоянную работу, то с бородой придется расстаться. Итак, Алексис танцевал и дамы были просто в восторге. Борода казалась им такой необычной, даже романтической. Тогда мистер Грили сказал: «Хорошо, я ошибался. Вы остаетесь, и ваша борода тоже. Господи! Эти женщины, чего еще они захотят? Может, длинные бакенбарды? Антуан! Вы должны отрастить бакенбарды, может, вы будете пользоваться большим успехом». Но я — ни за что! Бог не наделил меня достаточным количеством волос для бакенбард.

— У Алексиса, вообще, была бритва?

— Откуда мне знать? Раз он знал, что случается с его кожей после бритья, наверное, он пробовал бриться, *n'est pas* (не так ли)? Но насчет бритвы сказать не могу. А ты, Дорис?

— Я? Очень мило. Алексис мне никогда не нравился. Но я спрошу у Лейлы Гарланд. Она должна знать.

— *Sa maitresse* (его любовница), — пояснил Антуан. — Да, спроси ее, Дорис. Ведь это наверняка чрезвычайно важно. Я об этом и не подумал, *mon dieu* (бог мой)!

— Вы рассказали так много всего интересного, — промолвила Гарриет. — Я у вас в долгу. И я буду в еще большем долгу, если вы никому не скажете, что я с вами беседовала, из-за газетчиков и прочих...

— О, мадемуазель! — воскликнул Антуан. — Вы не думайте, что, раз мы куклы для купли-продажи, у нас нет ни глаз, ни ушей. Вы полагаете, мы не знаем того джентльмена, что приехал сегодня утром? Это же лорд Питер, а такая известная личность, как он, вряд ли приехала сюда просто так, да? И не просто так он говорил с вами и задавал вопросы. Вряд ли ему интересно, что какой-то иностранный танцор перерезал себе горло во время нервного припадка. Нет. Но мы понимаем, что к чему. Иначе мы бы не удержались на такой работе, понимаете. Мы рассказываем вам все, что знаем, а леди, которая пишет криминальные романы, и лорд — знаменитый любитель всевозможных загадок, они ведут свое расследование. Мы никому не скажем. Это наша работа. Это понятно.

— Верно, — согласилась Черис, — мы никому ничего не скажем. Да и вообще, кому мы можем что-то рассказать? Полиция, конечно, задавала нам вопросы, но они же ничему не верят. Я уверена, все они думают, что Алексис сделал это из-за Лейлы. Полицейские вечно думают, что если с парнем что-то случилось, так обязательно виновата девушка.

— Ну-у, — протянул Антуан, — это можно считать комплиментом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ВТОРОЙ ПАРИКМАХЕР

Отошлите его обратно,
Этого разоблаченного хвастуна, в его логово.

Письмо из Геттингена

Суббота, 20 июня

Воскресенье, 21 июня

Довольный жизнью, солнцем и завтраком, Уимзи не спеша брел по узкой улочке в Стэмфорде, время от времени останавливаясь, чтобы вдохнуть запах алых роз или полюбоваться на обвивающий серые каменные стены плющ, провести пальцами по зеленым глянцевым листьям. Он договорился, что встретится с полковником Бэлфриджем ровно в одиннадцать. К этому времени полковник уже позавтракает и будет готов к дружеской беседе. Лорда не оставляло чувство, что он находится в самом сердце запутанной, но увлекательнейшей детективной истории. Он закурил трубку. Жизнь прекрасна.

В одиннадцать десять жизнь казалась куда менее прекрасной, чем раньше. Полковник Бэлфридж, который выглядел так, словно его спроектировал Г.М. Бэйтман* в момент прилива вдохновения, оказался отнюдь не дружелюбным джентльменом. Ему казалось, что это совсем не поджентльменски — расспрашивать чьего-то парикмахера, гр-м, о чужих принадлежностях и предполагать, что он может быть каким-то непонятным образом замешан, гр-м, в смерти

* Английский художник-карикатурист.

какого-то чертова танцора в богом забытом Уилверкомбе. Уимзи должны быть стыдно, гр-м, что он сует нос в дела, которыми должна заниматься полиция, черт побери! Если полиция не может разобраться со своими чертовыми делами, то какого черта мы платим налоги, скажите-ка мне, сэр!

Уимзи извинился за то, что побеспокоил полковника, и попытался объяснить, что в его хобби нет ничего плохого.

Полковник заявил, что гольф или, гр-м, кокер-спаниели куда более подобающее занятие для настоящих джентльменов.

Пришлось объяснить, что, поскольку Уимзи во время войны был вовлечен в интеллектуальную и детективную деятельность, он вроде как привык к ней.

Полковник немедленно зацепился за последнюю фразу, выяснил все подробности службы Уимзи во время войны, открыл для себя, что их объединяет некоторый военный опыт, и в данный момент прогуливался вместе со своим посетителем по небольшому саду, демонстрируя своих щенков.

— Мой дорогой, — сказал полковник Бэлфридж, — я буду счастлив оказать вам всю посильную помощь. Вы же не торопитесь, не так ли? Оставайтесь на ленч, а после мы сможем все обсудить. Мэйбл! — завопил он неожиданно.

У задней двери появилась женщина средних лет и направилась навстречу к ним.

— У нас гость к ленчу! — прокричал полковник. — Вино тысяча девятьсот четвертого года! И поосторожнее, черт побери! А вот скажите мне, — обратился он к лорду, — помните ли вы некоего Стоукса?

Уимзи с невероятным трудом удалось отвлечь полковника от военных событий и вернуться к теме бритвы. Тем не менее сосредоточившийся Бэлфридж неожиданно оказался неплохим свидетелем.

Он отлично помнил свою пару бритв. Много проблем с ними было, гр-м. Бритвы сейчас не те, что были в его молодые годы. Лезвия уже не те. А все из-за проклятых иностранцев и массовой продукции. Вот он отлично помнит, что во время войны при...

Через четверть часа Уимзи снова напомнил о бритвах.

— Ха! Да, — промолвил полковник, разглаживая пышные усы, — ха, гр-рм, да! Бритвы, разумеется. Так что именно вас интересует?

— Вы их до сих пор храните у себя?

— Нет, сэр. Я избавился от них. И Эндикотту сказал, что за чертовщину он делает? Лезвие приходилось менять каждую неделю. Но сейчас все бритвы такие. В наши дни не найти приличного лезвия. И так будет до тех пор, пока у нас не будет сильного правительства, сильного, говорю я вам! Которое будет обеспечивать нормальную работу промышленности. Но разве кто-то решится на это? Нет, черт побери. Они боятся потерять своих проклятых избирателей. И избирательниц! Как будто женщины что-то понимают в том, как важна промышленность. Скажите-ка, ха, гр-рм!

Уимзи спросил, что полковник в конечном счете сделал с бритвами.

— Отдал садовнику, — сообщил тот, — отличный человек. Приходит ко мне дважды в неделю, женат, и дети есть. Ветеран войны, был ранен в ногу. Помогает мне с собаками. Отличный человек. Фамилия Саммерс.

— Когда это было, сэр?

— Что? А, когда я отдал ему бритвы, вы хотите спросить? Сразу после того, как Диана ошенилась — чуть не потеряли ее тогда, несчастная сука. Она умерла два года назад, ее убили — какой-то чертов мотоциклист задавил. Лучшая сука, что у меня была. Я его засудил — заставил расплачиваться. Беззаботный молодой дьявол. А теперь они снимают скоростные ограничения...

Уимзи напомнил полковнику о бритвах.

В итоге Бэлфридж решил, что дело было году в 1926-м. Он абсолютно уверен — тогда один из спаниелей был болен и доставлял Саммерсу немало хлопот. Поэтому полковник дал ему денежную премию и вдобавок подарил пару бритв. Из-за болезни матери только один щенок сумел выжить, Стэмфорд Роял, отличная собака.

Окончательно запутавшийся в щенках, матерях и садовниках лорд Уимзи сердечно поблагодарил собеседника и спросил, где можно найти Саммерса.

Сегодня у садовника выходной, но он живет в маленьком коттедже у моста. Если лорд хочет, то может навестить его, достаточно лишь упомянуть имя полковника, и его примут. Ему составить компанию?

Лорд Питер был чрезвычайно благодарен, но не хотел отягощать полковника своими проблемами (к тому же в отсутствие полковника Саммерс наверняка будет более разговорчив). В итоге он с большим трудом избавился от назойливого гостеприимства старого вояки и отправился к коттеджу возле моста.

Беседовать с Саммерсом было легко, он оказался серьезным, внимательным и пунктуальным человеком. Так благополучно со стороны полковника было подарить ему эти бритвы. Хотя сам он такими не пользовался, но, разумеется, не стал ставить об этом в известность дарителя, чтобы нечаянно не обидеть. Он отдал бритвы мужу своей сестры, который содержит парикмахерскую в Сихэмптоне.

Сихэмптон! Это же всего в пятидесяти милях от Уилверкомба! Неужели удалось напасть на след с первой же попытки? Напоследок лорд уточнил, не было ли на бритвах каких-нибудь отметок, по которым их можно было бы узнать.

Да, были. Одну из них случайно уронили на каменный пол, и на ручке из слоновой кости осталась небольшая, почти незаметная царапина. Ее едва ли можно заметить, если не приглядываться. А другая бритва, насколько было известно Саммерсу, никаких примечательных особенностей не имела.

Уимзи поблагодарил садовника и вернулся в машину. Стэмфорд всегда казался ему красивым городом, а сейчас каменные серые дома с балконами и нишами, купающиеся в лучах полуденного солнца, и вовсе представлялись лорду Питеру самым ярким драгоценным камнем в английской короне.

Он переночевал в Сихэмптоне, а в воскресенье утром отправился на поиски шурина Саммерса, чья фамилия была Мерриуэзер*, что можно было принять за счастливый знак. Его магазинчик располагался неподалеку от порта. Мистер

* Merry weather (англ.) — веселая погода.

Мерриуэзер был счастлив оттого, что ему выпала возможность помочь благородному лорду, предоставив информацию о бритвах.

Они попали к нему в 1927 году, отличные бритвы, хотя до этого с ними не очень-то хорошо обращались, так что довольно изношенные. Одна из них до сих пор у него. Может, его светлость захочет взглянуть. Вот она.

С часто бьющимся сердцем Уимзи осторожно взял в руки бритву, абсолютно идентичную той, что нашла Гарриет. Он внимательно изучил ее, но на ручке не было никаких царапин. Ему практически было страшно, когда он спрашивал, что же случилось со второй бритвой.

— О, мой лорд, — сказал мистер Мерриуэзер, — к сожалению, ее я не могу вам показать. Если бы я знал, что она кому-то потребуется, ни за что бы с ней не расстался. Я продал ее всего несколько недель назад, одному из тех парней, который слоняются по округе в поисках работы. У меня для него места не было, хотя, по правде говоря, даже если бы и было, я бы его не взял. Вы бы поразились, если бы знали, сколько народу приходит, чтобы устроиться на работу, а половина из них такие же прекрасные парикмахеры, как моя кошка. Обычно мы даем им пару бритв, чтобы посмотреть, как они будут их править. По многим сразу видно, что они за всю свою жизнь никогда этим не занимались. В общем, этот был из таких же, и я велел ему проваливать. Тогда он попросил продать ему какую-нибудь старую бритву, ну я и продал, чтобы он отвязался. С тех пор я его не видел.

— Как он выглядел?

— Неприятный тип. Рыжеволосый, скользкий. Не такой высокий, как ваша светлость, и, если я правильно помню, он был слегка, как бы это сказать... сгорбленный, что ли. Одно плечо слегка поднималось над другим. Не очень заметно, надо сказать. Калекой он не был, наоборот, двигался довольно быстро и проворно. Глаза у него были какие-то слишком светлые, а ресницы рыжие — уродливый маленький дьявол, скажу я вам. Руки у него были ухоженные — на это мы обращаем внимание в первую очередь. Нельзя же, чтобы клиентов обслуживал кто-то с обкусанными ногтями или грязными рука-

ми. Так, что еще. Ах да, говорил он хорошо. Как джентльмен, знаете, так спокойно и с достоинством. Такое сложно не заметить. Хотя в нашем деле это не играет большой роли, но все равно подобные вещи подмечаешь невольно. И по таким мелочам, как речь, можно получить представление о том, где работал этот человек раньше.

— Он упоминал, где работал до этого?

— Нет, я такого не припомню. У меня сложилось впечатление, что он давненько уже не работает и в детали вдаваться не хочет. Вообще-то, знаете, я с ним особо и разговаривать-то не стал, уж больно мне его внешность не понравилась.

— Предполагаю, он назвал себя?

— Думаю, да, но я совершенно не могу вспомнить его имени. Генри! Как звали того мерзкого рыжего парня, который приходил недавно? Он еще купил у меня бритву.

Молодой Генри, очевидно, снимающий комнату у своего работодателя, отложил в сторону газету, которую он якобы читал.

— Ну, — протянул он, — я не помню. Какое-то простое имя. Браун, может быть? Мне кажется, Браун.

— Нет, это не то, — возразил мистер Мерриуэзер, и вдруг его лицо просветлело. — Брайт, вот как его звали! Помнишь, я еще сказал, что в том, что касается правки бритв, он своей фамилии не соответствует?*

— Ох, точно, — согласился Генри, — Разумеется. Брайт. А что с ним? Какие-то проблемы?

— Вот и мне интересно, есть ли у него проблемы, — задумчиво произнес Уимзи.

— Полиция? — предположил Генри со знанием дела.

— Ну-ну, Генри, — прервал его хозяин, — по-твоему, его светлость похож на полицейского? Ты меня удивляешь. Ты никогда не сделаешь карьеру, если будешь продолжать в том же духе.

Генри покраснел.

— Я не из полиции, — сказал Уимзи, — но я не удивлюсь, если полиция доберется до мистера Брайта в ближайшие дни. Никому об этом не рассказывайте. Если вы вдруг встретите

* Bright (англ.) — смысленный, способный, блестящий.

мистера Брайта снова, немедленно известите меня. Я остановился в Уилверкомбе, но если меня там не будет, то меня всегда можно разыскать по этому адресу.

Протягивая свою карточку, лорд поблагодарил парикмахера и Генри и радостно удалился. Он явно продвинулся в своем расследовании. Вряд ли найдутся две одинаковые бритвы от Эндикотта с идентичными царапинами на ручке. Значит, он напал на след, и если так...

Что ж, осталось отыскать мистера Брайта. Странствующий рыжий парикмахер с плечами разной вышины вряд ли легко затеряется в толпе. Но есть одна неприятная деталь — что, если Брайт на самом деле не был парикмахером? В таком случае и имя его, скорее всего, никакой не Брайт.

Лорд ненадолго задумался, зашел в телефонную будку и набрал номер полиции Уилверкомба.

Ответил начальник участка. Он был крайне заинтересован историей о бритве, рассказанной Уимзи. Сам он не заметил царапины на ручке, но если его светлость немного подождет...

Алло? Лорд Уимзи слушает?.. Да, его светлость прав. Царапина есть. Почти незаметная, но есть. Надо же, какое странное совпадение. Определенно, дело заслуживает дальнейшего изучения.

Уимзи продолжил свое повествование.

Разумеется, они попросят полицию Сихэмптона отыскать этого Брайта. Вполне возможно, что Алексис получил бритву от этого господина, но странно, почему он просто не купил другую в Уилверкомбе? Три недели назад, говорите? Очень хорошо. Посмотрим, что можно сделать. Узнаем, был ли в то время Алексис в Сихэмптоне или Брайт в Уилверкомбе. Они так обязаны лорду Питеру за его беспокойство, если его светлость вернется в Уилверкомб, то, возможно, его заинтересуют некоторые новые факты. Сейчас уже есть уверенность, что это самоубийство. Тем не менее к таким делам надо подходить с осторожностью. Нашли ли тело? Нет. На берег его не выбросило, и в районе скал все еще слишком сильные волны, чтобы можно было организовать хоть какие-нибудь поисковые работы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ТРУП

Подойди, скажи мне,
Как сидит это кольцо?

Трагедия невесты

Воскресенье, 21 июня

Гарриет Вэйн и лорд Питер Уимзи сидели рядышком на пляже, разглядывая Дьявольский Утюг. С моря дул свежий соленый ветер, разлохмачивая темные волосы девушки. Погоду можно было назвать приятной, хотя солнце лишь изредка проглядывало из-за разбежавшихся по всему небу облачков. Море яростно налетало на скалы, разбиваясь клочьями белой пены. Было около трех часов дня, отлив достиг своей самой нижней точки, но вода все равно доходила до огромного валуна, тяжело ухая об его подножие. Между парой лежала нераспакованная корзинка с едой. Уимзи рисовал схемы на мокром песке.

— Что нам надо выяснить, — говорил он, — так это время смерти. Полиция уже сделала свои выводы по поводу того, как Алексис добрался сюда, и сомнений по этому поводу нет, слава богу. Поезд из Уилверкомба останавливается в Дарли-Хэлли по четвергам в десять пятнадцать, люди едут на нем на рынок. Алексис, видимо, вышел именно там. Я думаю, что это был Алексис. Его трудно не узнать — борода и щеголеватый костюм. Так что примем этот факт как доказанный. Его запомнили и проводник, и парочка спутников. Что еще важнее, — его квартирная хозяйка сказала, что он вышел из дома как раз вовремя, чтобы успеть на поезд, опознал его и кассир, про-

давший ему билет в Уилверкомбе. И главное, дорогая Гарриет, это билет в оба конца от Уилверкомба до Хэлта, который не был сдан.

— Билет в оба конца? — переспросила Гарриет.

— Именно. Этот факт, как вы обычно метко замечаете, Шерлок, полностью убивает теорию о самоубийстве. Я сообщил об этом начальнику, и что он мне ответил? Что самоубийцы, тем более иностранцы, настолько не в себе, что их действия не следует принимать в расчет.

— Может, в реальной жизни так оно и есть? — задумчиво промолвила Гарриет. — С одной стороны, казалось бы, человек, намеревающийся покончить с собой, не будет покупать обратный билет, но в действительности люди бывают такими разными. Может, он оговорился или купил по привычке — а может, в тот момент он еще не до конца решился на самоубийство.

— Ну надо же. Я-то думал, что мой друг, старший инспектор Паркер, самый осторожный человек на свете, но ты его переплюнула. Тебе надо избавиться от этой привычки. Я просто напросто отказываюсь верить в то, что наш Алексис привык ездить в Хэлт, чтобы прогуляться там по побережью. Ладно, оставим пока эту тему, но не будем забывать о ней. Хорошо. Так, кроме него, на этой остановке никто не сошел, хотя несколько людей сели в поезд. Мы не можем проследить путь Алексиса, но предположим, что он не мог добраться до Дьявольского Утюга позже, скажем, в одиннадцать сорок пять.

— Подожди-ка. Как насчет отлива? Когда был отлив в четверг?

— В пятнадцать минут второго. Я все изучил. В одиннадцать сорок пять со стороны моря вода закрывала камень футов на пять, но, поскольку он высотой футов десять, наш друг вполне мог дойти до него со стороны берега, не замочив ног.

— Отлично. Мы знаем, что он пришел не замочив ног, так что все сходится. Что дальше?

— Дальше... Кто бы ни перерезал ему горло — он сам или кто-то еще, во сколько это случилось? Как жаль, что мы потеряли тело. Даже если сейчас его и найдут, по нему уже ничего нельзя будет определить. Ты сказала, что, когда ты подошла,

труп еще не окоченел и что ты не уверена в том, был ли он холодным.

— Знаешь, — сказала Гарриет, — в тот момент, даже если на камень положили бы кусок льда, через минуту в нем можно было варить яйца.

— Все это так утомительно. Подожди минутку. Кровь. Как насчет ее? Ты не помнишь, как она выглядела? Красные сгустки или что-то больше напоминающее такую белую сыворотку, красную по низу, или как?

Гарриет покачала головой:

— Она была жидкая.

— Какая?

— Жидкая. Я дотронулась рукой, было очень мокро.

— Господи! Секундочку. Где была кровь? Растеклась по всему камню, полагаю?

— Не совсем. Под трупом набралась целая лужа, такое впечатление, что он наклонился и перерезал гордо над тазом. Она собиралась в чем-то вроде трещины, углубления в камне.

— Понятно. Это все объясняет. Видимо, в это углубление попала морская вода и смешалась с кровью. Я уже было подумал...

— Нет, послушай! Кровь была жидкая повсюду. Он текла прямо из его шеи. А когда я приподняла его голову, то она потекла еще сильнее. Ужасно!

— Но, моя дорогая...

— Да, и еще послушай! Когда я попыталась стащить с него перчатки, материал тоже показался мне мокрым и мягким. У него руки лежали прямо под шеей.

— Господи! Но...

— Левая рука, точнее. А правая свисала с другой стороны камня, так что я не могла добраться до нее — пришлось бы перелезть через тело, а мне не очень-то хотелось это делать. Иначе я бы попробовала. Я все думала, почему же он надел перчатки?

— Да, да, действительно. Но мы знаем, что с руками у него все было в порядке. Сейчас важно не это. Кровь, ты понимаешь, что если кровь была еще жидкой, то он не мог умереть задолго до того момента, как ты обнаружила тело. Все должно

было произойти за несколько минут до твоего прихода, и никак иначе.

— Ох! — Гарриет сосредоточилась. — Ну что я за дура! Я же должна была об этом подумать. А я-то еще решила, что так здорово выстраиваю логические умозаключения. Как ты думаешь, а он не мог истекать кровью в течение некоторого времени и лишь затем умереть?

— С перерезанным до кости горлом? Соберись, дитя мое. Посмотри. Кровь сворачивается очень быстро, хотя, конечно, на холодной поверхности быстрее. Обычно она сворачивается сразу же, как только соприкасается с воздухом. Из-за того, что поверхность камня была раскалена, процесс мог задержаться, судя по тому, что ты описала. Но все равно он не мог занять больше нескольких минут. Максимум минут десять.

— Десять минут... Ой, Питер!

— Что?

— Тот шум, что разбудил меня. Я подумала, что это чайка. Но что, если на самом деле это был...

— Вполне возможно. Во сколько это случилось?

— В два. Я как раз посмотрела на часы. И чтобы добраться до камня, мне как раз понадобилось минут десять. Но стойка.

— Ну?

— Как насчет твоей теории с убийством? Она же полностью разрушена. Если Алексиса убили в два, а я пришла через десять минут — то куда делся убийца?

Уимзи резко выпрямился, как будто его ударили.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Гарриет, милая, дорогая, прекрасная Гарриет, скажи, что ты не права. Мы не можем ошибаться по поводу убийства. Я же сказал инспектору Ампелти, что это не самоубийство, что же будет с моей репутацией? Мне придется покинуть страну. Мне придется всю жизнь прятать свое лицо. Мне придется охотиться на тигров где-нибудь в джунглях, и я умру, бормоча об убийстве своими почерневшими губами. Скажи, что кровь свернулась. Скажи, что там были еще чьи-то следы. Или что неподалеку плавала лодка. Скажи что-нибудь.

— Ну, положим, лодка имелась, правда не очень близко от берега, ведь я не смогла докричаться до людей на борту.

— Слава богу, там была лодка! Возможно, я еще смогу остаться в старой доброй Англии. И что ты имеешь в виду, говоря, что не смогла до них докричаться? Если на борту находился убийца, то само собой разумеется, что он не вернулся бы, что бы ты ему ни кричала. Больше никогда меня так не пугай, ладно? Нервы у меня уже не те.

— Я не особо разбираюсь в лодках, но она была довольно далеко, а ветер-то дул к берегу, знаешь ли.

— Не важно. Он мог подплыть к камню и отплыть на порядочное расстояние за десять минут. Что это была за лодка, какого типа?

Тут знания Гарриет подвели ее. Она решила, что видела обычную рыбацкую лодку, вовсе не потому, что она могла отличить рыбацкую лодку от пятиметровой прогулочной яхты, просто вполне естественно, что когда кто-то гуляет по пляжу, то он все лодки принимает за рыбацкие, если только ему не скажут чего-то иного. Вроде на ней имелся парус... или все-таки было несколько парусов? Девушка могла сообразить. Корабль не был, скажем, четырехмачтовой шхуной, это точно, но за все остальное она не отвечала — все эти лодки для нее, как и для многих городских жителей, а в особенности молодых женщин мало чем отличались друг от друга.

— Не важно, — радовался Уимзи, — мы сможем все разузнать. Слава богу, что всем лодкам приходится где-то пришвартовываться. И наверняка люди на побережье их знают, так сказать, «в лицо». Мне просто интересно, видишь ли, если судно не могло причалить к камню, значит, парню с него пришлось бы плыть самому, а это его сильно бы задержало. К тому же кто-то должен был дожидаться его в лодке, или ему пришлось бы сворачивать парус. Ведь ты же не можешь просто остановить парусник и вылезти из него, как из моторной лодки, бросив все без присмотра. Хотя, с другой стороны... А почему мы считаем, что у убийцы не могло быть сообщника? Такое частенько случается. Итак, предположим, что в лодке было двое мужчин. Они подплыли так близко, как только смогли, а затем один из них вылез и побрел вброд по воде или

поплыл, а второй удерживал лодку на месте. Потом убийца сделал свое черное дело, вернулся, и они смогли сразу же тронуться в путь. Как видишь, они должны были уложиться с убийством, возвращением в лодку и отплытием в десять минут, но у них явно не хватило бы времени на то, чтобы пришвартоваться, опустить и снова поднять парус и все прочее. Поэтому я ставлю на сообщника.

— А как насчет Клыков? — спросила Гарриет. — Я думала, что подплывать так близко к скалам — это опасно.

— Черт возьми! Это правда. Что ж, возможно, эти ребята опытные моряки. Хм, если это так, значит, им пришлось бы дольше грести или идти вброд. Черт! Хотелось бы дать им побольше времени на все это.

— А ты не думаешь... — начала Гарриет. Ей только что пришла в голову очень неприятная мысль. — Ты не думаешь, что убийца все это время, пока я рассматривала труп, мог быть где-то поблизости — например, плавать под водой или что-то вроде того?

— Но ему пришлось бы выныривать, чтобы дышать.

— Да, но я вполне могла его не заметить. Я же не все время смотрела на море. Он мог услышать, что я иду, и нырнуть под какую-нибудь скалу, дожидаясь, пока я не спущусь и не начну искать бритву. Когда я повернулась спиной, он вполне мог уплыть. Я не знаю, возможно ли это, надеюсь, что нет, потому что меня ужасает мысль о том, что все это время он мог быть рядом — и наблюдать за мной!

— Мысль неприятная, — согласился Уимзи. — Хотя лично я надеюсь, что он был там. Его, наверное, чуть удар не хватил, когда он увидел, как ты прыгаешь вокруг трупа, фотографируешь и собираешь улики. Интересно, нет ли в скалах какого-нибудь достаточно большого углубления, чтобы он мог там спрятаться. Что за чертов валун! Почему бы ему не показаться, как настоящему мужчине? Пожалуй, я взгляну на него поближе. Будь любезна, отведи свои скромные глазки к морю, пока я переодеваюсь, а потом я попробую понырять и изучить обстановку.

Абсолютно недовольная подобным развитием событий и тем, что ей не предложили принять активное участие в ис-

следованиях, Гарриет не просто отвернулась, а ушла за ближайшую скалу, где сама переоделась в купальник. Выйдя из укрытия, она увидела Уимзи, сбегającego вниз по песку.

— А фигура у него лучше, чем я думала, — призналась она сама себе. — Плечи куда шире, чем я представляла, и икры тоже ничего, слава богу.

Уимзи, весьма гордившийся своей фигурой, вряд ли был бы польщен ее комментариями, но в данный момент он пребывал в счастливом неведении. Лорд осторожно вошел в воду неподалеку от Дьявольского Утюга, не зная, что может подстергать его на дне, затем окунулся, сделал несколько гребков и высунул голову из воды, чтобы сообщить Гарриет, что вода зверски холодная и пусть она двигается быстрее.

Гарриет вошла в воду, согласившись, что та холодная как лед. Сойдясь на этом, они повернули к скалам, осторожно обходя Утюг по кругу. Затем Уимзи, исследовавший под водой ту часть камня, что была обращена к Уилверкомбу, резко вынырнул и спросил у Гарриет, с какой стороны камня она искала бритву.

— С другой, — показала Гарриет. — Я залезла на верхушку рядом с телом, вот так.

Она вылезла из воды и забралась на камень, дрожа на ветру от холода.

— Я посмотрела по обе стороны от себя, вот так.

— А в этом направлении ты, случайно, не смотрела? — уточнила торчавшая из воды голова Уимзи.

— Нет, не думаю. Потом, осмотрев тело, я спустилась вот с этой стороны. Я присела на что-то и разулась, затем сложила свои вещи. Потом я подошла вот сюда и стала искать оружие убийства. Воды тогда было примерно восемнадцать дюймов. А сейчас здесь футов пять, кажется.

— Ты можешь?.. — начал Уимзи, но его с головой накрыла волна. Гарриет засмеялась.

— Ты меня видишь? — продолжил он, пытаясь высморкаться, так как ему в нос попала вода.

— Нет, но я тебя слышала. Было так смешно.

— Придержи-ка свое чувство юмора. Ты меня не видишь.

— Нет, вообще-то между нами скала. Где ты, кстати?

— Стою в небольшой уютной нише, будто святой в соборе. Она размером примерно с гроб. В высоту около шести футов, наверху небольшой навес, сюда можно втиснуться, хотя и с трудом, если только ты не слишком высокий или толстый. Иди сюда и сама попробуй.

— Какое очаровательное местечко, — заметила Гарриет, обходя камень и оглядывая нишу, — его не видно ни с одной стороны, кроме как с моря. Даже во время отлива его не увидишь, только если не обойдешь камень и не встанешь прямо перед этим местом. Я этого точно не делала. Ужас какой! Этот мужчина все время был тут!

— Да, думаю, это идея выглядит куда более правдоподобной, чем история с лодкой.

— Брайт!*

— Я рад, что ты так думаешь.

— Я не об этом — да и вообще, это же была моя идея. Я имею в виду Брайт, тот человек, который купил бритву. Разве парикмахер не сказал, что он невысокого роста — по крайней мере, ниже тебя?

— Точно. Тебе очко. Хотелось бы мне побеседовать с этим Брайтом. Интересно... Ого! Кажется, я что-то нашел!

— Что там?

— Это кольцо, знаешь, к которому привязывают лодки. Впаяно прямо в камень. Оно под водой, я толком не разгляжу, но оно находится футах в пяти над песком и совсем новое, по моим ощущениям. Интересно, как это соотносится с нашей теорией про лодку?

— Ну, — сказала Гарриет, оглядывая пустой пляж и море, — вообще-то это довольно странно, что кто-то решил сделать кольцо для привязывания лодок именно в этом месте, это бессмысленно.

— Бессмысленно. Значит, убийца, если был убийца, конечно...

— Мы отталкиваемся от того, что он был, верно?

* В данном случае используется игра слов: слово bright на английском может означать «блестяще», «великолепно», и так же звучит фамилия одного из героев книги.

— Да. Видимо, он соорудил это кольцо для себя. Либо он привязывал здесь свою лодку, либо...

— Либо не привязывал.

— Я хотел сказать, что он использовал кольцо за чем-то еще. Но никак не могу придумать зачем.

— Слушай, я замерзла. Давай немного поплаваем, а потом оденемся и все обсудим.

То ли плавание, то ли пробежки по пляжу, чтобы согреться, неизвестно, что именно стимулировало мыслительный процесс Гарриет, но когда они открыли корзинку с едой, идеи стали сыпаться одна за другой.

— Смотри-ка! Если бы ты был убийцей и увидел какую-то женщину, которая изучила все улики и отправилась за помощью, что бы ты сделал на его месте?

— Бросился бежать в противоположном направлении.

— Хм. Действительно? Подумай. Разве тебе бы не пришло в голову проследить за свидетельницей? А еще лучше — избавиться от нее? Знаешь, ведь, по идее, мистер Брайт — будем пока называть его так вполне мог покончить со мной прямо там.

— Зачем? Конечно, он не стал бы этого делать. Он обставил убийство как самоубийство. Так что, по идее, ты для него очень ценный свидетель. Ты видела тело, можешь доказать, что оно действительно было. Также ты подтвердила, что на месте трагедии имелось орудие преступления. И ты можешь поклясться, что на песке не было других следов — еще одно очко в пользу самоубийства. Нет, моя дорогая девочка, убийца бы ценил тебя превыше всего.

— Ты прав, да. Если он хотел, чтобы тело нашли. В принципе, у него могло быть немало поводов желать, чтобы труп обнаружили. Например, если он вписан в завещание Алексиса.

— Не думаю, что наш друг Алексис мог кому-то что-то завещать. Скорее всего, наоборот. И к тому же, возможно, есть и другие причины, по которым некто стремился к огласке данного дела.

— Итак, ты полагаешь, что, как только я ушла, убийца преспокойненько отправился домой в Лесстон-Хэу? В другую сто-

рону он пойти не мог, если только не прятался всю дорогу у меня за спиной. Думаешь, он действовал подобным образом? Он мог проследить за мной, чтобы посмотреть, что я предприму.

— Мог. Но мы не знаем, сделал он это или нет. К тому же ты быстро свернула с дороги, заходя на ферму.

— Наверное, он потерял меня и пошел дальше по дороге в Уилверкомб. Интересно узнать, кто мог его видеть, скажем, на пересечении дороги с железнодорожными путями? Или... Слушай! А что, если он прошел вперед по дороге, а затем развернулся и сделал вид, будто бы держит путь из Уилверкомба?

— Тогда ты должна была его встретить.

— А что, если так и было?

— Но... О, конечно! Мистер Как-там-его-звали из Лондона!

— Перкинс. Да, я думала об этом. Мог ли кто действительно быть таким придурковатым, как Перкинс? Он тоже довольно скользкий тип, небольшого роста и к тому же рыжий.

— Да, но ты сказала, что он плохо видит и на нем были очки. Парикмахер не упоминал об очках, рассказывая о мистере Брайте.

— Быть может, это просто маскировка. Там могли быть вставлены обычные стекла, я же не рассматривала. И знаешь, мне кажется странным то, что мистер Перкинс так спешно испарился куда-то, как только мы добрались до магазина с телефоном. До этого он сам напросился ко мне в попутчики, а как только мы вернулись в лоно цивилизации — просто исчез. Это выглядит по меньшей мере странно. Если это был Брайт, то он мог просто проболтаться рядом со мной, чтобы выяснить, что я собираюсь рассказать полиции, а затем сбежать. Господи! Подумать только, представляешь, я прошла целых полторы мили под ручку с убийцей!

— Интересно, — пробормотал Уимзи, — очень интересно! Нам надо присмотреться к этому мистеру Перкинсу (Может ли это имя быть настоящим? Оно ему слишком подходит.) Ты знаешь, куда он пошел?

— Нет.

— Он нанял водителя в деревне, и его отвезли в Уилверкомб, на станцию. Видимо, он уехал куда-то на поезде, но в тот день на вокзале собралось столько народу, что пока полиция не может проследить за его дальнейшими странствованиями. Надо им сказать, чтобы они еще раз опросили служащих вокзала. Надо же, как все отлично складывается. Давай-ка выстроим всю картину сначала. Итак, Алексис приезжает в Хэлт в десять пятнадцать и пешком или еще как-то добирается до пляжа. Зачем он это делает, кстати?

— Возможно, у него встреча с Перкинсом. Алексис был не из тех, кто любит пройтись пешочком пару миль ради того, чтобы посидеть на камне, наслаждаясь морским пейзажем.

— Верно, моя королева. Итак, у него была назначена встреча с Перкинсом на два часа.

— Может, пораньше? Он же приехал в десять часов утра.

— Ну, это просто. Поезд останавливается на станции только в это время.

— А почему он не взял машину?

— Хороший вопрос. Действительно, почему? Видимо, своей машины у него нет, и вряд ли он хотел, чтобы кто-нибудь знал, куда он направляется.

— Тогда почему он не взял машину напрокат?

— Не умеет водить. Или у него плохая репутация в Уилверкомбе. Или... нет.

— Что?

— Я хотел сказать, что он не собирался возвращаться, но этот вариант отпадает из-за обратного билета. Если только он не взял этот билет случайно, он собирался вернуться. Или был не уверен. Может, он взял обратный билет на всякий случай — в конце концов, он стоит всего несколько пенсов. Но вряд ли он мог взять машину напрокат и бросить ее посреди дороги.

— Наверное. Хотя, может, и мог, смотря как он относился к чужой собственности. Но я придумала еще одну причину. Ему бы пришлось оставить машину на скале, где ее было бы отлично видно. Может, ему не хотелось, чтобы люди знали, что кто-то есть на пляже.

— Не пойдет. Два человека, беседующих на Дьявольском Утюге привлекли бы внимание в независимости от того, была ли там машина или нет.

— Да, но если к ним не спускаться, то ты не узнаешь, кто они, а номер машины всегда можно проверить.

— Это факт, но мне все равно кажется довольно жалким объяснением. Итак, мы продолжаем. Почему-то Алексис решил, что, поехав на поезде, он привлечет к себе меньше внимания. В таком случае, думаю, дальше он пошел пешком — а то его мог бы запомнить подвозивший его человек.

— Это точно. Я не пойму, почему он выбрал для встречи место, которое находится на виду?

— Думаешь, им надо было разговаривать за скалой или под раскидистыми деревьями или в заброшенном сарае и прочее?

— Разве это не более естественно?

— Нет. Нет, если ты не хочешь, чтобы тебя подслушали. Если вдруг ты захочешь посекретничать, будь уверена в том, что не стоишь под огромным дубом, рядом с изгородью или в стареньком пустующем домике — в любом месте, где тебя элементарно подслушать. Лучше выбрать середину поля или какого-нибудь большого озера или камень, типа Утюга, где ты заметишь посторонних людей за полчаса до того, как они до тебя доберутся. Кстати, это напомнило мне, в одной из твоих книг...

— К черту мои книги! Я понимаю, о чем ты. Что ж, тогда в какое-то время появляется Брайт. Как? И во сколько?

— Он приходит вброд по воде, с любого нравящегося тебе направления. Насчет времени я могу только предположить, что это было в тот промежуток, когда ты, дитя мое, посапывала над «Тристрамом Шенди». И полагаю, он прибыл со стороны Уилверкомба — иначе тебя бы заметили. Вряд ли бы убийца стал рисковать и совершать преступление, точно зная, что буквально в нескольких метрах от него кто-то лежит.

— Я считаю, что с его стороны весьма неосторожным было не осмотреться, прежде чем совершать убийство.

— Я согласен, но, видимо, он об этом не подумал. В общем, он делает свое черное дело, как мы решили, в два часа. Зна-

чит, он появился у Утюга между половиной второго и двумя или даже между часом и двумя. Пока ты читала или ела в своем уютном уголке, ты вполне могла его не заметить и не услышать. Раньше это случиться не могло, ты сказала, что оглядела пляж, прежде чем спускаться, и он пустовал.

— Точно.

— Хорошо. Он совершает убийство. Бедный Алексис вскрикивает, когда видит бритву, и ты просыпаешься. Ты закричала в этот момент?

— Нет.

— Запела?

— Нет.

— Принялась бегать, заливаясь звенящим девичьим смехом?

— Нет. Точнее, через несколько минут я побежала, но не издавала громких звуков.

— Интересно, почему убийца сразу же не направился домой. Ты бы его увидела. Дай-ка подумать. Ага, я забыл про бумаги! Ему надо было забрать бумаги!

— Какие бумаги?

— Ну, я не уверен, что это были бумаги. Может, это был бриллиант раджи или что-то в этом духе. Он же явно чего-то хотел от трупа. И как раз когда он потрошил свою несчастную жертву, преступник услышал тебя. Звуки очень хорошо разносятся над водой, знаешь ли. Этот мерзавец делает паузу, а когда звук приближается, он спускается с камня и прячется в нише.

— Полностью одетый?

— Я об этом забыл. Тогда он выглядел бы мокровато, когда вылез, не так ли? Нет. Без одежды. Он оставил одежду там, откуда пришел вдоль пляжа. Может, он даже надел купальный костюм. На тот случай, если кто-то его увидит, чтобы прикинуться невинным купальщиком, принимающим солнечные ванны.

— А бритву он в карман плавок положил?

— Нет, держал в руке или повесил на шею. Не задавай дурацких вопросов. Он дождался в своей нише, пока ты не уйдешь, затем поспешил обратно вдоль моря...

— Но не в направлении Уилверкомба.

— А вот и нет! Да, ты бы его увидела. Но не в том случае, если он держался скал. О следах он мог не беспокоиться — все равно начался прилив. Ему бы это удалось, я уверен. Затем он поднялся на дорогу там же, где спустился, прошелся в сторону Уилверкомба, развернулся и встретил тебя на обратном пути. Каково?

— Замечательно.

— Чем больше я думаю об этой теории, тем больше она мне нравится. Я просто обожаю идею о том, что Брайт — это Перкинс. Но есть еще одна деталь, такая горбатая и кривая. Был ли Перкинс прямым, как ивовая палочка, или как?

— Я бы так не сказала. Но горбатым его тоже не назовешь, скорее с покатыми плечами. У него на спине был рюкзак, и шел он небыстро — сказал, что натер ногу.

— Отличный способ замаскировать свою внешность! Человек всегда слегка склоняется в сторону хромой ноги. Брайт-Перкинс — тот человек, что нам нужен. Следует немедленно известить полицию, вот только я ленч доем. Который там час? Четыре. Я схожу в машину, позвоню и вернусь. С какой стати мы будем жертвовать своим пикником ради какого-то убийцы?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ИНСПЕКТОР ПОЛИЦИИ

Моя жизнь в руках скупца,
Который в тайные часы ползет к своему хранилищу
И, преклоняя колени пред алтарем своей любви,
Поклоняется желтому демону — золоту.

Трагедия невесты

Понедельник, 22 июня

— **В**ы можете говорить все, что хотите, мой лорд, — твердо заявил инспектор Ампелти. — И я даже признаю, что вы кое в чем убедили начальника полиции, но это было самое обычное самоубийство, и, если бы я был азартным человеком, я бы даже сделал ставку. Нам, конечно, не помешает отыскать этого парня, Брайта, ведь, судя по всему, если верить вашим умо-заключениям, именно у него Алексис купил бритву. Но я ни на секунду не сомневаюсь, что, когда погибший оставлял свою комнату в четверг, он не собирался возвращаться обратно. Вы бы только видели это место. Все прибрано, все счета оплачены, бумаги сожжены — сразу видно, что он распрощался со всем.

— Он взял с собой свой ключ? — спросил Уимзи.

— Да, взял. Но это ничего не значит. Люди всегда хранят ключи в карманах, и он мог просто забыть вынуть его. Но все остальные дела он привел в порядок. Там не осталось ни одного конверта. Никаких фотографий, ничего, из чего можно было бы сделать вывод, кто он и откуда. Все абсолютно вычищено.

— Из пепла ничего нельзя восстановить?

— Совершенно ничего. Его хозяйка прибирала комнату в четверг утром, но она сообщила, что в камине был только уголь и пепел. И довольно много, скажу я вам. Я знаю, потому что она показала мне помойку, куда все это вынесла. Там ничего не разглядишь даже под микроскопом, в этих остатках. Вы же знаете, мой лорд, этот народ вечно оставляет что-то недосмотренным — полуобгоревшие кусочки бумаги и так далее. Но парень справился со своей задачей на отлично, нет никаких сомнений. Должно быть, сначала он разорвал все на мелкие кусочки, а зачем сжег и еще как следует перемешал золу.

— Какие-нибудь книги или что-то вроде того, где стояла его подпись, остались?

— Пара романов с надписью «Пол Алексис» и еще несколько без всяких надписей и одна или две книги в бумажной обложке на китайском.

— Китайском?

— Ну, похоже на то. Может быть, на русском. В любом случае не нормальными буквами. Вы можете взглянуть на них в любой момент, если пожелаете, но не думаю, что вы узнаете что-то интересное. Еще была парочка исторических книг о России, все в таком духе. Но нигде ничего не написано от руки.

— Деньги?

— Нет.

— У него был счет в банке?

— Да, у него был небольшой счет в «Ллойдсе». Чуть больше трехсот фунтов. Но он забрал все деньги три недели назад.

— Правда? Зачем? Бритва явно столько не стоила.

— Не стоила. Я бы сказал, что он раздавал долги.

— Три сотни фунтов долгов?

— Да нет, вряд ли все деньги. На самом деле мы смогли проследить только за тем, как он потратил около двадцати фунтов. Но мало ли, вероятно, Алексис много кому задолжал. Сложно сказать, ведь Алексис сжег все бумаги. Мы, конечно, проведем расследование. Но я не удивлюсь, если все эти деньги пошли какой-нибудь девушке. Есть ведь эта Лейла Гарланд, она бы многое могла рассказать, если бы захотела.

Но в наши времена нам просто не дают задавать вопросы. Если они отказываются отвечать, мы ничего не можем поделать. Заставлять нельзя.

— Лейла Гарланд — это та девушка, с которой он встречался?

— Она самая, мой лорд, и, насколько я знаю, она его бросила, и не самым приятным образом. Он ужасно переживал по этому поводу, если верить ее словам. У нее теперь новый кавалер, друг этого Алексис, как я понял. Он управляет оркестром в «Уинтер-Гарден», и неплохо у него получается, насколько я слышал. Вы наверняка знаете этот тип — весь из себя и ботинки из змеиной кожи. Но вроде с ним никаких проблем. Он кажется достаточно искренним, как и девушка, впрочем. Их познакомил Алексис, и через некоторое время дама решила, что с другом ей будет лучше, чем с самим Алексисом. Она утверждает, что Алексис думал только о деньгах и не уделял ей достаточно внимания. Очень может быть, что он положил глаз на какую-то другую барышню и именно туда ушли все деньги. В общем, Лейла решила проявить характер и ушла к другому парню, Луису да Сото. Конечно, был скандал, и Алексис угрожал покончить с собой...

— Он говорил что-нибудь о том, чтобы перерезать себе горло?

— Ну, нет, не говорил. Сказал, что отравится. Но какая разница? Он сказал, что убьет себя, и сделал это.

— Вы, случайно, не нашли никакого яда или, может, снотворного в его комнате?

— Ничего, — с триумфом сообщил инспектор.

— Хм.

— Но, инспектор, — вклинилась Гарриет, которая до сих пор молча слушала беседу мужчин, — если вы думаете, что у Алексиса была другая девушка, то с какой стати ему убивать себя от разрыва с Лейлой Гарланд?

— Не могу сказать точно, мисс. Может, вторая его тоже бросила.

— И оставила беднягу один на один с этим жестоким миром, настроенным против него, — усмехнулся Уимзи.

— Да, и ведь еще есть миссис Уэлдон. Мы узнали о ней от девушек. Разве вы не считаете, что ожидавшего его будущего было достаточно, чтобы перерезать себе горло?

— Он мог просто уехать, — заметила Гарриет.

— А что, если он задолжал ей денег и она грозилась отдать его под суд? Что вы на это скажете?

— Может, три сотни фунтов... — начал Уимзи.

— О нет, нет, нет! — закричала Гарриет. — Вы не должны так думать. Это же полный бред. Бедная женщина была просто ослеплена им. Он мог получить от нее все, чего бы ни захотел. К тому же она сказала мне, что он отказывался брать ее деньги.

— Ну, может, она просто не знала, а он, скажем, обманул ее и ждал, что она обо всем догадается?

— Тогда бы она с собой покончила, — твердо сказала Гарриет. — Она бы ни за что не причинила ему ни малейшего вреда, бедняжка. Засудить его? Бред!

— Ну, вы же знаете, мисс, — продолжил инспектор, — что даже в Библии говорится о том, простите меня за прямоту, что никакие демоны ада не сравнятся с отвергнутой женщиной. Я запомнил это еще со школы, и полагаю, что в нашем случае эта фраза вполне может пригодиться. Если эта миссис Уэлдон...

— Глупости! — прервала его Гарриет. — Она бы никогда ничего ему не сделала. Я точно знаю.

— Ага, — инспектор Ампелти дружелюбно подмигнул лорду Уимзи, — когда женщины полагаются на свою женскую интуицию, с ними бесполезно спорить. Я просто хотел заметить, что мы могли бы предположить, будто...

— Не буду я ничего предполагать, — отрезала Гарриет.

— Кажется, мы зашли в тупик, — заключил Уимзи, — оставим пока эту тему, инспектор. Позже можете повторить свои предположения в баре, только тихонько. Хотя я сам им не очень-то верю. Теперь наша очередь предполагать. Предположим, что рыбацкая лодка захотела подплыть к Дьявольскому Утыгу во время отлива в четверг — это возможно?

— Да, с легкостью, мой лорд. Есть суденышки, которые плавают, даже когда глубина воды с трудом достигает одного

фута. Если остерегаться скал и следить за течением — можно подплыть к самому камню.

— Но человек, незнакомый с местностью, мог столкнуться с затруднениями.

— Если он неплохой моряк и у него имелась карта — вряд ли. Лодку можно подвести к Утюгу на дюжину шагов почти в любой день. Стоит лишь соблюдать осторожность, учитывать направление ветра и силу течения — и тогда не страшна ни одна скала.

— Ясно. Все это крайне занимательно. Видите ли, инспектор, мы предполагаем, что произошло убийство, и мы придумали два варианта, с помощью которых его можно было бы совершить. Мы бы хотели выслушать ваше мнение на этот счет.

Инспектор Ампелти внимательно, но с улыбкой на губах выслушал их версии о «человеке в лодке» и «человеке под скалой» и сказал:

— Что ж, мисс, все, что я могу сказать: мне бы хотелось почитать ваши книги. Вы потрясающе фантазируете, хотя при этом прорабатываете детали. Но вернемся к лодке. Сомнительно это, знаете ли. Мы пытались разыскать ту рыбацкую лодку, ведь находящиеся на ней люди могли что-то видеть. Большинство рыбаков в тот день были в районе Шелли-Пойнта, разумеется, лодка могла приплыть из Уилверкомба или из Лесстон-Хэу. Мы всегда предупреждаем любителей, чтобы они держались подальше от Клыков, но разве они послушают? Нет. Иногда можно подумать, что им жизнь не дорога. Но у меня все равно есть идея насчет того, кто это был.

— Как насчет тех коттеджей вдоль побережья, куда я заходила за помощью? — спросила Гарриет. — Их жители наверняка видели лодку? Я думала, местные должны знать все эти лодки наизусть.

— О, видите ли, — ответил инспектор, — мы спрашивали у них, но они, видимо, все одновременно оглохли и ослепли. Именно поэтому я думаю, что могу вычислить ту лодку, что вы видели. И мы еще заставим их опознать ее. Не волнуйтесь, мисс. Эти Поллоки и Моггериджи, они затевают что-то нехорошее, точно вам скажу. Они не популярны среди остальных

рыбаков, а если рыбаки бойкотируют целую семью, это неспроста.

— Тем не менее, — сказал Уимзи, — мы довольно точно установили время смерти. Думаю, это пригодится.

— Да, — признался инспектор, — если то, что вы и леди рассказали, верно, то время смерти установлено. Хотелось бы, конечно, знать мнение доктора на этот счет, вы уж не обижайтесь. Но я думаю, вы правы. Такая жалость, что вы заснули именно в тот момент, мисс. — Он взглянул на Гарриет.

— Но разве не удачно, что я вообще там оказалась?

Инспектор согласился с ней.

— Итак, раз вопрос со временем смерти решен, — продолжил он, — это поможет пролить свет на загадку. По крайней мере, все, что я вижу, — так это то, что предположение об убийстве становится еще более невероятным, как я и говорил раньше.

Разговор происходил на вилле инспектора — небольшом уютном домике в пригороде. Мистер Ампелти поднялся, подошел к буфету и достал толстую пачку официальных рапортов.

— Мой лорд, вы не подумайте, что мы сидим сложа руки, хотя и подозреваем, что это самоубийство. Мы принимаем в расчет все возможности и все, что только можно, изучаем с увеличительным стеклом.

Проглядев рапорты, Уимзи согласился, что лодка действительно была та, о которой говорил инспектор. Плюс ко всему полиции улыбнулась удача. Местные власти как раз направили запрос в региональный совет, с просьбой починить дорогу, проходящую вдоль побережья между Лесстон-Хэу и Уилверкомбом. Региональный совет, находящийся в несколько стесненном денежном положении, вежливо ответил, что вряд ли на указанной дороге осуществляется оживленное автомобильное движение, поэтому ремонт вполне можно отложить до лучших времен. В результате всех этих переговоров региональный совет решил отправить своих людей, чтобы те проследили за потоком машин и других экипажей на прибрежной дороге. Итак, в четверг, восемнадцатого июня, дорожный служитель целый день дежурил на пересечении шоссе, ведущего

из Лесстон-Хэу в Хизбэри, и многострадальной приморской трассы. В двенадцати милях от указанного места находится Дарли-Хэлт (заинтересовавший детективов), где (как уже выяснила Гарриет) железнодорожные ворота практически всегда закрыты, если только не требуется пропустить какой-либо транспорт. С другой стороны имеется небольшая калитка для пешеходов, но туда не пройти даже с велосипедом. Соответственно, становится понятным, что, если гипотетический убийца не пришел пешком, его бы увидели на одном или на другом конце дороги (если только он не появился с одной из ферм, находящихся в промежутке). Последние четыре дня полиция занималась тем, что проверяла каждого, кто проезжал по этой дороге: автомобили, мотоциклы, велосипеды, грузовики, трактора — никто не избежал проверки. Выяснилось, что все люди, находившиеся на дороге в тот день, были местными жителями, прекрасно известными офицерам полиции, и каждый мог подробно рассказать о том, где он был во время убийства.

— На самом деле, мой лорд, — сказал полицейский, — вы можете мне поверить, что все проверенные нами люди остаются вне подозрений. Так что их можно исключить. Теперь для вашего гипотетического убийцы осталась только одна возможность попасть на пляж — приплыть или прийти вдоль берега со стороны Уилверкомба или Лесстон-Хэу, и, как сказала молодая леди, Уилверкомб кажется более вероятным.

— Что ж, — согласился лорд Уимзи, — хорошо. Нам придется это признать. Убийца не мог добраться до пляжа ни на каком колесном транспорте. То, что он явился со стороны Лесстон-Хэу, мы тоже отбрасываем, но другие возможности остаются. Их по меньшей мере три. Первая: убийца пришел по дороге из Уилверкомба или Дарли. Вторая: он вышел из одного из тех рыбацких домишек, что вы упоминали (там живут Поллоки и Моггериджи, верно?). Вы ведь за них не можете поручиться, не так ли?

— Я не могу, вот только их там не было, — воодушевленно возразил инспектор, — Моггеридж с сыновьями был в Уилверкомбе, покупал что-то — у меня есть свидетели. А старый Поллок вышел в море на своей лодке вместе с внуком, его ви-

дел Фредди Бэйнс. Мы их допросим на всякий случай, чтобы исключить вероятность того, что убийца прибыл с моря. Дома был только мальчишка лет четырнадцати да еще женщины и дети, но вы же вряд ли станете их подозревать.

— Ясно. Ну что ж. Третья возможность: убийца прошел весь свой путь вдоль берега, выйдя из Дарли или Уилверкомба. Кстати, вы вроде говорили, что кто-то разбил палатку неподалеку от Дарли?

— Точно, — вспомнила Гарриет, — такой крупный мужчина, он еще разговаривал... ну, не совсем словно он из деревни, а как будто он джентльмен деревенского типа.

— Он должен быть видеть всех прохожих.

— Должен был, — кивнул инспектор, — но, к несчастью, мы не успели переговорить с этим господином, хотя и разузнали о нем кое-что. Он собрался и уехал ранним утром в пятницу на своем «моргане». Он жил в палатке около Хинкс-Лейн со вторника. Назвался Мартином.

— Вот как? И исчез сразу после преступления. Вам не кажется это слегка подозрительным?

— Ни капли, — триумфально сообщил инспектор Ампелти, — он обедал в «Трех перьях» в Дарли в час, ушел около половины второго. Если вы мне объясните, каким образом можно преодолеть четыре с половиной мили за полчаса, я немедленно выпишу ордер на его арест.

— Вы опять меня обошли, инспектор. Что ж, посмотрим. Убийство в два. Надо пройти четыре с половиной мили. Значит, в Дарли убийца должен был быть самое позднее в двенадцать пятьдесят. Хотя, если учесть, что часть пути проходит по песку, он вряд ли смог бы идти все время со скоростью четыре мили в час. Значит, двенадцать тридцать — самое позднее, и это не учитывая того, что он вполне мог присесть и побеседовать с Алексисом, прежде чем перерезать ему горло.

— Все верно, мой лорд. В любом случае мистер Мартин нам вряд ли пригодится, он провел все утро четверга в Уилверкомбе — так он сказал владельцу «Трех перьев».

— Какая жалость! Он мог бы стать ценным свидетелем. Думаю, вам все равно стоит его разыскать. Кто-нибудь запомнил номер его «моргана»?

— Да, машина из гаража в Лондоне, была взята напрокат. Мистер Мартин арендовал ее в прошлый четверг и вернул в субботу вечером. Заплатил наличными. Сказал, что только что продал дом, поэтому постоянного адреса у него нет, но у него была рекомендация из Кембриджского банка. Водительские права в порядке.

— А на правах адреса не было?

— Был, но адрес уже проданного дома, так что они не обратили внимания.

— Владельцы гаражей всегда просят клиентов продемонстрировать права?

— Понятия не имею. Видимо, этот парень сам их показал.

— Любопытно. Что там с банком?

— Все в порядке. Мистер Хэвиланд Мартин имеет там счет вот уже пять лет. Рекомендован одним из старейших клиентов банка. Никаких проблем.

— Полагаю, они не упомянули размер его счета или имя того, кто порекомендовал ему этот банк?

— Нет. Вы же знаете, банковские служащие не любят выдавать подобную информацию. У нас же нет ничего против этого Мартина.

— Точно. Хотя мне все равно хотелось бы с ним пообщаться. Некоторые пункты меня заинтриговали. Что скажет мой дорогой Роберт Тэмплтон?

— Думаю, — важно сказала Гарриет, — что, если бы я была организатором убийства, я бы обставила все именно так, как мистер Мартин. Может, у него и имя фальшивое, он вполне мог открыть банковский счет под псевдонимом.

— Да, но факты подтверждают невиновность мистера Мартина, если только часы в «Трех перьях» не врут. Хотя небольшое расследование не помешает. Пять лет — довольно большой срок для продумывания убийства. Приглядите-ка за этим банком на всякий случай, инспектор, только не спугните нашу птичку.

— Как скажете, мой лорд. Но я отнесся бы ко всему этому с большим энтузиазмом, если бы у нас были хоть какие-то доказательства того, что случилось именно убийство. В данный момент мы не располагаем никакими уликами.

— Вы правы, но некоторые мелочи заставляют меня думать именно об убийстве. По отдельности они не играют особой роли, но все вместе выглядят довольно странно. Бритва и перчатки, обратный билет, хорошее настроение Алексиса всего за день до смерти. А теперь еще и таинственная история с неизвестным господином без адреса, который приехал в Дарли как раз во время происшествия, а затем исчез.

Ответ инспектора Ампелти был прерван раздавшимся телефонным звонком. Он поднял трубку, выслушал говорившего и сказал:

— Я скоро буду, сэр. — Затем продолжил, обращаясь к своим посетителям: — Кажется, у нас проявились еще какие-то странные обстоятельства. Простите, мне надо торопиться, меня ждут в участке.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: РЫБАК

Есть один парень
С кудрявой падающей на лоб челкой,
С покрасневшими глазами, мерцающими
Под ошетилившимися бровями; его кривые зубы
Совсем как у голодного волка, его мерзкий рот;
Его лоб приплюснут, а грязная грива
Достигает плеч, коричневые руки покрыты бородавками,
Как корни, с острыми ногтями — Он тот человек.

Фрагмент

Понедельник, 22 июня

Новостей лорду Уимзи пришлось ждать совсем недолго. Он как раз вернулся в «Бэлью» на ленч и спокойно сидел в баре, когда кто-то легонько постучал его по плечу.

— Господи, инспектор! Вы меня напугали! Ну ладно, что на этот раз?

— Я просто заехал, чтобы рассказать последние новости, мой лорд. Подумал, вы захотите их услышать. Нам пришлось крепко призадуматься над этим, и ваша помощь может очень даже пригодиться.

— Правда? Вы выглядите взволнованным. Полагаю, давно не тренировались? Дела утомляют, когда вы от них отвыкаете. Выпьете?

— Спасибо, мой лорд. Не откажусь. Теперь послушайте, помните о том, что у нашего друга был открыт счет в банке, на котором лежали три сотни фунтов?

— Само собой.

— Так вот, — инспектор понизил голос, — мы наконец обнаружили, что случилось с этими деньгами.

Уимзи всем своим видом выразил предельное внимание, но этого явно оказалось недостаточно. Очевидно, инспектор Ампелти чувствовал, что в его руках оказались действительно важные факты, и не хотел делиться с ними, не создав драматической обстановки.

— Не томите, инспектор. Что он с ними сделал?

— Угадайте, ваша светлость. У вас есть три попытки, и я готов поставить все, что захотите, на то, что вы не догадаетесь. Даже за двадцать попыток.

— Тогда давайте не будем тратить ваше драгоценное время. Продолжайте. Смилуйтесь. Не держите меня в неведении. Что он сделал с деньгами?

— Он взял, — торжественно произнес инспектор, — и превратил их в золото.

— Во ЧТО?

— В три сотни золотых соверенов — вот во что. Три сотни круглых, блестящих соверенов.

Уимзи молча уставился на собеседника.

— Три сотни... Послушайте, инспектор, подобный шок — это больше, чем может выдержать организм нормального человека. У нас во всей стране столько не наберется. Я никогда не видел больше десяти соверенов за раз. Золото! Как он его достал? Как ему удалось? В наши дни золото не выдают в банках. Он ограбил монетный двор?

— Нет, не ограбил. Но история ужасно запутанная и подозрительная. Я расскажу вам, как все было и как мы об этом узнали. Помните, на прошлой неделе в газете разместили фотографию Алексиса?

— Да, вырезанную из той коллективной фотографии, сделанной на прошлое Рождество. Я видел.

— Верно. Это единственная фотография, которую мы смогли найти. Так вот, вчера к нам в участок залетела преинтересная птичка — бакенбарды, свободно повязанный галстук, хлопковые перчатки, квадратный котелок, большой зеленый зонт — все при нем. Старикан сказал, что живет на Принцмур-Уэй. Он достал газету и показал на фото: «Я слышал,

будто вы собираете информацию об этом бедном молодом человеке?» «Собираем, — ответил ему начальник полиции. — А вы что-нибудь знаете о нем?» — «О его смерти ничего, но три недели назад у нас с ним было прелюбопытнейшее столкновение, и я подумал, вдруг вас это заинтересует». Ему было велено рассказать обо всем.

Вот оно как было. Возможно, вы помните, не так давно, где-то около месяца назад, в газетах писали о странной старухе, которая жила в полном одиночестве, без компаньонки, но с сотней кошек. Дело было в Сихэмптоне. Ее звали мисс Энн Беннетт, но это не имеет никакого значения. Так вот, в один прекрасный день происходит вполне ожидаемое — занавески опущены, дым из трубы не поднимается, молоко, принесенное молочником, никто не забрал, и кошки вопят так, что разрывается сердце. Полицейский взломал дверь и обнаружил старую леди мертвой, в ее кровати. Постановили, что смерть произошла по естественным причинам, какими являлись старость, постоянное недоедание и к тому же пневмония. Конечно, в доме нашлось немало денег, в том числе в матрас было зашито четыреста золотых соверенов. Такое часто случается.

Уимзи кивнул.

— Да. Разумеется, появляется какой-то давно потерянный вроде как родственник, и кто бы вы думали? Этот самый старик с Принцмюра, Эйбл Беннетт. Обнаружено завещание, по которому все достается ему. Одна лишь просьба: присмотреть за несчастными кошечками. Итак, он вступает в права наследования. Очень хорошо. Буквально через день на его пороге появляется наш с вами знакомый мистер Пол Алексис, представляющий своим именем, и фотография тоже подтверждает его личность. Он рассказывает старому Беннетту какую-то невнятную историю о том, что ему зачем-то срочно нужны золотые соверены. Что-то насчет того, что он хочет купить бриллиант у иностранного раджи, который не знает, что такое бумажные деньги. В общем, абсолютный бред.

— Он наверняка прочитал об этом в каком-нибудь модном романе, — заметил лорд Уимзи. — Мне кажется, я где-то встречал подобный сюжет.

— Вполне возможно. Старый Беннетт, куда менее наивный, чем его сестра, разумеется, не поверил парню ни на грош. Он сказал, что внешне мистер Алексис не походил на тех, кто скупает бриллианты у разных шейхов и раджей. Но, в конце концов, в его просьбе не было ничего криминального, а зачем молодчику потребовалось золото — это не касалось мистера Беннетта. Он слегка поупирался, и Алексис предложил ему три сотни фунтов, английскими банкнотами, плюс сверху еще двадцать фунтов — в обмен на триста соверенов. Старик от такого предложения отказываться не стал, потребовал только, чтобы деньги были проверены в ближайшем банке, а то вдруг его пытаются обмануть. Алексис согласился и сразу же достал деньги. Итак, не вдаваясь в подробности, они немедленно направились в банк, где была подтверждена подлинность банкнот, после чего Беннетт отдал Алексису золото, тот упаковал его в кожаную сумку и ушел. Это все. Проверив даты и прочее, мы выяснили, что Алексис снял деньги со своего банковского счета сразу после того, как в газетах появилось известие о смерти Энн Беннетт. Но зачем он это сделал и что было с золотом дальше — этого я сказать не могу.

— Что ж, — протянул Уимзи. — Я и до этого признавал, что в этом деле есть парочка странностей, но последняя переплюнула все остальное. Какому нормальному человеку придет в голову нагружать себя таким количеством золота? Историю о радже и его бриллианте мы можем со спокойной душой забыть, думаю я. Если кому-то очень нужен бриллиант, его вполне можно купить на Бонд-стрит, и платить золотом за него вовсе необязательно.

— Это точно. К тому же что это за раджа, который никогда не видел бумажных денег? Они иностранцы, а не дикие животные. Да, из них половина училась в Оксфорде.

— Единственное более-менее разумное предположение, которое приходит мне в голову, — сказал Уимзи, — что Алексис собиралась бежать куда-то, где английские банкноты не в ходу. Но я с трудом могу придумать такую страну. Центральная Азия?

— Возможно, дело не в этом, мой лорд. Судя по тому, что он сжег все свои бумаги пред выходом из дома, он не соби-

рался оставлять после себя никаких следов, никакого намека на то, куда он направляется. А за английскими банкнотами довольно легко проследить. Ему бы пришлось ими расплачиваться, а отследить банкноту по номеру — в этом нет ничего сложного. Я думаю, Алексис собирался уехать и взял золото потому, что это единственная форма денег, которая принимается везде и за которой невозможно проследить.

— Действительно. Я думаю, вы правы, инспектор. Но вы понимаете, я надеюсь, что тогда теория с самоубийством не выдерживает никакой критики?

— Да, кажется, похоже на то, — признал мистер Ампелти. — Хотя, конечно, золото могло пойти на расплату с кем-то в этой стране. Представьте-ка на секунду, что Алексиса шантажировал кто-то, кто сам хотел уехать. Мало ли по каким причинам тому человеку понадобилось золото, возможно, именно по тем, о которых мы только что говорили, и он заставил Алексиса проделать всю работу, чтобы самому не светиться. Алексис расплачивается, а потом с горя перерезает себе горло.

— Вы очень изобретательны, — заметил Уимзи. — Но я по-прежнему придерживаюсь своей версии. Хотя если это действительно убийство, то оно выглядит таким продуманным, что нам даже не за что зацепиться. Только за бритву. Послушайте, инспектор, мне тут пришла в голову идея по поводу этой бритвы, и я хочу продолжить расследование, если позволите. Наша единственная надежда отыскать убийцу, если таковой вообще имеется, на то, что он перехитрил сам себя.

Питер отодвинул стаканы и прошептал что-то на ухо инспектору.

— В этом что-то есть, — согласился мистер Ампелти. — Не вижу причин, почему бы не попробовать. Вы лучше уточните у начальника, но не думаю, что он будет возражать, вы в любом случае поможете делу. Так что, скажу я вам, дерзайте. Почему бы нам прямо сейчас не отправиться в участок и не разобраться с этим?

В участке Уимзи и инспектор обнаружили не только начальника полиции, но и пожилого джентльмена в рыбацком

плаще и сапогах, который всем своим видом выражал страдание и негодование.

— Разве нормальный человек не может плавать на своей лодке там, где хочет, и тогда, когда хочет? Море для всех открыто, разве не так?

— Конечно, это так, Поллок. Но если вы не задумывали ничего противозаконного, откуда тогда такой тон? Вы же не отрицаете, что были там в это время? Фредди Бэйнс утверждает, что видел вас.

— Чертовы Бэйнсы! — пробурчал Поллок. — Мерзкие, подглядывающие, везде сующие нос... Какое им дело до того, где я был?

— Ладно, будем считать, что вы признались. Во сколько вы добрались до Утюга?

— Спросите у Фредди Бэйнса, пусть он вам расскажет. Он любит поделиться информацией.

— Да забудьте о Бэйнсе! Вы скажите мне, во сколько это было?

— Полиция тут, полиция там — никакой свободы в проклятой стране. Я имею или не имею право находиться там, где хочу? Отвечайте!

— Послушайте, Поллок. Мы просто хотим получить кое-какую информацию. Если вам нечего скрывать, почему бы не ответить на простые вопросы?

— А что вам надо знать? Был ли я у Утюга в четверг? Ну да, был. И что?

— Вы приплыли туда из дома, я полагаю?

— Да, если уж вам так приспичило это знать. Что в этом плохого?

— Ничего. Во сколько вы отплыли?

— Около часу. Может, позже, может, раньше. Примерно так.

— И к Утюгу вы добрались часам к двум.

— Да, и что в этом плохого?

— Вы видели кого-нибудь на берегу?

— Да, видел.

— Видели?

— Да. У меня есть глаза, знаете ли.

— Было бы неплохо, если бы у вас еще обнаружилась хоть капелька вежливости. Где вы видели человека?

— На пляже возле Утюга. Около двух.

— Вы были достаточно близко, чтобы разглядеть, кто это?

— Нет. И я не пойду в ваш чертов суд, и не буду клясться на Библии, и вы можете запихнуть это в свою трубку и выкурить, мистер самодовольный начальник.

— Так что же вы видели?

— Я видел какую-то бабу, которая скакала по пляжу, как будто у нее не все дома. Она бежала, потом останавливалась и тыкала в песок, потом снова бежала. Вот что я видел.

— Я скажу об этом мисс Вэйн, — сообщил Уимзи инспектору, — с ее чувством юмора, ей это понравится.

— Итак, вы видели женщину. А что она потом делала, видели?

— Она побежала к Утюгу и стала там заниматься какой-то ерундой.

— Там был еще кто-нибудь?

— Вроде лежал какой-то парень. Похоже на то.

— И?..

— Она начала вопить и махать руками.

— И?..

— И — что? Я не обратил внимания. С этими бабами только так и надо. Не обращать на них внимания.

— Поллок, а еще кого-нибудь вы видели на пляже тем утром?

— Ни души.

— Берег все время оставался у вас перед глазами?

— Да.

— И вы никого не видели, кроме женщины и лежащего мужчины?

— Я же уже сказал — нет. Никого.

— Насчет того мужчины — он уже лежал, когда вы его увидели в первый раз?

— Да, лежал.

— А когда вы его увидели?

— Как только он попал в мое поле зрения, сразу и увидел.

— Во сколько это было?

— Точно не скажу. Без пятнадцати два, а может, без десяти. Я не следил за временем, а занимался своим делом, чего и другим советую.

— Каким делом?

— Плыл на чертовой лодке. Вот мое дело.

— В любом случае вы увидели мужчину до того, как увидели женщину, и он уже лежал на камне. Как вы думаете, он был мертв?

— Откуда я знаю, мертвый он был или живой? Он мне, знаете ли, воздушных поцелуев не посылал. А даже если и посылал, я бы не разглядел — слишком далеко было.

— Но вы сказали, что все время видели берег.

— Видел. Ну и что, берег большой, его трудно не увидеть. Но это не значит, что я разглядывал всяких придурков, занимающихся непонятно чем.

— Ясно. Вы были прямо перед скалами, да?

— Какая к черту разница? Я приплыл не для того, чтобы рассматривать баб, которые непонятно чем занимаются со своими мужчинами. У меня нашлись и другие дела, помимо слежки за купальной вечеринкой.

— И чем же вы занимались?

— Это мое дело.

— Ладно, ваше дело, оно имело место на глубокой воде у скал?

Поллок упорно молчал.

— С вами кто-то был в лодке?

— Нет, никого.

— Чем занимался ваш внук?

— Ах он. Он был со мной. Я подумал, вы имеете в виду кого-то еще, кого там не должно было быть.

— О чем вы?

— Ни о чем, только вот полицейские напоминают мне волчью стаю.

— Где сейчас ваш внук?

— В Корке. Уехал в субботу.

— В Корке? Переправляет контрабанду в Ирландию?

Поллок возмутился:

— Нет, он поехал по делам! По моим делам.

— Ваши дела кажутся слишком загадочными, Поллок. Будьте осторожней. Мы хотели бы видеть молодого человека, когда он возвратится. Побеседуем и с ним тоже. Но вернемся к делу. Вы сказали, что, когда женщина увидела вас, вы как раз отплывали.

— Почему бы и нет?

— Зачем вы подплывали к скалам?

— Это мое дело.

Начальник полиции сдался.

— В любом случае, вы можете сказать, видели ли вы кого-нибудь, идущего по берегу между вашим домом и Утюгом?

— Могу. Никого я не видел. По крайней мере, до без пятнадцати двух. А потом я не могу сказать, я же уже говорил, у меня были другие дела.

— Поблизости вы не видели других лодок?

— Нет.

— Хорошо. Если в ближайшее время у вас вдруг улучшится память, известите нас, будьте добры.

Мистер Поллок пробормотал нечто непристойное и удалился.

— Неприятный джентльмен, — заметил Уимзи.

— Старый негодяй, — процедил полицейский. — Самое плохое, что ни одному ему слову нельзя верить. Знать бы, что он на самом деле там делал.

— Убивал Пола Алексиса? — предположил инспектор.

— Или, что более вероятно, доставлял убийцу на место преступления, — добавил Уимзи. — Это действительно более правдоподобно. Какие у него могут быть мотивы для убийства Алексиса?

— Три сотни фунтов, мой лорд. Мы не должны о них забывать. Я знаю, я говорил, что это самоубийство, и я по-прежнему так думаю, но теперь и для убийства у нас появились неплохие мотивы.

— Предположим, что Поллок знал о деньгах. Но откуда?

— Смотрите, — начал начальник. — Предположим, Алексис хотел покинуть страну...

— Да, я о том же, — вмешался Ампелти.

— И предположим, что он нанял Поллока, чтобы тот встретил его на своей лодке и доставил, скажем, на яхту или что-то вроде того. А когда выплачивал Поллоку деньги, тот увидел, что их немало. Не мог Поллок привести его на берег и перерезать ему горло, а затем отчалить с деньгами?

— Но зачем? — возразил Ампелти. — Зачем заставлять ему выходить на берег? Куда легче сделать черное дело на борту, а труп сбросить в море.

— Нет, не легче, — ответил Уимзи. — Когда-нибудь видели, как режут свиней, инспектор? Не припоминаете, как много крови остается после этого? Если бы Поллок перерезал Алексису горло на палубе, то ему пришлось немало потрудиться, чтобы замести все следы преступления.

— Лорд прав, — согласился начальник участка, — но, в любом случае, как насчет одежды Поллока? Боюсь, у нас недостаточно доказательств, чтобы мы могли получить ордер на обыск его дома.

— Одежду можно легко отстирать, — сообщил Уимзи.

Оба полицейских нахмурились.

— К тому же если встать сзади жертвы и перерезать ей горло, то можно вообще практически не испачкаться. Я полагаю, что Алексиса убили там же, где было обнаружено его тело. И если вы не возражаете, начальник, у меня есть одно небольшое предложение, которое вполне может сработать и точно сказать нам, что это все-таки было: убийство или самоубийство.

Он озвучил свой замысел, и полицейский кивнул:

— У меня нет возражений, мой лорд. У вас может что-то получиться. На самом деле, — продолжил мистер Глэйшер, — я и сам думал о чем-то подобном.

Уимзи усмехнулся и отправился на поиски Сэлкомба Харди, репортера из «Утренней звезды», которого он нашел, вполне ожидаемо, в баре при отеле. К этому времени большинство корреспондентов уже разъехалось по своим издательствам, но Харди, с трогательной верой в лорда Питера, оставался на месте.

— Вы обращаетесь со мной просто ужасно, ваша светлость, — скорбно проныл он, поднимая печальные фиолето-

вые глаза на Уимзи. — Но я знаю, что вы припрятали в рукаве пару карт, иначе вы бы не вертелись возле места преступления. Если только дело не в девушке. Бога ради, Уимзи, скажите, что дама тут ни при чем. Вы не можете так поступить со старым изработавшимся журналистом. Или можно сделать так! Если вам не о чем мне поведать, расскажите мне про эту девушку. Все, что угодно, какую-нибудь историю. Романтика — это лучше, чем ничего, ведь о чем-то же я должен написать.

— Соберитесь, Сэлли, — сказал лорд Питер, — и держите свои чернильные лапы подальше от моей личной жизни. Давайте выйдем и присядем в укромном уголке, и я поделюсь с вами одной замечательной историей, которой вы можете воспользоваться как захотите.

— Вот и чудесненько, — обрадовался мистер Харди, — Вот этого я и ожидал от дорогого старого друга. Лорд никогда не бросит приятеля в беде, даже если приятель всего лишь несчастный журналист. *Noblesse oblige* (Положение обязывает). Я так им всем и сказал: «Я остаюсь со стариной Питером. Он не будет смотреть, как кто-то теряет работу из-за отсутствия интересных историй». Но все эти новые работники — в них нет огонька, силы воли. Никого из старой журналистской братии не осталось, кроме меня. Я знаю, где достать горячие новости. Держись старого доброго Питера, говорю я себе, и он снабдит тебя отличным материалом.

— Прекрасно! — воскликнул Уимзи. — Пусть же у нас всегда будут друзья и готовые для них истории. Вы достаточно трезвы, Сэлли?

— Трезв? — возмущенно воскликнул журналист. — Да, вы знаете хоть одного газетчика, который не был бы трезв, когда ему вот-вот расскажут что-то интересное? Мои ноги твердо стоят на земле, чтобы идти вслед за вашим рассказом, а большего мне и не надо, верно?

Уимзи осторожно усадил друга в кресло.

— Так вот, — продолжил он. — Вы публикуете этот материал, и посмотрим, какую реакцию он вызовет. Записывайте все, что я скажу. Детали и оформление я оставляю на ваше усмотрение.

Харди резко вскинул глаза.

— Ох, — пробормотал он. — У вас есть свои мотивы, верно? Не только по дружбе вы это делаете. Патриотизма недостаточно. Ну что ж, если это эксклюзив, то мотивы несущ... не су... чертово слово, несущественны!

— Точно, — согласился Уимзи. — Записывайте. «Тайны, окружающие ужасную трагедию у Дьявольского Утюга, множатся при каждой попытке разгадать их. Эта смерть далека от простого самоубийства, как поначалу казалось...»

— Хорошо, — перебил его Харди. — С этой частью я и сам справлюсь. Давайте мне историю.

— Да, но не забудьте как следует проработать отрывок про таинственность. Продолжаем: «Лорд Питер Уимзи, известный детектив-любитель, дал интервью нашему корреспонденту в гостиной отеля «Бэльвью»...»

— Гостиная — это важно?

— Адрес важен. Я хочу, чтобы они знали, где меня найти.

— Верно. Продолжайте.

— «...отеля «Бэльвью» в Уилверкомбе, в котором сообщил, что, хотя полиция придерживается версии о самоубийстве, самого его подобная версия не устраивает. Лорда волнует тот факт, что погибший носил бороду и никогда не брился, а преступление было совершено...»

— Преступление?

— Самоубийство — это тоже преступление.

— Хорошо. Так?

— «...совершено обычной, сильно изношенной бритвой». Оформите это как следует, Сэлли. «История бритвы была прослежена вплоть до ее создания...»

— Кем прослежена?

— Мной.

— Могу я упомянуть об этом?

— Если хотите.

— Так лучше. «Лорд Питер Уимзи со скромной улыбкой пояснил, что он самостоятельно изучил всю историю бритвы и его поиски привели его к...» Куда они привели вас, Уимзи?

— Этого я им сообщать не хочу. Напишите, что поиски растянулись на многие сотни миль.

— Хорошо, я сделаю так, чтобы это прозвучало крайне серьезно. Что-нибудь еще?

— Да. Это очень важно. Заставьте их набрать это черным шрифтом, ладно?

— Это не мое дело, а редактора, но я попробую. Продолжайте. «Склонившись над столом и подчеркивая сказанное выразительными движениями рук, лорд Питер сообщил...»

— «След, — продолжил Уимзи, — прерывается на самом важном месте. Как бритва попала в руки Пола Алексиса? Если бы я узнал ответ, он мог бы рассеять все мои сомнения. Если будет доказано, что Пол Алексис купил бритву, то я сочту теорию о самоубийстве более чем доказанной. Но пока это звено в цепочке отсутствует, я буду продолжать придерживаться мнения о том, что Пол Алексис был жестоко убит, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы найти преступника. Правосудие восторжествует». Как вам это, Сэлли?

— Неплохо, неплохо. Я могу с этим работать. Конечно, я добавлю, что вы, зная, каким крупным тиражом расходуется «Утренняя звезда», рассчитываете на широкую рекламу и прочее и прочее. Можно даже попробовать уговорить редакторов объявить вознаграждение за помощь.

— Почему бы и нет? В общем, я надеюсь на вас, Сэлли.

— Я все сделаю как надо. Между нами — действительно ли вы перестанете сомневаться в том, что это самоубийство, если кто-то откликнется?

— Не знаю, — пожал плечами Уимзи. — Наверное, нет. Если честно, я всегда во всем сомневаюсь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ТРУП

Как я ненавижу
Всех мужчин, состоящих из сплошных
мускулов!

Книга шуток со Смертью

Понедельник, 22 июня

Питер Уимзи взглянул на часы. Половина второго, а он так и не успел перекусить. Взяв машину, лорд отправился в Дарли. Ему пришлось немного подождать, прежде чем ворота в Хэлте откроются для проезда, и он решил потратить это время на проверку сведений, раздобытых полицией. Обнаружилось, что сторож лично знал таинственного мистера Мартина, они как-то встретились вечером в баре. Приятный джентльмен, очень обходительный. Какие-то проблемы с глазами, кажется, поэтому он носил темные очки не снимая, но в целом очень милый человек. Сторож был абсолютно уверен, что мистер Мартин не проезжал мимо железнодорожного шлагбаума в четверг — не проезжал ни на машине, ни на велосипеде, ни на мотоцикле — никоим образом. Что касается того, мог ли он пройти пешком, — вот за это трудно поручиться.

Неожиданно появился еще один свидетель. Маленькая дочка сторожа, Роза, «которой вот-вот исполнится пять, а она такая смышленная для своего юного возраста», как гордо сообщил ее отец, настаивала на том, что «неприятный человек в черных очках» не появлялся возле ворот в четверг. Роза его помнила. И он ей совсем не нравился. Она видела его в деревне за день до того, и его ужасные черные очки ее сильно на-

пугали. В четверг она играла с другом прямо около ворот. То, что был четверг, она знала, ведь в тот день открывался рынок, и поезд останавливался в 10.15. Розы в тот момент как раз изображала сестру Анну, сидящую в башне, и звала своего друга каждый раз, как кто-то проходил через ворота. Судя по словам сторожа, дети играли на одном и том же месте с 12.30 и практически до самого чая (примерно до четырех). Девочка была абсолютно уверена, что страшный человек не проходил мимо. Если бы она его увидела, то сразу бы убежала.

Слова малышки отметили возможность того, что загадочный мистер Мартин покинул «Три пера» раньше, чем должен был, дошел до разъезда пешком и затем остановил машину, попросив подвезти его. Уимзи поблагодарил малышку, вручив ей шесть пенсов, и отправился дальше.

Следующая остановка, разумеется, «Три пера». Хозяин, мистер Ланди, был готов предоставить всю имеющуюся в его распоряжении информацию. То, что он сообщил инспектору, казалось правдой. Впервые он увидел мистера Мартина во вторник, шестнадцатого июня. Тот приехал часов в шесть, припарковал свой «морган» на лужайке, зашел в дом, выпил стакан пива и спросил дорогу до дома мистера Гудрича. Кто такой мистер Гудрич? О, это тот джентльмен, что живет около Хинкс-Лейн, там, где Мартин разбил свою палатку. Все земли в тех местах принадлежат мистеру Гудричу.

— Я хочу прояснить ситуацию, — сказал Уимзи, — с какой стороны приехал Мартин, со стороны Хинкс-Лейн?

— Нет, сэр, он приехал по дороге из Хизбэри и оставил машину на лужайке, как я и сказал.

— Он сразу пошел прямо сюда?

— Полетел как мотылек на огонь, — подтвердил мистер Ланди, — мы были открыты, сэр.

— Он спрашивал у кого-нибудь, где можно поставить палатку? Или он сразу осведомился о мистере Гудриче?

— Он вообще не задавал никаких вопросов, кроме как: «Где дом мистера Гудрича?»

— То есть он знал его имя, так?

— Видимо, да, сэр.

— Он не сказал, зачем хочет видеть мистера Гудрича?

— Нет, сэр. Только спросил дорогу, выпил свое пиво и снова уехал.

— Я так понимаю, что он обедал здесь в прошлый четверг?

— Точно, сэр. Приехал в большой открытой машине с какой-то леди. Она его высадила и поехала дальше, а он зашел и присел перекусить. Я думаю, это было около часу, но официантка наверняка помнит лучше меня.

Девушка действительно все знала. Да, как она уже сказала инспектору Ампелти, мистер Мартин пришел без десяти час. Он мимоходом упомянул, что был в Уилверкомбе, и решил пообедать у них ради разнообразия. Видимо, с его машиной были какие-то неполадки, поэтому ему пришлось просить даму подвезти его. Да, он поел от души — баранье жаркое с картошкой и вареной капустой и еще ревеневый пирог.

Уимзи передернуло при мысли о жарком и вареной капусте в жаркий июльский день, и он уточнил, во сколько мистер Мартин покинул трактир.

— В полвторого, сэр, думаю, что так. Наши часы спешат на целых десять минут, так же как и часы в баре, их приходится заводить вручную каждый день. Я не знаю, может, мистер Мартин задержался в баре по дороге, но то, что он расплатился за ленч в половине второго, в этом я уверена. Я в тот день рано заканчивала, и мы с моим молодым человеком собирались в Хизбэри, он должен был заехать на мотоцикле, поэтому, как вы понимаете, я с часов глаз не сводила. После мистера Мартина больше никто не зашел, так что я прибралась, оделась, и была очень этому рада.

Все было ясно. Мистер Мартин точно не мог покинуть «Три пера» раньше чем в час тридцать. То есть он не мог быть убийцей Пола Алексиса. Тем не менее, начав расследование, лорд Уимзи собирался довести его до конца. Он напомнил себе, что алиби создаются затем, чтобы их разрушать. Можно предположить, что мистер Мартин добрался от Дарли до пляжа, где было совершено убийство, на ковре-самолете или еще каком-то хитром устройстве. В таком случае надо разузнать, вернулся ли он обратно тем вечером, и если вернулся, то во сколько и как?

В Дарли стояло не так уж много домов, так что для ответа на эти вопросы самым лучшим вариантом было просто пройти по всем адресам. Уимзи принялся за работу. Разговорить жителей деревни оказалось совсем не трудно. Смерть Пола Алексиса по важности практически затмевала в глазах местных субботний матч по крикету и даже революционное предложение превратить дом для собраний в кинотеатр. Прибытие полиции из Уилверкомба для расспросов о передвижениях мистера Мартина подняло всеобщее возбуждение до невероятных высот. Дарли мог даже попасть в газеты! На самом деле в этом году они уже попадали в газеты, когда помощник викария мистер Габбинс выиграл утешительный приз в национальных соревнованиях по гребле. Спортивное население Дарли было в восторге, хотя и слегка завидовало; набожная часть пришла в недоумение оттого, что викарий немедленно не уволил нерадивого помощника, лишив его всех привилегий — таких как собирание пожертвований и заседание в церковном совете. Но сейчас все отчаянно надеялись на то, что принимали у себя в гостях самого зловещего преступника всех времен и народов — ведь это послужило бы отличной рекламой для деревушки. Уимзи нашел многих людей, которые считали мистера Мартина крайне странным человеком, и его лицо не внушало им доверия. Но только через два часа поисков он обнаружил кого-то, кто действительно видел мистера Мартина в четверг вечером. Разумеется, это был самый заметный житель деревни — владелец небольшого домика, переоборудованного в гараж. Единственной причиной, по которой Уимзи не получил информацию раньше, стало то, что мужчины не было дома, когда лорд заходил к нему в первый раз, — тот уходил починить сломавшийся насос на соседней ферме, оставив дома только молодую жену.

Мистер Полвистл, вернувшийся в компании молодого механика, был обескураживающе информативен. Мистер Мартин? Ах да. Он (мистер Полвистл) видел его во второй половине дня в четверг, это точно. Мистер Мартин зашел... часа в три, не так ли, Том? Да, в три ровно. Попросил взглянуть на его «морган». Выяснилось, что машина ни в какую не хотела

заводиться. Долго копавшись в моторе, механик установил, что все дело в зажигании. После того как были найдены и установлены новые запчасти, мотор сразу завелся. Они даже могут сказать точное время, потому что Том записал часы работы — с трех до четырех.

Время близилось к половине пятого, и Уимзи понадеялся, что найдет мистера Гудрича дома. Он без проблем нашел дорогу — первый поворот с шоссе на Уилверкомб. Джентльмен и вся его семья как раз собрались за столом, на котором красовались хлеб, пироги, мед и девонширский пудинг.

Мистер Гудрич оказался полноватым искренним помещиком старой школы и пришел в восторг оттого, что может чем-то помочь расследованию. Мистер Мартин появился на пороге его дома в семь часов вечера во вторник и попросил разрешения поставить палатку внизу у холма Хинкс-Лейн. Почему он так называется? Ну, там раньше стоял коттедж, принадлежащий человеку по фамилии Хинкс. Но это было уже очень давно, и дом совсем развалился. Теперь туда и не заходит никто, кроме туристов. Мистер Мартин не расспрашивал о месте, где собирался разбить лагерь, сразу же спросил о разрешении, и название холма он тоже знал. Раньше мистер Гудрич этого парня не видел, а ведь прекрасно знал обо всем, что происходит в деревне. Да, он практически уверен, что Мартин не бывал в Дарли до этого. Несомненно, кто-то рассказал ему о Хинкс-Лейн — там ведь частенько останавливаются туристы. Место удобное — никаких посевов, никаких изгородей, ничего. Текущий через пастбище ручей впадает в море всего в пятидесяти ярдах от площадки для палаток, и вода в нем очень чистая, за исключением, конечно, тех периодов, когда из-за прилива она становится солоноватой. О, только что ему вспомнилось, что он слышал какие-то жалобы на то, что кто-то сломал изгородь у мистера Ньюкомба, но человек, рассказывавший об этом, такой трепач, да и вообще, вряд ли это дело рук мистера Мартина. Мистер Ньюкомб не очень-то хороший хозяин, вечно забывает заделывать дыры в изгородях, и дикие животные пробираются на его пастбище. Собственно, кроме этого, ничего плохого сказать о мистере Мартине нельзя. Парень он вроде довольно спокойный, да

и в любом случае холм находится в стороне, так что туристы никогда не мешают жителям деревни. Некоторые привозят с собой граммофоны, гавайские гитары или гармошки — в зависимости от предпочтений и социального положения, и мистер Гудрич никогда не возражал против их развлечений, если они никому не мешали. Плату за разрешение разбить лагерь он никогда не берет, ведь это не причиняет ему никакого вреда, и с какой стати ему брать деньги с живущих в городе бедняжек, пускай хоть иногда дышат свежим воздухом и пьют чистую воду. Единственное, о чем он всегда просит, — так это убирать за собой, и все всегда следуют этому правилу с уважением.

Уимзи поблагодарил хозяина и принял приглашение выпить чаю. В шесть часов, наевшись сдобных булочек, он отправился далее, решив, что настало время посетить место лагеря и таким образом завершить главу, посвященную мистеру Мартину. Он проехал по узкой каменистой дороге и вскоре заметил следы недавнего пребывания мистера Мартина. На месте, где стояла палатка, осталась ровная земля, от которой шла дорожка камней и щебня, вплоть до моря. Начался прилив, и, возможно, когда он достигнет высшей точки, от пляжа останется только узкая полоска песка.

На траве по-прежнему четко виднелись следы от колес автомобиля, а на месте парковки расплылось несколько масляных пятен. Поблизости виднелись небольшие углубления в земле — от колышков, на которых держалась палатка. Среди остатков углей и золы лежала скомканная обгорелая газета, которую, очевидно, использовали, чтобы протирать сковородку.

Уимзи осторожно развернул испорченные страницы и взглянул на заголовок. «Утренняя звезда», выпуск четверга, ничего удивительного. В углях не было обрывков ни окровавленной одежды, ни пуговички, никаких бумаг, которые могли бы навести на мысли о том, каково настоящее имя мистера Мартина или откуда он родом. Единственной стоящей находкой стала трехдюймовая тоненькая веревочка, почерневшая от огня. Уимзи убрал ее в карман, за неимением лучшего, и продолжил поиски.

Мистер Мартин, очевидно, был чистюлей и потому не оставил после себя никакого мусора. С правой стороны лужайки возвышались остатки колючей изгороди, окружавшей развалины коттеджа Хинкса. Возле нее Уимзи нашел тайник, наполненный массой старых банок и бутылок, некоторые из которых были довольно свежими, другие явно провалялись уже много лет; еще в нем были горбушки хлеба, кости от жаркого, старый дырявый котелок, безопасная бритва (о которую до сих пор вполне можно было порезаться) и мертвая чайка. После долгого, ломящего спину ползания по всей площадке лорд был вознагражден невероятным количеством горелых спичек, шестью коробками, остатками табака, зернами овса, порванным шнурком от ботинок (коричневым), шестью сливовыми косточками, хвостиками от клубники, обломком карандаша, пятнадцатью пробками от пива. На жесткой траве не было никаких следов ног.

Уставший и вспотевший лорд Питер поднялся на ноги, потягиваясь. С моря дул сильный ветер, небо затянуло облаками, но дождя вроде не намечалось, что было весьма на руку. Хорошо бы завтра прогуляться с Гарриет Вэйн. На данным момент он настолько устал, что уже был ни на что не способен, кроме как вернуться в отель, переодеться и поесть.

Он сел в машину и поехал в Уилверкомб.

Приняв горячую ванну и одевшись, лорд Питер почувствовал себя куда лучше и позвонил в «Респлендент», чтобы узнать, не согласится ли Гарриет поужинать с ним.

— Прости, но я не смогу. Я ужинаю с миссис Уэлдон и ее сыном.

— Сыном?

— Да, он только что приехал. Может, заедешь тоже, и я вас познакомлю?

— Даже не знаю. Что он за парень?

— Да, он здесь и с нетерпением ждет встречи с тобой.

— О, ясно. Нас подслушивают. Что ж, тогда придется мне приехать и посмотреть на него самому. Он красивый?

— Да, конечно. Сможешь приехать без четверти девять?

— Эй, ты лучше скажи ему, что мы помолвлены, иначе мне придется его убить.

— Правда? Потрясающе.

— Ты выйдешь за меня?

— Конечно нет. Мы ждем тебя в восемь сорок пять.

— Хорошо.

Уимзи съел свой одинокий ужин и задумался. Итак, сын невесты, вот как? У которого не слишком хорошие отношения с матерью к тому же. И что, интересно, он здесь делает? Внезапно переменял свои чувства? Или она написала ему, или позвонила и заставила приехать, надавив в финансовом или каком-то другом плане? Может ли он стать новой проблемой? Он — единственный сын, она — богатая вдова. Наконец-то появился человек, у которого вполне могли иметься мотивы для убийства Пола Алексиса. Надо повнимательнее присмотреться к юноше, в этом нет никаких сомнений.

После ужина Уимзи направился в «Респлендент», где обнаружил в баре ожидающую его компанию. Миссис Уэлдон была одета в черное вечернее платье, выглядела на свои годы и сразу принялась бурно приветствовать лорда:

— Мой дорогой лорд Питер! Я так счастлива вас видеть. Могу я представить вам моего сына Генри? Я написала ему и попросила приехать, чтобы поддержать нас в эти ужасные времена, и он был так добр, что отложил все свои дела и примчался ко мне. Так мило с твоей стороны, Генри, дорогой. Я как раз рассказывала Генри, как добра была ко мне мисс Вэйн и как вы оба напряженно работаете, чтобы сохранить светлую память о несчастном Поле.

Гарриет, видимо, решила подшутить над ним. Генри определенно нельзя было назвать красивым, хотя и уродом тоже. Ростом около пяти футов одиннадцати дюймов, с крепкой тяжеловатой фигурой и красным лицом. Вечерний костюм ему абсолютно не шел, из-за слишком широких плеч и коротких ног — ему куда больше подошла бы одежда деревенского стиля. Грязноватые волосы мышиного цвета давали неплохое представление о том, как выглядела голова его матушки до знакомства с пергидролем. Вообще, надо заметить, он похо-

дил на мать довольно сильно — узкий лоб, длинный упрямый подбородок. Хотя лицо матери казалось слабым и безвольным, а сына — упорным и невыразительным. Глядя на него, Уимзи подумал, что этот человек явно не мог прийти в восторг от известия о том, что теперь у него будет отчим — Пол Алексис. Вряд ли он вообще считал нормальными романтические отношения с женщинами, которые уже не в том возрасте, чтобы рожать. Изучив его, Уимзи вынес свой вердикт — джентльмен-фермер, который не совсем джентльмен и не очень фермер.

Тем не менее в данный момент отношения между Генри Уэлдоном и его матерью казались просто идеальными.

— Генри так рад, — сказала миссис Уэлдон, — что вы здесь, чтобы помочь нам, лорд Питер. Этот полицейский такой глупый. Он не верит ни единому моему слову. Конечно, он честный и вежливый человек, но разве такой может понять всю глубину души Пола? Я знала Пола. И Генри тоже, правда, дорогой?

— О да, — согласился Генри, — разумеется. Очень приятный парень.

— Генри прекрасно знает, как сильно Пол был увлечен мной. Ты знаешь, не так ли, дорогой, что он ни за что бы не покончил с собой и не оставил бы меня вот так, не попрощавшись. Мне так больно, когда люди говорят все эти жестокие вещи... Я могла бы...

— Ну, ну, мама, — пробормотал Генри, явно смущенный всплеском материнских эмоций и надвигающейся истерики. — Ты должна держать себя в руках. Конечно, мы знаем, что Алексис был хорошим человеком. И любил тебя, конечно, конечно. В полиции всегда работали одни дураки. Пусть они тебя не беспокоят.

— Прости меня, дорогой, — миссис Уэлдон промокнула глаза платочком, — но это такой шок для меня. Но я не буду слабой и глупой. Мы все должны быть смелыми и усиленно работать, чтобы исправить положение.

Уимзи предположил, что сейчас никому не помешает глоточек-другой, а затем они с Генри отправились в бар, оставив дам наедине. Лорд Питер подумал, что, поговорив с мистером

Уэлдоном без свидетелей, он сможет лучше оценить этого человека.

Как только двое мужчин исчезли из вида, миссис Уэлдон взволнованно обернулась к Гарриет.

— Какой приятный джентльмен лорд Питер, — сказала она, — и как хорошо, что у нас обоих есть рядом мужчины, на которых можно положиться.

Гарриет не обратила особого внимания на это эмоциональное заявление, она бездумно и не отдавая себе отчета смотрела в удаляющуюся спину лорда Питера. Миссис Уэлдон, не напрягаясь из-за отсутствия реакции собеседницы, продолжила:

— Это так прекрасно, когда люди помогают друг другу в беде. Знаете, мы с Генри не всегда были близки, как должны бы быть мать и сын. Он во многом похож на своего отца, хотя люди частенько говорят, что внешне он удался в меня. Когда он был маленьким, у него были чудные золотые кудри, совсем как мои. Но он любит спорт и развлечения — по нему видно, не правда ли? Он вечно мотается по делам, приглаждает за своей фермой, поэтому выглядит несколько старше своего возраста. На самом деле мой сын еще очень молод, я вышла замуж практически ребенком, как я вам уже говорила. И представляете, хотя раньше мы не очень хорошо ладили, после этой ужасной трагедии он стал так внимателен, так мил. Как только я написала ему и поведала, как я переживаю из-за тех отвратительных слухов, ходящих о Поле, он сразу же приехал, чтобы поддержать меня, хотя он так занят. Смерть несчастного Пола сблизила нас.

Гарриет согласилась, что это должно послужить миссис Уэлдон утешением. Больше ей и сказать-то было нечего.

Тем временем Генри излагал лорду Питеру свою точку зрения на происходящее.

— Конечно, это сильный удар для пожилой женщины. — Он разглядывал свой стакан с виски. — Ей тяжело. Но, между нами, я считаю, что все к лучшему. Как могла женщина ее возраста быть счастлива с таким типом? А? Ради бога, ей уже пятьдесят семь, а мне тридцать шесть. Представьте себе, что я испытал, когда мне сообщили, что у меня будет двадцатилет-

ний отчим. Слухи гуляли по всей окрестности. Могу поспорить, что все ухмыляются и насмеваются надо мной за моей спиной. Но теперь все кончено. Парнишка сам с собой расправился, да?

— Похоже на то, — согласился Уимзи.

— Не вынес мыслей о своем будущем, а? Сам виноват. У него, видимо, было с деньгами туго, бедняга. Старушка-то на самом деле неплоха. Если бы он выполнил свою часть сделки, она бы его осыпала деньгами. Но этим иностранцам нельзя доверять. Они как колли — сначала лижут тебе ботинки, а потом кусают. Я не люблю колли. Предпочитаю бультерьеров.

— О да, настоящие британские псы, не так ли?

— Я подумал, что не помешает мне приехать и приподнять маме настроение. Она увлеклась этими дурацкими идеями о большевиках. Если она будет много фантазировать, может ведь и с ума сойти, так бывает со стариками. У нее прямо мания какая-то. Это напоминает мне о борьбе за права женщин или о гадании на магическом кристалле, а вы как думаете?

Уимзи согласился с тем, что неразумное увлечение может со временем превратиться в одержимость.

— Я об этом и говорю. Вы правильное слово выбрали — «одержимость». Так вот, я не хочу, чтобы старушка тратила свое время и деньги на безумные идеи. Послушайте, Уимзи, вы кажетесь мне разумным человеком. Ваш острый ум известен по всей стране. Не могли бы вы отвлечь ее от этих большевистских идей? Она считает, что вы и эта девушка, Вэйн, ее поддерживаете. Так вот, послушайте меня, дорогой сэр, так не пойдет.

Лорд Питер приподнял брови.

— Конечно, — продолжал Уэлдон, — я вижу вашу игру насквозь. Вы с ума сходите по таким вещам, и для вас это отличное развлечение, к тому же это дает вам возможность приударить за девушкой. Я понимаю. Но мою мать в эти игры втягивать не следует, если вы понимаете, о чем я. Так что я решил поговорить с вами лично, намекнуть. Вы ведь не обидитесь?

— Я готов, — сказал лорд Питер, — принять любые предложения.

Мистер Уэлдон посмотрел на него с недоумением, а потом расхохотался.

— Это хорошо, — заметил он. — Просто отлично. Что вы пили? Эй, Джонни, повторите-ка заказ этого джентльмена.

— Спасибо, не стоит, — отказался Уимзи. — Вы меня не так поняли.

— Да ладно вам, еще один бокал не повредит. Нет? Ну, не хотите — как хотите. Мне виски с содовой. Теперь мы понимаем друг друга, не так ли?

— О да. Думаю, я прекрасно вас понял.

— Замечательно. Рад, что направил вас на путь истинный, так сказать. Полагаю, теперь мы все застряли здесь до тех пор, пока они не найдут тело. Не люблю я эти приморские местечки. Хотя вам они вполне подходят. Мне больше нравится свежий воздух, и чтобы никакого джаза и вечерних костюмов.

— Верно.

— Вы тоже так думаете, а? Я-то думал, вы из этих лондонских снобов. Но, полагаю, вы немного спортсмен? Охота, рыбалка, все в этом духе, а?

— Одно время я и охотился, и рыбачил, — подтвердил Питер. — Я же вырос не в городе, знаете ли. У нас земли в центральных графствах Англии, в Норфолке. Именно там проживает герцог Денверский.

— О да, конечно. Вы же брат Денвера. Никогда там не был, хотя и сам живу неподалеку — Хантингдоншир, близ Эли.

— О да, я прекрасно знаю ту местность. Много фруктов и ферм. Там неплохая почва.

— Сейчас содержать ферму нелегко, — сердито пробормотал мистер Уэлдон. — Вы только посмотрите на всю эту русскую пшеницу, которую нам поставляют. Нам и так плохо живется — со всеми налогами, страховками и прочим. У меня пятьдесят акров пшеницы. Ко времени сбора урожая это будет стоить мне девять фунтов стерлингов за акр. А что я с того получу? Я скажу вам. Фунтов пять, в лучшем случае. Как чертову правительство собирается и дальше рассчитывать на фермеров, я не знаю. Иногда мне так и хочется бросить все это к чертям и уехать из страны. Незачем здесь торчать. Слава богу, я не женат! И вы тоже послушайте мой совет, уезжайте

подобру-поздорову. Как вам еще удалось так долго избегать проблем, должно быть, вы очень умны. Хорошо, что ваш брат еще не стар. Наследство и все такое. Я всегда думал, что он довольно приятный человек для герцога. Как он со всем справляется?

Уимзи объяснил, что доход Денверов не зависит от их имения.

— Ясно. Повезло вам! Сейчас нелегко добывать деньги на своей земле.

— Да, думаю, это нелегко. Наверное, приходится постоянно за всем следить, верно? Вставать рано, ложиться поздно. Хозяин должен держать все под контролем, я прав?

— О да... да.

— Наверное, вам не по душе было бросать дела, чтобы мчаться в Уилверкомб. Как долго вы намереваетесь здесь задержаться?

— Э? О, не знаю. Зависит от расследования, верно? Конечно, на ферме я оставил своего заместителя.

— Понятно. Что ж, не лучше ли нам вернуться к нашим дамам?

— Ага, — мистер Уэлдон ткнул лорда Питера локтем в ребра, — дамы, ха? Поосторожнее, мой дорогой. Опасный возраст у вас, не так ли? Если не побережете, обнаружите, что вас захомутали.

— О, уверяю вас, я знаю, как держать голову подальше от петли.

— Подальше от... ах да, брачной петли. Да. Ха-ха! Хорошо, думаю, нам и правда лучше идти.

Мистер Уэлдон резко поднялся и отошел от бара. Уимзи, привыкший глотать оскорбления во время работы детектива, сдержал в себе порыв как следует пнуть собеседника по массивному заду и последовал за ним, глубоко задумавшись.

Официант сообщил джентльменам, что дамы переместились в гостиную для танцев. Генри надулся, но оттаял, когда увидел, что его мать не танцует. Женщина наблюдала за Гарриет, одетой в платье цвета бордо, которая кружила по залу в объятиях Антуана. Уимзи вежливо попросил миссис Уэлдон потанцевать с ним, но та покачала головой:

— Я не могу. Не так скоро. Или вообще никогда, после того как Пол... Но я сказала мисс Вэйн, чтобы она развлекалась и не обращала на меня внимания. Так приятно видеть ее счастливой.

Уимзи присел и изо всех постарался наслаждаться видом счастливой Гарриет. Когда танец закончился, Антуан профессионально поцеловал Гарриет руку и подвел ее к их столику, а затем испарился. Слегка покрасневшая девушка мило улыбнулась лорду Питеру.

— Вот ты где, — сказал его светлость.

Гарриет внезапно осознала, что все женщины в комнате украдкой и с интересом наблюдают за ней и лордом, и это знание ее развеселило.

— Да, — ответила она. — Я здесь. Развлекаюсь. Ты и не знал, что я могу?

— Я всегда считал, что ты можешь все.

— О нет. Я могу делать только то, что мне нравится.

— Посмотрим.

Оркестр заиграл плавную мелодию. Уимзи поднялся и вытаскил Гарриет в самый центр танцевальной площадки. Во время первых аккордов они танцевали в абсолютном одиночестве.

— Наконец-то, — рассмеялся Уимзи, — мы одни. Знаю, замечание не оригинально, но я не в состоянии выдумывать эпиграммы. Я страдаю в агонии, и моя душа рвется на части. Теперь, когда, пусть ненадолго, ты в моем полном распоряжении...

— Ну? — спросила Гарриет. Она знала, что платье ей очень идет.

— Что ты думаешь о Гарри Уэлдоне?

— О!

Гарриет ожидала совсем другого, и ей пришлось быстро собраться с мыслями. Следовало оставаться уравновешенной и производить впечатление холодной леди.

— У него ужасные манеры, — промямлила девушка. — Да и его мозги — это не то, о чем следовало бы писать в газетах.

— Почему он здесь? Почему приехал?

— Мать ему написала.

— Да, но почему он решил приехать? Внезапный приступ сыновней любви?

— Кажется, она именно так и думает.

— А ты как думаешь?

— Возможно. Хотя еще более вероятно, что он просто не хочет портить с ней отношения. Деньги-то у нее.

— Точно. Да. Забавно, что он осознал этот факт только сейчас. Они так похожи, правда?

— Очень. Так сильно похожи, что поначалу у меня даже появилось какое-то странное чувство, будто я его уже где-то встречала...

— На данный момент они вроде неплохо ладят.

— Полагаю, он так счастлив, что они избавились от Пола Алексиса, что не может этого скрывать. Он не очень-то умеет прикидываться.

— Это тебе женская интуиция подсказывает?

— К черту женскую интуицию. А ты считаешь его романтической или загадочной личностью?

— Нет. Я считаю его неприятным.

— О.

— И мне хотелось бы знать почему.

После затянувшегося молчания Гарриет решила, что сейчас было бы самое время для Уимзи сделать ей комплимент по поводу того, как прекрасно она танцует. Поскольку он не проронил ни слова, Гарриет решила, что, видимо, она танцует как восковая кукла на деревянных ножках. Лорд Питер никогда не танцевал с ней прежде, для него этот момент должен был стать эпохальным. А он думает только о неинтересном и противном фермере из Восточной Англии. Гарриет пала жертвой комплекса неполноценности и споткнулась о ногу своего партнера.

— Прости, — сказал Уимзи, как настоящий джентльмен, беря всю ответственность на себя.

— Это я виновата, — возразила Гарриет. — Я отвратительно танцую. Не волнуйся за меня. Давай остановимся. Знаешь, тебе не обязательно быть со мной таким вежливым.

Все хуже и хуже. Теперь она ведет себя как капризная и самовлюбленная девчонка. Уимзи взглянул на нее с удивлением и улыбнулся.

— Дорогая, даже если бы ты танцевала как престарелый слон с артритом, я готов был бы вальсировать с тобой сутки напролет. Я тысячу лет ждал того момента, когда увижу, наконец, как ты танцуешь в платье винного цвета.

— Идиот, — ответила Гарриет.

Они продолжали кружить по комнате в тишине и спокойствии. Танцующий с какой-то огромной увешанной бриллиантами леди в зеленом платье Антуан, проводя свою партнершу мимо Гарриет, перегнулся через толстое белое плечо и прошептал писательнице на ухо:

— *Qu'est ce que je vous ai dit? L'elan, c'est trouvé* (Что я вам говорил? Вот необходимый толчок).

Он продолжил танец, не глядя на покрасневшую Гарриет.

— Что сказало это ничтожество?

— Что с тобой я танцую лучше, чем с ним.

— Черт бы его побрал! — Уимзи послал убийственный взгляд в спину ни о чем не подозревающего Антуана.

— А теперь скажи мне, — попросила Гарриет. Закончив танец, они оказались в противоположном от Уэлдонов конце комнаты и решили присесть за столик. — Скажи, почему тебя так зацепил этот Генри Уэлдон?

— Генри Уэлдон? — Уимзи, казалось, полностью погрузился в свои мысли и не сразу понял вопрос. — Да, конечно. Почему он приехал? Уж не за тем же, чтобы наладить отношения с матерью?

— Почему бы и нет? Пришло его время. Алексис освободил ему дорогу, вот он и пользуется шансом. Терять ему нечего, так что он вполне может позволить себе приехать сюда, выражать сочувствие, помогать расследованию и так далее.

— Тогда почему он пытается вывести меня из игры?

— Тебя?

— Меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Сегодня вечером в баре он изо всех сил старался нахмить мне, при этом не грубя и без прямых обвинений. Но мне мягко намекнули, что я сую нос не в свое дело, использую его почтенную матушку для своих личных нужд и, вероятно,

с прицелом на ее деньги. Признаться, он довел меня до того, что мне пришлось в довольно резкой форме напомнить ему, кто я такой и почему не нуждаюсь ни в чьих деньгах.

— Что же, ты врезал ему как следует?

— О, искушение было велико. Я просто чувствовал, что если так поступлю, то ты полюбишь меня еще больше. Но я знал, что, успокоившись, ты отругаешь меня за то, что я ставлю любовь выше принципов детектива.

— Разумеется. Но чего конкретно хотел?

— О, это ясное дело. Он совершенно четко дал понять. Он желает, чтобы мы прекратили расследование, а миссис Уэлдон прекратила тратить деньги и время на преследование несуществующих большевиков.

— Это я понимаю. Он ждет не дождется, когда унаследует деньги.

— Конечно. Но если я сейчас пойду и поведаю миссис Уэлдон о его словах на ее счет, возможно, она сразу же лишит его любого наследства. И кому тогда будут нужны его проявления сочувствия и прочее?

— Я так и знала, что он болван.

— Почему-то для него очень важно, чтобы ход дела приостановился. Настолько важно, что он готов рискнуть не только тем, что я могу донести на него, но и пожертвовать всем, лишь бы околачиваться рядом с матерью, лишь бы она не принялась действовать самостоятельно.

— Ну, мало ли, может, ему больше нечем заняться.

— Нечем заняться? Девочка моя, он фермер.

— И что?

— И то, что сейчас июнь.

— И что такого?

— Почему он не следит за сенокосом?

— Я об этом не подумала.

— Любой более-менее приличный фермер может в любое время года отлучиться со своих земель, но только не сейчас. Я бы еще понял, если бы он заехал на денек, проведать мать, но он явно собирается тут задержаться. Дело Алексиса оказалось для него настолько значимым, что он готов бросить все, приехать в место, которое он терпеть не может, и торчать

в отеле рядом с матерью, отношения с которой до сих пор были довольно натянутыми. Мне все это кажется странным.

— Да, довольно странно.

— Он уже бывал здесь?

— Нет. Я его спросила при встрече. Знаешь, для поддержания разговора. Он сказал, что не был. Думаю, он держался как можно дальше отсюда, пока Алексис был жив.

— И был удовлетворен, протестуя против брака издалека?

— Да, способ явно не самый эффективный.

— Ты так думаешь? Но ведь в итоге свадьбы не получилось, не так ли?

— Верно. Хочешь сказать, что Генри может быть замешан в убийстве?

— Хочу сказать. Но не думаю, что могу, почему-то.

— Нет?

— Нет. Именно потому я и хотел узнать твое мнение о его способностях. И я полагаю, что ты абсолютно права. У Генри не хватило бы мозгов, чтобы убить Пола Алексиса.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ПРОБЛЕМЫ

Болван, неужели же твоя добродетель пристыдит
меня и сломит;
И сделает из меня благодарного краснеющего раба?
Книга шуток со Смертью

Вторник, 23 июня.

Этим утром, читая за завтраком новый выпуск «Утренней звезды», лорд Питер Уимзи чувствовал себя куда лучше, чем все последние дни. Журналисты поработали на славу, предлагая сто фунтов награды тому, кто сможет предоставить хоть какую-то информацию о бритве, оборвавшей жизнь Пола Алексиса. Бантер, только что вернувшийся из своей бесплодной поездки в Истбурн, присоединился к своему хозяину, захватив с собой свежие рубашки, галстуки и прочие столь необходимые вещи. И главное, Гарриет Вэйн танцевала с ним, наряженная в платье винного цвета. А лорд Уимзи полагал, что, если женщина прислушивается к совету мужчины по поводу того, как ей стоит одеться, значит, его мнение ей небезразлично. Разные женщины в разное время и в разных частях земного шара одевались по совету Уимзи, а иногда и за его счет, но тогда он от них ничего другого и не ожидал. А от Гарриет он не ждал ничего подобного, поэтому был удивлен и обрадован, будто нашел золотой соперен на улицах Абердина. Как и все создания мужского пола, в душе Уимзи был весьма прост.

И наслаждался он не только минувшим и настоящим — грядущий день тоже обещал стать весьма интересным. Гарриет любезно согласился прогуляться с ним от Дьявольского

Утюга до Дарли в поисках «подсказок». Они решили, что подъедут к пляжу на машине где-то к половине четвертого, поскольку отлив должен был достигнуть апогея без пятнадцати пять. У них как раз будет время перекусить и освежиться, а потом они примутся обыскивать побережье в поисках чего бы то ни было, пока Бантер отгонит машину на дорогу к Хинкс-Лейн, откуда они все вместе и вернутся в Уилверкомб. Все прекрасно, за исключением того, что Гарриет прямо сообщила Питеру, что она не понимает, какие подсказки он надеется найти на берегу через неделю после происшествия, особенно если учесть местные приливы. Хотя девушка и согласилась, что ей не помешает немного размяться и подышать свежим воздухом.

Но самое приятное — Гарриет согласилась принять лорда Уимзи в своем отеле сразу после завтрака, чтобы как следует все обсудить. Он считал, что им необходимо четко сформулировать и записать некоторые факты, открывшиеся в ходе расследования. Встреча была назначена на десять, поэтому Уимзи, не спеша, искренне наслаждался своей яичницей с беконом, так же как он надеялся насладиться всем грядущим днем. Можно было подумать, будто его светлость достиг того периода в жизни человека, когда он испытывает практически эпикурейское удовольствие — балансируя на грани между мучительными порывами молодости и приближающейся старостью.

Ветер наконец-то немного утих. Ночью прошел дождь, но сейчас небо вновь расчистилось и только легкий бриз слегка волновал блестящую на солнце морскую гладь. Из окон столовой «Бэльвью» открывался прекрасный вид.

Инспектор Ампелти вместе с помощниками обыскивали скалы на злосчастном пляже с четырех утра, но не нашли ничего интересного, о чем он с сожалением сообщил лорду Уимзи, заглянув к нему после завтрака.

— И я никак не могу понять, почему же тело до сих пор не выбросило на берег, — расстроено бормотал инспектор, — прочесали все побережье вдоль и поперек — и ничего. Должно быть, труп застрял где-нибудь под водой, за что-то зацепился. Если в ближайшую неделю мы его не найдем, то об

этом можно и вовсе забыть. Мы не можем тратить столько денег на поиски затонувших мертвых парней. Налогоплательщики и так вечно нас ругают. И держать здесь свидетелей вечно мы тоже не можем. Ну что ж. Попробуем снова во время следующего отлива.

Ровно в десять Уимзи и его коллега уселись перед стопкой чистой бумаги. Гарриет была явно настроена на короткое и деловое общение.

— Каким образом мы все это оформим? Нарисуем схему с колонками «Подозреваемый», «Алиби», «Свидетель», «Мотивы» и так далее? Или поступим по методу Майкла Финсбэри?

— О, давай не будем увлекаться арифметикой и рисованием таблиц. Сделаем просто, как обычно делает твой Роберт Тэмплтон. Нарисуем две графы — «Что нам известно» и «Что надо сделать».

— О, я рада, что ты одобряешь этот метод. Я всегда заставляю Тэмплтона начать с трупа.

— Хорошо, Итак...

Пол Алексис (Голдшмидт)

Что нам известно

1. По происхождению русский, принял британское подданство, образование частично американское.

История раннего детства неизвестна, якобы из аристократической семьи, бежал от войны.

2. Личные данные: слабое здоровье (артрит?); хороший танцор; тщеславный; носил бороду, якобы из-за нежной кожи; заботился о внешнем виде, но вкус ужасный. По слухам, романтик и очень эмоционален.

3. В прошлом феврале был помолвлен с миссис Уэлдон, богатой вдовой. Видимо, в целях обеспечить свое будущее в случае увольнения по болезни. Не торопился со свадьбой, возможно, из-за недовольства сына невесты (или из-за собственного нежелания). Свадьба должна была состояться приблизительно через две недели, считая от смерти А.П.

4. Беден, но, очевидно, честен, поскольку отказывался брать деньги у миссис Уэлдон. Три недели назад обменял 320

фунтов, ранее лежавших на его банковском счете, на золото. (N.B. У него это получилось лишь благодаря случайности. Был ли обмен основной частью изначального плана?)

5. Незадолго до случившегося его ради другого мужчины бросила любовница. (N.B. Он казался расстроенным, но его коллеги считают, что он и сам планировал расстаться с подругой. Если это так, то намеревался ли он с помощью этого (а) облегчить грядущую свадьбу? (б) завести новые отношения? (в) избавиться от любовницы на случай своего исчезновения или самоубийства?)

6. Незадолго до смерти намекнул миссис Уэлдон, что вскоре его ожидает какое-то приятное событие.

7. За день до смерти оплатил все счета и сжег все бумаги. Намеревался покончить с собой или уехать из страны?

8. Утром перед смертью взял билет на поезд в оба конца, от станции пешком (вероятно) добрался до пляжа. (N.B. Одежду не упаковывал, взял с собой ключ.)

9. В 14 ч. 10 мин. в четверг был обнаружен мертвым, с перерезанным горлом. В два часа свидетель услышал крик, и, судя по состоянию тела, смерть произошла незадолго до обнаружения трупа. Рядом с телом была найдена бритва (хотя Алексис бритвой не пользовался). На руках покойного были перчатки.

Что надо сделать

1. Найти информацию о его происхождении. (N.B. Хорошо знающие его люди уже мертвы, да и вообще, это работа полиции. И важно ли это? Возможно, нет, если только теория миссис Уэлдон о большевиках не окажется правдой.)

2. Соответствует ли самоубийство его характеру? Опро- сить коллег и/или любовницу.

3. Выяснить, предпринимал ли Алексис какие-либо шаги для организации своей свадьбы.

4. Найти 300 золотых соверенов. Их местонахождение должно пролить свет на его намерения. (N.B. Думаю, что знаю, где они. (П.У.) Правда? Где? (Г.В.) Сама подумай. (П.У.))

5. Расспросить Лейлу Гарланд и ее нового любовника.

6. Выяснить, говорил ли он об этом кому-то еще. (Вопрос: Как сюда относятся 300 соверенов? Отъезд за границу выглядит более правдоподобным, чем самоубийство.)

7. Выяснить, имелись ли у Алексиса паспорт и какие-либо визы (полиция).

8. Никто из опрошенных полицией людей не подвозил П.А. Надо узнать, не встречал ли его кто-то на дороге. Возможно, он был не один (полиция).

9. НАЙТИ ТЕЛО.

— Выглядит вполне профессионально, — восторженно заключила Гарриет, — очень в стиле Роберта Тэмплтона. Ну что же, все, что я могу сейчас сделать, — это поговорить с Лейлой и ее молодым человеком. Думаю, мне удастся узнать больше, чем полицейским.

— В данный момент я не могу сделать ничего, с чем полиция не справилась бы лучше, — грустно заметил Уимзи, — давай-ка двигаться дальше.

Миссис Уэлдон

Что нам известно

1. Личные данные: пятьдесят семь лет; глуповата; упряма; искренне любила Алексиса; невероятно романтична.

2. Богатая вдова; один сын; раньше отношения между ними не складывались; недавно написала ему, попросив приехать и поддержать, и теперь кажется любящей матерью.

3. Считает смерть Алексиса происками большевиков.

Что надо сделать

1. Ничего тут не поделаешь.

2. Выяснить, откуда у нее деньги; единолично ли она ими владеет; что собиралась делать с ними (а) до встречи с Алексисом, (б) после свадьбы с Алексисом; что собирается делать теперь.

3. Узнать в Скотленд-Ярде информацию о большевистских агентах. Ни одну теорию, даже самую идиотскую, нельзя сбрасывать со счетов.

Генри Уэлдон
Что нам известно

1. Личные данные: довольно высокий; широкоплечий; лицом похож на мать; упрям; плохо, по-деревенски, воспитан; очевидно, не слишком умен.

2. Внезапно оставил ферму, невзирая на ведущиеся сезонные работы, чтобы сделать вид, будто он помогает матери очистить имя П.А. На самом деле старается всеми силами заставить П.У. прекратить расследование.

3. Новости о смерти П.А. появились в газетах утром в пятницу, Г.У. приехал в Уилверкомб вечером в пятницу. Миссис У. отправила ему письмо в пятницу, в Хантингдоншир.

Что надо сделать

1. Отвесить ему хорошего пинка. (П.У.) Нет, это не слишком разумно. Надо поймать его в одиночестве и проверить, действительно ли он так глуп; как кажется. (Г.В.) Хорошо, но потом — отвесить пинка. (П.У.)

2. Выяснить, как у него обстоят дела с финансами, что у него за ферма. Разузнать, какой репутацией он пользуется у соседей. (Заметка: Почему бы Бантеру этим не заняться?)

3. Выяснить, где Генри Уэлдон был в четверг.

Эздрас Поллок
Что нам известно

1. Личные данные: около семидесяти лет; для своего возраста выглядит неплохо; сгорбленный; седой; пахнет рыбой; никаких манер и животные повадки; непопулярен среди рыбаков.

2. Плавал на своей лодке около Утюга в 2.10 в четверг, вместе с внуком.

3. Отказывается говорить, что он там делал, внук уехал в Корк.

4. Утверждает, что по дороге от дома до места происшествия осматривал пляж и никого не видел; однако противоре-

чит сам себе, утверждая, что не мог разглядеть происходящее на берегу в два часа дня, так как был слишком далеко. (N.B. Прекрасно разглядел, чем занималась Г.В. в 2.10.)

5. Под давлением признался, что увидел П.А. на камне в два часа и что тот был один и уже лежал не двигаясь.

6. Странно, что когда его спросили, был ли с ним в лодке кто-то еще, — он ответил «никого». Но при упоминании внука подтвердил, что малец был с ним. О ком он подумал сначала?

Что надо сделать

1. Расспросить других рыбаков

2. Факт.

3. Отыскать внука (полиция).

4. Расспросить внука (полиция).

5. Как насчет допроса с пристрастием? Опять же, отыскать и допросить внука (полиция).

6. Выяснить, мог ли П.А. попасть к Утюгу на лодке Поллока. Выяснить, что случилось с золотом. Обыскать лодку на предмет наличия следов крови (полиция).

Перкинс (из Лондона)

Что нам известно

1. Личные данные: невысокий; слабый; сутулый. Носит очки, видимо, плохо видит. Жаловался на натертую ногу. Показался стеснительным. Говорит с акцентом кокни.

2. Встретил Г.В. на дороге около четырех, в трех милях от Дарли, в полутора милях от Утюга, в полумиле от дома Поллока. Сказал, что идет из Уилверкомба.

3. Услышав о трупe, решил сопровождать Г.В. обратно якобы для ее же защиты (хотя он послужил бы такой же защитой, как дождевик защищает от пулеметного огня).

4. По собственному желанию пошел к дому Поллока, но казался недовольным тем, что Г.В. обратилась к Мартину.

5. Таинственным образом исчез, пока Г.В. звонила в полицию, добрался на машине до Уилверкомба, дальнейшее местонахождение неизвестно.

Что надо сделать

1. Найти его.

2. Выяснить, заметил ли его кто-нибудь на дороге. Заметка: от Уилверкомба до места, где он встретил Г.В., семь миль. Когда он вышел из Уилверкомба? Где он ночевал? (Возможно, полиция уже что-то разузнала — спросить Ампелти.)

3. Найти и изучить повнимательнее.

4. Найти его! Найти его! Найти Мартина!

5. Найти его! Найти его! Найти его, черт бы вас побрал (это я о полиции)!

Уимзи склонил голову набок.

— В самом деле, каждая новая личность выглядит еще более подозрительной, чем предыдущая. Кто там еще у нас есть? Как насчет покинутой Лейлы Гарланд? Или этого парня, Антуана? Или нового любовника Лейлы?

— Нам практически ничего о них не известно. Следует с каждым побеседовать лично.

— Верно, но у них обоих вполне могли быть мотивы, чтобы избавиться от Алексиса.

— Ну что ж. Мы уже упомянули о том, что к ним надо присмотреться получше. Это все? О нет!

— Нет. Мы как раз добрались до моего любимого подозреваемого, зловещего мистера Мартина.

Хэвиланд Мартин

Что нам известно

1. Личные данные: высокий; крупный; темные волосы; темные очки; татуировка на правом запястье; был одет в рубашку цвета хаки, шорты и широкополую шляпу.

2. Приехал в Дарли в шесть часов во вторник, шестнадцатого, на «моргане» по направлению из Хизбэри.

3. Хотя жители деревни видели его в первый раз, М. был прекрасно осведомлен о Хинкс-Лейн и мистере Гудриче.

4. В четверг, восемнадцатого, около часу дня обедал в «Трех перьях».

5. Уехал из «Перьев» не раньше чем в полвторого.

6. Был в гараже у мистера Полвистла с трех до четырех часов дня.

7. Взял машину напрокат в пятницу за неделю до того, оплатил по счету из Кембриджского банка. Банк подтвердил, что М. открыл у них счет пять лет назад.

8. Точно известно, что он не мог добраться до Утюга в четверг, у него не было достаточно времени для этого (самолеты мы не учитываем).

9. Во время обыска площадки для кемпинга было обнаружено некоторое число разнообразных объектов (см. «Коллекцию Уимзи»). На него не поступало никаких жалоб, только фермер Ньюкомб жаловался на появившуюся в изгороди дыру.

Что надо сделать

1. Думай о татуировке!

Она может быть фальшивой, знаешь ли. (Г.В.)

Вот еще! (П.У.)

2. Факт. Почему «морган»?

3. Выяснить, видел ли его кто-нибудь в Хизбэри или где-то еще и кто мог рассказать о местных жителях.

4. Видимо, факт.

5. Увы, факт.

6. Еще один факт, если только все они не врут.

7. Попробовать раздобыть информацию у банковского менеджера.

8. Если сможешь, разнеси это алиби в пух и прах, Шерлок!

9. Пройтись по побережью от Утюга до Дарли — отличная работа для Г.В. и П.У.

— Ну вот, — торжествующе заявил Уимзи, добавляя в конце таблицы эффектную завитушку, — на этом закруглимся, подозреваемых больше нет.

— Верно. — Гарриет нахмурилась, а затем... — А об этом ты не думал? — дрожащим голосом добавила она и принялась писать.

Гарриет Вэйн.
Что нам известно

1. Личные данные: обвинялась в убийстве своего любовника, оправдана.
2. Могла познакомиться с Полом Алексисом в Лондоне.
3. Утверждает, что нашла труп Алексиса в 2.10, но не может представить доказательства того, что не видела его живым.
4. Чересчур долго добиралась до Утюга от Лесстон-Хэу.
5. Проинформировала полицию о случившемся только через три часа (за это время прошла четыре с половиной мили).
6. Единственный свидетель, подтверждающий время смерти и наличие на месте смерти улики (бритва).
7. Сразу же вызвала подозрение у Перкинса, возможно, по-прежнему подозревается полицией, которая обыскивала ее комнату.

Уимзи нахмурился:

— Это правда, они побывали в твоей комнате?

— Да. Не смотри на меня так, у них не было выбора.

— Я поговорю с Амелти.

— Не надо. Я сама справлюсь.

— Но это же абсурдно.

— Вовсе нет. Думаешь, у меня ума не хватает? Думаешь, я не знаю, почему ты примчался сюда так быстро? Конечно, это очень мило с твоей стороны, и я должна быть благодарна, но ты думаешь, мне это нравится?

С посеревшим лицом Уимзи поднялся и отошел к окну.

— Ты, наверное, думал, что я очень наглая, раз еще и ухитрилась сделать себе рекламу на этом деле. Это так. У таких людей, как я, нет выбора, нам приходится нагнать. Неужели было бы лучше, если бы журналисты все сами раскопали? Я не могу скрывать свое имя — я им живу. Если бы я начала скрывать правду, это выглядело бы еще более подозрительным, не так ли? Но ты думаешь, мне приятно знать, что только покровительство лорда Питера Уимзи заставляет таких людей, как Амелти, быть со мной дружелюбными?

- Я этого опасался, — промолвил Уимзи.
- Тогда зачем ты приехал?
- Чтобы тебе не пришлось за мной посылать.
- Ох.

Повисла гнетущая пауза, во время которой Уимзи вспоминал тот день, когда ему позвонил Сэлкомб Харди из «Утренней звезды» и сообщил последние новости. Слегка пьяный, он сказал важным голосом: «Знаете, Уимзи, эта женщина опять впуталась в какую-то странную историю». Затем ему пришлось самому примчаться в редакцию и, то угрожая, то умоляя, побеседовать с раскаявшимся репортером, чтобы в итоге статья о происшествии приняла более-менее приличный, а главное — выгодный для Гарриет вид. По возвращении домой он обнаружил, что его уже разыскала полиция Уилверкомба, которая хотела вежливо допросить его по поводу последних действий и поведения мисс Гарриет Вэйн. И, наконец, ему пришлось признать, что лучший выход из столь поганой ситуации — это «наглеть», выражаясь словами самой Гарриет. Наглеть, даже если это означало выставить на публичное обозрение свои чувства и уничтожить те хрупкие отношения то доверие, что он так старательно и осторожно выстраивал между собой и этой полной горечи и ожесточенной женщиной.

Он не сказал ничего, но видел в глазах Гарриет, как рушатся его надежды.

Тем временем Гарриет, смутно понимая, что она не права и не справедлива, довела себя до такого взвинченного состояния, что почувствовала необъяснимую ненависть к своему собеседнику. Тот факт, что еще пять минут назад они спокойно беседовали, пока не образовалась эта невыносимая ситуация, по ее мнению, лишь дополнял список его проступков. Она огляделась, пытаясь придумать, что бы такого жестокого с ним сделать.

— Думаешь, я чувствую себя недостаточно униженной без всего этого твоего показного рыцарства? Думаешь, ты можешь просто сидеть целый день, словно какой-то король, быть благородным и щедрым, и все будут падать перед тобой ниц? Конечно, все станут говорить: «Посмотрите, что он сде-

лал для этой женщины, — разве это не потрясающе?» Ты считаешь, что, если будешь продолжать в том же духе, я буду тронута и смягчусь. Что ж, ты ошибаешься. Видимо, каждый мужчина полагает, будто если он будет превосходно себя вести, то женщина сама упадет в его объятия. Это отвратительно.

— Спасибо, — откликнулся Уимзи. — Я могу быть каким угодно — высокомерным, покровительственным, вмешивающимся, невыносимым — говори что угодно. Но не отказывай мне в наличии ума, ладно? Ты считаешь, я всего этого не знаю? Думаешь, любому мужчине, который чувствует то, что я чувствую к тебе, приятно находиться в такой ситуации? Черт, неужели ты думаешь, что я не понимаю того, что будь я слепым, глухим, голодающим, пьяницей, развратником или калеккой — у меня было бы куда больше шансов, ведь тогда ты могла бы проявить свое великодушие? Как ты полагаешь, почему я превращаю свои вполне искренние чувства в какую-то комическую оперетту? Чтобы избежать полнейшего унижения, видя, как тебя тошнит от всего этого. Ты не можешь понять, что по вине жалкой насмешки судьбы я лишен права любого нормального человека — права серьезно относиться к своим чувствам? Разве этим можно гордиться?

— Не говори так.

— Я бы не говорил, но ты меня вынудила. И ты могла бы быть посправедливей, помня о том, что можешь причинить мне куда больше боли, чем я тебе.

— Я знаю, я ужасно неблагоприятна...

— Проклятье!

Человеческое терпение однозначно имеет свои пределы, и терпение Уимзи их только что достигло.

— Благодарна! Боже! Я что, никогда не смогу избавиться от этого поганого слова? Мне не нужна благодарность. Мне не нужна доброта. Мне не нужна сентиментальность. Мне даже любовь не нужна — я мог бы заставить тебя подарить ее мне, в какой-то мере. Я хочу обычной искренности.

— Правда? Но это то, чего я всегда хотела, и мне кажется, ее не получить.

— Слушай, Гарриет. Я понимаю. Я знаю, что ты не желаешь ни брать, ни давать. Ты уже пыталась быть тем, кто да-

ет, — и обнаружила, что его всегда обманывают. И ты не будешь тем, кто берет, — это слишком сложно. И ты понимаешь, что в итоге берущий всегда ненавидит дающего. Ты больше не хочешь, чтобы твое счастье зависело от другого человека.

— Это так. Это самая правдивая вещь из всех, что ты когда-либо говорил.

— Хорошо. Я могу это понять и уважать. Но ты должна принимать участие в игре. Ты сама создаешь тяжелейшую эмоциональную ситуацию, а потом обвиняешь в этом меня.

— Но я не хочу никаких ситуаций. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— О, но ты не спокойная личность. Ты всегда порождала и будешь порождать вокруг себя одни проблемы. Так почему бы не побеждать их на равных условиях и не наслаждаться этим? Как и Алан Брек, я отличный боец.

— И ты считаешь, что обязательно победишь.

— Со связанными руками — нет.

— Ох... ладно. Но все это звучит так ужасно скучно и утомительно, — сказала Гарриет и по-идиотски разрыдалась.

— Господи всемилостивый! — в ужасе воскликнул Уимзи. — Гарриет! Милая! Ангел! Чудовище! Ведьма! Не говори так!

Он неистово бросился на колени:

— Называй меня как угодно, но только не скучным! Возьми вот этот, дорогая, он больше и почище. Скажи, что ты не это имела в виду! Я что, уже восемнадцать месяцев докучаю тебе? Боже, от этого бы любая нормальная женщина вздрогнула. Я помню, ты однажды сказала, что если за меня кто-то и выйдет замуж, так это ради того, чтобы слушать, как я болтаю ерунду, но, наверное, даже это может надоесть через некоторое время. Я несу бред, я знаю, я несу бред. Что же мне делать?

— Осел! Это нечестно, тебе всегда удастся меня развеселить. Я не могу ссориться — я слишком устала. Такое ощущение, что ты вообще не знаешь, что такое усталость. Хватит. Забудем об этом. Слава богу! Телефон.

— К черту телефон.

— Это может быть что-нибудь важное.

Девушка поднялась и подошла к аппарату, Уимзи остался стоять на коленях, глядя, да и чувствуя себя довольно по-дурацки.

— Это тебя. Кто-то из «Бэлью».

— Пускай там и остается.

— Откликнулись на статью в «Утренней звезде».

— Господи!

Уимзи пулей пролетел через комнату и выхватил трубку из рук Гарриет.

— Это вы, Уимзи? Так и знал, что застану вас тут. Это Сэлли Харди. У нас появился парень, требует вознаграждение. Поторопитесь! Мне надо сочинять статью. Я его усадил в вашей гостиной.

— Кто он и откуда?

— Из Сихэмптона. Говорит, его фамилия Брайт.

— Брайт? Ей-богу, я прямо сейчас приеду. Слышала, девочка моя? Брайт объявился! Увидимся в 3.30.

Он выскочил из комнаты, как кот, слышавший крик «Мясо, мясо!».

«Ну что я за дура? — сказала себе Гарриет. — Полная, выжившая из ума идиотка. И я не садилась за работу с самой среды».

Она достала рукопись «Загадки авторучки» и погрузилась в глубокую задумчивость.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: УТЮГ

Не для него
Цветет мой темный паслен, и болиголов собирает
Свой убийственный яд в корнях, будто в чаше.
Не его суждено убить сумасшедшему,
И мак роняет свои листья не для него.
За испуганных героев. Пусть живет
Столько, сколько позволят подагра и водянка.
Он хотел поиграть в самоубийство.

Книга шуток со Смертью

Вторник, 23 июня

У входа в отель «Бэлью» Уимзи встретил Бантера. — Тот человек, что искал вашу светлость, ждет в вашей гостиной, — сообщил Бантер, — я сумел разглядеть его, когда он появился, но не представился, на всякий случай.

— Не представился?

— Нет, мой лорд. Я только сообщил мистеру Харди о его прибытии. Мистер Харди сейчас с ним, мой лорд.

— Ты никогда не совершаешь беспричинных действий, Бантер. Могу я спросить, почему в этот раз ты решил поскромничать?

— Это на тот случай, если ваша светлость вдруг решит, что за этим человеком следует присматривать, — сказал Бантер. — Я подумал, лучше будет, если он не сможет меня узнать.

— Ясно, — пробормотал Уимзи. — По-твоему, он выглядит подозрительным? Или это просто твоя природная осто-

рожность проявляется таким образом? Возможно, ты прав. Пойду-ка я побеседую с ним немного. Да, кстати, как насчет полиции? Мы же не можем скрывать от них его появление, верно? — Лорд задумался. — Хотя, пожалуй, сначала я его выслушаю. Если ты мне понадобишься, я позвоню вниз. Они заказывали какие-нибудь напитки?

— Нет, мой лорд.

— Как странно, что это случилось с Харди. Вели принести нам бутылку скотча и пиво. Посмотрим, о чем же хочет поведать нам мистер Брайт.

Лишь взглянув на своего посетителя, Уимзи сразу почувствовал, что его надежды могут оправдаться. Каким бы ни был результат, в любом случае, в расследовании происхождения бритвы он двигался в верном направлении. Вот они — рыжие волосы, невысокий рост и ярко выраженная сгорбленность, так живо описанные парикмахером из Сихэмптона. Мужчина был одет в поношенный голубой костюм, а в руках держал помятую фетровую шляпу. Питер обратил внимание на ухоженную кожу рук и аккуратные ногти, а также общую нищую элегантность.

— Что ж, мистер Брайт, — промолвил Харди, как только Уимзи вошел, — вот тот джентльмен, которого вы хотели видеть. Мистер Брайт ни за что не желает рассказывать свою историю кому-либо, кроме вас, Уимзи, хотя я и объяснил ему, что если он стремится получить вознаграждение от «Утренней звезды», то меня тоже неплохо бы просветить.

Мистер Брайт нервно посматривал на обоих мужчин и иногда судорожно облизывал губы.

— Думаю, это будет честно, — покорно согласился он. — Я нахожусь в довольно щепетильной ситуации, хотя и не причинил никому вреда — по крайней мере, по своей воле. Если бы я только знал, что тот бедный джентльмен собирается сделать с этой бритвой...

— Полагаю, лучше начать с самого начала, — прервал его Уимзи, бросая шляпу на стол и усаживаясь. — Входите! Ах да, напитки. Что вы предпочитаете, мистер Брайт?

— Вы очень добры, ваша светлость, — униженно прошептал мистер Брайт, — но боюсь, я... то есть, когда я увидел ста-

тью в газете, я тотчас же приехал сюда. Даже не позавтракав. Я... как бы это сказать... плохо воспринимаю алкоголь на пустой желудок.

— Принесите пару бутербродов, — велел Уимзи официанту. — Как хорошо, мистер Брайт, что вы так стараетесь в интересах правосудия.

— Правосудия?

— Я имею в виду, помогая нам в расследовании. И, разумеется, мы оплатим все ваши затраты.

— Спасибо, мой лорд. Я не в том положении, чтобы отказываться. Не буду скрывать, мои финансы весьма ограничены. На самом деле, — мистер Брайт, в отсутствие официанта, заговорил более откровенно, — на самом деле мне пришлось отказаться от завтрака, чтобы купить билет. Мне не нравится признаваться в этом, слишком унижительно, особенно для человека, у которого когда-то был собственный процветающий бизнес. Надеюсь, джентльмены, вы не подумаете, что я привык к подобного рода ситуациям.

— Разумеется, нет, — заверил его Уимзи. — Каждый из нас может в любой момент очутиться в таком положении. Никто об этом и не думает в наши дни. Теперь поговорим о бритве. Кстати, ваше полное имя?..

— Уильям Брайт, мой лорд. По профессии парикмахер. У меня был свой бизнес в Манчестере, но я потерял свои деньги из-за неудачного вложения...

— Где именно в Манчестере? — уточнил Сэлкомб Харди.

— На Маэссингберд-стрит. Но там давно уже ничего нет. Вряд ли кто-то вспомнит обо мне, это было еще до войны.

— Вы участник войны? — поинтересовался Харди.

— Нет, — парикмахер покраснел, — я не совсем здоровый человек. Не мог проходить службу.

— Хорошо, — сказал Уимзи, — насчет бритвы. Чем вы сейчас занимаетесь?

— Ну, мой лорд, я, если можно так сказать, странствующий парикмахер. Переезжаю с одного места на другое, в основном по городам вдоль побережья, и занимаю временные должности.

— Где вы работали в последний раз?

Мужчина затравленно взглянул на лорда:

— Если честно, я уже давно нигде не работал. Пытался устроиться в Сихэмптоне. То есть все еще пытаюсь. Я вернулся туда в прошлую среду, после неудачных попыток в Уилверкомбе и Лесстон-Хэу. Точнее, мне удалось устроиться в Лесстон-Хэу на неделю, но пришлось оттуда уйти...

— Почему? — Харди был весьма прямолинеен.

— Проблемы с клиентом...

— Воровство?

— Нет, что вы. Просто джентльмен попался чересчур вспыльчивый. Я его случайно слегка порезал.

— Пришли на работу в пьяном виде, а? — сказал Харди.

Маленький человечек, казалось, сжался еще сильнее.

— Они так сказали, но я даю честное слово...

— Под каким именем вы там работали?

— Уолтерс.

— Брайт — ваша настоящая фамилия?

Под давлением Харди прояснилась история, отвратительная в своей банальности. Псевдоним за псевдонимом. Недельная работа то тут, то там, и увольнение по все тем же унижительным причинам. Не его вина, никак нет. Стакан любого спиртного напитка действует на него куда сильнее, чем на остальных людей. Его настоящая фамилия — Симпсон, но уже очень долго он живет под вымышленными именами. Но с каждым новым именем — все та же старая история. Пагубная страсть, которую он никак не мог побороть.

Харди налил себе второй стакан виски и поставил бутылку на подоконник, так чтобы Брайт не мог до нее дотянуться.

— Так что насчет бритвы? — терпеливо спросил Уимзи.

— Да, мой лорд. Я получил эту бритву в Сихэмптоне, там я пытался устроиться на работу. Хозяина звали Мерриуэзер. Мне нужна была новая бритва, и он согласился продать мне эту.

— Вам стоит описать ее, — предложил Харди.

— Да, сэр. Лезвие «Шеффелд», белая ручка. Очень хорошая бритва, но сильно изношенная. Я приехал в Уилверкомб, но здесь нечего было делать, хотя один человек, Мортон, ска-

зал, что, возможно, позже ему потребуется помощь. Тогда я отправился в Лесстон-Хэу. Как я вам уже и сказал. После неудачных попыток там я вернулся сюда, зашел к Мортону, но он уже нанял кого-то. Он вам подтвердит, если вы спросите. Так что мне было абсолютно некуда податься. Я совсем пал духом.

Мистер Брайт умолк и снова облизал губы.

— Это было на прошлой неделе, джентльмены. Вечером во вторник я был на окраине города, прогуливался, спустился к морю и сидел там, размышляя. Приближалась полночь. — Парикмахер заговорил свободней, очевидно, виски делало свое дело. — Я смотрел на море, ощупывал бритву у себя в кармане и думал, а стоит ли мне бороться дальше. Я был ужасно подавлен. Деньги у меня закончились. Передо мной были море и бритва. Вы могли бы предположить, что мысль об использовании бритвы более естественна для парикмахера, но это не так, господа. На самом деле идея использовать бритву для такого отвратительного дела просто ужасает. Но море, омывающее стены эспланады, словно звало меня, если вы понимаете, о чем я. Оно будто бы говорило: «Бросай, бросай, бросай все это, Билл Симпсон». Одновременно пугающе и захватывающе, скажу я вам. Но при этом я всегда боялся утонуть. Ты беспомощен, захлебываешься, и зеленая вода перед глазами. У всех есть свои кошмары, и этот был одним из моих. В общем, я сидел там, пытаюсь решиться на что-нибудь, как вдруг услышал шаги. И именно этот молодой человек появился из темноты и присел рядом со мной. Он был в вечернем костюме, я помню, в плаще и мягкой шляпе. Первое, что я заметил, — его черную бороду, ведь в нашей стране это не совсем обычно для молодежи, ну кроме разве что у художников. Мы завели разговор, кажется, он предложил мне сигарету. Это была русская сигарета, с бумажным фильтром. Он казался вполне дружелюбным, и почему-то я начал рассказывать ему о своем жалком положении. Вы знаете, как это бывает, мой лорд. Иногда вы рассказываете незнакомцам о таких вещах, о которых не можете поведать самым близким людям. Мне показалось, что он и сам не очень-то счастлив, и мы долго беседовали о жизни и прочем.

Он сказал, что приехал из России, много говорил о своем трудном детстве, о Святой Руси и Советах. Он все это воспринимал близко к сердцу, думаю. Еще рассуждали о женщинах — у него были какие-то проблемы. А потом он сказал, что хотел бы, чтобы все его трудности могли разрешиться так же легко, как мои, и что мне надо взять себя в руки и начать все сначала. «Дайте мне эту бритву, — велел он мне. — А затем идите и как следует подумайте обо всем». Я возразил ему, что бритва — это мое единственное средство выживания на данный момент, а он засмеялся и сказал, что больше походит на средство смерти. Он так забавно говорил, быстро и слегка поэтично, знаете. Он дал мне немного денег — пять фунтов, а я дал ему бритву. Я спросил, зачем она ему, а он сказал, чтобы я не беспокоился, что он найдет ей применение. Потом он засмеялся и положил бритву в карман. Потом поднялся с места и заметил: «Забавно, что мы встретились здесь сегодня» — и еще что-то насчет «двух умов и одной мысли». Потом он похлопал меня по плечу, кивнул и ушел, и с тех пор я его не видел. Если бы мог знать, что он собрался делать с этой бритвой, я бы не дал ее ему ни за что. Но как я мог знать об этом, спрошу я вас?

— Очень похоже на Пола Алексиса, — задумчиво произнес Уимзи.

— Он не назвался, полагаю? — уточнил Харди.

— Нет, но сказал, что он профессиональный танцор, работает в одном из отелей; и разве это не отвратительно, говорил он, что мужчина, бывший аристократом в своей стране, вынужден заниматься любовью с уродливыми женщинами ради денег. Он казался крайне расстроенным.

— Что ж, — подвел итог разговору Уимзи. — Мы вам очень обязаны, мистер Брайт. Это проясняет дело. Я думаю, вам стоит оповестить полицию.

Мистер Брайт слегка забеспокоился, услышав упоминание о полиции.

— Лучше идемте прямо сейчас, и покончим с этим. — Уимзи вскочил на ноги. — Вы все расскажете, и никто больше не будет беспокоить вас на этот счет.

Парикмахер согласился и перевел взгляд на Сэлли Харди.

— Меня это устраивает, — ответил тот. — Но нам надо проверить вашу историю, вы же понимаете. Вдруг вы все придумали. Если полиция сможет подтвердить все, что вы тут говорили, тогда вы получите свой чек, который поможет вам продержаться на плаву некоторое время, если вы, конечно, избавитесь от своей маленькой слабости. Самое главное, — добавил он, дотягиваясь до бутылки, — это ни за что не смешивать свои слабости с бизнесом.

Он налил себе полный стакан и, поразмыслив, парикмахеру тоже.

Начальник полиции Глэйшер с удовольствием выслушал историю мистера Брайта, так же как и инспектор Ампелти, который все время отчаянно защищал версию о самоубийстве.

— Мы скоро раскроем это дело, — обрадовался инспектор. — Проверим, правду ли рассказал этот Брайт, но, думаю, он не врал. Его показания совпадают с тем, что сказал тот человек из Сихэмптона. И мы присмотрим за Брайтом. Он дал нам обещание, что останется пока в Уилверкомбе, и оставил адрес. Я надеюсь, что тело скоро будет найдено. Не понимаю, почему мы до сих пор не можем этого сделать. Оно в воде уже пять дней, не останется ведь оно там навечно? Знаете, обычно сначала трупы держатся на плаву, затем опускаются на дно, но снова поднимаются, когда образуются газы. Тогда они напоминают воздушные шарики. Должно быть, оно где-то застряло, но мы снова прочедем все побережье сегодня вечером и точно что-нибудь обнаружим. Я буду очень рад этому. Довольно глупо проводить расследование, когда на руках нет трупа.

— Довольны? — спросил Харди, когда Уимзи вернулся из участка. Репортер уже отзвонился на работу, продиктовав новую историю, и теперь вкушал заслуженный отдых после труда — в виде небольшой выпивки.

— Должен бы, — ответил его светлость, — единственное, что меня настораживает, Сэлли, — так это то, что, если бы мне захотелось придумать историю, подходящую к данному случаю, я бы сочинил именно такую. Мне интересно, где был мистер Брайт ровно в два часа дня в четверг?

— Вот ведь упрямый дьявол, — восхитился Харди. — Признайтесь, вы так помешаны на убийствах, что они мерещатся вам повсюду. Забудьте.

Уимзи сидел молча, но, когда Харди ушел, достал из кармана небольшую брошюру под названием «Расписание приливов» и принялся внимательно ее изучать.

— Я так и думал, — пробормотал он.

Он достал лист бумаги, провел черту, разделяющую его на две части, и изложил историю мистера Брайта в двух колонках «Что нам известно» и «Что надо сделать». Последним было следующее замечание: «Он утверждает, что волны, разбивавшиеся об эспланаду, будто бы звали его с собой. Но в полночь во вторник, шестнадцатого июня, волны не могли доходить до эспланады — в это время отлив как раз достиг крайней точки».

В правой колонке Питер написал: «Не спускать с него глаз».

Еще немного подумав, Уимзи достал второй лист бумаги и написал письмо главному инспектору Паркеру в Скотленд-Ярд, прося предоставить ему информацию о большевистских агентах. Никогда нельзя загадывать. Станные вещи случались и раньше, и постранные, чем большевики. В письме лорд Питер будто бы случайно упомянул о Хэвиланде Мартине и его банковском счете. Паркер, возможно, найдет способ развязать рот банковским служащим, используя большевиков в качестве извинения. Начальнику полиции наверняка не по вкусу придется вмешательство в дела его департамента, но Паркер женился на сестре лорда Питера, разве он не может написать частное письмо своему шуруину?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ИНСПЕКТОР ПОЛИЦИИ

Вы — адепт этих комнатных страстей,
И ваше сердце — подушечка для стрел Купидона,
Совсем изношенная.

Книга шуток со Смертью

Что это? Ты не заметил, как судорога
Пробежала по его щеке, как вздрогнули его ресницы?
В письме недобрая весть.

Фрагмент

Вторник, 23 июня

В это время Гарриет безуспешно боролась со своим романом. Она не только устала, но еще и застряла на том месте, где, по указанию редактора, который оплачивал ее работу, должна была быть описана любовная сцена между героиней и другом детектива. Как человеку, имевшему весьма неудачный романтический опыт и только что пережившему весьма эмоциональную и неприятную сцену со своим поклонником, к тому же замешанному в расследовании дела, в котором тоже важную роль играли любовные отношения, ей совсем не хотелось сейчас описывать терзания двух невинных душ, держащихся за руки в розовом саду. Гарриет нетерпеливо покачала головой и снова принялась за работу.

«— Знаешь, Бетти, я боюсь, что ты примешь меня за обычного идиота.

— Но я вовсе не считаю тебя идиотом, ты, идиот».

Интересно, читателям это покажется забавным? Гарриет в этом сомневалась. Что ж, лучше продолжать. Теперь девушка должна сказать что-нибудь подбадривающее, иначе этот болван никогда не скажет, чего хочет.

«— Я думаю, это просто прекрасно, что ты так помогаешь мне».

Ну вот, она сидит и навязывает несчастной девушке массу благодарности. Ладно, все равно Бетти и Джек два ханжи, потому что они оба прекрасно знают, что на самом деле за них всю работу выполняет Роберт Тэмплтон. Тем не менее.

«— Я бы все, что угодно, сделал для тебя... Бетти!

— Да, Джек?

— Бетти... дорогая... думаю, ты, возможно, не могла бы...»

Гарриет пришла к выводу что нет, не могла, невозможно. Она сняла телефонную трубку и продиктовала короткую телеграмму своему несчастному агенту. «Скажите Бутлу, что я категорически отказываюсь писать о любви.

Вэйн».

После этого ей стало лучше, но сочинять дальше представлялось невозможным. Чем бы ей заняться? Она снова подняла трубку и позвонила в офис управляющего отелем. Возможно ли связаться с мистером Антуаном?

Видимо, управляющий уже привык к тому, что его клиенты требуют связать их с мистером Антуаном. Ей дали нужный номер. Может ли мистер Антуан познакомить мисс Вэйн с мисс Лейлой Гарланд и мистером да Сото? Конечно. Нет ничего проще. Мистер да Сото сегодня утром дает концерт в «Уинтер-Гарден», он как раз вот-вот подойдет к кон-

цу. Мисс Гарланд, вероятно, присоединится к нему во время ленча. В любом случае Антуан немедленно этим займется и, если мисс Вэйн захочет, перезвонит ей и будет лично сопровождать леди в «Уинтер-Гарден». Так мило со стороны мистера Антуана. Нет, наоборот, это он должен быть польщен. Тогда минут через сорок? Parfaitement (замечательно).

— Скажите, мистер Антуан, — обратилась Гарриет к своему спутнику, когда их такси проезжало эспланаду, — вы человек с большим опытом, любовь, по вашему мнению, это самая важная вещь в жизни?

— Любовь — это действительно крайне важно, мадемуазель, но важнее всего? Нет.

— А что важнее всего?

— Мадемуазель, я вам скажу, что иметь здоровый дух в здоровом теле — это, несомненно, величайший подарок милостивого Бога, и когда я вижу, как многие люди с сильными телами и чистой кровью разрушают свои мозги с помощью наркотиков, алкоголя и прочего, это выводит меня из себя. Пусть оставят это тем несчастным, которым уже ничем нельзя помочь, для которых жизнь и так безнадежна.

Гарриет не знала, что и ответить, эти слова показались ей такими личными, от них веяло скрытой болью, трагедией. К счастью, Антуан не дожидался ее ответа:

— L'amour (любовь)! Все эти дамы, они приходят, танцуют, развлекаются, хотят любить и думают, что это и есть счастье. И они рассказывают мне — мне! — о своих проблемах, хотя на самом деле у них нет никаких проблем, кроме того, что они глупы, ленивы и самовлюбленны. Их мужья им неверны, их любовники сбегают, и что они говорят? Разве они скажут: «У меня есть две руки, две ноги и все мои способности, я сама построю свою жизнь? Нет. Они ноют: «Дайте мне кокаин, дайте мне коктейль, дайте мне острых ощущений, дайте мне моего жиголо, дайте мне l'amo-o-ur!» Как mouton (баран), блеющий посреди поля. Если бы они только знали!

Гарриет рассмеялась:

— Вы правы, мистер Антуан. Я тоже не верю, что l'amour так уж и важна, в конце концов.

— Вы должны меня понять, — продолжил Антуан, который, как и большинство французских мужчин, был чрезвычайно серьезным человеком, чтящим семейные ценности. — Я не говорю, что любовь не имеет значения. Это нормально — влюбиться и выйти замуж за приятного джентльмена, который подарит вам прекрасных, здоровых детей. Этот лорд Питер Уимзи, *par exemple* (например), несомненно, настоящий джентльмен...

— О, о нем не думайте! — резко перебила Гарриет. — Я имела в виду вовсе не его, а Пола Алексиса и тех людей, с которыми мы собираемся встретиться.

— А! *C'est different* (Это другое дело). Мадемуазель, я думаю, вы отлично представляете себе разницу между любовью, которая важна, и любовью, которая не важна. Но вы должны помнить, что бывает и важная любовь к неважной персоне. И еще не забывайте, что, если люди больны, физически или духовно, никакой любви не надо, чтобы заставить их совершать безумные поступки. Если мне и придет в голову идея покончить с собой, это случится от скуки, отвращения, головной боли или резей в животе или из-за того, что я больше не смогу оставаться на первых ролях и не захочу отходить на третий план.

— Надеюсь, вы ни о чем таком не думаете.

— О, я обязательно однажды сведу счеты с этой жизнью, — радостно констатировал Антуан. — Но только не из-за любви. Нет. Я для этого слишком... *détraqué* (сумасшедший).

Такси притормозило у «Уинтер-Гарден». Через несколько минут у служебного входа они встретились с Лейлой Гарланд и Луисом да Сото — идеальная платиновая блондинка и идеальный дамский угодник. Любовники прекрасно владели собой и были невероятно вежливы. Но будет сложно, необыкновенно сложно, поняла Гарриет, когда они уселись за столик, вытянуть из них хоть какую-то информацию. Лейла, по всей видимости, избрала определенную линию поведения и не собиралась выходить за ее рамки. Пол Алексис был «ужасно милым мальчиком», но «чересчур романтичным». Лейла «ужасно переживала» из-за того, что пришлось с ним расстаться, он «так ужасно тяжело к этому отнесся», но ведь ее чувства к не-

му основывались только на жалости — он был так «ужасно одинок и скромен». Как только появился Луис, она сразу поняла, что такое истинные чувства. Девушка закатила глаза и влюбленно взглянула на мистера да Сото, который ответил ей томным взмахом ресниц.

— Я так переживала из-за этого, — промурлыкала Лейла, — потому что бедный милый Пол...

— Не «милый», дорогая.

— Конечно нет, Луис. Вот только бедняжка уже мертв. В любом случае бедный Пол, казалось, так ужасно волновался из-за чего-то. Но мне он ни о чем не рассказывал, и, разумеется, меня обижало, что он не доверял мне. Я все думала, не шантажируют ли его.

— Почему? У него были проблемы с деньгами?

— Ну да, были. Конечно, для меня это не играло никакой роли. Все равно не очень-то приятно, знаете ли, думать, что друга твоего парня шантажируют. Я имею в виду, никакая девушка не хочет быть замешана в чем-то неприятном, не так ли?

— Это точно. Как давно он начал нервничать?

— Дайте подумать. Думаю, месяцев пять назад. Да, точно. Я имею в виду, письма начали приходить именно тогда.

— Письма?

— Да, длинные письма, и марки иностранные. Кажется, из Чехословакии или какого-то странного места вроде того. Не из России, потому что я спросила, и он сказал, что не оттуда. Я еще тогда подумала, что это забавно, ведь он говорил, что никогда нигде не был, кроме России и, конечно, Америки.

— Вы еще кому-нибудь рассказывали об этих письмах?

— Нет. Понимаете, Пол намекнул, что это может ему навредить. Он сказал, что большевики убьют его, если что-то прознают. Я сказала ему: «Не понимаю, что ты имеешь в виду, я же не большевик». И еще я сказала: «Я не знаю никаких людей подобного рода, поэтому что плохого может случиться, если ты мне расскажешь?» Но теперь-то он умер, так что мой рассказ в любом случае никому не повредит, верно? К тому же, если вас интересует мое мнение, он вообще выдумал эту

историю. Ведь она вовсе не выглядит правдоподобной, верно? Я ему так и сказала: «Если ты надеешься, что я поверю в эту историю, ты слишком многого хочешь». Вот как я сказала. Но он ничем со мной не поделился, и, разумеется, это слегка подпортило наши отношения. Я хочу сказать, когда девушка дружит с мужчиной, как мы с Полом, она ждет, что он будет доверять ей хоть немного.

— Конечно, ждет, — искренне поддержала собеседницу Гарриет. — Он был неправ. Думаю, на вашем месте я бы обязательно попыталась разузнать, от кого приходили эти послания.

Лейла задумчиво крутила в руках кусочек хлеба.

— Ну, если честно, — призналась она, — я однажды заглянула в одно из писем. Мне показалось, что я просто обязана это сделать. Но там оказалась сплошная чепуха. Вообще ни одного понятного слова.

— Оно было на иностранном языке?

— Ну, я не знаю. Оно было все написано печатными буквами, а в некоторых словах совсем не было гласных. Их даже произнести, наверное, нельзя.

— Похоже на шифр, — предположил Антуан.

— Да, я так и подумала. Мне это показалось ужасно забавным.

— Но ведь обычный шантажист вряд ли будет зашифровывать свои письма, — отметила Гарриет.

— Ой, а почему бы и нет? Я хочу сказать, может, они из какой-то банды, как в той истории, «След Пурпурного Питона». Вы не читали? Пурпурный Питон — прозвище турецкого миллионера, у которого был тайный особняк, с множеством комнат, дорогой мебелью и обелисками...

— Обелисками?

— Ну да. Не очень уважаемыми женщинами, знаете? И у него были свои агенты в каждой европейской стране, которые передавали его письма. Он писал своим жертвам зашифрованные письма и подписывался пурпурными чернилами. Подруга английского детектива обнаружила правду, но для этого ей пришлось одеться обелиской, и детектив, который на самом деле был лордом Хэмпфри Чиллингфолдом, прибыл

вместе с полицией как раз вовремя, чтобы спасти ее от ненавистных объятий Пурпурного Питона. Просто потрясающая книга. Пол много таких читал — думаю, он хотел побольше разузнать о всяких бандах. Звуковое кино ему тоже нравилось. Конечно, в этих историях герой всегда побеждает, но бедный Пол отнюдь не был героем. Я ему как-то так и сказала: «Все это прекрасно, но я не вижу тебя врывающегося с пистолетом в руках в штаб-квартиру японской мафии, отстреливающегося, отбивающегося и атакующего Короля организованной преступности с помощью электрической лампы. Ты же испугаешься, что тебя ранят». Я ему так и сказал. И это правда.

Мистер да Сото усмехнулся:

— Ты верно говоришь, милая. Пол Алексис был моим другом, но смелости у него не было ни на грош. Я ему сказал, что, если он не уйдет с моей дороги и не позволит маленькой Лейле самой выбирать себе сладости, я его ударю. Даю вам честное слово, он был страшно напуган.

— Это так, — подтвердила Лейла. — И, разумеется, девушка не может уважать человека, который не может постоять за себя.

— Интересно, — заметил Антуан. — И этот скромный, тихий и пугливый молодой человек перерезал себе горло только потому, что ты его бросила. *C'est inouï* (Это неслыханно).

— То есть ты веришь в историю про большевиков, — оскорбленно воскликнула Лейла.

— Я? Я ни во что не верю, я агностик. Но портрет Алексиса получается не совсем логичным.

— Алексис вечно болтал о логике, — улыбнулась девушка, — Но я тебе скажу, люди не всегда бывают логичны. Взгляните на все странные вещи, которые они творят. Особенно мужчины. Я всегда считала, что мужчины противоречивы.

— Ты абсолютно права, золотце, — согласился мистер да Сото. — Разумеется, они не логичны, иначе с чего бы им связываться с такими непослушными маленькими девочками, как ты.

— Да, но письма, — Гарриет отчаянно попыталась вернуться к интересующей ее теме, — как часто они приходили?

— Где-то раз в неделю, иногда чаще. Он хранил их в маленькой закрытой коробке. И он отвечал на них. Иногда, когда я заходила его проведать, его дверь оказывалась запертой, и старая Ма Лефранк говорила, что он пишет письма и его нельзя беспокоить. Естественно, девушкам не нравится, когда их друзья так себя ведут. Я хочу сказать, ты же ожидаешь, что он будет оказывать тебе немного внимания, а не запирается и писать письма, когда ты приходишь его навестить. Девушки с такими не связываются.

— Конечно, ты права, детка, — согласился мистер да Сото. Антуан улыбнулся и неожиданно прошептал:

*Mais si quelqu'un venoit de la part de Cassandre,
Ouvre-luy tost la porte, et ne le fais attendre,
Soudain entre dans ma chambre, et me vien accouster.**

Гарриет улыбнулась в ответ и, внезапно озаренная идеей, уточнила:

— Когда пришло последнее письмо?

— Не знаю. Я уже не дружила с ним после того, как подружилась с Луисом. Но думаю, Ма Лефранк может вам сказать. Она обо всем знает, Ма Лефранк.

— Вы с Алексисом жили вместе, когда дружили? — прямо спросила Гарриет.

— Конечно же нет. Как ужасно спрашивать о таком у девушки.

— Я имею в виду, в одном доме.

— О нет. Мы виделись довольно часто, но, конечно, после того, как мы с Луисом стали друзьями, я сказала Полу, что нам

* Отрывок из сонета Пьера де Ронсара (1524-1585) — поэта французского Возрождения.

«Но если кто-то придет ко мне от Кассандры,
Распахните двери и не заставляйте его ждать,
Внезапно войдя в мою комнату, он заговорит со мной».

лучше больше с ним не встречаться. Видите ли, Полу я так нравилась, и Луис вполне мог начать придумывать разные глупости. Да, Луис?

— Ты, как всегда, права, милая.

— Вы не рассказали об этих письмах полиции?

— Нет, — решительно ответила мисс Гарланд. — Разумеется, если бы они нормально задавали мне вопросы, я бы рассказала. Но этот мерзкий Ампелти общался со мной так, словно я не уважаемая девушка. Поэтому я сказала ему, что ничего об этом не знаю и он не может задавать мне свои глупые вопросы, пока не отвезет меня в свой старый грязный полицейский участок и не выпишет ордер на мой арест. И еще я сказала, что все равно ему это ничего не даст, потому что я ничего не знаю о Поле Алексисе и не видела его уже несколько месяцев. А еще, еще я сказала, что, если он будет так обращаться с уважаемыми девушками, он создаст себе немало проблем. Вот, что я ему сказала, и хорошо, что в нашей стране действует закон, защищающий таких девушек, как я.

— Разве она не очаровашка? — восхищенно поинтересовался мистер да Сото.

Очевидно, что больше от мисс Лейлы Гарланд ничего узнать было нельзя. Гарриет про себя определила девушку как «обычная вымогательница с умом обезьянки». Да Сото выглядел довольно безобидно, и вряд ли у него могли найтись мотивы для убийства Алексиса. Хотя, конечно, никогда нельзя делать поспешные выводы. Пока она размышляла, да Сото достал из кармана часы.

— Прошу простить меня, леди и джентльмены. У меня прослушивание в два. Как всегда, по вторникам и четвергам.

Он слегка поклонился и покинул их. Мог ли он специально упомянуть четверг, чтобы обеспечить себе алиби? Хотя откуда ему было знать, когда произошло убийство? Такие детали не просачиваются в газеты. Надо ли обратить внимание на данный факт? Затем Гарриет решила, что полиция, скорее всего, уже расспрашивала да Сото о том, где он был в прошлый четверг. Но вряд ли они упоминали время убийства. Это было бы неразумно.

Вместе с Антуаном Гарриет вернулась в отель, все еще размышляя о да Сото. Но время подгоняло, и пора было браться за воплощение в жизнь нового плана, недавно пришедшего ей на ум. Сложив в чемодан несколько предметов туалета и кое-какую одежду, девушка отправилась к домовладелице, у которой снимал комнату Алексис, к миссис Лефранк.

Дверь ей открыла пышная женщина с медными волосами, наряженная в розовый халат с зеленой отделкой.

— Доброе утро, — поздоровалась Гарриет. — Я ищу комнату.

Дама окинула ее пронзительным взором и спросила:

— Профессионалка, милая?

Очень хотелось ответить «да», но это было небезопасно. Гарриет уже неплохо знали в Уилверкомбе, и ей не удалось бы долго обманывать домовладелицу.

— Нет, я пишу книги. На самом деле, миссис Лефранк, я та самая девушка, которая нашла бедного мистера Алексиса на прошлой неделе. Я остановилась в отеле, но он такой ужасно дорогой, что я подумала, если у вас все еще есть свободная комната, я могла бы ее занять.

— Ну что ж! — Миссис Лефранк открыла дверь пошире, явно разрываясь между подозрением и любопытством. — Ну что ж! Я даже не знаю, что сказать. Вы не журналистка?

— О нет, — ответила Гарриет.

— Потому что их братия вечно сует везде свой нос. Чуть с ума меня не свели своими расспросами. Но, конечно, я понимаю, что вам наверняка интересно, ведь это вы его нашли, бедного мальчика. Проходите. Простите, что я в таком виде. У меня просто нет времени на то, чтобы привести себя в порядок с самого утра. Как долго вы собираетесь здесь пробыть?

— Не знаю, если честно. Это зависит от того, как скоро закончится расследование.

— О да, ведь сначала его надо найти, бедняжку, не так ли? Вы знаете, у меня такое чуткое сердце, я ночами не сплю, все думаю о том, как он плавает где-то там, в отвратительном море. Осторожно, ведро для угля. Я все время твержу этой

девчонке, чтобы не бросала его посреди лестницы. Комната на втором этаже, очень приятная и удобная. Несчастный Алексис всегда говорил, что чувствует себя здесь как дома, и, вы знаете, он же был мне как сын.

Миссис Лефранк шла впереди, полы халата периодически слегка распахивались, выставляя на обозрение огромные дыры в чулках.

— Вот, милочка! — Хозяйка распахнула дверь. — Лучше во всем Уилверкомбе не найти, я уверена. Тут тихо и спокойно, вы сможете писать свои книги. Я тут все прибрала, и его одежду и вещи, все спрятала. А если его книги вам помешают, мы их тоже можем унести, но я надеюсь, вы не против. Ведь он же не в этой комнате умер, в конце концов. Я не знаю, кому теперь принадлежат книги, но в них же нет ничего опасного, верно? Полиция ничего не сказала на этот счет, так что я решила, пускай остаются здесь, как напоминание о бедняжке, которому я заменила мать. И не волнуйтесь, никакой инфекции на них тоже нет, мальчик был абсолютно здоров, за исключением сильных болей в суставах... Ах, он так страдал из-за этого, ему приходилось ложиться и пережидать приступы. У меня сердце кровоточило при виде его мучений, а он никогда не вызывал врача. Но я его не виню. Знаете, у моей сестры были сильные ревматические боли, и она уйму денег на этих докторов потратила, и результата никакого, только колено у нее стало напоминать тыкву. А ведь она работала цирковой артисткой, и это жестоко, что она потеряла работу оттого, что больше не могла даже пошевелить ногой. У меня в комнате есть ее фотография, если вам интересно, можете как-нибудь взглянуть, милочка, а еще венки, которые ей прислали на похороны, очень красивые. В общем, как я говорила, если вам книги не нужны, я их заберу. Не хочу, чтобы эта женщина, Уэлдон, или маленькая проныра Лейла Гарланд забрали их себе.

Комната и правда оказалась довольно приятной — просторная и куда чище, чем ожидала Гарриет после знакомства с хозяйкой. Мебель, конечно, просто ужасна, но зато в хорошем состоянии. Книги были именно такими, какими их описал

инспектор Ампелти, — в основном романы, несколько книг с мемуарами русских аристократов. Единственным воспоминанием о прошлом хозяйине служила маленькая и очень красивая икона, подвешенная над кроватью, — старая и, вероятно, ценная.

Гарриет быстро договорилась с миссис Лефранк о цене — две с половиной гинеи в неделю.

— Я не для всех делаю такую скидку, — сообщила хозяйка. — Только если вижу, что человек хороший и спокойный. Мне не нужны проблемы в моем доме. Хотя все последние события, конечно, всем создали достаточно проблем. А каким шоком это стало для меня! — Миссис Лефранк тяжело вздохнула и опустилась на кровать, словно демонстрируя, что шок еще не окончательно прошел. — Я так любила бедного мистера Алексиса.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Такой задумчивый мальчик, — продолжала миссис Лефранк, — и манеры аристократические. Частенько я выходила из себя из-за девчонки или клиентов, и он мне говорил: «Не унывай, Ма!» Все зовут меня Ма. «Не унывай, Ма! Выпей-ка со мной коктейль, давай, за лучшие времена». Совсем как сын мне был.

Эта трогательная сцена так не походила на все, что Гарриет слышала ранее об Алексисе, что она решила, что это намек.

— Не хотите ли сейчас что-нибудь выпить? — предложила девушка.

— О, я не имела в виду... Это так мило с вашей стороны, милочка, но в это время дня мне нельзя притрагиваться к алкоголю. Хотя здесь за углом есть магазинчик «Дракон», где наверняка найдется глоточек джина, как раз к обеду.

Гарриет приложила все силы, чтобы преодолеть сопротивление, и вскоре миссис Лефранк перегнулась через перила и крикнула «девчонке», чтобы та сбегала в магазин за джином.

— Они меня знают. — Хозяйка весело подмигнула. — Все эти дурацкие законы про алкоголь, которые изобретает наше правительство, можно подумать, все мы алкоголики. И еще полиция вечно сует нос не в свое дело и задает ду-

рацкие вопросы, как будто у моего дома плохая репутация. Я ведь уже двадцать лет здесь — и ни одной жалобы. В наши дни нормальной женщине трудно держаться на плаву. Я скажу только одно — я никогда никого не ограничивала. Мой дом — это дом моих постояльцев, и твой тоже, милочка.

Под влиянием джина, смешанного с содовой, миссис Лефранк становилась все более и более разговорчивой. Она поведала новой постоялице свою версию произошедшего с Лейлой Гарланд.

— Что там происходило между этими двоими, — разглагольствовала она, — этого я вам не могу сказать, милочка. Это не мое дело, и я не лезу в чужие дела, пока посетители ведут себя прилично и тихо. Я всегда говорю своим девочкам, что я не против того, чтобы дамы посещали своих друзей-джентльменов и наоборот, если только это не создает проблем. Мы все были когда-то молодыми, вы же понимаете. Но, как я им всегда говорю, мы не хотим, чтобы возникли какие-то проблемы. И до сих пор в этом доме все так и было — никакого беспокойства. Но, знаете, скажу я вам, я совсем не жалела, когда эта кошечка убралась отсюда. Нет, вовсе нет. И ее новый парень мне тоже сразу не понравился. Надеюсь, он с ней еще намучается. Этой девочке всегда будет мало денег, помяните мое слово. Нет, я ничего не говорю, она всегда вела себя довольно мило, когда заходила навестить бедняжку Алексиса, приносила мне цветы или небольшие подарки, хотя знаю я, откуда она брала на них деньги. Но когда мистер Алексис сказал мне, что она его бросила, я только и ответила, что «баба с возу — кобыле легче». Вот так я и сказала, и, если вы меня спросите, он и сам об этом догадывался.

— Значит, вы не считаете, что он покончил с собой из-за нее?

— Нет, — ответила миссис Лефранк. — Я частенько думаю о том, почему он это сделал. Та пожилая леди, с которой он был помолвлен, тоже ни при чем — в этом я абсолютно уверена. Если честно, он никогда и не надеялся, что у него с ней что-то выгорит. Ее семья бы ни за что не позволила. Ми-

стер Алексис сам мне практически так и сказал, что ничего из этого не выйдет. «Видишь ли, Ма, — сказал он мне недавно, где-то пару недель назад, — в ближайшем времени я и сам смогу прекрасно обустроить свою жизнь». И я ответила: «О да. Ты женишься на китайской принцессе и будешь как Аладдин из той сказки». Нет. Я все думала-думала, и я скажу вам, к какому выводу я пришла. Я считаю, что его аферы пошли не так.

— Аферы?

— Ну да, эти его дела с другими странами. Какие письма он получал! Все в иностранных штампах, и почерк такой странный. Я над ним частенько из-за них подшучивала. Он отвечал, что это доклады и, если в них все хорошо, скоро он будет одним из величайших людей в мире. Он обещал, что подарит мне тиару, усыпанную бриллиантами, и сделает меня экономкой при особе королевской крови. О, милочка, как мы иногда над этим смеялись. А ведь бывали в моей жизни времена, когда я сама могла покупать себе тиары и ожерелья, столько, сколько хотела. Я как-нибудь покажу вам газетные вырезки. Я была звездой шоу старого Розенбаума, хотя, глядя на меня сейчас, вы, наверное, в этом сомневаетесь. Я уже не та, что раньше, выросла слегка вширь, этого отрицать не буду.

Гарриет выразила восхищение и симпатию, а затем осторожно вернула хозяйку к теме иностранных писем.

— Ох, милочка, одно из них пришло за два дня до этого жуткого происшествия. Видимо, длинное, потому что он заперся аж на несколько часов. «Работа над своим положением», так он это называл. Ну, лично я думаю, в письме были какие-то плохие новости. Хотя он ничего не сказал по этому поводу. Но он вел себя очень странно. Складывалось такое ощущение, будто он тебя не видит и не слышит, даже когда ты к нему обращаешься. И смеялся все время истерически, я бы так сказала. Он даже поцеловал меня вечером в среду, прежде чем лечь спать. Он шутил и разговаривал очень странно, но я не обратила внимания. Он же всегда был необычным мальчиком. Он говорил: «Однажды ты обнаружишь, что я раскрыл свои крылья и улетел». Я и подумать не могла... Боже!

Бедняжка! Теперь я понимаю, что так он старался подготовить меня. Я слышала, как он ходил по комнате всю ночь напролет. Жег свои бумаги, дорогой мой мальчик. Он в чем-то ужасно разочаровался и не хотел, чтобы об этом узнали. А утром он отдал мне деньги за всю неделю. Сказал, что пусть лучше они будут у меня, а то он может их случайно потратить, если возьмет с собой. Конечно, теперь я знаю, о чем он на самом деле думал, бедненький. Он знал, что случится, и не хотел, чтобы я страдала, он ведь всегда был так заботлив. Но когда я думаю о том, что могла бы спасти его, сказать ему всего пару слов...

Миссис Лефранк разрыдалась.

— Я подумала, что он может внезапно уехать, чтобы проверить, как там идут его иностранные дела, но он не взял с собой никаких вещей, так что я и внимания ни на что не обратила. Да и как я могла подумать, что он сделает с собой такое? Он ведь был в таком прекрасном настроении все последнее время. Но! Я все равно могла бы догадаться, если бы не была так занята другими вещами в то утро, но я не обратила внимания. Но ведь, я знаю, у людей часто бывает хорошее настроение пред самоубийством. Взять, к примеру, бедняжку Билли Карнаби, то же самое ведь! В свою последнюю ночь он закатил шикарную вечеринку на все свои деньги — с шампанским и устрицами, а потом пошел и вышиб себе мозги в мужском туалете.

Женщины еще некоторое время горько всхлипывала.

— Но все-таки! — воскликнула она, внезапно беря себя в руки и сморкаясь. — Жизнь странная штука, и мы не можем ничего знать заранее. Так давайте будем счастливы, пока можем. Все мы рано или поздно окажемся в земле, и какая разница, когда или каким образом. Когда вы переедете, милочка?

— Сегодня вечером, — ответила Гарриет. — Я еще не знаю, буду ли здесь ужинать, но давайте я просто заплачу вам заранее, так подойдет?

— Конечно. — Миссис Лефранк явно развеселилась. — Приезжайте, когда захотите, с Ма Лефранк вам скучать не придется. Ну вот, я все болтаю и болтаю, но знаете, милочка, что я вам скажу? Иногда поплакать совсем не помешает, сле-

зы очень даже помогают, особенно когда мир вокруг тебя кажется особенно жестоким. Все мои дорогие дети всегда приходят ко мне со своими проблемами. Я бы только хотела, чтобы и бедный мистер Алексис поведал мне о своих тревогах, и тогда он и сейчас был бы здесь. Но он же иностранец, а они не такие, как мы, верно? Осторожно, милочка, совок для мусора. Я снова и снова твержу, что не надо бросать вещи на ступеньках, но с тем же успехом можно разговаривать с кошкой. Вы не поверите, милочка, эта тварь вчера оставила пять мышей прямехонько под моей дверью. Не подумайте, что у нас тут водятся мыши в комнатах, но в кладовках их полным-полно, грязные маленькие твари. Ну что ж, милочка, до встречи. Кстати, вот ваш ключ. Хорошо, что я сделала новый, бедный мистер Алексис забрал свой ключ с собой, когда уходил, и бог знает, где он теперь. Я разрешаю гостям приходить, когда и как им будет угодно, вам здесь точно понравится.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ПЛЯЖ

Вот и настал тот долгожданный час,
Когда мы вместе бредем по берегу моря.

Книга шуток со Смертью

Вторник, 23 июня

Может, Гарриет Вэйн и лорд Питер Уимзи и чувствовали себя неловко, встретившись после произошедшего недавно взрыва эмоций, но они никак это не демонстрировали. Обоим было о чем рассказать друг другу, и благодаря этому напряжение вскоре улетучилось.

— Зашифрованные письма? Может ли быть, что миссис Уэлдон права, а мы все ошибались? Все равно, тогда случившееся еще больше напоминает убийство, так что это нам только в плюс. Я не думаю, что предположение миссис Лефранк имеет под собой реальные основания, но очевидно, что у Алексиса был какой-то план, и вполне вероятно, что что-то пошло не так. Я не знаю... Не знаю... случайность ли это, что Алексис был убит как раз тогда, когда его планы близились к осуществлению? Кажется, его окружали довольно неприятные люди, которым нельзя доверять, — лжецы, дураки, проститутки и жиголо.

— Да, не могу сказать, что мы сейчас возвращаемся в высших кругах. Антуан из них из всех самый приличный — но, наверное, ты и его не одобряешь.

— Это вызов? Я знаю об Антуане все. Как следует изучил его досье вчера ночью.

— Чтобы выяснить, достаточно ли он хорош для общения со мной?

— Не только. Просто я изучаю всех, кто относится к делу. Он показался мне довольно скромным и чувствительным парнем. Он не виноват в том, что страдает от недостатка жизненных сил и постоянной меланхолии. Он поддерживает мать, которая живет в доме для престарелых, а дома приглядывает за слабоумным братом.

— Правда?

— Видимо, да. Но это не значит, что на его собственный разум нельзя положиться. Он был немного более откровенен со мной, чем с тобой, в разговоре о любовных делах Алексиса. Кажется, Алексис воспринял союз с миссис Уэлдон более чем здраво и весьма тактично и умело избавился от Лейлы. Да Сото, конечно, подлец, но он как раз подходит Лейле, и к тому же он достаточно тщеславен, чтобы поверить, что он отбил девушку у друга *vi et armis* (силой оружия). Но зачем все это? Ладно, не важно, давай выпьем чаю. Эй! На море разворачивается бурная деятельность! Я вижу две лодки около скал.

— Рыбаки?

— Думаю, что они там отнюдь не рыбу ловят, — мрачно сказал Уимзи. — Это Ампелти и его веселые ребята. Дай мне бинокль, Бантер. Да. Выглядят занятыми. Что-то вытягивают. Взгляни-ка.

Он передал бинокль Гарриет, которая закричала:

— Они тянут что-то вверх! Тяжелое, наверное. Инспектор помогает им, и еще один человек удерживает лодку на месте. Ой, ой! Ты этого не видел, жаль. То, что они вытягивают, вдруг поддалось, и инспектор Ампелти грохнулся назад в лодку. Теперь он сидит и потирает голову.

— Бедный Ампелти! — Уимзи достал сэндвич.

— Они снова тянут, теперь он предоставил это рыбакам... Вот, у них получается... оно появляется на поверхности!

— Присядь и выпей чаю.

— Не дури. Вот, показалось что-то черное...

— О, дай посмотреть.

Гарриет пришлось отдать бинокль. В конце концов, это же Уимзи, он вполне может подумать, что ее расстроит издали вид того, что она уже разглядывала вблизи...

Уимзи посмотрел и принялся смеяться.

— Вот, возьми, погляди скорее! Это какое-то старое железо, похоже на бак или вроде того. Не пропусти выражение лица Ампелти, думаю, оно того стоит.

— Да, это какой-то предмет цилиндрической формы. Интересно, как эта штука там оказалась? Они ее изучают. Может, надеются найти тело внутри. Как бы не так. О, выбросили обратно.

— Какая неудача!

— Бедный Ампелти! Какие милые, однако, сэндвичи. Это Бантер их сделал? Он гений.

— Да. Поторопись! Я хочу еще раз взглянуть на то углубление у камня.

Ниша в скале по-прежнему оставалась загадкой. Больше всего внимание Уимзи привлекало кольцо для привязывания лодки.

— Я могу поклясться, — заметил он, — оно было приделано к этому камню не больше двух недель назад. Выглядит абсолютно новым, совсем не износилось. За каким чертом оно могло понадобиться?... Ладно, идем. Я беру на себя верхнюю часть берега, а ты нижнюю. То есть я буду карабкаться по всяким скалам, а ты пойдешь вдоль моря, будем работать вместе, спускаясь и поднимаясь. Кто найдет что-то интересное, кричит, и мы сравниваем свои записи.

— О'кей!

Идти по пустынному пляжу тихим летним днем рядом с кутиром своего сердца — казалось бы, что может быть прекрасней? Но это занятие теряет большую часть своего очарования, когда паре, разделенной широкой полосой песка, приходится обыскивать каждый камешек, идти согнувшись и глядя в землю, в поисках того, чего там, вполне возможно, и нет. Заинтригованная Гарриет, однако, верила, что у Уимзи есть какая-то задумка, и тщательно выполняла свою работу. Уимзи, хотя и оглядывал внимательно землю под ногами, периодически разгибался, чтобы окинуть взглядом побережье и море: он явно подсчитывал в уме какие-то расстояния и за-

поминал отдельные детали пейзажа. У каждого из них была с собой сумка, в которую они складывали найденные сокровища, а их разговор больше напоминал диалог из какой-нибудь русской драмы. Вот так:

Гарриет: Эй!

Питер: Э-ге-гей!

(Они встречаются в центре.)

Гарриет: Ботинок! Я нашла ботинок!

Питер: Увы! Увы!

Гарриет: Подбитый гвоздями и ужасно старый.

Питер: Всего лишь один ботинок!

Гарриет: Да, а если б их было два, они могли бы обозначать то место, откуда убийца пошел вброд.

Питер: Один ботинок на берегу, один в море. С тех пор вода прибывала и убывала десять раз. Это не хороший ботинок.

Гарриет: Нет, это плохой ботинок.

Питер: Это дрянной ботинок.

Гарриет: Могу я его выкинуть?

Питер: Нет, это же все-таки ботинок!

Гарриет: Но это ужасно тяжелый ботинок.

Питер: Ничем не могу помочь; это же ботинок. Доктор Торндайк любит ботинки.

Гарриет: Где же, Смерть, таишь ты жало?*

(Расходятся, Гарриет несет ботинок.)

Питер: Эй!

Гарриет: Э-ге-гей!

(Снова встречаются.)

Питер: Вот пустая консервная банка для сардин, а вот разбитая бутылка.

Гарриет: У тебя есть ручка тетушки садовника?

Питер: Нет, но у моей сестры (двоюродной) есть (какие-то) чернила, (какая-то) бумага и (какие-то) бумаги (используйте du, de la, des, de l').

Гарриет: Сколько времени здесь пролежала эта бутылка?

Питер: Края сильно стесаны водой.

* Цитата из стихотворения Александра Поупа, английского поэта и переводчика XVIII века.

Гарриет: Убийцы едят сардины?

Питер: Кошки едят мышек?

Гарриет: Я порезалась об острую ракушку; а Полу Александру перерезали горло.

Питер: Начинается прилив.

(Расходятся в разные стороны.)

Гарриет (после долгой непродуктивной паузы встречается Питера с промокшей коробкой из-под хлопьев «Голд Флейк» в одной руке и половиной Библии — в другой): Доктор Ливингстон, я полагаю? Убийцы читают Библию?

Питер: Любая книга послужит так же, любая книга остановит пулю — может быть, не могу сказать точно.

Гарриет (читает): «И последняя из всех женщин тоже умерла» — возможно, от боли в спине.

Питер: Моя спина болит, и тело цепенеет, и мозг будто отравлен...

Гарриет (внезапно деловым тоном): Посмотри, пачка сигарет!

Питер: Серия совсем новая.

Гарриет: Значит, она попала сюда недавно.

Питер (устало): Хорошо, сохрани, пусть тоже будет уликой. Как насчет Священного Писания?

Гарриет: Можешь оставить его себе, может, тебе пригодится.

Питер: Хорошо. С чего начнем, с Песни Песней?

Гарриет: Вернись лучше к своей работе.

Питер: Уже. Как далеко мы продвинулись?

Гарриет: А сколько лье до Вавилона?

Питер: Мы прошли полторы мили и все еще отлично видим Утюг.

(Расходятся в разные стороны.)

Питер: Эй!

Гарриет: Э-ге-гей!

Питер: Просто хотел спросить, ты не думала больше над моим предложением насчет свадьбы?

Гарриет (с сарказмом): Полагаю, ты думаешь о том, как прекрасно было бы провести всю жизнь бок о бок, вот как сейчас?

Питер: Ну, не совсем. «Рука в руке» нравится мне больше.

Гарриет: Что у тебя в руке?

Питер: Мертвая морская звезда.

Гарриет: Бедная звезда!

Питер: Надеюсь, ты не ревнуешь?

Гарриет: О боже, нет.

Так они и шли, пока не добрались до места, откуда тропинка вела прямо к коттеджу Поллоков. Пляж к этому времени стал скорее галечным, чем песчаным, тут и там лежали крупные камни. Здесь Уимзи отнесся к своему заданию со всей серьезностью, осторожно изучая каждый булыжник и даже пройдясь вверх по тропинке. Но, видимо, он не нашел ничего важного, и они пошли дальше, замечая, что холмы закрывают вид на дома с пляжа.

Через пару сотен метров Гарриет снова закричала:

— Эй, эй, эй!

— Э-ге-гей!

— Я нашла что-то действительно интересное.

Питер вприпрыжку спустился к ней.

— Если ты решила надо мной подшутить, я сверну тебе шею. Так, дай-ка взглянуть дядюшке Питеру... Ага! Интересно, очень интересно.

— В любом случае это хорошая примета, приносит удачу.

— Ты неправильно ее держишь, так вся удача вылетит в трубу, и настанет черный день... для кого-то. Дай сюда.

Он осторожно очистил предмет от песка.

— Это совсем новая подкова — и здесь пролежала недолго. Неделю или немного больше. Принадлежит милой небольшой лошадке, ростом ладоней четырнадцать. Симпатичное существо, хороших кровей, частенько теряющее подковы, слегка прихрамывающее.

— Холмс, потрясающе! Как вы это сделали?

— Элементарно, мой дорогой Ватсон. Этот образчик ни капельки не изношен, взгляни на подошву, значит, он новый. Из-за лежания в воде он слегка обесцветился, но следов песка или камней не видно, и никакой коррозии, то есть он пролежал здесь недолго. По размеру подковы можно примерно

определить рост животного, а слегка закругленная форма предполагает породистого носителя. Но при этом заметь, что, несмотря на новизну, подкова не только что выкована, по внешнему, слегка сточенному краю видно, что ее носитель прихрамывал. А если мы посмотрим на носок, то поймем, что кузнец хотел сделать эту подкову особенно плотно сидящей, — отсюда я сделал вывод, что потери, видимо, не редкость для этой лошадки. Однако нам не стоит его или ее слишком сильно за это винить. Здесь столько камней, что можно запросто споткнуться и потерять подкову.

— Его или ее. Ты что, не можешь определить пол и масть?

— Боюсь, даже я не могу знать всего, мой дорогой Ватсон.

— Как думаешь, подкова лежала там же, где упала? Или море могло сдвинуть ее с места? Я нашла вот тут, совсем рядом с водой, она в песок зарылась.

— Ну, думаю, прилив мог немного протащить ее вдоль берега в любую сторону, и с каждым новым приливом она должна была закапываться глубже. Но где конкретно прошла лошадь, мы сказать не можем, если ты об этом. Мы же не знаем точно, что случилось. Подкову могли бросить, и пролететь она могла сколько угодно, в зависимости от ветра, силы броска и так далее.

— Ну да... Что ж, тут есть над чем поразмыслить... Питер! Ты что, с самого начала искал подкову?

— Нет. Я, конечно, ожидал, что лошадь будет, но подкова — это чистая удача.

— И внимательность. Я ее нашла.

— Верно. Я мог бы поцеловать тебя за это. Не обязательно начинать дрожать. Я не буду этого делать. Когда я тебя поцелую, это будет событием необычайной важности — тем, что запомнится на всю оставшуюся жизнь, среди других таких же событий, например, первого кусочка личи. И это не будет происходить во время детективного расследования.

— Мне кажется, возбуждение от находки слегка тебя опьянило, — холодно заметила Гарриет. — Ты сказал, что пришел сюда в поисках лошади?

— Естественно. А ты — нет?

— Нет, я вообще об этом не думала.

— Ах ты бедная маленькая горожанка. Ты считаешь, лошадь — это только помеха дорожному движению. Твои знания о лошадях не выходят за рамки того, что тебе рассказали о них в детстве. Тебе никогда не приходило в голову, что лошади созданы, чтобы Б-Е-Г-А-Т-ь, бегать и покрывать определенные дистанции за определенное время? Ты никогда не играла на скачках? Несчастливая девочка. Подожди, пока мы не поженимся. Ты будешь падать с лошади каждый день — пока не научишься на ней сидеть.

Гарриет молчала. Уимзи вдруг предстал перед ней в новом свете. Она знала, что он умен, богат, обходителен, начитан, забавен и очарователен, но еще никогда он не вызывал в ней такого чувства собственной неполноценности, ведущего к слабости и обожанию. Но теперь она осознала, что в нем было нечто богоподобное. Он умел управлять лошадьми. Она живо представила Питера в цилиндре и бриджах, сидящего верхом на гигантском буйном животном, которое плясало под ним, а наездник оставался невозмутимым. Затем с небольшими усилиями ее воображение обрядило ее саму в ездовой костюм и усадило ее, с восхищением глядящую на своего кумира, на не менее большую зверюгу, в стороне от лорда. Девушка рассмеялась над нарисовавшейся картиной.

— Ну, часть с падениями я точно выполню блестяще. Может, лучше продолжим?

— Хм. Да. Что ж, думаю, нам здесь больше нечего делать. Дорогу я отсюда не вижу, но уверен, что верный Бантер неподалеку. Вряд ли мы сможем найти еще что-либо интересное. Две подковы — это уже перебор.

Гарриет искренне согласилась.

— Нам не придется карабкаться вверх по скале, — продолжил Уимзи. — Давай вернемся немного назад и поднимемся по той тропинке. Кстати, Библию и ботинок можно выкинуть, думаю, они нам не помогут.

— Куда мы отправимся?

— В Дарли, искать лошадь. Не удивлюсь, если ее владельцем окажется мистер Ньюкомб, который жаловался на дыры в изгороди. Посмотрим.

Бантер быстро домчал их до Дарли, но около Хинкс-Лейн из машины пришлось выйти и пройти пешком до места для палаток.

— Хочу обратить твое внимание, — сказал Уимзи, — на найденный здесь овес, а также остатки горелой веревки в углях. Бантер, ты взял эти вещи?

— Да, мой лорд.

Бантер вернулся в машину и принес небольшую сумку и веревку, передав ее Уимзи. Тот немедленно открыл сумку и достал из нее пригоршню овса, пересыпав его в свою шляпу.

— Что ж, — продолжил он, — повод у нас есть, осталось найти для него лошадь. Давайте обойдем пляж, постараемся разыскать тот ручей, о котором говорил мистер Гудрич.

Ручей вскоре был обнаружен — узенькая полоска свежей воды, впадающей в море. Проходил он прямо под изгородью.

— Так, с этой стороны забора никаких следов остаться не должно — думаю, прилив доходит до самого пастбища. Подождите-ка... ага! Да, прямо на самом краю ручья, перед изгородью — вот они! Прекрасные следы, все в целости и сохранности. Какое счастье, что вчерашний дождь их не смыл. Так, но никакой дыры нет. Он должен был... о да, конечно, он так и сделал. Да. Теперь если мы правы, то вот этот след не совпадет с найденной подковой — это другая нога. Да, это левая. Здесь лошадь остановилась, чтобы попить, значит, она бегала по пляжу во время отлива, лошади не любят соленую воду. Левая нога была здесь, значит, правая должна быть здесь — действительно! Смотрите! Отпечаток копыта без подковы, и, естественно, лошадь хромала, пробежав почти три мили по каменистому пляжу. Но где же проход в изгороди? Давайте пройдемся, мой дорогой Ватсон. Если я не ошибаюсь, это здесь. Вот, новые доски и колючая проволока. Хочу сказать, что мистер Ньюкомб не очень-то ловок в обращении с изгородями. Но кое-какие меры предосторожности он все-таки принял, так что будем надеяться, что наша лошадь все еще на поле. Забираемся, смотрим через забор — одна, две, три лошади, ей-богу!

Уимзи не спеша осматривал широкое пастбище. В его дальнем конце раскинулась небольшая рощица, в которой и брал начало ручей, извивающийся в жесткой траве.

— Взгляни, как удачно деревья загораживают поле от дороги и деревни. Прекрасное место для кражи лошадей. Должно быть, мистер Ньюкомб утомился, пока заделывал дыры. Ага! А это что, Ватсон?

— Что там?

— Еще одна дыра, на этот раз заделанная еще хуже — просто парой деревянных перекладин. Лучше и быть не может. Подходим, залезаем... раз! И мы на поле. Позволь мне... о, ты уже перелезла. Хорошо! Ну, на какую лошадь ставишь?

— Не на черную. Она такая огромная, выглядит тяжелой.

— Нет, точно не на черную. Размер не имеет значения в нашем случае, но эта коняшка уже немало повидала на своем веку, у нее для такой работы сил не хватило бы. Я бы предположил, что нас интересует вот этот маленький прелестный коб*. Цып-цып-цып, мой хороший. — Уимзи начал осторожно приближаться к выбранной лошадке, тряся перед собой шляпой с овсом.

Гарриет всегда было интересно, как это людям удастся поймать коня посреди просторного поля. Так глупо со стороны животных дать себя схватить. Девушка помнила, как однажды останавливалась в деревушке, где мальчишкам потребовался примерно час, чтобы поймать пони. Может, они просто делали что-то не так, потому что, словно по мановению волшебной палочки, все три лошади галопом устремились через все поле в сторону Уимзи и принялись тыкаться носами в овес. Тот осторожно гладил их по груди, гривам и шеям. Затем он обошел черную лошадь, аккуратно провел ладонью по передней правой ноге и взял за копыто. Та послушно подняла ногу, одновременно пытаясь пожевать ухо мужчины.

— Эй, ты! — возмутился Уимзи. — Это мое! Смотри, Гарриет.

Гарриет тихонько подошла и взглянула на копыто.

* Коб — порода верховых лошадей.

— Новая подкова. — Уимзи отпустил ногу лошади и потянулся к другой. — Надо проверить, вдруг они все остальные тоже меняли. Нет, на других трех подковы старые, а новая точно такая же, как та, что мы нашли на пляже. Ты заметила, гвозди на ней расположены особенным образом? Подожди, девочка моя, сейчас мы испытаем твой ход.

Он ловко проскользнул под головой лошади и легко запрыгнул на нее.

— Хочешь прокатиться? Поставишь ноги мне на ступни, и поедем! Давай уедем в закат и никогда не вернемся обратно!

— Ты лучше делом занимайся, а то вдруг фермер появится.

— Как ты права! — Уимзи дал шенкеля и рванул с места в карьер.

Гарриет автоматически подняла упавшую шляпу и судорожно сжимала ее в руках, отсутствующим взглядом наблюдая за летящей фигурой.

— Позвольте мне, мисс.

Бантер протянул руку, чтобы забрать у нее шляпу, девушка вздрогнула и выпустила ее. Слуга осторожно вытряхнул остатки овса, тщательно протер цилиндр изнутри и вернул ему первоначальную форму.

— Вполне подходит для верховой езды и даже скачек, — сообщил Уимзи, соскакивая на землю, — на дороге разовьет скорость около девяти миль в час, но, делая скидку на то, что ее путь проходил по берегу, скажем, восемь миль в час. Я бы хотел... Боже! Как мне хотелось бы прокатиться на ней до Утюга. Но лучше не надо. Мы и так уже злоупотребляем гостеприимством хозяев.

Он снял с лошади повод и отправил ее восвояси хлопком по крупу.

— Все выглядит так замечательно, — грустно сказал он, — но не работает. Просто не работает. Идея была следующей. Есть Мартин. Он приезжает, разбивает лагерь, видимо, узнав все об этом месте заранее, включая то, где пасутся лошади летом. Он договаривается о встрече с Алексисом на пляже в два часа, не знаю, правда, каким образом, но это можно придум-

мать. В половине второго он выходит из таверны, возвращается сюда, берет лошадь и мчится вдоль берега. Мы видим свидетельства — дыру в изгороди и упавшую подкову, а также рассыпанный овес. Поскольку он едет по кромке воды, никаких следов не остается. Лошадь он привязывает к тому кольцу под скалой, затем убивает Алексиса и быстро скачет обратно. По дороге, где-то около коттеджа Поллока лошадь теряет подкову. Его это мало волнует, разве что ход животного слегка замедляется. Вернувшись, он не заводит лошадь в загон, а оставляет ее свободно разгуливать по пляжу. Как будто она сама вырвалась наружу — это уничтожает ценность любых улик. Даже то, что лошадь вся в мыле и вспотела, не вызовет подозрений. В три часа он появляется в гараже, чтобы заняться своей машиной, в какой-то момент он сжигает веревку, которую использовал в качестве уздечки. Все так убедительно, так прекрасно складывается, и все неправда.

— Почему?

— Во-первых, поджигает время. Он вышел из «Трех перьев» в полвторого. Ему надо было успеть спуститься сюда, поймать лошадь и проехать несколько миль. Скорость мы уже рассчитали... Но ты слышала крик ровно в два. Ты уверена, что у тебя часы не спешат?

— Уверена. Я их сравнила с отельными сразу же, как только добралась до Уилверкомба. Все верно. А за часами в отеле следит мастер, который настраивает их прямо по Гринвичу. Я спросила об этом по приезде.

— Умная женщина.

— А что, если лошадь уже была готова к моменту его возвращения? Например, привязана или что-то вроде того?

— Да, но есть еще одна загвоздка. Люди из Дарли говорят, что в таверну он приехал напрямик из Уилверкомба. Ну хорошо, даже если мы закроем на все это глаза, я все равно сомневаюсь, что он успел бы доскакать до места убийства — если только совсем не загнал несчастное животное. Поэтому я и сказал, что мне интересно было бы самому попробовать доехать до того места.

— Ну, крик, который я слышала, мог на самом деле быть вовсе не криком. Я же подумала, что это чайка, может, так оно

и было. Мне понадобилось пять минут, чтобы собраться. Так что, если хочешь, можешь считать, что убийство произошло в пять минут третьего.

— Хорошо. Но все равно все это по-прежнему невозможно. Подумай сама. Ты вышла к камню в десять минут, так? Где был в этот момент убийца?

— В нише под скалой. Ох, я поняла, лошадь. Лошадь бы туда точно не поместилась. Господи, как все безнадежно! Если мы решаем, что убийство случилось раньше, — он не успевает добраться до места преступления, а если мы перенесем его на несколько минут позже — он не успевает оттуда сбежать. Это сводит меня с ума.

— Да, и не забывай, раньше двух часов убийство произойти не могло — кровь, помнишь? Если сложить все вместе, два часа — это единственно возможное время преступления. Верно. Ты появляешься на сцене самое позднее в два ноль пять. Предположим (хотя не похоже на то), что убийца примчался галопом, перерезал Алексису горло и снова умчался на полной скорости, не тратя ни секунды. И предположим (что вообще практически нереально), что он скакал со скоростью десять миль в час по мелководью. Тогда за пять минут он проехал бы милю. Но сегодня мы установили, что камень видно даже с расстояния в полторы мили, значит, ты должна была его заметить. Или нет? Ты же могла и не смотреть в ту сторону, пока не нашла тело, да?

— Да нет, я не смотрела. Но с другой стороны, если крик, разбудивший меня в два, был предсмертным и я его услышала, то почему я не услышала мчащуюся как черт знает что лошадь? Цокот копыт должен был разнестись по берегу, верно?

— Несомненно. «Трам-трам» по земле, «плюх-плюх» по воде. Так не пойдет, девочка моя, так не пойдет. Но все-таки лошадь-то была на том отрезке пляжа, если это не так, я готов съесть свою шляпу. А? О, спасибо, Бантер.

Уимзи взял торжественно преподнесенную Бантером шляпу.

— И кольцо в скале. Оно же не просто так. Лошадь точно к нему привязывали, но когда и зачем — вот в чем вопрос. Да-

вай-ка проверим все факты так, словно у нас складывается идеальная версия.

Они покинули поле и побрели к Хинкс-Лейн.

— Машину брать не будем, — объявил Уимзи, — просто побродим, жуя травинки и делая вид, что мы ленимся. Ты сказала, что в том конце есть лужайка, где под большим деревом работает кузнец. Надеюсь, он и сейчас в кузне. Кузнецы, как и огонь, созданы для того, чтобы на них смотреть.

Кузнец оказался на месте. Радостный стук молотка приветствовал их слух, как только детективы-любители вышли на лужайку. Они зашли в кузницу, Уимзи сжимал в руке найденную подкову.

— Добрый день, сэ, — вежливо сказал могучий деревенский парень, державший ломовую лошадь.

— Добрый, — откликнулся Уимзи.

— Приятный день сегодня, сэ.

— Ага, — ответил Уимзи.

Парень окинул лорда внимательным взглядом и, видимо, решил, что этот человек порядочный и знающий, а не какой-нибудь пустой болтун. Он встал поудобнее и погрузился в мечты.

Примерно минут через пять Уимзи решил, что настало время для дальнейшей беседы. Поэтому, качнув головой в сторону наковальни, он сказал:

— Сейчас уже не то, что было раньше, не так ли?

— Ага, — согласился собеседник.

Кузнец, снимавший подкову с наковальни, должно быть, услышал это замечание, потому что взглянул в сторону двери. Однако он ничего не сказал, продолжая выполнять свою работу.

Последовала тишина, прерываемая лишь стуком молота, пока Уимзи снова ее не нарушил:

— Если так будет продолжаться, вы получите неплохой урожай.

— Ага, — последовал радостный ответ.

Кузнец, повернувшись к огню, вытер лоб кожаной тряпкой и вступил в беседу. Он, как и многие люди, решил ответить не на последнее, а на предпоследнее замечание.

— Помнится мне, — сказал он задумчиво, — когда здесь не было еще никаких машин, только одна, у Гудрича, в каком году-то это было, Джем?

— Давно уже, сэр.

— Это точно.

Последовала тишина, во время которой все медитировали.

Затем Уимзи произнес:

— Я помню времена, когда у моего отца было двадцать три лошади, не считая фермерского стада, конечно.

— Ого! — сказал подмастерье. — Большое у вас должно быть было поместье, а?

— Да, очень большое. Мы, дети, очень любили ходить в кузницу и наблюдать за работой мастера.

— А!

— Я все еще могу узнать отличную работу. Мы с этой молодой леди нашли только что на пляже оброненную подкову. В наши дни удачи всем явно не хватает.

Он продемонстрировал подкову зрителям.

— Передняя правая нога, — обыденным голосом добавил он, — небольшая чистокровная лошадка около четырнадцати ладоней в высоту, частенько теряет подковы и слегка хромотает на эту ногу — верно?

Кузнец протянул руку, сначала вытерев ее тряпкой.

— Да-а-а, — сказал он, — вы правы. Лошадь мистера Ньюкомба, это я знаю.

— Ваша работа?

— Точно.

— А!

— Недолго там пролежала.

— Нет.

Кузнец облизал палец и любовно потер железо:

— Когда мистер Ньюкомб нашел сбежавшую лошадку, Джем?

Джем явно произвел в уме сложные математические подсчеты и ответил:

— Пятница, — это было утром в пятницу. Вот когда это было. В пятницу.

— А! Точно. Так и было.

Кузнец облокотился на молот и задумался. Мало-помалу он рассказал историю целиком. Она подтвердила все выводы, сделанные Уимзи.

Фермер Ньюкомб всегда держал лошадей летом на том поле. Нет, он никогда не косил этот луг (по каким-то сельскохозяйственным причинам, которые Гарриет совершенно не поняла). Нет, мистер Ньюкомб сам нечасто там бывает, и его люди тоже, это пастбище находится в отдалении от остальных земель (последовали некоторые исторические детали о распределении земель в этом районе, в которых Гарриет совершенно запуталась). Нет, воду лошадям не носили, там же протекает ручей (последовала справка о длине ручья, а также история от Джема о том, как выглядел ручей во времена его дедушки). И сбегавшую лошадь увидел не сам фермер, а младший сын Бесси Тарви, он рассказал дяде Джема, Джорджу, и вместе они пошли туда и поймали ее, но мистер Ньюкомб, он и раньше упоминал об этой дыре в заборе (длинный пересказ анекдота, который заканчивался словами «Господи! Как же смеялся старый Парсон, это точно!»).

После чего утомленные исследователи вернулись обратно в Уилверкомб, чтобы услышать, что тело еще не найдено, но у Ампелти появилась отличная идея по поводу того, где его можно разыскать. А потом ужин. Потом танцы. Потом спать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ДЕНЬГИ

Ого! Вот ценная добыча для моей души:
Немного дукатов!

Фрагмент

Среда, 24 июня

Выполняя свой долг, на следующее утро Гарриет первым делом отправилась на поиски миссис Уэлдон. Избавиться от общества Генри оказалось нелегко, потому что он ни на секунду не желал оставлять мать. Наконец Гарриет осенило, и она предложила миссис Уэлдон сходить в турецкую баню, которая находилась в отеле. Тут уж Генри деваться было некуда — шах и мат. Он убрался восвояси, бормоча себе под нос что-то о посещении парикмахера.

В атмосфере полной расслабленности оказалось совсем нетрудно разговорить миссис Уэлдон. Конечно, потребовалось немало такта и дипломатии, но умелый детектив всегда сможет навести разговор на нужную ему тему так, чтобы жертва ничего не заподозрила.

Миссис Уэлдон была единственной дочерью богатого пивовара, оставившего ей немалое наследство. Ее родители умерли, когда она была еще ребенком, и ее воспитывала строгая тетушка, в маленьком городке в Хантингдоншире. Затем за ней принялся ухаживать некий Джордж Уэлдон, фермер, владеющий неплохим состоянием, и она вышла за него замуж в восемнадцать лет ради того, чтобы избавиться от опеки тети. Та, в свою очередь, не особо препятствовала свадьбе, в конце концов, выбор был неплохим, хотя и не самым луч-

шим, но настаивала на том, чтобы племянница подписала брачный контракт, по которому будущий муж не имел права притрагиваться к ее деньгам. Уэлдон, надо отдать ему должное, не возражал. Видимо, он был крайне честным, разумным человеком, хорошо управлявшим своей землей и не имевшим, насколько поняла Гарриет, никаких крупных недостатков, кроме разве что отсутствия воображения в том, что касается брачных дел.

Генри был единственным их ребенком, и с самого детства ему внушали идею, что он должен пойти по стопам отца. Уэлдон-старший очень ответственно подошел к вопросу воспитания сына. Он растил мальчика, не позволяя тому забивать голову посторонними мыслями, не давал ему лениться. Сын фёрмера должен быть фермером, хотя сама миссис Уэлдон частенько просила дать малышу какое-либо другое образование. Но старый Уэлдон оставался непреклонным, и теперь миссис Уэлдон признавала, что, возможно, он был и прав. Генри не проявил никаких особенных способностей, и больше всего ему нравилась жизнь на свежем воздухе, на ферме. Но проблема заключалась в том, что даже содержание фермы давалось ему с трудом. Когда парень подрос, ему понравилось ухаживать за девушками и ходить на скачки — ферма оставалась на отца и рабочих. Еще до смерти старого Уэлдона отношения между матерью и сыном приобрели напряженный характер, а затем и вовсе ухудшились.

Старик умер, когда Генри исполнилось двадцать пять. Он оставил ферму и все сбережения сыну, зная, что жена и без того неплохо обеспечена. Под управлением Генри хозяйство начало потихоньку разваливаться. Со временем ухудшилась ситуация в стране, многие фермеры разорялись, и для того, чтобы дело продолжало приносить прибыль, требовались небывалые усилия. А Генри все меньше и меньше занимался фермой. Он ставил эксперименты, разводя лошадей: эксперименты обернулись неудачей, ведь ее сын ничего не смыслил в породах и прочих деталях коневодства. Миссис Уэлдон к тому времени уже покинула дом покойного мужа, который ей никогда не нравился, и жила нормальной жизнью, переезжая с места на место вдоль побережья, расслабляясь на целебных

курортах. Иногда Генри приезжал, чтобы одолжить денег, — и всегда получал желаемое, но при этом миссис Уэлдон отказывалась передать в его распоряжение хоть какую-то часть своего капитала. В конце концов, тетушка ее чему-то да научила. Наконец, когда женщина узнала о том, что Генри впутался в крайне неприятную историю с женой трактирщика из соседней деревни, она окончательно поссорилась с сыном. С тех пор она о нем почти ничего не слышала. Но, насколько женщина знала, интрижка с чужой женой подошла к концу, а в феврале этого года она сообщила сыну, что собирается замуж за пола Алексиса. Генри приехал в Уилверкомб на выходные, познакомился с Алексисом и выразил свое полнейшее неодобрение. Отношения оставались натянутыми вплоть до смерти Алексиса, после чего безутешная миссис Уэлдон принялась искать поддержки у ближайшего родного человека. Генри немедленно приехал, извинился за свое бывшее поведение, получил прощение и продемонстрировал, что он все-таки любящий и послушный сын.

Гарриет упомянула теорию миссис Лефранк о том, что Алексис покончил с собой из-за провала в каких-то важных иностранных делах. Миссис Уэлдон отмела теорию взмахом руки:

— Какое ему до этого было дело, дорогая? Он прекрасно знал, что, как только мы поженимся, я переведу на него все свои деньги — за исключением некоторой части, которая отошла бы Генри. Конечно, в обычной ситуации Генри получил бы все, и боюсь, он немного расстроился, когда услышал, что я выхожу замуж, но, знаете, это неправильно. Его отец оставил ему приличное наследство и всегда говорил, что сын не должен брать деньги у матери. В конце концов, когда мой муж скончался, я была еще вполне молодой женщиной, а Джордж еще при жизни упоминал, что я могу тратить отцовские деньги, как моей душе будет угодно, и могу выйти замуж, если захочу. Он был очень честный человек, Джордж, этого я не отрицаю. Я одолжила Генри много денег, которые он мне так и не вернул. Когда помолвка состоялась, я сказала Генри, что после свадьбы я сделаю ему подарок — прощу все долги и напишу завещание, по которому ему отойдет часть моего состо-

яния, и его детям тоже, если они у него будут. Если детей у него не будет, деньги вернулись бы Полу, ведь он был моложе Генри и должен был пережить его.

— Вы собирались отдать все остальные деньги мистеру Алексису?

— Почему бы и нет, моя дорогая? Ведь я не могла больше иметь детей. Но Полу, кстати, эта идея не нравилась, он всегда так очаровательно и абсурдно спорил, спрашивал, что я буду делать, если переведу все счета на его имя, а он вдруг бросит меня да и сбежит? Нет, я не такая наивная дурочка и собиралась сделать следующее: перевести после свадьбы на имя Пола тридцать тысяч фунтов стерлингов. Это были бы только его деньги, и он мог распоряжаться ими как угодно — муж не должен спрашивать разрешения у жены, если ему хочется сделать какое-то вложение или вроде того. Потом, после моей смерти, Генри получил бы свои тридцать тысяч фунтов и прощение долгов, а Полу бы отходило все оставшееся состояние, все вместе около ста тысяч фунтов. Понимаете, Пол же мог захотеть снова жениться и завести семью, а на это ему потребовались бы деньги. Я думаю, это честно, вы согласны?

Гарриет хотелось многое высказать по поводу подобного распределения денег. Родному сыну оставалось в три раза меньше, чем его молодому отчиму! Но, в конце концов, это деньги миссис Уэлдон, и Алексис, по крайней мере, был против того, чтобы она отдала ему все, что имела. Вдруг Гарриет вспомнила кое о чем и вернулась к беседе.

— Думаю, вы отлично все рассудили, — сказала девушка, не вдаваясь в подробности, — для вашего сына и правда было бы лучше иметь ограниченное количество денег, раз он привык так легко их тратить. Полагаю, в вашем нынешнем завещании все остается по-прежнему.

— О да, — ответила миссис Уэлдон. — По крайней мере, так оно и будет. Должна с вами поделиться секретом: я до сих пор не решалась написать... На самом деле я еще не писала никакого завещания. У меня же всегда было отменное здоровье — но, конечно, следует составить завещание. Знаете, так можно вечно откладывать.

«Известная история, — подумала Гарриет. — Если бы все эти завещания, разумно составленные в мыслях, воплотились на бумаге, то гораздо меньше унаследованных состояний пу-скалось бы на ветер. Значит, если вдруг завтра миссис Уэлдон умрет, Генри получит около ста тридцати тысяч фунтов».

— Знаете, — сказала она, — на вашем месте я бы написала это завещание. Даже с молодыми и здоровыми людьми иногда происходят несчастные случаи.

— Да, да, вы совершенно правы. Но сейчас, когда бедный Пол мертв, я совсем не могу думать о делах, понимаете? Конечно, это было бы куда важнее, если бы Генри женился и у него появились дети, но он явно не собирается заняться этим в ближайшее время, если вообще когда-нибудь собирается. Так что больше у меня никого нет. Но боюсь, моя дорогая, я утомила вас своими жалобами. Вы спрашивали про бедного дорогого Пола, а я начала рассказывать о своих глупых личных делах. А ведь я лишь хотела заверить вас, что Пол просто-напросто не мог беспокоиться о каких-то дурацких иностранных вкладах, спекуляциях и тому подобном. Он же знал, что денег у него будет предостаточно. К тому же, сами подумайте, для того, чтобы проворачивать дела за границей, нужен капитал, верно? А у Пола никогда не было денег, которые он мог бы куда-то вложить. Не думаю, что он вообще хорошо в этом разбирался, он был для этого слишком романтичным и не приземленным, бедный мой, дорогой мальчик.

— Может быть, — пробормотала Гарриет, скорее для себя, чем для собеседницы. — Может быть.

Девушка ничего не понимала и чувствовала себя слегка обескураженной. «Богатый» — это весьма относительный термин. Она полагала, что доход миссис Уэлдон составляет около трех тысяч фунтов стерлингов в год. Но если ее деньги удачно вложены, а, по всей видимости, так оно и есть, значит, она получает по крайней мере в два раза больше. Бедняк вроде Алексиса должен был руками и ногами уцепиться за возможность стать владельцем ста тридцати тысяч фунтов стерлингов. В такой ситуации пожертвуешь и честью, и гордостью. Но собирался ли он жениться? Вот в чем вопрос. Или он решил уехать из страны до намечавшейся свадьбы? Но в таком

случае что же могло превзойти столь выгодное предложение, что молодой человек готов был все бросить? И при чем тут три сотни золотых соверенов?

А Генри? Сумма получалась неплохая, убивали и за меньшее. Что ж, надо сказать лорду Питеру, чтобы он изучил дела Генри. Вдруг девушка поняла, что миссис Уэлдон продолжает болтать.

— Какое забавное лицо у мистера Антуана, — вещала она, — он кажется приятным молодым человеком, хотя, уверена, он не очень надежен. Он говорил со мной о Поле вчера, так вежливо. Кажется, он был к нему искренне привязан.

«Ох, Антуан!» — укоризненно подумала Гарриет. Затем она вспомнила о старой сумасшедшей матери и брате-дауне и решила: «Бедный Антуан!»

— Повезло лорду Питеру, — пробубнила она. — Он никогда ни в чем не нуждается. — При чем тут лорд Питер, она и сама не знала, но было что-то раздражающее в тех, к кому благоволит fortuna, это точно.

В это время избалованный отпрыск благородных кровей из всех сил старался не лениться. Он околачивался в полицейском участке, мешая инспектору. Поступили доклады о Брайте, и пока они полностью подтверждали его историю. Тот приехал в Уилверкомб, как и сказал, из Сихэмптона на поезде и сейчас снимал захудалую комнатушку, не встречаясь ни с какими незнакомцами и не проявляя никаких порывов к бегству. Вчера вместе с полицейскими он ездил в Сихэмптон и был опознан Мерриуэзером, который подтвердил, что продал бритву Эндикотта именно этому человеку. Теперь проверялись его передвижения на прошлой неделе, и вот что выяснилось:

28 мая. Приехал в Илфракомб из Лондона. Проработал там четыре дня. Уволен из-за пьянства и некомпетентности.

2 июня. Прибыл в Сихэмптон. Побывал у Мерриуэзера и купил бритву. Пробыл в городе пять дней в поисках работы (детали проверены).

8 июня. Уилверкомб. Побывал у Мортонa, парикмахера на эспланаде. Ему сказали, что позже, возможно, найдется работа. Посоветовали попытаться счастья в Лесстон-Хэу. В этот же день он туда и отправился и получил работу.

15 июня. Уволен по тем же причинам. Вернулся в Уилверкомб, узнал, что должность у Мортонa уже занята (на самом деле это не так, но репутация Брайта его опередила). Попробовал устроиться в пару магазинов, безуспешно. Переночевал в бесплатной ночлежке.

16 июня (вторник). Снова искал работу, безрезультатно. Переночевал в съемном жилье для рабочих, пришел туда вскоре после полуночи. Они не хотели его впускать, но он продемонстрировал один фунт, чтобы доказать, что ему есть чем платить.

17 июня. В 9 ч. 57 мин. сел на поезд идущий в Сихэмптон. Зашел к парикмахеру Литтлтоу в поисках места. Ему сообщили, что хозяина нет, но может зайти на следующий день около полудня. Посетил еще двух парикмахеров. Снял комнату и провел вечер и ночь в компании других постояльцев.

18 июня (день смерти Алексиса). Сдал комнату в десять утра и отправился в общественную библиотеку, где провел час в читальном зале, изучая в газетах колонки с вакансиями. Его опознал охранник из читального зала. Он отлично запомнил Брайта, потому что тот задавал вопросы насчет дат публикаций в разных изданиях, а еще он вспомнил, как показывал тому полку, где хранится местная пресса. В одиннадцать часов Брайт спросил, верно ли идут библиотечные часы, потому что в половине двенадцатого у него намечалась встреча. В 11 ч. 15 мин. он ушел, вероятно, на встречу.

Встреча, разумеется, была с Литтлтоном, который тоже без труда опознал Брайта. Литтлтон вернулся в Сихэмптон поездом, в 11.20, и, подойдя к магазину, увидел ожидающего его Брайта. Он сказал, что тот может зайти и попробовать и сразу

же приступать к работе. До часу Брайт пробыл на работе, затем вышел на обед. Вернулся он сразу после двух и оставался на месте до самого вечера. Затем владелец решил, что работа нового парикмахера недостаточно хороша, и, расплатившись за день, уволил его. Правда, в маленьком ресторанчике, где он якобы обедал, опознать Брайта никто не смог, но и так было совершенно ясно, что он не успел бы добраться до места убийства, разве что воспользовавшись ковром-самолетом. Какую бы роль ни играл Брайт в совершившейся трагедии, убийцей он не был.

Что касается более ранней истории жизни Брайта — за ней проследить было нелегко. Он и сам не помнил точный график своих передвижений по стране в последние несколько лет. Единственное, что удалось установить полиции, — так это тот факт, что, действительно, некоторое время назад в Манчестере имелаась парикмахерская, которой владел человек по фамилии Симпсон. Но ни здания, ни самой улочки уже не существовало — все застроили новыми домами, и, как и предупреждал Брайт, найти свидетелей оказалось практически невозможно. Никто не помнил, как выглядел парикмахер Симпсон.

— Должно быть, он и правда когда-то жил в Манчестере, — сделал вывод инспектор, — иначе откуда он мог знать об этой парикмахерской? И вполне возможно, что его на самом деле звали Симпсон, как он и утверждает. Но вот что он делал в промежутке? Это нам неизвестно.

Еще одной проблемой, волнующей полицию, стал старый Поллок и его лодка. Молодой констебль, недавно появившийся в отделении в Уилверкомбе и поэтому еще не успевший познакомиться с местными рыбаками, был отправлен на пляж около Дарли в компании со своей девушкой под видом торговца. Он должен был попытаться уговорить Поллока прокатить их на лодке. Путешествие выдалось не особенно приятным. Во-первых, благодаря хмурому злобному рыбаку, а во-вторых, из-за того, что у дамы обнаружилась морская болезнь. Они попросили отвезти их поближе к скалам, потому что «молодая леди хочет посмотреть, как полицейские вытаскивают тело». Поллок поворчал, но просьбу исполнил. Они

все время видели берег, но затем отплыли от него слишком далеко, чтобы можно было разглядеть действия поисковой группы, находившейся рядом с Утюгом. Они попросили Поллока подплыть к камню, но тот отказался наотрез. Во время прогулки констебль внимательно изучил лодку, в поисках чего-либо необычного или подозрительного. Он даже сделал вид, что обронил монетку, заставив поднимать обшивку по бортам. Никаких следов крови не обнаружилось. Затем полицейскому пришлось сделать вид, что он нашел оброненную монету, и отдать ее Поллоку, вместо чаевых. В целом вся экспедиция оказалась сплошным разочарованием, которое подарило участникам морскую болезнь и прекрасный вид на ловушки для омаров.

Вопрос о паспорте Алексиса даже заставил инспектора слегка обидеться. Его светлость действительно полагает, что они могли пропустить столь важный пункт? У погибшего, конечно же, был паспорт, и более того — с визой на прошлый месяц. Куда? Во Францию, это точно. Но, разумеется, ее легко можно было обновить у консула, если бы ему захотелось.

— Это поддерживает теорию о том, что наша пташка хотела упорхнуть отсюда, а?

— Да, мой лорд. И если он собирался направиться в Центральную Европу, то, полагаю, золотые совереныгодились бы ему больше, чем английские банкноты. Хотя почему он не мог взять свои деньги и обменять их в Париже — этого я не понимаю. Но, тем не менее, наверняка что-то он задумал. Признаюсь честно, мой лорд, я начинаю потихоньку склоняться к вашему образу мыслей. Я уже не так уверен, что он собирался совершить самоубийство. Если учесть, что у него с собой было триста фунтов стерлингов в золоте, то его вполне могли убить, убивают и за меньшее. То есть мы только предполагали, что деньги у него были с собой. Точно сказать нельзя, пока тело не найдем.

— Если произошло убийство, то обнаружение тела вам не слишком поможет в этом вопросе, — заметил Уимзи.

— Да, мой лорд, вы правы. Если только мы не найдем кошелек или сумку, куда он мог положить золото. Хотя это тоже

маловероятно, убийца, скорее всего, забрал бы все с собой. — Инспектор выглядел несчастным. — Но, может, там будут документы, бумаги или какие-то улики. Это если убийца и их не забрал или вода их не развела.

— Вы знаете, — сказал Уимзи, — ко мне сейчас пришло вдохновение, и я хочу сделать пророчество. Я думаю, вы выясните в итоге, что Алексиса убили, но не из-за денег, точнее, не из-за трехсот фунтов.

— Почему вы так думаете, мой лорд?

— Потому что, — ответил Уимзи, — вы еще не нашли тело. Инспектор потерял лоб.

— Вы же не хотите сказать, что кто-то успел забрать тело до нас? Зачем им это делать?

— Что именно? Если моя идея верна, то они бы не стали этого делать. Они бы захотели, чтобы вы нашли труп.

— Почему?

— Потому что убийство произошло не из-за трехсот фунтов в золоте.

— Но вы сказали, что именно поэтому тело и не найдено.

— Вот именно.

— Бога ради, — взмолился инспектор Ампелти, — простите, мой лорд, но вы говорите загадками и головоломками. Повторите-ка еще раз. Им надо было, чтобы тело нашли, потому что они убили его не из-за трехсот фунтов. А поскольку они убили его не из-за трехсот фунтов, мы не можем найти тело. Верно?

— Все верно.

Инспектор нахмурился. Потом его лицо осветила сияющая улыбка. Он радостно хлопнул рукой по колену:

— Конечно, мой лорд! Боже, вы абсолютно правы! Какие мы дураки, что не заметили этого раньше. Все ясно как божий день. Просто вы так формулируете вопросы, что заставляете меня призадуматься. Надо попробовать этот номер с начальником. Спорим, что он ничего не поймет с первой попытки? Они не хотели, чтобы тело нашли, — нет, это не то. Они хотели, чтобы тело нашли, потому что хотели, не так ли...

— Попробуйте считалочку, — предложил Уимзи:

Им нужно было, чтоб тело нашли.
Им триста фунтов совсем не нужны.
Им триста фунтов совсем не нужны.
Поэтому тело мы все не нашли.

— Отлично, ваша светлость, — сказал Ампелти. — Ну, вы, однако, поэт!

Он достал из кармана блокнот и тщательно записал четверостишие.

— Вы можете даже его напеть, оно прекрасно ляжет на мелодию песни «Все утро четверга», — предложил Питер. — Я даю вам разрешение на исполнение шлягера на следующем полицейском концерте. Процентов не надо.

— Вы опять все шутите, мой лорд, — улыбнулся инспектор. Но когда Уимзи покидал участок, вслед ему несли глубокий сильный голос, напевающий:

Им нужно было, чтоб тело нашли тело нашли, тело нашли.
Им нужно было, чтоб тело нашли.
В то утро четверга.

Уимзи вернулся в отель и обнаружил записку от Гарриет, пересказывающую ее беседу с миссис Уэлдон. Он слегка нахмурился и вызвал Бантера.

— Бантер, друг мой, — попросил лорд Питер. — Думаю, настало время съездить в Хантингдоншир.

— Хорошо, мой лорд.

— Ты поедешь в местечко под названием Лимхэрст и узнаешь все, что сможешь, о мистере Генри Уэлдоне, который владеет фермой в тех местах.

— Конечно, мой лорд.

— Деревушка совсем маленькая, так что надо придумать тебе причину, чтобы туда отправиться. Предлагаю тебе взять напрокат машину и сделать вид, что произошла какая-то поломка, например проблемы с мотором.

— Слушаюсь, мой лорд.

— Вот тридцать фунтов, если понадобится больше, извести меня.

— Да, мой лорд.

— Конечно, не забудь остановиться в местном пабе и пообщаться с окрестными жителями.

— Разумеется, мой лорд.

— Узнаешь все о Генри Уэлдоне, а самое главное — о его финансовом положении и репутации.

— Понятно, мой лорд.

— Постарайся обернуться как можно быстрее, хорошо?

— Очень хорошо, мой лорд.

— Начинай прямо сейчас.

— Хорошо, мой лорд.

— Так иди уже!

— Хорошо, мой лорд. Рубашки вашей светлости выглажены и висят в шкафу, шелковые носки — в верхнем ящике комода, а галстуки прямо над ними.

— Хорошо, Бантер, — на автомате ответил Уимзи.

Десять минут спустя мистер Бантер с чемоданчиком в руках отправился на железнодорожную станцию.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ЗМЕЯ

Есть одна маленькая, опасная, зеленоглазая змейка,
С голосом лесного соловья,
Что поет всегда трогательно и сладко,
А гнезда вьет в старых костях Смерти,
Она — ее ближайший друг и партнер.

Книга шуток со Смертью

Среда, 24 июня

Покинув турецкую баню, мисс Гарриет Вэйн отправилась за покупками. С самого приезда в Уилверкомб она выбиралась в магазины лишь второй раз, и оба раза причиной для вылазки стало желание понравиться мужчине. Сейчас ей нужен был новый костюм. Зачем? Она собиралась на пикник.

Да, она уже ходила на пикник с лордом Питером, но для него было вполне достаточно старой твидовой юбки и поношенного свитера. Сегодня так не пойдет. Сегодня она встречается с миссис Уэлдон и Генри.

Все эти странные порывы, заставлявшие ее быть резкой, раздражительной и иногда даже грубой рядом с лордом Питером, кажется, оставляли девушку во время общения с Генри Уэлдоном. Для него она разработала особую тактику поведения — побольше сладкой женственности (которая сильно удивила бы Уимзи). И вот теперь она выбирала себе подходящее платье из мягкой облегающей ткани, с корсажем, подчеркивающим талию, и длинной свободной юбкой до лодыжек. Для завершения ансамбля девушка приобрела большую шляпу, одна сторона которой слегка затеняла лицо, касаясь пле-

ча, а другая открывала вид на черные кудрявые локоны; искусно уложенные главным парикмахером из «Респлендента». Прибавьте к этому бежевые туфли на высокой шпильке, шелковые чулки, расшитые перчатки и изящную сумочку — и вы получите великолепный туалет, впрочем, категорически не годящийся для пикника. К тому же девушка нанесла на свое лицо огромное количество макияжа, чтобы казаться более искусственной и опытной. В данный момент она садилась в автомобиль рядом с Генри, а миссис Уэлдон расположилась на заднем сиденье, придерживая роскошную корзинку с припасами. В багажнике позвякивали бутылки с прохладительными напитками.

Генри, казалось, был весьма доволен как усилиями, предпринятыми для услаждения его взора, так и комплиментами мисс Вэйн по поводу его манеры вождения. Которая, к слову, была отвратительной: нервной, резкой. Генри с упоением любовался собой за рулем и постоянно пытался обогнать впереди идущие машины. Гарриет, которая и сама неплохо водила, страдала, как это обычно бывает с водителями, оказавшимися на пассажирском сиденье, а когда Генри вошел в поворот на скорости пятьдесят миль в час, едва не задев мотоциклиста, она начала изрядно нервничать. Мистер Уэлдон резко ударил по тормозам, когда за очередным поворотом неожиданно оказалось стадо коров, и усмехнулся.

— В этих чертовых машинах нет никакой нужды, если не заставлять их двигаться как следует, — заметил он. — Это вам не лошади, в них никакой жизни. Только и пользы что добраться от одного места до другого.

Он подождал, пока стадо перейдет дорогу, и с такой силой нажал на педаль, что автомобиль газовал со свистом.

— Я никогда не сяду за руль ради собственного удовольствия, — продолжал разглагольствовать мистер Уэлдон. — Мне нравится свежий воздух, а не эти закрытые коробки, навсквозь провонявшие бензином. Я когда-то разводил лошадей, но дела не пошли. Чертовски жаль.

Гарриет выразила свое полное согласие и добавила, что обожает лошадей. Должно быть, так прекрасно жить на ферме.

— Нормально, если за это не приходится расплачиваться, — пробурчал мистер Уэлдон.

— Да, думаю, в наши дни это действительно нелегко.

— Чертовски тяжело, — сказал Генри, однако добавив: — Хотя мне особенно не на что жаловаться.

— Правда? Рада слышать. Я хочу сказать, как хорошо, что вы смогли оставить работу и приехать сюда. Наверное, хорошо организованное хозяйство не нуждается в присмотре.

Мистер Уэлдон взглянул на девушку с подозрением, словно ища в ее словах скрытые намеки. Она невинно улыбнулась. И он ответил:

— Ну, на самом деле это отнюдь не так легко. Но что тут поделаешь? Не могу же я оставить мать одну в этой дыре.

— Разумеется, нет, я считаю, просто потрясающе с вашей стороны было приехать и оставаться рядом с ней. И к тому же... приятно иметь для разнообразия интересного собеседника.

— Очень мило с вашей стороны сказать это.

— Я имела в виду, приятно для вашей матери.

— Не для вас, а? Лорды и герцоги вас устраивают?

— Ох. — Гарриет повела плечами. — Если вы о лорде Питере, он конечно, неплох, но немного... Вы знаете, о чем я.

— Показушник! — сказал мистер Уэлдон. — Зачем он носит эту дурацкую штуку в своем глазу?

— Вот-вот, и я так думаю. Не очень-то мужественно, правда?

— Да, просто бред полнейший, — отрезал мистер Уэлдон. — Отнимите у этого парня его слуг, машину и вечерние костюмы — где он тогда окажется? Думает, будто умеет ездить на лошади, потому что пару раз бывал на охоте. Хотел бы я увидеть его...

Он замолчал.

— Увидеть что?

— О, ничего. Не хочу быть грубым, говоря о вашем друге. Но мне интересно, зачем он здесь?

— Ну, — Гарриет отвернулась, ухмыляясь и закрывая лицо шляпой, — он утверждает, что ему интересно это преступление, или что там.

— Но вы-то лучше знаете, а? — Мужчина весьма фамильярно ткнул Гарриет под ребра. — Я не виню парня за то, что он делает, но мне бы хотелось, чтобы он не внушал старушке напрасных надежд. Какая неудобная у вас шляпа.

— Вам не нравится?

— О нет, она вам очень идет, но словно отделяет нас, создает преграду. А мне не хочется кричать, мама может услышать. Но я хочу сказать, мисс Вэйн...

— Да?

— Послушайте! — Генри наклонился, заглядывая как можно дальше под поля шляпы и дыша ей прямо в ухо. — У меня есть к вам одна просьба.

— Конечно. Я сделаю все, что в моих силах.

— Мило с вашей стороны. Убедите этого Уимзи бросить расследование. Пока она думает, что в ее большевистской идее есть хоть крупинка истины, она не успокоится. А это для нее не полезно — здоровье, сами понимаете. К тому же она выставляет себя на посмешище. Я хочу увести ее отсюда и вернуться к работе.

— Да, понимаю. Я постараюсь сделать совершенно все, как вы просите.

— Хорошая девочка! — Генри ободряюще погладил ее по бедру. — Я знал, что мы с вами сойдемся.

Гарриет улыбнулась:

— Не знаю, получится ли у меня убедить его. Обычно он не принимает чужих советов. Знаете, какими бывают эти мужчины.

— Думаю, уж вы-то точно все об этом знаете. — Генри усмехнулся. — Не говорите ему о нашем разговоре, просто попробуйте все, что в ваших силах. Уверен, вы сможете обвести его вокруг пальца, если попытаетесь, а?

— Ой, мистер Уэлдон! Надеюсь, вы меня не принимаете за одну из этих властных женщин!

— Вам и не обязательно ею быть. Наверняка вы найдете какой-нибудь способ. Я знаю, со мной вы могли бы проверить все, что только захотите.

— О, не говорите так.

— Почему нет? Ничего не могу поделать, а?

Гарриет просто мечтала о том, чтобы он говорил свое «А?» пореже. И ей не нравился его грубый голос, и шершавая кожа, и растущие из ушей волосы.

— Не держите руль одной рукой — на дороге может внезапно возникнуть препятствие.

Генри рассмеялся и снова погладил ее по ноге.

— Все в порядке, не волнуйтесь. Я пригляжу за вами, а вы приглядывайте за мной, а? Заключим альянс, только между нами, а?

— Охотно!

— Отлично. А когда все эти глупости наконец-то закончатся, вы можете приехать навестить нас с матушкой. Вы ей очень понравились. Я скажу ей, чтобы она привезла вас ко мне в гости. Вам там понравится. Что скажете?

— О, это было бы замечательно! — Если Генри хочет играть роль соблазнителя, пусть развлекается. — Вы знаете, я так устаю от тех типов мужчин, которых можно встретить в Лондоне. Думаю, вы совсем в Лондоне не бываете, мистер Уэлдон?

— Нечасто. Я там ничего не забыл.

— Жаль, значит, я не могу пригласить вас навестить меня.

— Правда? Конечно, я с удовольствием бы приехал вас навестить. Какой стимул, а? Где вы живете?

— У меня небольшая квартира в Блумсбери.

— Вы живете там одна?

— Да.

— Разве это не одиноко?

— Ну, у меня, разумеется, много друзей. И женщина приходит ко мне убраться. Я бы угостила вас чаем, если бы вы как-нибудь заехали меня развеселить.

— Это было бы крайне мило с вашей стороны. Мы могли бы сходить вместе в театр или еще куда-нибудь.

— Я бы с удовольствием.

Нет, Генри действительно слишком прост. Это насколько тщеславным надо быть, чтобы решить, что он на самом деле смог ее завоевать? А вот сидит тут, улыбается и практически мурлычет. Наверное, думает, что Гарриет Вэйн — легкая добыча для любого мужчины. Он что, считает, что если выбрать

между ним и лордом Питером, то хоть одна нормальная дама... Хотя почему бы и нет? Мало ли кто совершает странные поступки и делает глупый выбор? Спасибо еще, что он не считает ее продажной женщиной. Или он ожидает, что она связывается со всеми подряд?

Точно, так он и думает! В данный момент он довольно ясным образом оповестил ее о том, что такой мужчина, как он, будет для нее неплохим вариантом и что он не понимает, что такая милая женщина вроде нее могла найти в Уимзи. От злости девушка на мгновение даже потеряла дар речи, затем ей стало смешно. Если он и впрямь такой простак, значит, поверит во все, что угодно. Его-то она точно сможет обвести вокруг пальца, не так ли? Она его так одурачит, что он даже не поймет, что с ним случилось.

Гарриет попросила его понизить голос, иначе их могла услышать миссис Уэлдон.

После этого Генри «вел себя прилично» вплоть до прибытия на выбранное для пикника место, а уж рядом с матерью ему пришлось снова изображать из себя вежливого джентльмена, и не более.

Сам пикник прошел без происшествий, и Генри никак не удавалось остаться с Гарриет наедине вплоть до завершения трапезы, а затем они вместе отправились мыть тарелки в текущем поблизости ручье. Впрочем, даже тогда Гарриет еще некоторое время избегала его приставаний. Девушка отправила кавалера мыть посуду, а сама стояла рядом с полотенцем. Она отдавала мужчине приказы, и он слушался, закатывая рукава и выполняя всю работу. Но неизбежный момент наконец-то наступил. Мистер Уэлдон подошел к ней с чистыми тарелками и положил их в ее руки. Затем он попытался обнять ее. Девушка выронила тарелки, выкручиваясь из нежелательных объятий и наклоняя голову так, чтобы многострадальная шляпа оказалась между ними.

— Черт! — вспыхнул Генри. — Вы должны дать парню возможность...

И вот тут Гарриет по-настоящему испугалась. Она закричала, просто завопила так, что крик, должно быть, разнесся на несколько миль вокруг. Изумленный Генри на какой-то миг

ослабил хватку. Она отстранилась, и в это мгновение появилась привлеченная воплем миссис Уэлдон.

— Что случилось?

— Я видела змею, — дико вытаращив глаза, пролепетала Гарриет. — Уверена, это гадюка.

Она снова закричала, и миссис Уэлдон, панически боявшая змей, подхватила этот вопль. Рассерженный Генри поднял упавшие тарелки и велел своей матери немедленно одуматься и перестать вести себя столь глупо.

— Идемте обратно в машину, — попросила миссис Уэлдон. — Я не хочу ни секунды оставаться в этом жутком месте.

Они вернулись. Генри выглядел хмурым и оскорбленным, он чувствовал, что его обманули, как оно и было. Но лицо Гарриет действительно побелело от шока, и она активно настаивала на возвращении. Миссис Уэлдон суежилась вокруг девушки, выражая свое сочувствие и ужас.

По возвращении в Уилверкомб Гарриет уже достаточно пришла в себя для того, чтобы поблагодарить Генри и извиниться за свою выходку. Но ей все же следует успокоить нервы и немного пройтись, нет, она не хочет возвращаться в отель, возможно, она прогуляется до миссис Лефранк. Она не позволила Генри провожать себя: нет-нет, она в порядке, прогулка пойдет ей на пользу. Все еще обиженный кавалер не стал настаивать. Гарриет ушла, но вовсе не к миссис Лефранк. Добежав до ближайшей телефонной будки, она набрала номер отеля «Бэльвью». Лорд Питер Уимзи на месте? Нет, его нет, может, она хочет оставить сообщение? Да. Не мог бы он заглянуть к мисс Вэйн сразу, как только вернется? Это крайне срочно. Конечно, ему передадут. Нет, они не забудут.

Гарриет пришла в комнату, снятую у миссис Лефранк, села на стул Пола Алексиса и уставилась на принадлежавшую ему икону. Она была невероятно расстроена.

Так она просидела целый час, даже не снимая шляпы и перчаток, погрузившись в свои мысли. Вдруг на лестнице послышался шум, чей-то топот, а затем дверь распахнулась с такой силой, словно ее пытались вышибить ногой.

— Эй-эй-эй! Вот и я. Что случилось? Что-нибудь интересное? Прости, меня не было... Эй! Ты меня слышишь? Держись! Все в порядке, знаешь... то есть все в порядке?

Он осторожно высвободил руку, в которую Гарриет вцепилась мертвой хваткой, и закрыл дверь.

— Ну вот. Дорогая, что случилось? Ты ведешь себя странно.

— Питер! Мне кажется, меня поцеловал убийца.

— Правда? Что ж, послужит тебе уроком, впредь не будешь целоваться ни с кем, кроме меня. Господи помилуй! Ты все время отказываешь такому приятному и благородному джентльмену, как я, а в следующее мгновение оказываешься в отвратительных объятиях убийцы. Ей-богу! Что творится с современными девушками?

— Ну, он на самом деле не поцеловал меня — только обнял.

— Я так и сказал — «отвратительные объятия». И что самое худшее, ты еще и посылаешь мне срочные сообщения, чтобы вытащить меня сюда и вдоволь поиздеваться. Это гнусно. Это омерзительно. Присядь. Сними эту идиотскую вульгарную шляпу и расскажи мне, кто же этот подлый, пустоголовый, распутный убийца, который вместо того, чтобы сосредоточиться на своих делах и убивать людей, как ему и полагается, расхаживает по округе, обнимая женщин, которые ему не принадлежат.

— Хорошо. Готовься к шоку. Это был Хэвиланд Мартин.

— Хэвиланд Мартин?

— Хэвиланд Мартин.

Уимзи подошел к стоящему у окна столику, положил на него свою шляпу, передвинул стул, усадил на него Гарриет, сам уселся на второй и сказал:

— Ты выиграла. Я поражен. Я оглушен. Будь добра, объяснись. Я думал, ты собиралась провести сегодняшний день с Уэлдонами.

— Так и есть.

— Я правильно понимаю, Хэвиланд Мартин — друг Генри Уэлдона?

— Хэвиланд Мартин и есть Генри Уэлдон.

— Ты бросилась в объятия Генри Уэлдона?

— Только в интересах правосудия. К тому же я его слегка оглушила.

— Продолжай. Только начни сначала.

Гарриет начала сначала. Уимзи терпеливо вынес историю о соблазнении Генри Уэлдона, лишь высказав надежду, что этот нахал больше не посмеет к ней приставать, и внимательно выслушал ее до эпизода с мытьем тарелок.

— Я пыталась выкрутиться... мне же не хотелось, чтобы он на самом деле поцеловал меня, понимаешь... и я глянула вниз и увидела его руку... он обнимал меня за талию, понимаешь?

— Да, я выделил этот момент.

— И я увидела, что у него вытатуирована змея, по всему предплечью, совсем как у Мартина. И вдруг я вспомнила, что его лицо сразу показалось мне слегка знакомым, еще при первой встрече. И я сразу поняла, кто это.

— Ты ему сказала?

— Нет. Я только закричала, и прибежала миссис Уэлдон, узнать, что случилось. Я сказала им, что увидела змею, мне больше ничего не оставалось, даже врать не пришлось.

— Как отреагировал Генри?

— Да никак. Надулся. Конечно, он решил, что я подняла истерику из-за его попытки поцеловать меня, но не посмел сказать этого при своей матери.

— Да... Как думаешь, он не мог догадаться?

— Думаю, нет. Надеюсь, нет.

— Я тоже надеюсь, иначе он уже подался в бега.

— Знаю. Надо было мне не выпускать его из виду. Но я не могла. Не могла, Питер. Честное слово, мне было так страшно. Это глупо, но я представила себе Алексиса с перерезанным и горлом и лужу крови — это было ужасно. И сама мысль о том, что... фу!

— Подожди секунду. Давай-ка подумаем. Ты уверена, что не ошиблась насчет змеи и Уэлдон — это действительно Мартин?

— Да. Я уверена. Теперь я прекрасно это понимаю. У него профиль точно такой же, и рост, да и голос тоже. Волосы, конечно, у них разные, но он вполне мог их покрасить.

— Это он мог. И его волосы выглядят так, словно их недавно красили, слишком уж они высветлены. Я еще в первый раз подумал, что это странно выглядит. Что ж, если Уэлдон — это Мартин, то здесь, без всякого сомнения, происходит что-то загадочное. Но, Гарриет, прекрати считать его убийцей. Мы же доказали, что Мартин никоим образом не мог этого сделать. Он не мог попасть на место вовремя. Ты об этом забыла?

— Да, думаю, забыла. Просто мне показалось, что, раз он был в Дарли, скрываясь под маской другого человека, что весьма подозрительно, он, должно быть, замешан в этом преступлении.

— Разумеется, он в чем-то замешан. Но в чем? Он не мог быть в двух местах одновременно, даже если б оделся Вельзевулом.

— Нет, не мог. Ох, ну что я за идиотка! Сидела тут целый час, думала, как же мы расскажем об этом миссис Уэлдон.

— Боюсь, нам все равно придется рано или поздно поведать ей печальные новости, — серьезно произнес Уимзи. — Все выглядит так, словно ее сын приложил руку к убийству Алексиса, даже если в этой руке и не было бритвы. Вот что мне непонятно: если не он совершил убийство, то зачем он вообще приехал в Дарли?

— Бог его знает.

— Это связано с той лошадью, точно. Но как? Какой в этом смысл? Я в растерянности, Гарриет, в абсолютной растерянности.

— Я тоже.

— Что ж, мы можем сделать только одно.

— И что именно?

— Спросить его.

— Спросить его?

— Да. Мы его спросим. Мало ли, вдруг всему этому есть какое-то вполне невинное объяснение. Если мы у него спросим, он в любом случае выдаст себя.

— Д-да. Но это означает открытую войну.

— Не обязательно. Мы не обязаны говорить ему обо всех своих подозрениях. Думаю, лучше позволь действовать мне.

— Да, я так и сделаю. Боюсь, мне не удалось провести операцию с Генри так, как я рассчитывала.

— Ну, не знаю. Зато теперь у нас в руках появилась довольно важная информация. Не волнуйся. Мы вывернем нашего друга Генри наизнанку, прежде чем окончательно разберемся с ним. Я прямо сейчас отправлюсь в «Респлендент» и посмотрю, не сбежал ли он.

Он так и сделал и нашел Генри, спокойно ужинавшего и игравшего в бридж, без малейших поползновений к побегу. Подойти к нему прямо сейчас? Или подождать? Наверно, лучше подождать и завести разговор на следующее утро. Уимзи договорился с ночным портье, оставив ему неплохие чаевые. Теперь, если мистер Уэлдон вдруг соберется куда-нибудь среди ночи, он сразу получит извещение. Разобравшись с делами, лорд Питер отправился в свою комнату — ему было над чем поразмыслить.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ПЕРЕОДЕТЫЙ АВТОМОБИЛИСТ

Признавайся, или в темницу. — Стойте!

Книга шуток со Смертью

Четверг, 25 июня

Мистер Уэлдон и не думал сбегать. Для Уимзи не составило никакого труда перехватить его на следующее утро, и решение выждать оказалось очень даже кстати — ночью лорд Питер получил письмо от главного инспектора Паркера.

*«Мой дорогой Питер,
что ты захочешь узнать в следующий раз? Я собрал кое-какую предварительную информацию, если появится что-то свеженькое, обещаю держать тебя в курсе дела.*

Прежде всего, твой Хэвиланд Мартин никакой не большевистский агент. Банковский счет на его имя был открыт довольно давно. У него есть небольшой домик на окраине города. Если не ошибаюсь, он приобрел его в 1925 году и навещается туда время от времени, темные очки и все остальное всегда при нем. Рекомендацию для банка он получил от некоего мистера Генри Уэлдона из Лимхэрста, и с его счетом, небольшим кстати, никогда не возникало никаких проблем. Вроде бы он постоянно путешествует. Я могу предположить, что этот джентльмен ведет двойную жизнь, но историю о большевиках ты можешь выкинуть из головы.

Я связался с Моррисом, специалистом по большевикам, сегодня вечером. Он говорит, что в данный момент в окрестно-

стях Уилверкомба не замечено никаких коммунистов или агентов русских. Он считает, что ты гоняешься за иллюзией.

Кстати, полиция Кембриджа, с которой я связывался, чтобы разузнать об этом Мартине, желает знать, что происходит. Сначала Уилверкомб, потом я! К счастью, я неплохо знаю их начальника, мне удалось уговорить его надавить на банк. По-моему, у них сложилось впечатление, что тут замешано двоеженство!

Кстати, говоря о женах, Мэри передает привет и спрашивает, не собираешься ли и ты наконец-то остепениться. Она говорит, я должен порекомендовать тебе сделать это поскорее, исходя из собственного опыта, так что рекомендую, действуя согласно приказу.

С любовью, Чарлз».

Вооруженный таким образом, Уимзи отправился на поиски Генри Уэлдона, который поприветствовал его со своей обычной фамильярностью. Лорд Питер терпел некоторое время, а затем небрежно произнес:

— Кстати, Уэлдон, вы сильно испугали мисс Вэйн вчера днем.

Генри недовольно взглянул на собеседника:

— Ох. Неужели? Что ж, не вижу причин, по которым вы должны в это вмешиваться.

— Я не о ваших манерах, — сообщил Уимзи. — Хотя они тоже заслуживают отдельного обсуждения. Но почему вы никогда не упоминали, что уже встречались с мисс Вэйн раньше?

— Встречались? Очень просто, потому что мы никогда не видели друг друга до недавнего времени.

— Ладно вам, Уэлдон. А как насчет окрестностей Хинкс Лэйн в прошлый четверг?

Мужчина побагровел.

— Не знаю, о чем вы говорите.

— Правда? Что ж, конечно, это ваше дело, но, если вы хотите путешествовать инкогнито, неплохо бы избавиться от узора на вашей руке. Насколько я знаю, такие вещи можно свести. Вроде бы лучшим методом считается нанести татуировку заново, свежими чернилами.

— Ох! — Генри молча смотрел на него некоторое время, затем по его лицу начала расплываться ухмылка. — Так вот что имела в виду девчонка, когда сказала, что видела змею. Умненькая она, Уимзи. Надо же, заметила.

— Соблюдайте приличия, пожалуйста, — попросил Уимзи. — Извольте отзываться о мисс Вэйн как полагается, и вы избавите меня от растраты моих сил на выбивание ваших зубов.

— Хорошо, хорошо, как хотите. Хотя я бы посмотрел, как это у вас получится.

— Вы бы не увидели. Это бы просто произошло, и все. Но у меня нет времени на занятия сравнительной физиологией. Я хочу знать, что вы делали в Дарли инкогнито.

— Каким образом это касается вас?

— Никаким, но полиция вполне может заинтересоваться. В данный момент их интересует все, что случилось в прошлый четверг.

— Понятно. Хотите повесить на меня что-нибудь, а? Ну, так у вас ничего не выйдет, зарубите на носу. Ну да, я приехал сюда под другим именем. Почему бы и нет? Мне не хотелось, чтобы мать узнала, что я здесь.

— Почему?

— Видите ли, мне совсем не нравилась вся эта ситуация с Алексисом. Ничего страшного в этом признании нет, верно? Я уже об этом говорил и могу еще раз повторить. Я захотел узнать, что происходит. Если они действительно собирались пожениться, я намеревался остановить это сумасшествие.

— Но нельзя ли бы сделать это в открытую, без переодеваний?

— Разумеется, можно. Я мог просто ворваться к нашим любовничкам, устроить скандал и так напугать этого Алексиса, чтобы и дух его простыл. А что потом? Отвратительная ссора с матерью и лишение наследства, предполагаю я. Нет уж. Я собирался покрутиться поблизости, разузнать, что к чему, и, если понадобится, связаться с молодым повесой и договориться с ним.

— Для этого могли понадобиться деньги, — заметил Уимзи.

— Не знаю. Я слышал кое-какие истории о девушке, видите ли, и если бы мама об этом узнала...

— Ах да, шантаж. Я начинаю понимать вашу задумку. Вы хотели собрать в Уилверкомбе информацию о прошлом Алексиса, а затем встретиться с ним и предложить ему выбор: либо вы расскажете обо всем миссис Уэлдон и он останется ни с чем, либо он возьмет предложенные вами деньги и покончит с затянувшимся романом. Верно?

— Верно.

— А почему Дарли?

— Боялся встретить старушку в Уилверкомбе. Пара очков и краска для волос, может, и сойдет для местных жителей, но, сами понимаете, острый материнский глаз не проедешь.

— Согласен. Если вы не возражаете, я спрошу еще — продвинулись ли вы в своем расследовании?

— Не очень. Я добрался до Дарли только во вторник вечером, а большую часть среды провозился с машиной. Эти болваны из гаража...

— Точно. Один момент. Неужели подобная секретность действительно была необходима? Брать машину на другое имя...

— Да, мой собственный грузовичок мама бы с легкостью опознала. У него цвет необычный.

— Кажется, вы все прекрасно продумали. Значит, с машиной проблем не было? Хотя нет, я говорю глупости. Вы ведь могли взять ее в любом гараже и даже под своим собственным именем, разумеется.

— Мог, но не взял. Если быть полностью откровенным... что ж! Я не скрою, у меня есть другое имя и адрес, всегда готовые к использованию. Иногда я езжу в Кембридж инкогнито, видите ли. Чтобы навестить одну леди. Вы же меня понимаете. Приятная женщина, влюблена в меня, конечно. Муж у нее есть где-то. Он не хочет разводиться, но меня это и не беспокоит. Мне это даже подходит. Но, опять-таки, если об этом услышит мать, будут проблемы, а я не хочу начинать все эти ссоры с самого начала. В Кембридже мы с ней мистер и миссис Хэвиланд Мартин — уважаемые люди и все такое. Туда легко сбежать, когда хочется отдохнуть в тишине и покое. Вы понимаете?

— Понимаю. Значит, в Кембридже вы всегда замаскированы?

— Я ношу темные очки, когда иду в банк. У моих соседей открыты в нем счета.

— Итак, ваш костюм уже был наготове. Могу только поздравить вас с тем, как удачно все для вас сложилось. Я просто в восхищении, уверен, миссис Мартин — невероятно счастливая женщина. Меня единственное удивляет — ваше настойчивое внимание к мисс Вэйн.

— Ну! Бывают девушки, которые прямо-таки сами этого добиваются. К тому же мне хотелось разузнать, чего хочет эта девчонка... эта леди. Понимаете, когда у вас богатая мать, все время кажется, будто все только и охотятся за ее добром.

Уимзи рассмеялся:

— Надо же, великие люди мыслят одинаково! Она ведь примерно о том же самом думала, только имея в виду вас. Нам показалось странным, что вы так стремитесь отправить нас обоих подальше отсюда. Я не удивлен, что вы так легко сошлись. Мисс Вэйн сказала, что она боялась, что вы разгадали наш маленький замысел и подыгрываете ей. Надо же! Что ж, теперь мы можем открыться и быть друг с другом абсолютно искренними.

Генри Уэлдон посмотрел на Уимзи с подозрением. У него создалось ощущение, что его каким-то образом загнали в совершенно нелепую ловушку. Прекрасно, эта чертова девица и этот болтающий лунатик, вообразивший себя детективом-любителем, кажется, работают вместе. Но ему казалось, что вся эта болтовня об искренности отдает некоторой односторонностью.

— Да, разумеется! — невнятно ответил он, добавляя: — Не будем ставить в известность мою мать, а? Ей это не понравится.

— Возможно, нет, — согласился Уимзи. — Но, видите ли, полиция? Я не знаю... британское правосудие... обязанность гражданина и прочее, вы же понимаете. Я не могу остановить мисс Вэйн, прежде чем она пойдет к инспектору Ампелти, не так ли? К тому же она еще не совсем пришла в себя и не очень-то вами довольна, насколько я понимаю.

— О, полиция меня не волнует. — Лицо Генри просветлело. — Мне нечего от них прятать, вы же знаете. Абсолютно нечего. Конечно нет. Слушайте, может, я просто расскажу вам обо всем, а вы потом передадите им, и пускай все оставят меня в покое? Вы с этим парнем, инспектором, вроде в хороших отношениях, если вы скажете ему, что со мной никаких проблем, он вас послушает.

— О да! Отличный человек инспектор. И не его дело — лезть в личную жизнь других людей. И, насколько я могу судить, миссис Уэлдон ни к чему обо всем этом знать. Мы, мужчины, должны держаться вместе.

— Верно! — Несмотря на предыдущий, не слишком удачный опыт, мистер Уэлдон немедленно присоединился к новому союзу — оборонительному и наступательному. — Так, смотрите. Я приехал в Дарли вечером во вторник и получил разрешение разбить палатку у Хинкс-Лейн.

— Полагаю, с этими местами вы были уже неплохо знакомы.

— Никогда здесь раньше не был, а что?

— Простите... Я подумал, что вы уже знали о Хинкс-Лейн, еще до того, как прибыли сюда.

— А? О! О, я понимаю, о чем вы. Я услышал название от одного типа, в пабе в Хизбэри. Не знаю его имени.

— Ах, ясно.

— Я зашел в пару магазинов, потом принялся устраиваться. На следующий день, это была среда, я решил, что пора бы начать расследование. Нет, подождите. Это было уже днем. Утром я просто шатался по округе — день был замечательный, и я сильно устал, пока ехал через полстраны, тем более что машина попалась не слишком хорошая. После ленча я принялся за дело. Мне понадобилось чертова куча времени, чтобы завести автомобиль, но в итоге я с ним справился и поехал в Уилверкомб. Прежде всего я наведалься в регистратуру и узнал, что заявление на брак написано не было. Потом я решил проехаться по местным церквям — но и там тоже ничего не обнаружил. Конечно, это ничего не доказывало, они могли запланировать свадьбу в Лондоне или еще где-то или получить какое-нибудь специальное разрешение.

Затем я решил раздобыть адрес этого Алексиса у людей в «Респленденте». Мне пришлось изрядно постараться, чтобы избежать встречи со старушкой. Я позвонил в отель, рассказал им историю о направленной не по адресу посылке, и они сообщили мне его адрес. Я поехал в указанное место, попытался разговорить женщину, которая сдает комнаты, но она отказалась и пару слов сказать. Но зато дала мне адрес ресторана, где, возможно, я смогу найти Алексиса. Я заехал, но его там не было. Зато мне удалось поболтать с одним парнем, какой-то итальянец, он не представился. Он сказал кое-что, что заставило меня подумать, что я смогу найти то, что нужно, в «Уинтер-Гарден».

Генри сделал паузу.

— Конечно, — сказал он, — вам наверняка покажется подозрительным, что я таскался по всей округе, расспрашивая об Алексисе, а на следующий день его обнаружили мертвым, но я говорю чистую правду. Так, я вернулся туда, где оставил машину, и проблем с ней сделалось еще больше, чем раньше, — я принялся проклинать того придурка, что заставил меня взять именно ее, а потом решил отогнать старушку в гараж. Естественно, когда мотор прогрелся и завелся, все наладилось, и люди из гаража никак не могли обнаружить, в чем же неполадки. Они что-то разобрали, что-то подтянули, вот и все. К тому времени, как они закончили, я начал выходить из себя и решил, что лучше отогнать чертово изобретение домой, пока оно еще на ходу. Так что я вернулся в Дарли, с постоянно барахлящим мотором. После этого я немного прогулялся, и на этом мой день закончился, а еще чуть позже я заглянул в бар, чтобы выпить кружку пива.

— Где именно вы гуляли?

— Просто немного прошелся вдоль пляжа, а что?

— Мне просто интересно, не дошли ли вы до Дьявольского Утюга?

— Четыре с половиной мили? Нет уж. На самом деле я вообще на том месте не был, да мне и не хочется. В любом случае, полагаю, четверг вас интересует больше. «Все подробно», как обычно говорят в детективах, а? Я позавтракал около девяти — яичница с беконом, если вам и это надо знать, а за-

тем решил, что пора отправляться в Уилверкомб. Я спустился в деревню и остановил проезжавшую машину. Это было... дайте подумать... где-то в десять.

— Где именно?

— На том месте, где главная дорога входит в Дарли — со стороны Уилверкомба.

— Почему вы не взяли машину в деревне?

— Вы их видели, эти деревенские машины? Если бы видели, то не спрашивали бы.

— А вы не могли позвонить в гараж в Уилверкомбе и попросить их приехать и забрать вас, вместе с вашим «морганом»?

— Мог, но не стал. Единственный гараж в Уилверкомбе, который я знал, — это то место, где я уже побывал, так что я уже понял, что ничего хорошего мне там не посоветуют. К тому же что плохого в том, чтобы доехать на попутке?

— Ничего, если водитель не боится за свою безопасность.

— О! Ну, это не тот случай. Очень приличная женщина. На большом красном «бентли».

— Вы не знаете ее имени, я предполагаю?

— Мне даже в голову не пришло спросить. Но я запомнил номер машины, он забавный: оу ай ноль один ноль один*. Знаете, сразу ассоциируется с «ой-ой-ой!». Я даже заметил это вслух, и мы оба посмеялись.

— Ха-ха! Действительно, неплохо. Ой-ой-ой!

— Да, нас обоих это рассмешило. Помнится, я еще сказал ей, что иметь такой номер — большая неудача. Его любой полицейский легко запомнит. Ой-ой-ой!

Мистер Уэлдон восторженно расхохотался.

— Так, значит, вы добрались до Уилверкомба.

— Да.

— И чем вы там занимались?

— Милая леди подкинула меня до рыночной площади и спросила, надо ли будет забрать меня на обратном пути. Я ответил, что это крайне мило с ее стороны, и узнал, когда

* Единица напоминает латинскую букву «l», и получается сочетание «ol» — «ой».

она собирается возвращаться. Она ответила, что ей надо управиться с делами до часа, потому что у нее назначена встреча в Хизбэри, и после этого мы договорились, что встретимся на том же месте. Затем мы разошлись, я отправился в «Уинтер-Гарден». Парень, с которым я разговаривал, упомянул, что подруга Алексиса имеет какое-то отношение к этому ресторану, поет в нем, что ли, я точно не помню.

— Это не так на самом деле. Просто ее нынешний молодой человек играет в местном оркестре.

— Да, теперь мне это известно. В любом случае, я пошел туда и потратил немало времени на прослушивание классического концерта. Господи! Бах и прочие в одиннадцать утра!

— Там было много людей?

— О да! Сплошные старые девы и инвалиды! Мне вскоре надоело, и я отправился в «Респлендент». Мне хотелось переговорить с местными, но, конечно же, с моей удачей я столкнулся с матерью. Она как раз выходила на улицу, мне пришлось спрятаться за одной из пальм, чтобы она меня не увидела. Затем я подумал, что она может направляться на встречу с Алексисом, так что я изменил планы и решил проследить за ней.

— Она встретилась с Алексисом?

— Нет, она пошла в чертову лавку галантерейных товаров.

— Досадно!

— Согласен. Я немного подождал, затем она вышла и направилась в «Уинтер-Гарден». «Что за черт?» — подумал я и поплелся за ней. И знаете что? Там по-прежнему шел этот адский концерт, и она высидела его до конца в полном одиночестве! Я даже могу сказать вам, что они играли. Нечто под названием «Героическая симфония». Такая чепуха!

— Надо же! Как скучно.

— Да, честно вам скажу, я был вне себя. И, самое странное, мама выглядела так, будто ждет кого-то, потому что она все время ерзала и оглядывалась по сторонам. Она отсидела всю программу, но, когда дело дошло до «Боже, храни короля», встала и вернулась в свой отель, выглядя как кошка, у которой отняли мышь. Я посмотрел на часы, и было уже без двадцати час!

— Какая жалкая трата времени! Думаю, вам пришлось отказать от поездки домой вместе с той доброй леди на Бентли?

— Кому, мне? Да ни за что. Чертовски привлекательная женщина. Я не слишком торопился с этим Алексисом. Я вернулся на рыночную площадь, она уже ждала меня, и мы поехали домой. Думаю, это все. Нет, не все. Я купил несколько воротничков в магазине у мемориала, кажется, у меня даже чек сохранился, если вам потребуется доказательство. Да, вот так. Один из них сейчас на мне, если вам интересно посмотреть.

— О нет, я вам верю.

— Отлично! Что ж, это все. Я пообедал в «Трех перьях». Моя милая леди высадила меня там, и уехала, если не ошибаюсь, по дороге в Хизбэри. После обеда, думаю, около без пятнадцати двух, я вернулся и попробовал снова завести машину, но та опять заупрямилась. Так что я решил обратиться к местным механикам, чтобы они попробовали сделать хоть что-нибудь. Я сходил за механиком, через некоторое время им удалось найти причину неполадок, и они все починили.

— Что ж, все кажется довольно логичным. Во сколько вы и леди на «Бентли» были около трактира?

— Ровно в час. Я помню потому, что услышал, как бьют часы на церкви. Я еще выразил надежду, что она не опоздает на свою встречу.

— А во сколько вы пошли в гараж?

— Понятия не имею. Около трех, наверное. Возможно, вы можете спросить у механиков.

— Да, они, разумеется, смогут все рассказать. Как удачно, что у вас столько свидетелей, чтобы подтвердить ваше алиби, не правда ли? Иначе, как вы и сказали, это действительно выглядело бы подозрительно. Теперь вот еще что. Пока вы находились около Хинкс-Лэйн в четверг, не заметили ли вы кого-нибудь или что-нибудь на побережье?

— Ни души. Но, как я уже попытался объяснить, я провел там совсем не много времени, так что вряд ли мог заметить что-то важное.

— Никто не проходил мимо между двумя и тремя часами дня?

— А! Между двумя и тремя? Я думал, вы спрашиваете про утро. Да, был один тип, незаметный такой, в шортах и очках в роговой оправе. Он спустился со стороны Хинкс-Лейн сразу после того, как я вернулся, — в час пятьдесят пять, если быть совсем точным, — и спросил у меня, который час.

— Неужели? Откуда он пришел?

— Из деревни, то есть со стороны деревни, мне он показался неместным. Я сказал ему время, он спустился на берег и там пообедал. Позже он ушел — по крайней мере, когда я вернулся из гаража, его уже не было, думаю, он ушел раньше. Я с ним особо не разговаривал. Думаю, ему не очень-то хотелось со мной беседовать, после того как я дал ему пинка.

— Господи! За что?

— За то, что совал нос не в свое дело. Я как раз сражался с адской машиной, а он стоял рядом и задавал дурацкие вопросы. Я велел ему убираться, а он стоял и повторял: «Она не заводится?» Чертов идиот!

Уимзи рассмеялся:

— В любом случае он не наш человек.

— Какой человек? Убийца? Вы все еще хотите доказать, что это убийство? Ну, могу поклясться, что маленькое ничтожество тут ни при чем. Он походил на учителя из воскресной школы, вот на кого.

— Кроме него, вы никого не видели? Ни мужчин, ни женщин, ни детей? Может, птиц или животных?

— Да нет. Нет. Ничего.

— Хм. Что ж, я очень обязан вам за такую искренность. Я расскажу обо всем Ампелти, думаю, он не будет вас сильно тревожить. И ставить в известность миссис Уэлдон не вижу повода.

— Я же говорил вам, что тут нет ничего особенного.

— Точно. Кстати, во сколько вы уехали в пятницу?

— В восемь утра.

— Раненько, не так ли?

— Ну, мне больше незачем было там торчать.

— Почему?

— Ну, Алексис же умер.

— Откуда вы об этом узнали?

Генри разразился хохотом.

— Думаете, вы меня поймали, а? Я знал потому, что мне сказали. Вечером в четверг я зашел посидеть в трактир, и, конечно, там уже все слышали о том, что на побережье обнаружен труп. Как раз тогда зашел местный констебль — он не живет в Дарли, а иногда приезжает на велосипеде. Он как раз вернулся из Уилверкомба, рассказал нам, что там только что проявили пленку с фотографиями тела и определили, что погибший — некий Алексис из отеля «Респлендент». Спросите констебля, он подтвердит. Так что я решил, что мне лучше вернуться домой, чтобы послать оттуда соболезнования своей матери. Как вам это, а?

— Невероятно, — сказал Уимзи.

Он оставил Генри Уэлдона, отправившись прямо в полицейский участок.

— Неопровержимо, неопровержимо, неопровержимо, — бормотал он себе под нос. — Но почему он соврал насчет лошади? Он должен был увидеть ее, если та бегала по пляжу. Хотя она могла сбежать с пастбища после восьми утра. Это вероятно. Неопровержимо, неопровержимо — чертовски подозрительно неопровержимо!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ЛЕДИ НА «БЕНТЛИ»

Мадам, мы незнакомы,
И все-таки некоторое время назад я знал кого-то
С вашими очертаниями.

Трагедия невесты

Четверг, 25 июня

Н ачальник участка и инспектор были скорее удивлены, чем довольны установлением личности Хэвиланда Мартина. Они чувствовали себя так, словно обычные любители украли их успех, хотя, как они оба поспешили указать, дело по-прежнему остается темным, теперь, возможно, еще даже более запутанным, чем раньше. Точнее, если предполагать, что это было убийство, дело можно было назвать запутанным. С другой стороны, самоубийство казалось все менее и менее вероятным. Вместо мрачного Мартина, который мог оказаться кем угодно, теперь у них имелся всем знакомый мистер Генри Уэлдон. Действительно, Генри Уэлдон казался великолепным подозреваемым, кому, как не ему, желать смерти Алексиса? Но его объяснение своего пребывания в Дарли казалось вполне правдоподобным, хотя и глупым, и к тому же по-прежнему не было никаких сомнений насчет того, что в два часа он никак не мог оказаться на месте преступления. К тому же тот факт, что Генри разгуливал под видом Хэвиланда Мартина вот уже пять лет, тоже лишал данный маскарад особой значимости. Ведь личность Мартина не была изобретена специального для этого случая, и казалось вполне естественным, что именно полюбивший-

ся образ Уэлдон решил использовать для слежки за собственной матерью.

Что же касалось спорных вопросов в истории Уэлдона, их легко можно было проверить. Чек датировался восемнадцатым июня, и дата не казалась подделанной. Телефонный звонок в магазин подтвердил это. Также выяснилось, что в четверг магазины закрывались рано (этот уже был закрыт в час дня), а Уэлдон совершил свою покупку незадолго до закрытия.

Следующими по важности были показания констебля из Дарли. Его быстро разыскали и опросили. Тот признал, что рассказ Уэлдона абсолютно правдив. Он действительно был в Уилверкомбе тем вечером, около девяти, навещал свою молодую леди (ведь свободное время) и случайно столкнулся с одним из полицейских Уилверкомба, Ренни, около отеля «Респлендент». Он решил узнать, нет ли каких новостей о найденном на пляже труп, и Ренни сообщил, что им удалось идентифицировать погибшего. Ренни также подтвердил этот рассказ, так что сомневаться в нем не было смысла. Фотографии были проявлены к девяти часам, а Ренни дежурил в тот день вместе с инспектором Ампелти, они как раз допрашивали управляющего «Респлендента». Констебль из Дарли также признался, что упомянул о личности погибшего по приезде в трактир.

Он зашел в бар как раз перед закрытием, в поисках какого-то правонарушителя, и вроде бы даже припомнил, что «Мартин» тоже находился там в тот момент. Обоим констеблям объявили выговор за то, что они так вольно обращаются с секретной информацией, но факт оставался фактом: Уэлдону сообщили о смерти Алексиса той ночью.

— Так, что еще осталось? — спросил Глэйшер.

Уимзи покачал головой:

— Немного. Прежде всего: Уэлдон что-то знает о той лошади, я могу поклясться. Он колебался, когда я задал ему вопрос о том, не видел ли он людей или животных на пляже. Я практически уверен, что он решал, сказать ли ему «да» или соврать. Во-вторых: вся эта история вилами по воде писана. Ребенок бы и то смог лучше провести расследование, что он затеял. Зачем надо было дважды ездить в Уилверкомб и дважды

возвращаться обратно с практически пустыми руками? В-третьих: его рассказ выглядел чересчур гладким и полным точных указаний мест и времени. Словно он специально готовил себе алиби. В-четвертых: в самый важный момент его якобы видит какой-то незнакомец, уточняющий, который сейчас час. Почему человек, только что покинувший деревню, где было полно людей и часов, направился в Хинкс-Лейн, чтобы узнать время у туриста? Личность, осведомляющаяся о времени, — эту уловку используют все, кто пытается создать себе алиби. Все этак продуманно и так подозрительно! Вам не кажется?

Глэйшер кивнул:

— Я соглашусь с вами, это и правда подозрительно. Но что это означает?

— Тут вы меня поймали. Я могу только предположить, что чем бы Уэлдон ни занимался тем утром в Уилверкомбе, это было вовсе не то, о чем он мне поведал, и, возможно, они с убийцей работали вместе. Что насчет той машины, с номером оу ай ноль один ноль один?

— Номер центрального графства, но это ничего не значит. Все сейчас покупают подержанные автомобили. Но, разумеется, мы послали запрос. Нас будут держать в известности. Хотя вряд ли это поможет понять, что именно Уэлдон делал в тот день.

— Абсолютно не поможет, но связаться с леди нам не повредит. Вы спрашивали в «Уинтер-Гарден» по поводу представления, которое имело место в прошлый четверг?

— Да, констебль Ормонд как раз туда отправился... а! Вот и он.

Констебль Ормонд разузнал все до мельчайших деталей. В тот день давался классический концерт. Начался он в 10. 30. Сначала «Eine Kleine Nachtmusik» Моцарта, затем «Lieder ohne Worte» Мендельсона, «Air for G String» Баха, сюита Генделя, перерыв и затем знаменитая симфония Бетховена. Все верно, Бах и Бетховен исполнялись в указанное время. Никаких печатных программ, которые можно было бы унести с собой и заучить наизусть. Причем «Героическая симфония» появилась в программе в последний момент, заменив запланированную «Пастораль» из-за каких-то неполадок в оркестре.

Каждое произведение объявлялось ведущим со сцены. Если кто-то еще подозревал, что мистер Уэлдон не присутствовал на концерте, то только потому, что казалось слишком уж подозрительным, что он так старательно запоминал названия услышанных произведений. В ресторане подтверждения его истории получить не удалось, несмотря на расспросы работников и посетителей. Люди в темных очках, увы, встречались там столь же часто, как тараканы в подвале.

Буквально через пару минут еще один констебль сумел подтвердить другую часть рассказа Уэлдона. Он побеседовал с миссис Лефранк и выяснил, что господин в солнечных очках действительно разнюхивал что-то о Поле Алексисе в среду, а также интересовался Лейлой Гарланд. Миссис Лефранк носом почувствовала «проблемы» и отправила его в ресторан, где обычно обедал Алексис. В этом ресторане его запомнили, подтвердив, что он беседовал с одним из оркестрантов, нет, не с да Сото, со скромным джентльменом, играющим вторую скрипку. Наконец удалось узнать, что один из механиков в гараже в Уилверкомбе вспомнил мужчину на «моргане», жаловавшегося на проблемы с мотором.

Все эти, казалось бы, незначительные мелочи подтверждали заявление, сделанное Уэлдоном.

В работе детектива масса недостатков. Но всевозможные задержки во время расследования раздражают больше всего. Неотвеченные звонки, люди, которых не оказалось дома в нужный момент, долго идущие письма. Поэтому тот факт, что дознание, касающееся автомобиля с номером OI0101, шло как по маслу, стал весьма приятной неожиданностью. Через час после запроса поступила телеграмма, уведомляющая, что в последний раз данную машину приобрела миссис Моркэмб, живущая по адресу 17, Попкорн-стрит, Кенсингтон. Уже через десять минут был найден телефон указанной дамы. Еще через пятнадцать в участке раздался звонок, и Глэйшер узнал от горничной, что ее хозяйка в данный момент находится в Хизбэри, в доме приходского священника. В доме священника трубку взяли незамедлительно. Да, миссис Моркэмб живет у них; да, она дома; да, ее позовут; да, говорит миссис Мор-

кэмб; да, она смутно помнит, что подвозила джентльмена в темных очках из Дарли в Уилверкомб и обратно в прошлый четверг; да, она помнит во сколько; она подхватила его около десяти, судя по времени выезда из Хизбэри, а обратно в Дарли привезла в час, потому что как раз посмотрела на часы, проверяя, не опаздывает ли на обед. Нет, она никогда его раньше не встречала и имени не знает, но, наверное, узнает его в лицо при встрече. Нет, никаких проблем, она только рада помочь, зная, что полиция ее ни в чем не подозревает (серебристый смех); когда горничная сказала, что звонят из участка, она испугалась, что пересекла сплошную линию, или где-то не там припарковалась, или что-то вроде того. Она останется здесь до понедельника и будет счастлива помочь, если понадобится. Она очень надеется, что не поспособствовала бежавшему преступнику, ничего такого.

Начальник полиции поскреб затылок.

— Я в замешательстве, — пробубнил он, — мы проверили все. И никаких зацепок! В любом случае, если эта леди — друг Тревора, то все в порядке. Он живет здесь уже пятнадцать лет, очень приятный джентльмен, вам бы понравился — старая школа. Следует уточнить, насколько хорошо он знает миссис Моркэмб, но я думаю, здесь никаких проблем возникнуть не должно. Насчет опознания не уверен, имеет ли смысл его затевать.

— Вряд ли она сможет узнать Уэлдона без темных очков и черных волос, — согласился Уимзи. — Поразительно, как меняется человек, стоит ему спрятать глаза. Конечно, можно было бы заставить его нацепить очки или привезти леди в участок и попросить Уэлдона опознать ее. Я вам скажу следующее: позвоните еще раз и попросите ее приехать. Я свяжусь с Уэлдоном, посажу его на веранде в «Респленденте», а вы приедете вместе с ней. Если он ее узнает — отлично, если она его — посмотрим.

— Понятно, — сказал Глэйшер. — Идея неплохая. Так и сделаем. — Он снова набрал тот же номер. — Все в порядке, она скоро будет.

— Отлично. Я пока попробую отделить мистера Уэлдона от его мамочки. Ей не стоит при этом присутствовать,

при ней он ведет себя по-другому. Если я его не найду, я вам позвоню.

Генри обнаружился в гостиной отеля. Он пил чай с маменькой, но согласился переговорить с Уимзи наедине. Мужчины выбрали столик в центре веранды. Уэлдон заказал выпить, пока Уимзи рассказывал слегка измененную версию того, что происходило утром в полицейском участке. Он особенно давил на то, как тяжело было уговорить начальника полиции не вовлекать в эту историю миссис Уэлдон. Генри выражал свою беспредельную благодарность.

На веранде появилась фигура, выглядящая точно как полицейский в штатском, сопровождавшая довольно молодую леди в возрасте, одетую с необычайным вкусом. Они медленно прошли по наполненной людьми веранде, направляясь к незанятому столику в ее дальнем конце. Уимзи наблюдал за тем, как дама осматривала собравшихся, ее взгляд задержался на нем, затем на Уэлдоне, но узнавания в нем не появилось, и быстро двинулся дальше, задержавшись на молодом человеке, который ел шоколадное мороженое за соседним столиком. В этот же момент Уэлдон вздрогнул.

— Прошу прощения, — поинтересовался Уимзи, прерывая свой монолог. — Вы что-то сказали?

— Я... э... нет, — пробубнил Уэлдон. — Мне показалось, узнал кое-кого. Наверное, они просто похожи.

Он проводил миссис Моркэмб глазами, а когда она приблизилась к их столику, приложил руку к шляпе.

Женщина заметила движение и растерянно посмотрела на Уэлдона. Она открыла было рот, затем снова закрыла. Уэлдон приподнял шляпу и встал.

— Добрый вечер, — начал он. — Боюсь, вы не...

Миссис Моркэмб посмотрела на него с вежливым изумлением.

— Я не ошибаюсь, — сказал Уэлдон. — Вы недавно подвозили меня.

— Правда? — переспросила миссис Моркэмб и пригляделась. — Да, наверное, подвозила, но вы в тот день, кажется, были в темных очках?

— Да, это сильно меняет лицо, не так ли?

— Я бы вас не узнала. Но теперь я узнаю ваш голос. Но мне показалось... Хотя, я не очень наблюдательна. Мне показалось, что волосы у вас гораздо темнее. Может, это я из-за очков так подумала. Как глупо. Надеюсь, «морган» в порядке?

— Да, спасибо. Приятно снова встретить вас. Мир так тесен, не так ли?

— Очень. Надеюсь, вам хорошо отдыхается.

— О, конечно, спасибо. Особенно теперь, когда моя машина снова бежит. Я невероятно благодарен вам за помощь в тот день.

— Не за что.

Миссис Моргэмб вежливо поклонилась и отправилась дальше. Уимзи ухмыльнулся:

— Так это, значит, была ваша привлекательная леди. Ну-ну. Везет вам, Уэлдон. Молодые и старые, все они не могут устоять перед вашими чарами, в очках вы или без.

— Еще бы! — сказал Генри, вовсе не расстроенный встречей. — Как удачно она здесь оказалась, а?

— Действительно, — согласился Уимзи.

— Хотя парень с ней мне совсем не понравился, — продолжил Уэлдон. — Один из местных фермеров, наверное.

Уимзи снова заулыбался. Может ли кто-нибудь быть более узколобым, чем Уэлдон?

— Мне хотелось разузнать, кто она такая, — произнес Уэлдон. — Но не хотел казаться слишком настойчивым. Но они-то смогут за ней проследить, да? Для меня это важно, вы же понимаете.

— Да, понимаю. Выглядит хорошо и богата, судя по виду. Поздравляю, Уэлдон. Может мне попытаться проследить за ней для вас? Я очень удачно играю роль посредника.

— Не будьте ослом, Уимзи. Она — мое алиби, идиот.

— Верно! Что ж, я пойду!

Уимзи встал из-за стола, тихонько посмеиваясь.

— Ну что же, — сказал Глэйшер, после того как ему было доложено обо всем произошедшем. — Личность этой леди мы изучили. Она — дочь одного из школьных друзей жены

священника, приезжает к ним каждое лето. В Хизбэри уже три недели. Муж остается в городе, иногда присоединяется к ней на выходных, но этим летом не приезжал. Действительно обедала в тот день и играла в теннис, все верно. Ничего подозрительного. Уэлдон вне подозрений.

— Для него это станет большим облегчением. Он слегка нервничает из-за своего алиби. Прямо подскочил на месте, когда миссис Моркэмб вошла.

— Правда? От радости, думаю. Да тут и удивляться нечему. Откуда ему знать, какая именно часть его алиби нам особенно интересна? Нам удалось скрыть время смерти от газетчиков, и он, возможно, считает, что Алексис умер задолго до того, как мисс Вэйн обнаружила его тело. Он же не виноват в том, что у него были неплохие мотивы для убийства и обстоятельства кажутся крайне подозрительными. В любом случае его мы можем вычеркнуть, ведь если бы он был убийцей или соучастником, насчет времени он бы ошибиться не мог. Он смертельно напуган, и я его не виню. Его незнание полностью исключает его из списка подозреваемых, практически как если бы у него было железное алиби на два часа.

— Это даже лучше, дорогой мой. Люди с железным алиби всегда кажутся мне наиболее подозрительными. Хотя алиби Уэлдона на два часа дня кажется практически абсолютно железным. Вот если кто-то войдет и поклянется, что он видел ведущего себя совершенно невинно Уэлдона ровно в два, я на полном серьезе начну плести ему конопляный галстук. Если только...

— Что?

— Я хотел сказать, что, возможно, существовала договоренность между Уэлдоном и кем-то еще об убийстве Алексиса и исполнителем был этот кто-то. Предположим, например, что в этом увязаны Уэлдон и наш приятель Брайт и, скажем, Брайт должен был сделать свое грязное дело в одиннадцать, пока Уэлдон занимался своим алиби. Предположим далее, что что-то пошло наперекосяк и убийство произошло только в два, а Уэлдон не имеет об этом ни малейшего понятия и придерживается изначального расписания — как вам такой вариант?

— Слишком много предположений. Брайт или кто угодно еще располагал временем, чтобы связаться с Уэлдоном. Он бы вряд ли не сообщил ему столь важный факт.

— Вы правы, я этим предположением и сам недоволен.

— К тому же у Брайта имеется неопровержимое алиби на два часа дня.

— Знаю. Поэтому его и подозреваю. Но я хочу сказать... Даже если встречаться с Уэлдоном лично было слишком опасным, убийца мог написать или позвонить, да и Уэлдон тоже. У вас в тюрьме нет никого подходящего? Какие-нибудь внезапные смерти? Единственное возможное объяснение — исполнитель находится где-то, где не может ни с кем связаться, или в деревянном ящике, забитом гвоздями где-то под землей.

— Как насчет больницы?

— Или, как вы сказали, в больнице.

— Это мысль, — согласился Глэйшер. — Мы займемся этим, мой лорд.

— Это в любом случае не повредит — хотя я не сильно верю, что что-то получится. Кажется, в последнее время я вообще начал терять веру, как говорят в народе. Что ж, время к ужину, а поесть никогда не помешает. Эй! Что это за шум?

Глэйшер выглянул в окно. Раздались громкие голоса.

— Они несут что-то к моргу. Интересно...

Дверь распахнулась, и ворвался инспектор Ампелти, мскрый и торжествующий.

— Простите, сэр, — сказал он. — Добрый вечер, мой лорд. Мы нашли тело!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: СУД ПРИСЯЖНЫХ

При словах «Я убит»
Тюремщики мертвецов откидывают могильный камень,
Рассекают глубокий океан и открывают горы,
Чтобы пропустить похороненных.

Книга шуток со Смертью

Пятница, 26 июня

Судебное слушание по делу Пола Алексиса проводилось двадцать шестого июня, сразу после обнаружения его тела, к огромному облегчению и триумфу инспектора Ампелти. Уже целую вечность (как ему казалось) он пытался вести расследование, опираясь на нечто неосязаемое. В моменты наивысших волнений ему даже приходило в голову, что тело на самом деле — всего лишь миф, и это невзирая на фотографии, сделанные Гарриет. Но теперь стало совершенно ясно — перед ним лежал самый настоящий, солидный (ну, не то чтобы очень уж солидный) труп. Хотя, по правде сказать, он был не таким «говорящим», как хотелось бы. К сожалению, тело Алексиса не было подано к столу с прицепленным к нему ярлыком, вроде «Аккуратное самоубийство» или «Лучшее убийство года; модельер — Брайт». Но труп был, и это что-то да значило. Если цитировать лорда Питера (который оказался настоящим поэтом), можно было бы сказать:

Так можно с горя даже и напиться,
Ни трупа, ни улик, и ни за что не зацепиться.

Но вот судьба явила благосклонный лик!
Мы труп нашли, хотя и нет улик.

Было принято решение немедленно придать делу полный ход, взяв показания всех свидетелей. Все равно возможные подозреваемые уже известны, и их алиби тоже. Впрочем, некоторые улики (например, подкову) полиция решила пока придержать, чтобы использовать в дальнейшем.

Первым свидетелем стал инспектор Ампелти. Он коротко пояснил, что тело было найдено в дальнем конце скал Клыки, оно застряло в углублении между камнями. Достать его оказалось нелегкой задачей, потребовались профессиональные ныряльщики. Видимо, сильное течение прошлой недели загнало труп в ловушку. К моменту нахождения тело сильно раздулось, но не всплыло из-за того, что в сумке покойного (которая крепилась к торсу при помощи ремня) лежало триста золотых соверенов. (Сенсация). Инспектор продемонстрировал ремень и золото (присяжные внимательно изучили и то и другое), а также найденный в кармане паспорт с действующей французской визой. В нагрудном кармане также было обнаружено нечто интересное. Во-первых, не наклеенная на картон фотография прекрасной девушки, русского типа, на голове которой красовался головной убор в виде тиары из жемчужин. Загадочная, иностранная надпись: «Феодора». Фотография либо никогда не была наклеена, либо ее осторожно оторвали от картона. Она оставалась в хорошем состоянии, поскольку хранилась в одном из отделений красивого кожаного кошелька. В нем больше ничего не было, кроме обратного билета на поезд, датированного восемнадцатым июня, пары марок и нескольких банкнот.

Второй предмет оказался более загадочным. Четверть исписанного листа, настолько сильно испорченного водой и кровью, что практически нечитаемого. То, что можно разобрать, было написано заглавными буквами с помощью пурпурных чернил. Если постараться, то можно было даже сложить несколько предложений, но легче от этого не становилось. Например, один из абзацев начинался вроде со

слова «сольфеджио» («SOLFA»), а продолжался таким образом: «TGMZ DXL LKKZM VXI», далее кровавое пятно. Ниже читалось «AIL AXH NZMLF», «NAGMJU KC KC» и «MULBY MS SZLKO». В заключение, на месте подписи стояло следующее: «UFHA AKTS».

Следователь спросил инспектора, не мог бы тот пролить свет на содержание бумаги, на что полицейский ответил, что, возможно, двое следующих свидетелей смогут это сделать, и уступил место миссис Лефранк.

Хозяйка комнат, нервная, заплаканная и напудренная, сообщила, что опознала тело, и подтвердила личность покойного Алексиса. Она узнала его по одежде, волосам, бороде и кольцу, которое погибший всегда носил на левой руке.

— Но его бедное лицо, — всхлипывала миссис Лефранк. — Его бы даже родная мать не узнала, а ведь он был мне как сын. Его все изглодали эти отвратительные создания, и будь я проклята, если еще хоть когда-нибудь съем краба или омара. А ведь раньше я любила морепродукты, по незнанию, и ничего удивительного, если после них снятся кошмары, теперь я знаю, чем они питаются, твари!

Весь зал вздрогнул, а присутствующие менеджеры «Респлендента» и «Бэлью» принялись писать записки своим шеф-поварам, приказывая исключить из меню крабов и омаров, по крайней мере на ближайшие пару недель.

Затем миссис Лефранк поведала, что Алексис часто получал письма из-за границы, которые он подолгу читал, и ответ также занимал немало времени. Получив последнее письмо утром во вторник, он сделался каким-то нервным, вел себя странно и возбужденно. В среду он оплатил все свои счета и сжег огромное количество бумаг, а ложась спать, поцеловал ее и намекнул на возможный скорый отъезд. В четверг утром он слегка перекусил и ушел. Никаких вещей с собой не брал, зато взял ключ, словно собирался вернуться.

Ей показали фотографию — нет, никогда раньше не видела, девушку тоже. Нет, Алексис ни разу не упоминал имя Феодора, она не знала, что в его жизни были другие девушки, кроме Лейлы Гарланд, с которой он расстался незадолго до

происшествия, и миссис Уэлдон, с которой он был помолвлен незадолго до смерти.

Естественно, это сразу привлекло внимание публики к миссис Уэлдон. Генри протянул матери бутылочку нашатыря и что-то сказал, женщина слабо улыбнулась.

Следующим свидетелем была Гарриет Вэйн, которая подробно рассказала об обнаружении трупа. Следователь расспросил ее о точном положении тела и состоянии крови. Гарриет была отличным свидетелем, ее опыт написания криминальных романов пригодился, и она замечала многие детали.

— Колени у него были согнуты. Одежда в полном порядке. Левая рука изогнута так, что кисть находилась ровно у горла. Правая рука свисала с края камня около головы. Обе руки и вся передняя часть трупа были в крови. Кровь собиралась в лужу в расщелине в скале, как раз под шеей, и стекала по поверхности камня, когда я ее увидела. Не знаю, были ли кровь смешана с морской водой. На верхней части камня и на теле не было больше крови, кроме упомянутых мной мест. У меня создалось впечатление, что горло погибшего было перерезано в тот момент, когда он наклонялся вперед, как, например, склоняются над раковиной. Когда я подвинула тело, кровь хлынула из поврежденных сосудов. Я не заметила, была ли там высохшая на солнце кровь. Не думаю, потому что труп загоразживал кровь от солнечных лучей. Как я уже сказала, когда я подняла тело, кровь потекла вниз по камню. Она была довольно жидкой.

Я потрогала рукава и грудь, а также перчатки, которые носил погибший. Они все были в крови, мокрые и скользкие. Они совсем не затвердели. Я видела повязки в крови, которые уже подсыхали, но здесь совсем другой случай. Кровь выглядела абсолютно свежей.

На ощупь тело казалось теплым. Поверхность камня накалилась, день был жарким. Я практически не двигала тело, лишь слегка перевернула и приподняла голову. Теперь я очень сожалею, что не попробовала протащить его повыше, хотя не думаю, что у меня хватило бы сил, и я надеялась, что мне удастся быстро найти помощь.

Следователь сказал, что суд не винит мисс Вэйн за то, что она не попробовала вытащить тело, и восхитился ее поведением и проявленной разумностью, поблагодарив за фотографии и улики. Фотографии были переданы присяжным, и, объяснив, почему она так долго добиралась до полиции, Гарриет вернулась на свое место.

Следующим выступал судебно-медицинский эксперт, доктор Фенчерч. Изучив фотографии и труп, он сделал вывод, что горло погибшего перерезали одним движением с помощью острого инструмента. Омары и крабы сильно обвели мягкие ткани, но фотографии представляли собой большую ценность, на них было отлично видно, что горло перерезано с первой попытки. Это заметно по мышечным тканям, на которых не осталось следов второго пореза. Все крупные сосуды и мышцы шеи, включая сонную артерию и яремную вену, а также голосовая щель оказались поврежденными. Рана начиналась под левым ухом и шла вниз к правой стороне горла, заходя далеко назад, практически до позвоночника, который задет не был. То есть, вероятно, рана была нанесена слева направо. Это характерно для самоубийства, если человек правша, но также и для убийства, если убийца стоял позади жертвы.

— Такая рана, разумеется, должна была вызвать много крови?

— Да.

— В случае убийства, в позиции, которую вы описали, руки и одежда убийцы были бы сильно испачканы?

— Возможно, правая рука. Его одежда могла вовсе не пострадать, ее защищало тело жертвы.

— Вы произвели вскрытие, никаких других причин наступления смерти быть не могло?

Слегка улыбаясь, доктор сказал, что он вскрыл и тело, и голову, но ничего подозрительного не обнаружил.

— Что, по-вашему, стало причиной смерти?

Все еще улыбаясь, доктор Фенчерч сообщил, что, по его мнению, причиной смерти стали обильное кровоизлияние и повреждение дыхательного канала. В общем, он скончался оттого, что ему перерезали горло.

Следователь, который был юристом и не собирался допустить, чтобы свидетели-медики его переиграли, ледяным голосом заявил:

— Я не пытаюсь предполагать что-то абсурдное, я пытаюсь узнать у вас, погиб ли Алексис от раны на горле, или он мог скончаться от чего-то другого, а рана была нанесена после, чтобы создать иллюзию самоубийства.

— О, ясно. Могу сказать вот что: перерезанное горло, несомненно, стало непосредственной причиной смерти. Очевидно, что погибший был еще жив в момент нанесения раны. Тело абсолютно лишено крови. На самом деле я никогда не видел, чтобы практически вся кровь вытекала, хотя у него есть небольшой сгусток около сердца, но он совсем крошечный — больше крови в теле нет. Однако от такой раны ничего другого ожидать и не приходится. Если бы мужчина был уже мертв к моменту нанесения раны, то крови не было бы вообще или было бы крайне мало.

— Понятно. Приятно, что мы это выяснили. Вы сказали «непосредственной причиной смерти», что вы имели в виду?

— Я хочу исключить возможность того, что погибший мог также принять яд. Это довольно распространено среди самоубийц — двойная предосторожность. Но его внутренние органы не содержат никаких следов ядов. Если хотите, я могу предоставить полный анализ.

— Спасибо, думаю, это не помешает. Существует ли возможность того, что в случае убийства был использован какой-либо наркотик или снотворное перед нанесением удара, перерезавшего горло?

— Конечно. Это бы облегчило атаку.

В этот момент инспектор Ампелти поднялся с места и попросил следователя обратить внимание на то, что Гарриет сообщила: погибший пришел к камню пешком и в одиночестве; это также подтверждали фотографии.

— Спасибо, инспектор, мы вернемся к этому позже. Позвольте закончить с медицинскими показаниями. Вы слышали рассказ мисс Вэйн, доктор, и ее заявление, что в десять минут второго кровь еще была жидкой. Что бы вы могли сказать по поводу предположительного времени смерти?

— Я бы сказал, что смерть наступила незадолго до обнаружения тела — буквально за несколько минут. Не раньше двух, это точно.

— А от такой раны смерть наступает быстро?

— Да, мгновенно. Кровь еще несколько секунд идет через сердце и артерии благодаря автоматическому сокращению мышц, но человек умирает в тот момент, когда задеты крупные сосуды.

— Итак, мы делаем вывод, что рана не могла быть нанесена ранее чем в два часа дня?

— Совершенно верно. Два — это крайняя граница. Я бы еще прибавил несколько минут.

— Спасибо. Остался только один вопрос. Вы, должно быть, слышали, что поблизости от тела была обнаружена бритва. Инспектор, будьте добры, покажите. Как по-вашему, доктор, внешний вид раны может подтвердить то, что она была нанесена именно этим оружием?

— Определенно. Эта или похожая бритва просто идеальна для нанесения таких ран.

— Как вы считаете, чтобы нанести удар этой или похожей бритвой, должен ли человек обладать достаточной силой?

— Он должен быть довольно силен, да. Но не обязательно очень сильным. Все зависит от обстоятельств.

— Вы не могли бы пояснить?

— В случаях самоубийства такие раны часто наносятся людьми не обязательно обладающими хорошо развитым телосложением. Если же это было убийством, то все зависит от того, могла ли жертва оказать сопротивление или нет.

— Вы не нашли на теле никаких других следов насилия?

— Нет.

— Следов удушения, синяков?

— Ничего. Ничего примечательного, кроме обычного влияния воды и полного отсутствия трупной коррозии. Последнее, думаю, можно отнести на счет того, что в теле практически не осталось крови, к тому же тело не находилось постоянно в одной позиции, а было смыто с камня вскоре после смерти.

— По-вашему, состояние трупа указывает скорее на убийство или самоубийство?

— Я, принимая во внимание все обстоятельства, полагаю, что самоубийство кажется более вероятным. Единственный факт, говорящий против него, — это отсутствие порезов на горле. Редко кому-то удастся перерезать себе горло с первой попытки, хотя известны и такие случаи.

— Спасибо вам.

Следующей вызвали мисс Лейлу Гарланд, которая подтвердила сказанное миссис Лефранк по поводу зашифрованных писем. Разумеется, это вызвало расспросы по поводу того, в каких отношениях находились мисс Гарланд и мистер Алексис. В дальнейшем выяснилось, что мистер Алексис погрузился в ужасную депрессию, когда мисс Гарланд прекратила их дружбу; что мистер Алексис никак не походил на человека, способного покончить с собой; что (с другой стороны) мисс Гарланд ужасно расстраивает сама мысль о том, что такое могло случиться из-за нее; что мисс Гарланд никогда не слышала о женщине по имени Феодора; что она понятия не имеет о том, какие сумасшедшие поступки мог совершить мистер Алексис, после того как они перестали дружить; что мисс Гарланд вообще уже давным-давно не видела мистера Алексиса и даже представить себе не может, почему кто-то думает, что это ужасное дело имеет к ней хоть какое-то отношение. Что касается писем, мисс Гарланд решила, что мистера Алексиса шантажировали, но доказательств у нее не было.

К этому моменту стало ясно, что никто и ничто не смогут удержать миссис Уэлдон от свидетельских показаний. Одетая, как истинная вдова, в строгий траур, она принялась горячо отрицать, что Алексис мог покончить с собой из-за Лейлы, да и вообще по любому другому поводу. Она лучше других знала, что больше всех на свете он был привязан именно к ней. Ей пришлось признать, что происхождение портрета с подписью «Феодора» ей неизвестно, но, тем не менее, до самого последнего дня Алексис просто-таки лучился от счастья. В последний раз она видела его вечером в среду, и они договорились, что встретятся на следующий день в «Уинтер-Гарден». На место встречи он не явился, и она совершенно уверена, что его заманили на пляж и уби-

ли. Он частенько говорил, что боится замыслов большевиков, так что она бы посоветовала полиции обратить свое внимание именно на них.

Это заявление вызвало среди присяжных некий ажиотаж. Один из них поднялся и спросил, предпринимает ли полиция какие-либо шаги по розыску подозрительно выглядящих иностранцев, обитающих или проездом остановившихся в районе. Сам он давно подметил выросшее число неприятных типов на дорогах. Также он с прискорбием отмечал, что в отеле, где работал Алексис, одним из танцоров был француз, да и часть музыкантов «Уинтер-Гарден» тоже приехала из-за границы. Погибший также иммигрант. Принятое гражданство особой роли не играет. Вообще, если учесть, что в Британии два миллиона безработных, он считает просто-таки скандальным фактом то, что правительство позволяет себе давать приют всякому сброду. Он говорит это как член Общественного оздоровительного комитета и как имперский сторонник свободной торговли.

Затем вызвали мистера Поллока. Тот признался, что плавал неподалеку от места происшествия на своей лодке около двух часов дня, но настаивал на том, что находился далеко в море и потому не видел ничего, что предшествовало выходу Гарриет на пляж. Он вообще в ту сторону не смотрел, и так было чем заняться. По поводу того, чем именно он был так занят, Поллок по-прежнему упорно отмалчивался. Его внук Джем (уже вернувшийся из Ирландии) коротко подтвердил сказанное, но добавил, что сам он смотрел на побережье примерно без пятнадцати два. Он увидел кого-то на валуне, не то сидящего, не то лежащего, но был ли этот человек мертв, утверждать он не мог.

Последним выступал Уильям Брайт, который поведал историю о бритве практически в тех же словах, что он рассказывал ее Уимзи с полицией. Следовательно, взглянувший на переданную ему инспектором Ампелти записку, позволил свидетелю довести рассказ до конца, а затем спросил:

— Вы сказали, это случилось в полночь во вторник, шестнадцатого июня?

— Сразу после полуночи. Я услышал бой часов как раз перед тем, как мужчина подошел ко мне.

— В этот момент на море был прилив или отлив?

В первый раз за все время Брайт смутился. Он огляделся, словно подозревая подвох, нервно облизал губы и ответил:

— Я ничего не понимаю в приливах. Я не из этой части страны.

— Но, тем не менее, вы упомянули в своей очень трогательной истории, что слышали шум волн, разбивавшихся об эспланаду. То есть, предположительно, был как раз прилив, верно?

— Думаю, да.

— Не удивляет ли вас тот факт, что в полночь шестнадцатого июня вода находилась в низшей точке отлива?

— Возможно, я просидел там дольше, чем мне показалось.

— Вы провели на том месте шесть часов?

Нет ответа.

— А не удивляет ли вас и то, что море никогда не достигает стен эспланады, за исключением сизигийного прилива, который в тот день был ровно в шесть вечера?

— Я могу только сказать, что ошибся. Можете списать это на бурное воображение.

— Но вы настаиваете на том, что разговор проходил в полночь?

— Да, в этом я уверен.

Следователь отпустил мистера Брайта, предупредив, что тот должен быть поаккуратней с заявлениями, сделанными в суде, и попросил инспектора Ампелти поведать о том, кто такой Брайт, и об истории его передвижений.

Затем он подвел итоги, даже не пытаясь скрыть своего мнения о том, что погибший покончил с собой. (Невнятный протест от миссис Уэлдон.) Почему он так поступил — это уже не дело суда. Предлагались различные мотивы, к тому же надо учитывать, что по происхождению погибший был русским, изгнанник, вполне возможно, что его мучили меланхолия и отчаяние. Лично он читал немало русской литературы и может уверить присяжных в том, что самоубийство — частый случай среди этой несчастной нации. Тем, кому посчастливилось родиться британцем, трудно это понять, но присяжные могут поверить ему на слово. У них есть четкое свидетельство

тому, как бритва попала в руки Алексиса, и не стоит обращать много внимания на ошибку Брайта насчет прилива. Поскольку Алексис не брился, зачем еще ему могла понадобиться бритва? Он (следовательно) будет, однако, честен и назовет те пункты, которые могут заставить сомневаться в том, что свершившееся было самоубийством. Первое — у Алексиса был обратный билет. Затем паспорт и кошелек с золотом. Можно предположить, что тот хотел покинуть страну. Но даже в таком случае разве не похоже, что в последний момент он передумал и ушел не только с места жительства, но и из жизни вообще? Конечно, то, что самоубийство было совершено в перчатках, кажется довольно странным, но что может быть нормального в самоубийстве? Разумеется, у них есть свидетельство миссис Уэлдон (которой все выражают глубочайшие соболезнования и симпатию) о состоянии Алексиса перед смертью, но оно противоречит тому, что сказали мистер Брайт и миссис Лефранк.

Короче говоря, человек с русским темпераментом, расстроенный получением загадочных писем и любовными проблемами, совершенно явно находился в нестабильном состоянии. Он закончил все свои земные дела и приобрел бритву. Он был найден мертвым в пустынном месте, куда, видимо, пришел в одиночестве. Оружие лежало недалеко от его руки. Кроме его собственных следов, на песке больше ничего не было. Человек, обнаруживший тело, подошел к нему сразу же после смерти, что исключает возможность того, что на месте находился убийца, который успел бы сбежать. Свидетель Поллок клялся, что он не видел поблизости другой лодки, и мисс Вэйн подтвердила это. К тому же не было обнаружено никого, у кого были бы хоть малейшие мотивы убивать Алексиса, если только присяжные не станут обращать пристального внимания на туманное заявление о большевиках, которое не имеет под собой никаких оснований.

Уимзи ухмыльнулся в сторону инспектора во время этой замечательной речи, со всеми полезными заключениями. Никаких упоминаний о кольце в скале, о подкове, о деньгах миссис Уэлдон. Присяжные зашептались. Повисла пауза. Гарриет

смотрела на Генри Уэлдона. Он хмурился и не обращал внимания на свою мать, которая что-то увлеченно шептала ему на ухо.

Затем поднялся старшина присяжных, мужчина, внешне похожий на фермера.

— Мы все согласились с тем, — сказал он, — что причиной смерти стало перерезанное горло, и большинство из нас думают, что погибший сделал это сам. Некоторые, — он взглянул на мистера члена Оздоровительного комитета, — считают, что виноваты большевики.

— Большинства достаточно, — заметил следователь. — Я так понимаю, что большинство за самоубийство?

— Да, сэр. Я же говорил тебе, Джим Кообли, — шепотом добавил он.

— Значит, ваш вердикт — погибший скончался, перерезав себе горло.

— Да, сэр.

Еще немного перешептываний.

— Мы бы хотели добавить, мы считаем необходимым изменить действия полиции касательно иностранцев, потому что погибший был иностранцем, и убийства или самоубийства — вещь весьма неприятная, ведь летом сюда приезжает много туристов.

— Здесь я ничего не могу сделать, — возразил следователь, — погибший был британским гражданином.

— Никакой разницы, — твердо заявил присяжный. — Мы все равно остаемся при своем мнении, что правила следует ужесточить. Запишите это, сэр, таково наше мнение.

— Ну вот, — сказал Уимзи, — и эти люди создали Империю. Когда появляется империя, логика бессильна. Что ж, думаю, это все. Инспектор?

— Мой лорд?

— Что вы собираетесь делать с этой бумагой?

— Сам не знаю, сэр. Думаете, с этим надо что-то делать?

— Да, отошлите в Скотленд-Ярд, попросите их провести фотографическую экспертизу. Свяжитесь с главным инспектором Паркером — он проследит, чтобы дело попало в нужные руки.

Инспектор кивнул:

— Это мы сделаем. Мне кажется, в этом клочке бумаги что-то есть, надо только добраться до сути. Не помню, встречалось ли мне столь же странное дело. На первый взгляд оно кажется самоубийством, без всяких сомнений. Но если взглянуть во все детали по отдельности, то все начинает терять смысл. Возьмем Брайта. Обычно, конечно, такие люди, как он, никоим образом не могут отличить прилив от отлива. Я думаю (да и вы тоже), что он лгал. Но нельзя заставить присяжных обвинить человека в убийстве лишь потому, что он плохо разбирается в приливах. Мы попробуем проследить за этим парнем, но понятия не имею, удастся ли нам поймать его на чем-то. Вердикт — самоубийство (что нас даже в какой-то мере устраивает), и, если Брайт захочет уехать, мы не сможем его остановить. Если только не предложим оплатить ему комнату и еду на неопределенный период, но это явно не выход. Постоянного адреса у него нет, да и вряд ли может появиться, если учитывать его профессию. Мы разошлем по другим городам сообщение о том, что за ним надо приглядывать, но на этом все. И, разумеется, он опять сменит имя.

— Разве он не получает пособие по безработице?

— Нет, — инспектор хмыкнул, — говорит, слишком независим для этого. Подозрительно все это, скажу я вам. Но он ведь получил вознаграждение от «Утренней звезды», денег ему пока хватит. Мы никак не можем заставить его остаться в Уилверкомбе за его счет, с вознаграждением или без.

— Свяжитесь с мистером Харди, узнайте, нельзя ли задержать слегка выдачу вознаграждения. Если Брайт потом не явится за своей наградой, мы точно будем знать, что с ним что-то не так. Неуважение к деньгам, мой дорогой инспектор, — корень всех зол.

Инспектор заулыбался:

— Мы с вами мыслим одинаково, мой лорд. Есть что-то в этом парне неправильное. Вы правы. Я поговорю с мистером Харди. Попытаюсь заставить Брайта остаться здесь еще на пару дней. Если он что-то задумал, то вряд ли попытается бежать — будет выглядеть чересчур подозрительно.

— Но если он согласится остаться, это будет еще удивительнее.

— Да, мой лорд, но вряд ли он до этого додумается. Ему вряд ли хочется привлекать к себе лишнее внимание. Он останется, я позабочусь об этом. На самом деле я все думаю, нельзя ли сцапать его как-нибудь... не знаю, он такой скользкий тип, я не удивлюсь, если нам удастся найти повод, чтобы задержать его.

Уимзи подмигнул:

— Подтасовываете факты, инспектор?

— Господи, нет, мой лорд. В нашей стране такое недопустимо. Но есть множество мелких правонарушений. Спать на улице, выпивать и наводить беспорядок в общественных местах, покупать что-либо в часы после закрытия и так далее — мелочи, но порой они могут пригодиться.

— Моя совесть! — воскликнул Уимзи. — Но я впервые могу сказать что-то хорошее о наших законах. Что ж, мне пора. Ой, Уэлдон! Не знал, что вы тоже тут.

— Так забавно. — Мистер Уэлдон неопределенно повел рукой. — Все эти глупые люди и так много разговоров, а? Можно подумать, они все решили, а моя мать до сих пор твердит о большевиках. Понадобится больше, чем решение следователя, чтобы заставить ее успокоиться. Женщины! Ты можешь часами говорить с ними, приводя доводы, а они все равно будут продолжать нести ту же самую чепуху. Ведь то, что они говорят, нельзя воспринимать серьезно, не так ли?

— Они не все одинаковые.

— Это они так говорят. И это тоже часть их глупостей. Возьмите мисс Вэйн. Хорошая девушка и прочее, и выглядит ничего, когда приоденется...

— Что насчет мисс Вэйн? — резко перебил Уимзи, одновременно проклиная такую неуместную сейчас влюбленность, из-за которой он теряет хватку.

Уэлдон только ухмыльнулся.

— Без обид, — поспешил он. — Я только хотел сказать... возьмите ее в пример. Как такая девушка может знать все про кровь и прочее, понимаете, о чем я? Женщинам вечно кажет-

ся, что кровь повсюду. Вечно читают романы. «Купаясь в крови». Все в таком духе. И не переубедишь же. Они видят то, что им кажется, будто они видят. Понятно?

— Кажется, вы изучали женскую психологию, — серьезно произнес Уимзи.

— О, я просто отлично знаю женщин, — с удовлетворением заявил мистер Уэлдон.

— Вы имеете в виду, — продолжил Уимзи, — что они мыслят штампами.

— Э?..

— Формулами. Вроде «нет ничего лучше материнского инстинкта», «дети и собаки всегда все понимают», «доброе сердце лучше короны» и так далее. Подобные глупости, хотя действительность свидетельствует об обратном.

— Д-да, — ответил Уэлдон, — я имел в виду, знаете, что если они себе что-то в голову вбили, то думают, так и есть на самом деле.

— Да, я ухватил смысл. — Уимзи подумал, что уж если кто и имеет привычку повторять с умным видом расхожие формулировки, не имея ни малейшего понятия об их истинном значении, так это мистер Уэлдон, который, тем не менее, производил все это с видом эдакого первооткрывателя. — Что вы на самом деле хотите сказать, — продолжил Уимзи, — так это то, что мы вовсе не можем полагаться на свидетельство мисс Вэйн. Вы говорите: она услышала крик, нашла мужчину с перерезанным горлом и бритву, выглядит все так, словно он только что покончил с собой, и поэтому она решает, что он действительно только что покончил с собой. А значит, кровь должна была еще течь. И она убедила себя в том, что кровь действительно течет. Так?

— Так, — подтвердил мистер Уэлдон.

— Из-за этого присяжные вынесли решение о самоубийстве. Но мы с вами, прекрасно разбираясь в женщинах, знаем, что, возможно, Гарриет ошиблась насчет крови, так что, случившееся вполне могло быть и убийством. Верно?

— О нет... нет, я не это имел в виду, — запротестовал мистер Уэлдон. — Я совершенно уверен в том, что это самоубийство.

— Но тогда на что вы жалуетесь? Это же так очевидно. Если мужчина был убит после двух часов, мисс Вэйн увидела бы убийцу, чего она не сделала. Значит, это самоубийство. Доказательство зависит от свидетельства мисс Вэйн, которая подтверждает, что убийство свершилось после двух. Так ведь?

Мистер Уэлдон попытался было мысленно бороться с подобной логикой, но ему не удалось. Затем его лицо просветлело.

— Конечно, — сказал он, — да, я понимаю. Очевидно, произошло самоубийство, и свидетельство мисс Вэйн это подтверждает. Так что, должно быть, она не ошиблась.

Этот монструозный силлогизм был еще хуже предыдущего, по мнению Уимзи. Человек с такой логикой — это человек без логики вообще. Лорд решил сам составить собственный силлогизм:

Человек, совершивший убийство, не дурак.

Уэлдон дурак.

Следовательно, он не совершал убийство.

Похоже на правду. Но тогда из-за чего Генри так нервничает? Можно только предположить, что его волнует отсутствие алиби на два часа дня. Да это и самого Уимзи нервировало изрядно. У лучших убийц всегда есть идеальное алиби.

Вдруг самые потаенные и темные места его разума осветились, словно лучами прожектора. И, господи! Если эта мысль верна, то Уэлдон кто угодно, но только не дурак. Он один из самых хитрых преступников, что доводилось встречать детективу. Уимзи взглянул на профиль собеседника. Возможно ли это? Да, вполне — и план бы удался, не вмешайся Гарриет Вэйн со своим свидетельством.

Так, посмотрим на дело с новой стороны. Уэлдон убил Алексиса. В 1.30 он покинул таверну, отправился прямо к привязанной где-то неподалеку лошади. Затем сломя голову помчался к Дьявольскому Утюгу. Предположим, что за двадцать пять минут ему удалось преодолеть четы-

ре мили. Тогда в два он бы находился в полумиле от камня. Нет, так не пойдет. Придется подкорректировать еще. Пусть Уэлдон выедет от Хинкс-Лейн в 1.32 и мчится на несчастной кобыле со скоростью девять миль в час — почти получается. Скажем, в 1.55 он уже недалеко от места. Что потом? Он отправляет лошадь домой. За пять минут до того, как проснулась Гарриет, он мог отправить кобылу обратно. Он идет. В два достигает Утюга. Убивает. Слышит Гарриет. Прячется в углублении в скале. В это время лошадь либо добежала до дома, либо свернула на тропинку у коттеджей...

К черту лошадь. Так или иначе, до своего пастбища она добралась. Время, конечно, поджигает, план кажется абсурдным, но не совсем невозможным, как считалось ранее. Предположим, что так и было. Так что случилось бы, не появившись на месте преступления Гарриет? Через несколько часов труп бы смыло.

Стоп. Если убийца — Уэлдон, ему надо, чтобы труп нашли. Мать должна была узнать о смерти Алексиса. Да, но тело и так было найдено, несмотря на мешающее течение и триста золотых соверенов. Что ж. Если бы Гарриет не увидела труп, то никто не мог бы установить точное время смерти.

Можно было бы подумать, что Алексис умер раньше, скажем, между одиннадцатью и половиной второго — а на это время алиби было. В принципе, раннее прибытие жертвы в Дарли тоже могло указывать на раннюю смерть. Зачем заманивать кого-то в пустынное место к половине двенадцатого, а затем ждать два с половиной часа, прежде чем прикончить его, если не затем, чтобы создать впечатление, что он умер раньше.

Да, а еще эта странная пара: Поллок и внук, которые упорно утверждали, что видели «лежащего» Алексиса без пятнадцати два. Должно быть, они тоже замешаны. Они просто обязаны быть замешанными. Убийство должно было произойти утром — вот алиби и сфабриковано на утро. Поездка в Уилверкомб. «Всегда подозревавай того, у кого железное алиби» — разве не это первое правило сыщика? И вот

вам — железнейшее алиби, рассчитанное выдержать любую проверку (да и как может быть иначе, ведь оно настоящее!). Да, оно выглядит странно, прямо-таки просится на то, чтобы изучить и проверить его получше, но на это и было рассчитано. Оно прекрасно отвлекало внимание от критического момента — двух часов дня. Если бы Гарриет не наткнулась на труп, план осуществился. Но Гарриет была там, и тщательно выстроенная версия развалилась из-за ее свидетельства. Какой удар. Ничего удивительного, что Уэлдон пытается всеми силами убедить всех, что смерть наступила раньше. Он-то лучше других понимает, что указание на два часа дня — вовсе не доказательство самоубийства, как решили присяжные. Он не был глуп — только притворялся, и как удачно!

Уимзи смутно осознавал, что Уэлдон прощается с ним. Пусть себе идет. Надо обдумать все получше. Сосредоточившись в одиночестве своей комнаты, лорд выработал план дальнейшей работы.

Итак, замысел Уэлдона разрушен. Что он будет делать дальше?

Он может не предпринять ничего. Это самый безопасный путь. Положиться на вердикт следователя и надеяться, что полиция, Уимзи, Гарриет и все остальные в него поверят.

Но осмелится ли он? Возможно — если только ему не известно что-то о письме с шифром, которое может доказать, что самоубийство на самом деле было убийством. Если так, если он потеряет голову — ему придется подумывать дальнейшую линию защиты. Какую? Несомненно, алиби на два часа дня.

Что там он сказал на этот счет? Уимзи заглянул в свои записи. Ага, он упомянул какого-то незнакомца, шедшего через Дарли и спросившего, который час.

Да, разумеется. Расхожая фигура в детективах — свидетель, интересующийся, который сейчас час. Уимзи рассмеялся. Теперь он был уверен. Такой полезный свидетель был создан на случай необходимости — и вот она. Теперь, когда утреннее алиби не смогло принять вражеский огонь на себя,

упор должен быть перенесен на двухчасовое алиби. Но в этот раз оно уже не будет настолько железным. Это будет фальшивка. И темные и холодные тюремные тени нависнут над мистером Генри Уэлдоном.

— Если я прав, то у нас скоро появится новый свидетель, — сказал себе Уимзи. — А если он появится, я буду знать, что я прав.

Логика в стиле мистера Уэлдона, господа.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: МАНЕКЕНЩИЦА

Все честные люди, мой добрый Мельхиор,
как и ты сам —
Я думаю, ведь это твое умение —
Верят тебе тоже.

Торрисмонд

Суббота, 27 июня

Воскресенье, 28 июня

Гарриет Вэйн чувствовала себя великолепно в жилище покойного Пола Алексиса. Вежливое письмо от ее литературного агента, осведомлявшего, «будет ли новая книга дописана к осени», вернуло ее к проблеме городских часов, но она никак не могла заставить себя уделить этому достаточно внимания. В сравнении с запутанным делом Алексиса ее сюжет казался таким прозрачным, очевидным, а обезьяноподобный Роберт Тэмплтон начал (о, ужас!) говорить как лорд Питер Уимзи. Гарриет снова и снова откладывала работу в сторону, чтобы «развеяться» (то есть, выпить кофе). Обычно застрявшие в собственном сюжете писатели делают перерыв, чтобы очистить свой разум. К сожалению, подсознание Гарриет наотрез отказывалось решать любые проблемы, связанные с городскими и прочими часами. Поэтому, вместо того чтобы писать, девушка устроилась в кресле, читая книгу, взятую с полки Алексиса, так она надеялась настроить строптивое подсознание на работу. По ходу дела ее мозг впитал в себя массу разнообразной информации о русском императорском дворе и еще больше романтических ис-

торий о войне и любви в руританских государствах. У Пола Алексиса был весьма изысканный литературный вкус. Он любил истории о красивых молодых людях, которые оставались настоящими джентльменами даже в самых неподходящих обстоятельствах, в итоге оказывались наследниками престола, а в последней главе успешно возглавляли восстания и появлялись на балконе, одетые в сине-серебряные униформы, купаясь в аплодисментах благодарных подданных. Иногда им помогли смелые и богатые красавицы из Англии или Америки, жертвующие деньги на дела партии; порой в последний момент они спасали возлюбленных от нежелательного брака. Периодически отважных наследников сопровождали английские, ирландские или американские юноши, вместе с которыми они переживали множество приключений на земле, в море и в воздухе. Они никогда не думали о том, как бы добыть деньги нечестным путем (это было уделом их врагов). Падения и восхождения на престол, видимо, не волновали никого за границами государства, так как Европа никогда не реагировала на происходящие там события, все словно происходило в тесном домашнем кругу. Казалось бы, какая литература может лучше разгружать мозги? Но нет, подсознание по-прежнему отказывалось работать. Гарриет мысленно застонала и принялась решать кроссворды, которые обнаружила между русской книгой в бумажной обложке и «Ценой короны».

Лорд Питер Уимзи тоже нашел себе увлекательное чтение, прекрасно занимавшее и его сознание, и его подсознание. Это было письмо из Хантингдоншира, в котором говорилось следующее:

*«Мой лорд,
согласно Вашим указаниям я остановился здесь на несколько дней. Мне удалось установить дружественные отношения с неким Хогбеном, владельцем мастерской, который прекрасно знает всех окрестных фермеров.*

Насколько я понял из его рассказа, дела мистера Уэлдона находятся сейчас в плачевном положении, а его ферма («Фор-

вэйз») заложена. В последние два года он занял немало денег у местных жителей, видимо, рассчитывая на то, что в скором времени получит состояние матери. Но, если учесть, что отношения между ними давно натянуты и она уже несколько лет не приезжала в эти края, мне его действия кажутся довольно сомнительными.

Фермой сейчас управляет некий Уолтер Моррисон, главный пахарь, человек без особых знаний, среди других работников его выделяет лишь накопленный опыт. Все находят крайне странным, что мистер Уэлдон покинул ферму в столь напряженную пору. Также довожу до Вашего сведения, что мистер Генри Уэлдон уехал из дома в воскресенье, четырнадцатого, а вернулся в воскресенье, двадцать первого, и уже на следующее утро уехал снова. С выплатой рабочим заработной платы возникли сложности и задержки, из-за чего сбор урожая еще более усложнился.

Еще я слышал, что у Уэлдона были проблемы с кредитором. Я решил съездить на ферму, чтобы осмотреть все самому. Состояние действительно ужасное. Многие постройки практически рушатся, в изгородях огромные дыры, явно наблюдается недостаток хозяйского внимания. Водоотвод тоже поврежден в нескольких местах (а Вы знаете, мой лорд, насколько он важен в этих краях). Например, мне удалось узнать, что одно шестнадцатиаковое поле было затоплено целую зиму. В итоге этот кусок земли в настоящее время абсолютно бесполезен.

К самому мистеру Уэлдону в окрестностях относятся неплохо, хотя и считают, что он чересчур фривольно ведет себя с дамами. Он признанный спортсмен. Многие полагают, что он отлично умеет обращаться с животными, но мало внимания уделяет агрикультурной стороне фермерства. Ходят слухи, что он содержит любовницу в Кембридже.

За его домом следят старик с женой, которые также подрабатывают пастухом и дояркой. Они кажутся честными и уважаемыми людьми (мне удалось поговорить с женщиной, попросив у нее стакан молока). Она рассказала, что мистер Уэлдон живет тихо, мало с кем общается. Изредка к нему за-

ходят в гости местные фермеры. За те шесть лет, что пара здесь обретается, мать навещала хозяина три раза (последний — четыре года назад). Два раза к нему заезжал джентльмен из Лондона, с бородкой, кажется, инвалид. Вторым раз был в феврале этого года. Женщина вежливо отказалась обсуждать финансовую ситуацию.

Вот и все, что я сумел разузнать за короткое время моего пребывания в Хантингдоншире (я забыл упомянуть, что до Кембриджа добрался на поезде, а там взял напрокат машину и приехал сюда в четверг днем). Если Ваша светлость пожелает, я могу остаться и продолжить расследование. Надеюсь, Ваша светлость простит мне напоминание о том, что запонки с рубашек лучше снимать перед тем, как отдавать их в стирку. Меня очень волнует то, что я сам вряд ли успею проследить за этим. Мне бы не хотелось повторения того неприятного инцидента, который произошел, когда я в последний раз отсутствовал. Также хочу сообщить Вашей светлости, что полосатый вечерний костюм ни в коем случае нельзя надевать до тех пор, пока не будет зашита прореха в правом кармане. Я предполагаю, что Ваша светлость использовал карман для переноски чего-то тяжелого и острого. Надеюсь, что погода у вас хорошая, а расследование продвигается как задумано. Поклон от меня мисс Вэйн, и, поверьте мне, мой лорд, я

Ваш покорный слуга, Мервин Бантер».

Данный документ Уимзи получил в субботу днем, а вечером к нему заглянул инспектор Ампелти. Прочитав письмо, полицейский кивнул.

— Мы получили такую же информацию, — заметил он, — в письме вашего человека чуть больше деталей, но, в общем, думаю, мы можем сделать вывод, что наш приятель Уэлдон находится в финансовом кризисе. Но я пришел не за этим. Мы нашли оригинал того фото.

— Неужели? Настоящая Феодора?

— Да, — скромно ответил инспектор, хотя в его голосе звучала плохо замаскированная гордость, — настоящая Феодора — вот только она сама это отрицает.

Уимзи приподнял брови, точнее, одну бровь, которая не придерживала его монокль.

— Если она — это не она, то кто же?

— Говорит, ее зовут Ольга Кон. У меня есть от нее письмо, — инспектор покопался в нагрудном кармане, — пишет неплохие письма, да и почерк красивый, скажу я вам.

Уимзи взял голубой лист бумаги и осмотрел его со знанием дела.

— Очень изысканно. Украшает инициалы позолотой и королевским синим. Красивый почерк, как вы и сказали. И элегантный конверт в придачу. Отправлено из округа Пикадилли ночью в пятницу, адресовано следователю в Уилверкомб. Ну-ну. Посмотрим, что хочет сказать нам эта леди.

*«Риджент-сквер, 159
Блумсбери*

Дорогой сэр,

я прочитала статью о расследовании смерти Пола Алексиса во вчерашней газете и была крайне удивлена, увидев там свою фотографию. Могу заверить Вас, что к этому делу я не имею никакого отношения, и даже представить не могу, как это фото попало к погибшему и почему оно было подписано не моим именем. Я никогда не встречала никого по имени Алексис, и подпись сделана не моей рукой. По профессии я модель, так что в городе распространяется масса моих снимков, и полагаю, их несложно достать. Боюсь, что ничего не знаю о бедном мистере Алексисе, так что мало чем смогу Вам помочь, но я подумала, что следует написать и сообщить, что на фотографии в газете снята я.

Не могу сказать, каким образом мой снимок оказался замешанным в одно дело, но, конечно, буду рада помочь, чем смогу. Фотография была сделана около года назад господи-

ном Фритом с Вэрдоур-стрит. У меня хранится другая копия, так что можно их сравнить. Именно это фото я обычно использую, когда ищу работу, я рассылаю его во множество различных фирм, а также некоторым театральным агентам.

В данный момент я работаю моделью у «Дорэ и Си» на площади Ганновер. Мы сотрудничаем уже шесть месяцев, они могут дать Вам свои рекомендации на мой счет. Я была бы счастлива узнать, как фотография попала в руки мистера Алексиса, потому что мой жених очень расстроен из-за всей этой истории. Простите за беспокойство, но я подумала, что Вы должны знать, хотя, боюсь, я не сильно помогла.

С почтением, Ольга Кон».

— Что скажете, мой лорд?

— Бог его знает. Эта молодая леди может лгать, конечно, но почему-то я так не думаю. Полагаю, часть про расстроенного жениха уж точно правдива. Ольга Кон — судя по имени, русская еврейка, явно не обучалась в Оксфорде или Кембридже, но, хотя она и постоянно повторяется, письмо деловое и информативное. К тому же, если фотография похожа на оригинал, на нее приятно будет посмотреть. Как насчет поездки в город, чтобы побеседовать с дамой? Я займусь транспортом, и, поскольку завтра воскресенье, думаю, она будет не занята. Итак, отправимся, как два веселых студента, на поиски Ольги-Феодоры, чтобы пригласить ее на чай?

Инспектор решил, что идея неплоха.

— Спросим, не знает ли она мистера Генри Уэлдона, этого дамского угодника. У вас есть его фото?

У инспектора был отличный снимок, сделанный одним из журналистов во время слушания дела. Мисс Кон была отправлена телеграмма с предупреждением о грядущем визите, и, уладив дела в полицейском участке, инспектор погрузил свое тело в машину Уимзи и был перевезен в Лондон. Они перено-

чевали в квартире лорда, а на следующее утро отправились прямо на Риджент-сквер.

Район трудно было назвать первоклассным. Его заселяли безусые юнцы и сомнительные леди, но зато плата за съем жилья здесь была довольно невысокой. Поднявшись по темной и грязной лестнице, Уимзи и его компаньон оказались перед свежеекрашенной зеленой дверью с именем «Мисс О. Кон», аккуратно начертанном на белой табличке. Дверь им открыла молодая красивая женщина, оригинал фотографии, и, улыбаясь, пригласила их войти.

— Инспектор Ампелти?

— Да, мисс. Вы, должно быть, мисс Кон, полагаю? Это лорд Питер Уимзи, который был так любезен, что согласился подвезти меня до города.

— Очень приятно познакомиться, — прошептала мисс Кон. — Проходите.

Она провела их в мило обставленную комнату, с оранжевыми занавесками и расставленными повсюду букетами роз. Перед потухшим камином стоял темноволосый молодой человек семитской наружности, который натянуто улыбнулся вошедшим.

— Мистер Симонс, мой жених, — объяснила мисс Кон. — Присаживайтесь, пожалуйста, если хотите, курите. Могу я предложить вам выпить?

Отклонив предложение и всем сердцем желая, чтобы мистер Симонс куда-нибудь провалился, инспектор сразу же приступил к делу, начав расспрашивать женщину о фотографии. Скоро и ему, и Уимзи стало ясно, что мисс Кон сообщила всю правду в своем письме. Она несколько раз заверила их в том, что никогда не знала Пола Алексиса и тем более не давала ему фотографий, подписанных именем Феодора или каким-либо другим. Они показали ей фото, но она лишь покачала головой:

— Я совершенно уверена, что никогда его не видела.

Уимзи предположил, что он мог увидеть ее во время показа мод и подойти после него.

— Конечно, он мог меня видеть, меня видят столько людей, — ответила мисс Кон с чувством собственного достоин-

ства. — Некоторые, конечно, пытаются подойти, познакомиться. Девушка в моем положении всегда знает, как позаботиться о себе. Но, думаю, я бы запомнила это лицо, если бы его встречала. Видите ли, молодой человек с бородой довольно приметен, не так ли?

Она передала фото мистеру Симону, который внимательно осмотрел его. Затем выражение его лица изменилось.

— Знаешь, Ольга, — сказал он. — Мне кажется, я его где-то встречал.

— Ты, Льюис?

— Да. Не знаю где. Но в нем есть что-то знакомое.

— Вместе со мной ты его точно не встречал, — быстро вставила девушка.

— Нет. Не знаю, почему я вообще решил, что видел его. У меня в памяти встает лицо постарше, чем это, — может, я вообще видел фотографию или портрет, а не самого человека. Не знаю.

— В газетах публиковали его фото, — предположил инспектор.

— Знаю, нет, это не то. Я заметил сходство с... кем-то, еще в первый раз, когда увидел. Не знаю, в чем оно заключается. Может, глаза...

Он задумался, и Ампелти глядел на него так, словно ожидал, что юноша сейчас снесет им золотое яйцо прямо не сходя с места. Но ничего не последовало.

— Нет, не соображу, — наконец заключил Симон. Он передал фотографию обратно инспектору.

— Ну, а я так точно никогда его не видела, — сказала Ольга. — Надеюсь, вы мне верите.

— Я вам верю, — ответил Уимзи, — и сделаю еще одно предположение. Этот Алексис был известным романтиком. Как вы думаете, он мог увидеть где-то вашу фотографию и влюбиться? То есть он мог вообразить о вас всякого, создать, так сказать, идеальную женщину, которую он назвал вымышленным именем. Как вам такая идея?

— Это возможно, — согласилась Ольга. — Но так глупо.

— Мне кажется вполне вероятным, — заметил инспектор. — Что нам хотелось бы узнать, так это откуда он взял фотографию.

— Ну, это не сложно, — ответила Ольга. — Он же был танцором в большом отеле. Он вполне мог встретить каких-нибудь театральных агентов, и один из них мог дать ему снимок.

Инспектор уточнил фамилии агентов и получил в ответ имена троих мужчин, офисы которых находились около Шефтсбери-авеню.

— Не думаю, что они смогут много про это вспомнить, — сказала Ольга. — Они видят так много людей. Но вы можете попытаться. Я была бы очень рада, если бы это дело прояснилось. Но вы мне верите, да?

— Мы верим вам, мисс Кон, — заверил ее Уимзи с самым серьезным видом. — Вы верим в вас, как во второй закон термодинамики.

— Что вы имеете в виду? — с подозрением поинтересовался мистер Симонс.

— Второй закон термодинамики, — охотно разъяснил Уимзи, — поддерживает весь наш мир, без него время побежало бы назад, как прокручиваемая не в ту сторону киноплёнка.

— Неужели? — воскликнула довольная мисс Кон.

— Да, — подтвердил Уимзи, — все, что угодно, может твориться в нашем мире, но второй закон термодинамики будет существовать до тех пор, пока у нас есть память. Инспектор Ампелти кажется шокированным, но, уверяю вас, я и не знаю, как еще мне выразить свою веру в вашу абсолютную честность. — Он ухмыльнулся: — Что мне больше всего нравится в ваших показаниях, мисс Кон, так это то, что они добавляют еще больше загадочности и запутанности той проблеме, которую мы с инспектором пытаемся решить.

— Ну что же, — сказал инспектор, поднимаясь на ноги. — Я уверен, мы вам очень обязаны, мисс, за информацию, хотя она не очень нам помогла, как мне кажется. Если вы вдруг вспомните что-то, связанное с Алексисом, или если вы, сэр, поймете, где вы его видели, мы будем невероятно благодарны. И не обращайтесь на то, что говорит его светлость, он — человек поэзии и порой странно выражается.

Инспектор потянул своего компаньона к выходу, находясь в полной уверенности, что восстановил их честь в глазах Ольги Кон. Однако, пока Ампелти надевал шляпу, смотрясь в зеркало в прихожей, девушка испуганно прошептала лорду Питеру на ухо:

— Этот полицейский не верит мне, но вы-то верите, правда?

— Верю, — кивнул Уимзи. — Понимаете, я могу верить в то, чего не понимаю. Для этого надо тренироваться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ТЕАТРАЛЬНЫЙ АГЕНТ

Честное умение или человек разных поступков
И разных личин? Ты интриган,
Политик.

Книга шуток со Смертью

Понедельник, 29 июня

Уимзи с инспектором провели все воскресенье в городе, а в понедельник отправились на Шефтсбери-авеню. Первые два имени им пришлось вычеркнуть из списка практически сразу. Один мужчина никому не давал фотографий Ольги Кон, а второй вообще ничего об этом не помнил. Третий театральный агент, мистер Исаак Дж. Салливан, разместился в сравнительно небольшом офисе, особенно по сравнению с двумя предыдущими. В приемной у него толпились люди, терпеливо ждавшие вызова. Инспектор передал записку через секретаря с грустными глазами, выглядевшего так, словно всю свою жизнь он отказывает в чем-то людям и берет вину в этом на себя. Ничего не произошло. Уимзи присел на конец скамьи, где уже сидело еще восемь человек, и начал разгадывать кроссворд из утренней газеты. Инспектор переминался с ноги на ногу. Вышедший из кабинета секретарь сразу же был окружен толпой просителей. Он всех их твердо, но не слишком грубо оттолкнул и вернулся к своему столу.

— Послушайте, молодой человек, — сказал инспектор, — мне надо видеть мистера Салливана немедленно. Это дело полиции.

— Он занят, — бесстрастно ответил секретарь.
— Тогда пусть освободится, — велел Ампелти.
— Скоро. — Секретарь переписывал что-то в огромную книгу.

— У меня нет времени, — сообщил инспектор и направился к двери.

— Мистера Салливана там нет, — секретарь кинулся ему наперерез.

— О да, он там, — возразил инспектор, — а теперь не мешайте мне исполнять служебные обязанности.

Полицейский отодвинул секретаря одной рукой и распахнул дверь, за которой обнаружилась практически раздетая молодая леди, очаровывавшая двух джентльменов.

— Закройте дверь, черт бы вас побрал, — крикнул один из них, даже не оборачиваясь, — сейчас же сюда вся толпа ворвется!

— Кто из вас мистер Салливан? — осведомился инспектор, не собираясь сдаваться.

— Его здесь нет. Вы закроете, наконец, эту дверь?

Поверженный инспектор ретировался. Прошло немного времени. Затем дверь снова открылась, и из комнаты вышла девушка, полностью одетая, торжествующе улыбнулась и сообщила, видимо, своей приятельнице, сидевшей рядом с Уимзи:

— О'кей, дорогая. «Девушка и самолет», первый ряд, петь и танцевать, начинаю на следующей неделе.

Подруга выразила свои поздравления, а собравшаяся в приемной толпа тем временем кинулась к двери.

— Эй, дамы, — запротестовал секретарь. — У вас ничего не выйдет. Мистер Салливан занят.

— Послушайте... — начал инспектор.

В этот момент дверь снова чуть приоткрылась, и послышался нетерпеливый голос:

— Хоррокс!

— Я ему сообщу о вас, — бросил секретарь в сторону Ампелти, торопясь к двери и проскальзывая между золотоволосыми соискательницами. Можно было услышать обрывки разговора:

— Мне плевать, даже если вся королевская семья здесь. Пусть подождет. Пришлите ту девочку... Ой, Хоррокс...

Секретарь обернулся на выходе, и это стало его ошибкой. Одна из девушек, воспользовавшись моментом, ухитрилась пробраться внутрь. Послышался шум, затем в поле зрения снова возникли секретарь, дама и крупный мужчина, чей внешний вид вполне соответствовал его громовому голосу.

— Ну-ну, Грэйс, детка, даже и не пытайся. Для тебя сегодня ничего нет. Только мое время тратишь. Будь хорошей девочкой. Если что-то подвернется, я тебе сообщу. Привет, Филлис, ты опять тут? Вовремя, можешь пригодиться на той неделе. Нет, Мэмми, престарелые красотишки нам сегодня не понадобятся. Я... Эй!

Он заметил Уимзи, который как раз застрял над очередным словом и тоскливо оглядывался по сторонам в поисках вдохновения.

— Эй, Хоррокс! Какого черта ты мне не сказал? За что я тебе вообще плачу? Только время трачу. Эй, ты, как тебя зовут? Первый раз здесь, да? Мне как раз нужен такой типаж. Эй! Розенкранц!

В дверном проеме появился еще один мужчина, похудее предыдущего, но тоже не хрупкой комплекции.

— Говорил же вам, мы найдем что-то подходящее, — восторженно сообщил первый.

— Для чего? — равнодушно осведомился мистер Розенкранц.

— Как «для чего»? Ну, разумеется, для «Червя, который повернулся»! Ты когда-нибудь видел настолько идеальное попадание? Мальчик мой, мы обнаружили сокровище. Ты посмотри, один его нос принесет всей пьесе успех!

— Это все прекрасно, Салливан, — ответил Розенкранц, — но умеет ли он играть?

— Играть? — взорвался Салливан. — Ему не надо уметь играть! Ему достаточно просто ходить по сцене! Взгляни! Это же идеальный Червь! Эй, ты, парень, скажи-ка что-нибудь, а?

— В самом деле, сударь, — Уимзи поправил монокль, — вы мне просто льстите.

— Вот! — торжествующе завопил Салливан. — Голос словно бархат! Я бы плохого не посоветовал, вы же знаете, Розенкранц!

— Это точно, — важно согласился тот. — Пройдитесь-ка.

Уимзи послушно встал и пошел в сторону кабинета. За ним, чуть ли не подпрыгивая, шел Салливан, замыкал колонну Розенкранц. Испуганный Хоррокс ухватил мистера Салливана за рукав.

— Осторожней, — прошептал он. — Мне кажется, произошла ошибка.

— В каком смысле ошибка? — прошептал в ответ Салливан. — Не знаю, кто он, но он нам отлично подходит, так что не мешай.

— Играли когда-нибудь главные роли? — спросил Розенкранц у Уимзи.

Лорд Питер задержался в дверном проходе, оглядывая прислушивающуюся аудиторию.

— Я играл главные роли, — объявил он, — играл перед всеми венценосными особами Европы. Долой маски, господа! Червь повернулся! Я — лорд Питер Уимзи, идущий по следу убийцы.

Он затолкал обоих мужчин внутрь и захлопнул за собой дверь.

— Вот это занавес, — прокомментировал кто-то.

— Надо же! — выдохнул Ампелти. — Надо же, черт меня поberi!

Он тоже прошел к двери, и на этот раз никто не стал его останавливать.

— Ну, ну, ну, — бормотал Салливан, — ну и ну!

Он осматривал визитку лорда Питера.

— Надо же, жалость-то какая. Какая потеря, а, Розенкранц? Эх, с таким лицом вы бы быстро состояние сколотили!

— Что ж, раз для меня здесь ничего нет, я, наверное, пойду, — сказал мистер Розенкранц. — Если только лорд Уимзи не захочет попытать себя в новой области. Было бы здорово, а? Лорд Питер Уимзи в главной роли? Зрителям бы понравилось. Сейчас к аристократии относятся не очень,

но лорд Питер — другое дело, его все знают. Одно дело — обычный лорд, и совсем другое — лорд, раскрывающий убийства, это ведь так будоражит. В этом что-то есть, как вы считаете?

Мистер Салливан с надеждой посмотрел на Уимзи.

— Простите, — качнул головой лорд, — ничего не получится.

— Времена сейчас тяжелые, — с еще большим энтузиазмом продолжил гнуть свою линию Розенкранц, — но вам я специально сделаю отличное предложение. Как насчет двух сотен в неделю, а?

Уимзи покачал головой.

— Три сотни? — предложил Розенкранц.

— Простите, приятель, я не продаюсь.

— Тогда пятьсот.

— Позвольте... — вмешался было инспектор.

— Ничего не выйдет, — грустно констатировал Салливан. — Печально, но факт. Вы и так богаты, а? Жаль, жаль. Это ведь все не вечно, знаете ли. Лучше брать, пока предлагают. Нет?

— Однозначно нет.

Мистер Салливан горько вздохнул.

— Ладно, я лучше пойду. Увидимся завтра, Салли. Приготовь для меня что-нибудь, а?

Он вышел, но не через приемную, а через заднюю дверь. Мистер Салливан повернулся к посетителям:

— Я вам нужен? Говорите, что вам надо, и побыстрее, а то у меня мало времени.

Инспектор достал из кармана фотографию Ольги.

— О, эта милая девочка, Кон. Что там с ней? Никаких проблем? Хорошая девушка и работает усердно. Ничего плохого я вам про нее не скажу.

Инспектор объяснил, что им надо знать, давал ли мистер Салливан фотографии Ольги кому-либо в недавнем времени.

— Дайте подумать. Ее здесь давненько не было. Работает манекенщицей, наверное. Тем лучше для нее. Хорошая девочка и симпатичная, но играть совсем не умеет, бедняжка. Минутку. Где Хоррокс?

Салливан осторожно приоткрыл дверь и крикнул: «Хоррокс!» Через минуту в щелку проскользнул секретарь.

— Хоррокс! Помнишь фотографии Кон? Мы их кому-нибудь давали в последнее время?

— Да, сэр. Вы не помните? Тот парень, которому нужен был русский типаж для провинции.

— Верно, верно. Так и думал, что что-то такое было. Расскажи о нем этим джентльменам. Мы его не знали, да?

— Нет, сэр. Он сказал, что сам решил открыть агентство. Имя... Секундочку, — он снял с полки книгу и полистал ее, — ага, вот он. Морис Вавазур.

— Отличное имя, — кивнул Салливан, — не его, конечно же. Как всегда. Наверняка его фамилия Поттс или Спинк. Невозможно управлять компанией, если у тебя фамилия Поттс или Спинк. Они не классические. Теперь я его помню. Мужчина с бородой. Сказал, что проводит кастинг для романтической драмы и ему нужен русский типаж. Мы дали ему несколько фотографий: эту Ливински, Петрову и еще парочку. Но ему понравилась именно вот эта, я помню. Я ему сказал, что у Петровой опыта больше, но он заявил, что ему все равно. Мне он не понравился.

— Нет?

— Нет. Не нравятся мне типы, которым нужны девушки без опыта. Я ему сообщил, что девочка занята на другой работе, но он все равно собирался попробовать поговорить с ней. Ольга ко мне по этому поводу не приходила, так что, думаю, она его отправила куда следует. Если бы она и пришла, я бы ее отговорил. Мне ведь не только мои проценты важны, вы спросите любую девочку, они вам подтвердят, я о них забочусь. Так что там такое? Этот Вавазур впутал ее в свои темные делишки?

— Не совсем, — ответил Уимзи, — она по-прежнему работает манекенщицей. Но Вавазур... инспектор, покажите другую фотографию. Это не он?

Салливан и Хоррокс одновременно склонили головы над снимком и синхронно покачали ими.

— Нет, — сказал Хоррокс, — это не тот человек.

— Совершенно не похож, — добавил Салливан.

— Точно?

— Совершенно не похож, — повторил Салливан. — Сколько ему лет? Тому было под сорок, это минимум. Худощавый тип, с голосом словно сироп. Из него бы вышел отличный Иуда.

— Или Ричард Третий, — вставил Хоррокс.

Инспектор Ампелти поднялся с места.

— Мы вам очень обязаны, мистер Салливан, — произнес он. — Мы больше не смеем вас задерживать.

— Жаль, что я немногим смог вам помочь. Если вдруг снова встречу этого Вавазура, сразу поставлю вас в известность. У маленькой Кон точно никаких проблем?

— Думаю, нет, мистер Салливан.

— Хорошая девочка, — настаивал Салливан. — Не хотелось бы, чтоб она пошла по дурной дорожке. Я знаю, вы считаете меня старым дураком.

— Вовсе нет, — возразил Уимзи.

Они вышли через заднюю дверь и в тишине спустились по лестнице.

— Вавазур, конечно! — пробубнил инспектор. — Интересно, кто он на самом деле и что задумал? Думаете, этот толстяк тоже в игре?

— Уверен, он ничего не знает, — ответил Уимзи. — А поскольку он ничего не знает о Вавазуре, можно с легкостью утверждать, что тот никак не связан с миром театра. В этой области все друг друга знают.

— Пфф. Нам от этого мало пользы.

— Да... Я думаю...

— Да?

— Интересно, почему Хоррокс подумал о Ричарде III?

— Наверное, тот тип выглядел как негодяй. Этот Ричард, он же известный злодей, не так ли?

— Верно. Но я не думаю, что Хоррокс по лицу человека может определить, злодей он или нет. Мне кажется, он привык отбирать на роли по внешнему виду... Никак не соображу, инспектор, какая-то мысль все время мелькает в голове, но я не могу ухватить эту мысль за хвост.

Инспектор хмыкнул и споткнулся о порог, когда они выходили на Вэрдоур-стрит.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: УЧИТЕЛЬ Л.С.С.

Какое трусливое, безропотное человечество.

Книга шуток со Смертью

Понедельник, 29 июня

Вторник, 30 июня

Пола Алексиса хоронили в понедельник. На похоронах было множество народу и цветов. Лорд Питер с инспектором все еще оставались в Лондоне, но их представлял Бантер, как раз вернувшийся из Хантингдоншира и купивший по дороге красивый венок. Миссис Уэлдон выполняла роль главной плакальщицы, ее поддерживал Генри в черном костюме. Коллектив из «Респлендента» прислал своих представителей и цветы, выполненные в форме саксофона. Дирижер оркестра, слывший бескомпромиссным реалистом, высказал мнение, что букет надо было оформить не в виде саксофона, а в виде пары танцевальных туфель, ведь это было бы куда более символично, но его никто не поддержал, чувствуя, что он говорит так из профессиональной зависти. Мисс Лейла Гарланд также появилась в строгом траурном платье и составила неплохую конкуренцию миссис Уэлдон, бросив в открытую могилу огромный букет фиалок в самый трогательный момент, после чего разразилась театральными рыданиями, и, бьющуюся в истерике, ее унесли. На церемонии присутствовали фотографы из национальной прессы, а обеденные столики в ближайших ресторанах и отелях были настолько забиты, что приходилось использовать дополнительные помещения, чтобы рассадить всех гостей.

— Полагаю, теперь вы уедете из Уилверкомба, — сказала Гарриет, обращаясь к миссис Уэлдон. — Все здесь навевает печальные воспоминания.

— Напротив, милая, я никуда не еду. Я собираюсь оставаться здесь до тех пор, пока память Пола не будет полностью очищена от клеветы. Я точно знаю, что в его смерти виноваты Советы, а полиция виновата в том, что допускает подобные происшествия.

— Мне бы хотелось, чтобы вы уговорили мою мать уехать, — вступил в разговор Генри, — для ее здоровья пребывание здесь совсем не полезно. Вы ведь и сами, наверное, скоро отправитесь, теперь, когда вас здесь больше ничто не держит.

— Возможно.

На самом деле казалось, что поводов остаться не было ни у кого. Уильям Брайт испросил у полиции разрешения покинуть город и получил его, с условием, что будет сообщать о своем местонахождении. Он вернулся за своими вещами в Сихэмптон, собрался и отправился на север. Глэйшер выразил надежду, что за ним будут присматривать, поскольку полиция Уилверкомба не могла следить за Брайтом по всей Англии.

Уимзи и инспектор вернулись в Уилверкомб во вторник утром, и их ждали свежие новости.

— Мы нашли Перкинса, — сообщил им Глэйшер.

Оказалось, что мистер Джулиан Перкинс, покинув Дарли, доехав до Уилверкомба, сел на поезд до Сихэмптона и уже оттуда продолжил свой пеший поход. Примерно через двадцать миль его сбил мотоцикл. В результате целую неделю он пролежал в местной больнице не в состоянии ни говорить, ни двигаться. В его рюкзаке не было ничего, по чему можно было бы определить его личность, и возможность узнать, кто он такой, появилась, лишь когда бедняга начал садиться и реагировать на происходящее. Как только он смог более-менее связно говорить, то сразу выяснил, что его соседи по палате обсуждают расследование, ведущееся в Уилверкомбе, и с оттенком самодовольства вскользь упомянул, что и сам встречался с молодой женщиной, обнаружившей тело. Одна из медсестер

вспомнила, что в связи с этим делом полиция повсюду разыскивает человека по имени Перкинс. Она сразу связалась с Уилверкомбом, и П.С. Ормонд был послан, чтобы допросить мистера Перкинса.

Теперь стало ясно, почему так долго не поступало никаких известий ни от самого Перкинса, ни от его знакомых. Также прояснилось то, почему никого исчезновение Перкинса не взволновало. Он работал учителем в школе Л.С.С. и получил целый семестр отгулов по состоянию здоровья. Молодой человек был холост и к тому же сирота, без близких родственников. Жил он в хостеле неподалеку от Тоттенхэма. Оттуда Перкинс уехал в мае, сообщив, что отправляется в пеший поход и постоянного адреса у него не будет. Он обещал иногда писать руководству хостела, чтобы сообщать, куда перенаправлять его письма. Ему не поступило ни одного письма с тех пор, как от него самого появилась последняя весточка (29 мая, из Таунтона). Никому и в голову не пришло его разыскивать, а тем более никто не сопоставил Перкинса, разыскиваемого полицией, с мистером Джулианом Перкинсом из хостела. В любом случае никто не знал, где он, а значит, и информации никакой предоставить не мог. Полиция уже связалась с хостелом и попросила переслать всю пришедшую на имя Перкинса почту, среди которой были: реклама портного, приглашение поучаствовать в розыгрыше путешествия в Ирландию и письмо от ученика о его бойскаутской деятельности.

Мистер Перкинс не походил на преступника, но никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Его допросили прямо в больничной палате. Он был одет в красный халат, его беспокойное, небритое лицо было все заматано бинтами, поверх которых сидели очки в роговой оправе, придающие несчастному комичный вид.

— Итак, вы прервали свое путешествие и вернулись в Дарли вместе с молодой леди, — записывал констебль Ормонд. — Почему вы это сделали, сэр?

— Я хотел помочь леди по мере своих сил.

— Что ж, вполне естественное желание. Но, конечно, вы практически ничем не могли ей поспособствовать.

— Нет. — Мистер Перкинс теребил в руках краешек одеяла. — Она что-то сказала насчет того, что надо бы сходить и поискать тело, но я... Я ведь не очень сильный человек, понимаете, да и прилив уже начался. Я подумал...

Ормонд терпеливо ждал.

Мистер Перкинс вдруг решил прервать свои терзания и признаться:

— Мне не хотелось идти по той дороге, вот вам вся правда. Я боялся, что убийца еще рыскает где-то в округе.

— Убийца, да? А почему вы решили, что произошло именно убийство?

Мистер Перкинс откинулся на подушки.

— Девушка сказала, что, возможно, это так. Я не слишком смелый человек, я всего боюсь. Видите ли, из-за моей болезни я всегда был нервным... нервным, понимаете. И физически я не очень силен. Мне совсем не хотелось туда идти.

— Я уверен, никто не может упрекнуть вас в этом, сэр. — Фальшивая сердечность полицейского, казалось, встревожила мистера Перкинса, словно он почувствовал подвох.

— Итак, когда вы пришли в Дарли, вы поняли, что леди находится в надежных руках и защита ей больше не нужна. Поэтому вы отправились восвояси, не попрощавшись.

— Да. Да. Я... Мне не хотелось быть никуда замешанным, понимаете? В моем положении это не слишком приятно. Учителю надо быть осторожным. И к тому же...

— Да, сэр?

— Я все думал об этом. Я подумал, что это очень странно. Я подумал, вдруг эта молодая леди... я слышал о таких вещах... массовые самоубийства и прочее, понимаете? Мне не хотелось с этим связываться. Я по природе очень стеснителен и действительно слабый, из-за болезни, и все это вместе...

Констебль Ормонд, обладавший довольно развитым воображением и довольно примитивным, но сильным чувством юмора, прикрыл рукой улыбку. Он вдруг представил мистера Перкинса, перепуганного, прихрамывающего на стертую ногу, оказавшегося между дьяволом и глубоким морем; отчаянно бегущего от маньяка, но напуганного еще и тем, что он на-

ходится в компании жестокой и, возможно, распутной женщины-убийцы.

Он облизал карандаш и продолжил:

— Ясно, сэр. Я вам сочувствую. Очень неприятная ситуация. Но я надеюсь, вы понимаете, сэр, что мы должны проверить передвижения и снять показания у всех, кто был в тот день на дороге. Вам нечего бояться, это просто рутина.

От карандаша во рту остался неприятный привкус. Констебль облизал красные губы розовым языком, выглядя, по мнению мистера Перкинса, как огромная собака, поедающая кость.

— Где вы были в два часа дня, сэр?

Мистер Перкинс открыл рот.

— Я... я... я... — начал он.

Вмешалась находящаяся поблизости медсестра.

— Надеюсь, вы скоро закончите, констебль, — ледяным тоном произнесла она. — наших пациентов нельзя расстраивать. Выпейте вот это. Вам нельзя беспокоиться.

— Все в порядке. — К мистеру Перкинсу вернулось подобие румянца. — На самом деле я могу абсолютно точно сказать, где был в два часа. Очень удачно, что вы спросили именно об этом времени. Очень удачно. Я был в Дарли.

— Вот как, — сказал мистер Ормонд, — очень хорошо.

— Да, и я могу доказать это. Видите ли, я пришел из Уилверкомба. Я купил там мазь с каламином, и, думаю, аптекарь меня запомнил. У меня очень чувствительная кожа, понимаете, мы об этом немного поговорили. Я точно не помню, где этот магазин, но вы наверняка его найдете без проблем. Нет, не знаю, во сколько это точно было. Потом я прошелся пешком до Дарли, четыре мили. Это должно было занять больше часа, так что, видимо, из Уилверкомба я вышел в час.

— Где вы ночевали до этого?

— В Уилверкомбе. В «Траст-Хаус». Можете узнать у них.

— Поздновато вы вышли, не так ли?

— Да, но дело в том, что я плохо спал. У меня была температура. От солнечных ожогов, знаете, у меня так всегда бывает. Я же говорил, что у меня чувствительная кожа. Солнце на той неделе сильно припекало. Я все надеялся, что ста-

нет лучше, но становилось только хуже, и даже бритье было пыткой, чистой пыткой. Поэтому я пролежал в кровати до десяти, потом позавтракал и добрался до Дарли часа в два. Я знаю, что было два, потому что я спросил у мужчины, который час.

— Неужели, сэр? Это прекрасно. Мы можем это проверить.

— О да. Вы легко его найдете. Это случилось не в самой деревне, а около нее. Там был джентльмен, который разбил палатку. То есть я называю его джентльменом, но не могу сказать, что он вел себя как один из них.

Ормонд чуть не подпрыгнул. Он был еще совсем молодым работником полным энтузиазма и служебного рвения, и к тому же за прошедшие дни он начал просто боготворить лорда Питера Уимзи. Он боготворил его одежду, машину и его необыкновенную способность предвидеть будущее. Уимзи сказал, что золото найдут на трупе, — и оп! Так и есть. Он сказал, что, как только суд установит время смерти, у Уэлдона появится алиби на два часа дня, и вот оно, это алиби, как раз вовремя. Он также сказал, что это алиби легко будет расколоть, и Ормонд твердо решил именно этим и заняться.

Для начала он спросил, почему Перкинс решил узнать время не в деревне, а у какого-то незнакомца посреди дороги.

— Я в деревне об этом и не думал. Я там даже не останавливался. А потом уже я задумался о ленче. Мои часы остановились на без двадцати пяти пять, так что надо было как-то определить время. Я увидел небольшую тропинку, идущую к морю, так что свернул туда, мне хотелось пообедать на берегу. Там была лужайка, а на ней палатка, автомобиль и мужчина, высокий, темноволосый, в темных очках. Он копался в двигателе, я спросил, который час. Он ответил, что без пяти два, и я снова завел часы, а затем поблагодарил его и сказал что-то приятное о том, какое хорошее место для палатки он нашел. Он довольно грубо ответил, я решил, что он расстроен из-за своей машины, поэтому вежливо спросил, не сломалось ли что-нибудь в двигателе. Вот и все. Не знаю, почему он оби-

делся, но так и было. Я сказал ему, что спросил только из вежливости и, может, могу ему помочь, а он очень грубо обозвал меня и... — Мистер Перкинс смутился и покраснел.

— И?... — спросил Ормонд.

— Он... Мне неприятно говорить это, но он настолько забился, что напал на меня.

— О, и что же он сделал?

— Он... пнул меня, — голос мистера Перкинса практически срывался на писк, — прямо по... то есть сзади.

— Неужели?!

— Да, именно. Конечно, я не ответил. Я просто отошел в сторону, сказал, что надеюсь, ему будет стыдно, когда он над этим задумается. К сожалению, после этого он побежал за мной, и я решил, что лучше больше с ним не общаться. Поэтому я ушел и пообедал на пляже.

— На пляже, да?

— Да. Я стоял лицом именно к пляжу, когда он напал на меня, и мне не хотелось снова проходить мимо него. Благодаря карте я знал, что можно пройти вдоль берега от Дарли до Лесстон-Хэу, поэтому так и поступил.

— Вот как. Итак, вы обедали на берегу. Где именно? И как долго вы там оставались?

— Ну, я остановился ярдов за пятьдесят от тропинки. Мне хотелось, чтобы тот неприятный человек видел, что он не напугал меня. Я сел на видном месте и съел свой ленч.

Ормонд заметил, что, раз Перкинс мог сидеть, пинок, должно быть, был не слишком болезненным.

— Думаю, я пробыл там минут сорок пять, где-то так.

— И кто проходил по пляжу мимо вас в это время? — резко спросил констебль.

— Кто? Э-э-э... никого.

— Ни мужчин, ни женщин, ни детей? Ни лодки? Ни лошади? Ничего?

— Совсем ничего. Пляж выглядел совсем заброшенным. Даже тот неприятный мужчина в итоге исчез. Как раз перед тем, как я ушел. Я следил за ним, чтобы он больше не подходил ко мне, понимаете.

Ормонд прикусил губу.

— А что он делал все это время? Чинил машину?

— Нет. Он довольно быстро с этим покончил. Мне казалось, он что-то делает у огня. Наверное, готовил. Затем он ушел по тропинке.

Констебль задумался.

— А что вы потом сделали?

— Потихоньку побрел вдоль моря, пока не дошел до дорожки, которая петляет между камнями на пляже. Она выходила к каким-то коттеджам. Я поднялся по ней на дорогу и шел по направлению к Лесстон-Хэу, пока не встретил молодую леди.

— Вы еще видели в тот день человека в темных очках?

— Да, когда мы возвращались с девушкой, он как раз спустился с тропинки. Она остановилась и заговорила с ним, к моему разочарованию. Я пошел дальше, мне не хотелось снова подвергаться оскорблениям.

— Ясно, сэр. Теперь я хочу задать вам очень важный вопрос. Когда вы снова регулировали часы, они опаздывали или спешили, и как сильно?

— Я сравнил их с часами в гараже в Дарли. Было ровно 5.30.

— И вы их не переводили в промежутке?

— Нет... зачем?

Ормонд строго посмотрел на мистера Перкинса, резко захлопнул свой блокнот, выдвинул челюсть и сказал:

— Послушайте-ка, сэр. Тут речь идет об убийстве. Мы знаем, что кто-то проходил по пляжу между двумя и тремя часами. Почему бы вам не сказать правду?

В глазах мистера Перкинса плескался испуг.

— Я не... Я не... — начал он слабым голосом, вцепившись руками в покрывало. Затем он упал в обморок, и медсестра прогнала констебля Ормонда от больничной койки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: СЛОВАРЬ

Всего лишь пустой шифр.

Трагедия невесты

Вторник, 30 июня

«И так, — размышлял констебль Ормонд, — если исходить из того, что показания Перкинса — ложь, то все складывается просто отлично. Осталось лишь одно затруднение — доказать это. Возможных объяснений два. Либо Перкинс врет, либо Уэлдон сознательно ввел его в заблуждение. Если первое, тогда полиции придется потрудиться, чтобы доказать обратное. Если второе, тогда, возможно, показания мистера Полвистла из гаража в Дарли помогут прояснить дело».

Мистер Полвистл и его механик всегда были готовы помочь следствию. Они прекрасно помнили мистера Перкинса (что не удивительно, поскольку появление незнакомца, желающего взять напрокат машину, редкое событие в Дарли). Мистер Перкинс достал из кармана свои часы, а затем сравнил их с теми, что висели в гараже, упомянув при этом, что его почему-то начали отставать и ему даже пришлось узнавать время у прохожего. Затем он сказал: «О, кажется, все в порядке», — и спросил, правильные ли у них часы и как много времени потребуется, чтобы добраться отсюда до Уилверкомба.

— И что, ваши часы правильные?

— В тот день они были точны.

— Что вы имеете в виду, говоря «в тот день»?

— Ну, они слегка отстают, это факт. Но мы как раз заводили их утром в четверг, не так ли, Том?

Том подтвердил, что да, заводили, добавив, что завода хватало на неделю, поэтому он уже привык к тому, что это надо делать каждый четверг. Четверг — крайне важный день, рыночный, весь местный бизнес на этом и основан.

Кажется, такие показания не опровергнуть. Конечно, ни мистер Полвистл, ни Том не видели циферблат часов Перкинса, но они оба утверждали, что он сказал: «Кажется, все в порядке». То есть, если какое-то расхождение и было, Перкинс попытался это скрыть. Даже немного странно, что он так активно привлекал чужое внимание к правильности своих часов. Констебль сел на свой мотоцикл и вернулся в Уилверкомб, еще более убежденный, чем раньше, что Перкинс — бессовестный лжец.

Инспектор Ампелти с ним согласился.

— Это не совсем естественно, — сказал он, — для такого расстроенного человека, каким он себя выставляет, расспрашивать о точном времени, едва только зайдя в этот гараж. Проблема в другом. Если он говорит, что видел Уэлдона, и мы не можем доказать, что это не так, то что мы можем сделать?

— Ну, сэр, — почтительно предложил Ормонд, — я вот о чем подумал. Если Уэлдон или кто-то еще проезжал верхом по побережью от Дарли до Утюга, то кто-то мог его видеть. Мы опросили всех людей, кто был в тех окрестностях в то время?

— Не думай, что эта мысль не приходила мне в голову, парень, — хмуро ответил инспектор. — Я опросил всех, кто проходил мимо между часом и двумя, и ни одна живая душа не видела на пляже лошадь.

— А как насчет тех людей, что живут в коттеджах?

— Они? — Инспектор хмыкнул. — Они никогда ничего не видят, поверь мне на слово, и уж тем более ничего не увидят, если в этом деле замешан Поллок, а мы считаем, что именно так. Но если хочешь, попробуй, поезжай и сам с ними поговори, я буду только рад, если у тебя хоть что-нибудь получится. Старый Поллок и его шурин, Билли Моггеридж, ни за что в жизни не расскажут ничего полиции. Но ты парень симпатичный и к тому же холостяк, так что, возможно, тебе удастся вытащить что-нибудь из их жен или дочерей.

Отчаянно краснеющий Ормонд послушно отправился к коттеджам, где, к своему огромному облегчению, обнаружил полное отсутствие мужчин. Женщины были заняты стиркой. Поначалу его приняли не слишком сердечно, но, когда он снял свою униформу и помог молодой миссис Поллок отжать белье, а затем еще и принес два ведра воды для миссис Моггеридж, атмосфера стала потихоньку разряжаться, и констебль смог задать свои вопросы.

Но результаты его разочаровали. У всех женщин были вполне убедительные отговорки по поводу того, почему они ничего не видели в тот четверг — ни всадника, ни лошади. Как обычно, в двенадцать был обед, после которого необходимо закончить глажку. А затем, как мистер Ормонд и сам мог видеть, начиналась стирка, с которой миссис Поллок и миссис Моггеридж возились иногда очень долго. Смотрите сами, дедушка и бабушка Поллоки, и Джем (ох уж эти его рубашки и воротнички!), молодой Артур, Поли и Роза, и Билли Моггеридж, Сьюзи и Фанни, и маленький Дэвид, и младенец, и ребенок Дженни Моггеридж, маленький Чарлз, а сама Дженни помогать не могла, поэтому иногда стирка продолжалась не только весь день, но и длилась вплоть до субботы, и ничего удивительного, знаете ли, если учесть мужские свитера и носки, и то, и другое, и третье, а еще ведь воду надо носить. В тот день никто из дома не выходил, ну, если только на задний двор, часов до трех, это точно, а затем Сьюзи пошла в сад чистить картошку для ужина. Сьюзи видела джентльмена, в шортах и с рюкзачком за плечами, он поднимался по тропинке с пляжа, но вряд ли мистер Ормонд хотел узнать про него, потому что позже этот же мужчина вернулся вместе с молодой леди и рассказал им о трупе. Тем не менее мистер Ормонд был весьма рад, услышав новости о джентльмене. У него были очки в роговой оправе, и поднялся он где-то между половиной четвертого и четырьмя часами, направляясь в сторону Лесстон-Хэу. Разумеется, это был не кто иной, как Перкинс, и короткий подсчет подтвердил, что данные женщинами показания совпадают с теми, что представили и сам Перкинс, и Гарриет. Но, тем

не менее, это ничего не доказывало, и критический период между половиной второго и тремя по-прежнему оставался неясным.

Расстроенный и растерянный Ормонд потихоньку поплелся обратно в Дарли, по пути отметив, что с дороги пляжа практически не видно. На самом деле только за милю до Утюга тракт проходил совсем рядом с пляжем. Здесь же прямо от обочины начиналось широкое поле, а затем высокие скалы, закрывавшие обзор на море. Так что ничего удивительного в том, что никто не заметил всадника или лошади... если лошадь все-таки была. Конечно, найденная подкова казалась весомым доказательством, да еще то кольцо в скале. Кольцо особенно беспокоило констебля — если оно предназначалось не для привязывания лошади, то для чего? А последняя теория Уимзи предполагала, что лошадь была отпущена и отправлена домой по достижении места преступления.

Вообще, подобный поступок казался весьма непродуманным, с точки зрения убийцы. Откуда он мог знать, что животное сразу же побежит назад, а не останется на пляже? Ведь если хорошенько подумать, лошадка пробежала галопом четыре с половиной мили, и после такого забега ей наверняка захотелось бы передохнуть. Если отвлечься от кольца в скале, возможно ли, что убийца привязал лошадь в другом месте, чтобы забрать ее позже? Маловероятно. Вдоль берега нет никаких столбиков или деревьев, куда можно было бы прикрепить веревку, а если бы преступник решил сделать это у скал, то там оставалось бы несколько цепочек следов — и его, и лошадиных. Но если это произошло на некотором удалении от Утюга... Ормонд решил прогуляться по пляжу в обратную сторону, чтобы как следует изучить местность.

Так он и сделал, спустившись на берег по той же тропинке, по которой когда-то спускалась Гарриет, направляясь в сторону Дарли по самому краю скал. Примерно после полу часового поиска молодой человек наконец-то нашел то, что искал. В одном месте, видимо, не так давно случился камнепад. Теперь там был воткнут деревянный кол, очевидно, пред-

упреждающий людей о том, что подходить к скалам не стоит. Лошадь вполне могла быть привязана к этому столбику, и, благодаря обвалившимся валунам, ее не должно было быть видно ни с дороги, ни с моря.

Открытие было, несомненно, приятным, но Ормонд чувствовал бы себя куда как лучше, если бы обнаружил хоть какое-то доказательство, подтверждавшее его умозаключения. Никаких следов на песке и даже на самой деревяшке не обнаружилось. Ничего, что указывало бы на то, что к ней недавно привязывали лошадь, хотя полицейский и изучил чертов колышек с лупой в руках. Кусочек веревки, пара конских волосков казались в тот момент констеблю желанней, чем увесистый кошелек с монетами, а уж лошадиный помет и вовсе измерялся в рубинах. Но, к сожалению, его взгляд напрасно метался по окрестности — ничего. Кусок дерева, проем в скалах, вот и все.

Качая головой, Ормонд подошел к самому краю воды и быстрым шагом направился обратно к Утюгу. Выяснилось, что полностью одетый констебль в жаркий летний день может добраться до места ровно за двенадцать минут, даже очень торопясь. Слишком далеко. Судя по подсчетам Уимзи, Уэлдон мог позволить себе максимум пятиминутную прогулку. Несчастный мужчина снова забрался вверх по скалам, сел на свой мотоцикл и поехал в Уилверкомб, по дороге мысленно производя подсчеты.

В полицейском участке эти подсчеты сложились в нечто конкретное.

— Вот как я это вижу, сэр, — сказал он Глэйшеру. — Мы отталкивались от того, что именно Перкинс прикрывает Уэлдона, создавая ему алиби. А что, если все наоборот? Предположим, Уэлдон прикрывает Перкинса. Что мы знаем о Перкинсе? Только то, что он работает учителем в школе и никто не видел его с мая. Далее, наш учитель утверждает, что переночевал в Уилверкомбе и вышел оттуда только в час. Единственное тому подтверждение — его смутные воспоминания о некоем аптекаре, у которого он покупал лекарство, но он не помнит его имени, да и насчет времени не уверен. Теперь, мы знаем, что Уэлдон был в Уилверкомбе

тем утром. А что, если эти двое встретились там и обо всем договорились? Затем Перкинс отправился в Дарли, за лошадью.

— Надо выяснить, не видел ли его кто-нибудь из деревенских жителей.

— Да, сэр. Разумеется, мы должны проверить. Но предположим, что он добрался туда где-то в пятнадцать минут второго, около того. У него оставалось полно времени, чтобы сходить за лошадью, верхом на ней доехать до того места, где торчит деревянный колышек, привязать ее, пешком дойти до Утюга и совершить убийство.

— Подождите-ка, — попросил Глэйшер, — но до места преступления пятнадцать минут ходьбы.

— Скорее пятнадцать минут бега, сэр.

— Да, и еще по мокрому песку. То есть где-то чуть больше мили. Верно. Значит, три с половиной мили верхом. Восемь миль в час, это будет... восемь миль за шестьдесят минут, одна миля... шестьдесят поделить на восемь... — Глэйшеру всегда приходилось делать все вычисления в специальном блокнотике, математика не являлась его сильной стороной (и именно это задерживало его продвижение по службе), — тридцать умножить на семь, поделить на восемь... боже!.. разделить на два... умножить... разделить...

Ормонд, который легко оперировал трехзначными цифрами в уме, терпеливо ждал.

— Двадцать шесть минут, — в результате сообщил всем Глэйшер.

— Да, сэр.

— Это означает, — Глэйшер взглянул на часы, закусив нижнюю губу, — без пятнадцати два минус двадцать шесть минут — час девятнадцать.

— Да, сэр, как раз четыре минуты у него остается на то, чтобы привязать лошадь.

— Точно, я просто проверял ваши выводы. В таком случае в Дарли он должен был появиться около десяти минут второго.

— Верно, сэр.

— А как и когда он забрал лошадь, Ормонд?

— Он этого точно не делал, сэр, насколько мне представляется.

— А что же с ней тогда стало?

— Ну, сэр, я думаю так. Мы ошибались, считая, что всю работу выполнял один человек. Предположим, Перкинс совершил убийство в два, а затем спрятался за валуном, как мы и думали изначально. Ему пришлось бы просидеть там до половины третьего, потому что мисс Вэйн оставалась на пляже именно до этого времени. Итак, как только она уходит, он также покидает свое убежище и идет обратно.

— Но зачем ему идти обратно? Почему не дальше? О, конечно, ему следует подтвердить алиби Уэлдона.

— Именно, сэр. Если он идет обратно к коттеджу Поллока, который находится в двух милях ходьбы, значит, в десять минут четвертого Перкинс должен уже быть там. Но Сьюзи Моггеридж утверждает, что никого не видела, и я не думаю, что она лжет, какой в этом смысл?

— Может, она тоже замешана, мы же сомневаемся насчет старого Поллока.

— Да, сэр; но если бы она врала, то делала бы это по-другому. Нет, сэр, я считаю, что Перкинс задержался по дороге, остановился, и у меня даже есть предположение, зачем именно. Доктор на суде сказал, что кровь из перерезанного горла могла не попасть на убийцу, но это не значит, что она на него не попала. Думаю, Перкинс остановился, чтобы переодеться. Он вполне мог нести в своем рюкзаке запасную рубашку или даже шорты. Может, он и постирал что-то, когда переоделся. Если это так, то до Поллока он добрался бы где-то на полчаса позже. Поднялся по тропинке, где его увидела Сьюзи Маггеридж, прошел еще полмили, встретился с мисс Вэйн в четыре часа — вот и все.

— Хм. — Глэйшер прокрутил версию в голове. У нее были свои преимущества. Но вопросов все равно оставалось немало.

— Но лошадь, Ормонд?

— Смотрите, сэр, только один человек из тех, что мы знаем, мог вернуть лошадь — это Уэлдон, а время — где-то между четырьмя часами, после того как он распрощался с Пол-

вистлом и Томом, и половиной шестого, когда мисс Вэйн встретила с ним в Дарли.

— А как вы думаете, зачем Перкинс решил сопровождать мисс Вэйн? Почему он не пошел в Лесстон-Хэу?

— Полагаю, он хотел проследить за ее действиями, а может, просто отводил от себя подозрения. Или, еще вариант, Перкинс решил проверить, справился ли Уэлдон со своим заданием. Помните, когда они встретились, то и словечком не перемолвились, это неспроста.

— У вас на все есть ответы, Ормонд. Вот вам еще один вопрос. Если все это правда, почему Перкинс не доехал верхом до самого камня?

— Понимаю, сэр, я и сам об этом думал, тем более что кольцо в скале сразу наводит на эту мысль. Но когда я изучал камни сегодня, то заметил, что с дороги пляж становится виден только в районе Утюга. Возможно, заговорщики посчитали, что всадник на берегу может показаться подозрительным, и решили оставить лошадь там, откуда ее не было бы видно.

— Да, в этом что-то есть. Но все зависит от того, во сколько конкретно Перкинс проходил через Дарли. Следует это выяснить. Ормонд, вы неплохо поработали сегодня, и это просто замечательно, что вы проявляете инициативу, строите собственные теории; но не забывайте, что опираться прежде всего надо на факты.

— Разумеется, сэр, никак нет, сэр. Но, сэр, если это не был Перкинс, то мог быть кто-то другой.

— Кем мог быть кто-то другой?

— Сообщником, сэр.

— Это возвращает нас в самое начало, Ормонд.

— Да, сэр.

— Хорошо, можете попытаться проверить свою теорию и посмотреть, что из этого получится.

— Да, сэр.

Глэйшер задумчиво поскреб подбородок, когда его младший коллега отправился на дальнейшее расследование. Данное дело его волновало. Главный констебль округа связался с ним сегодня утром, и разговор получился не из приятных.

Тот считал, что Глэйшер устраивает слишком много шума из ничего. Очевидно же, что иностранец перерезал себе горло, в силу нервного характера, и пора уже бросить это дознание. Глэйшер бы и сам с удовольствием оставил дело, но что-то подсказывало ему, что все не так просто, как кажется. Слишком много странностей: бритва, перчатки, Уэлдон и его невнятные действия, подкова, кольцо в скале, ошибка Брайта по поводу приливов и, самое главное, зашифрованное письмо и фотография загадочной Феодоры. По отдельности — вещи вполне обычные, но вместе — малообъяснимые. Выслушав все доводы, главный констебль дал разрешение на продолжение следствия, но он отнюдь не был при этом счастлив.

Интересно, чем сейчас занят Ампелти? История о его поездке в город на пару с Уимзи приносила еще больше неясности. И Брайт, который, как сообщали, направлялся в Лондон. Уследить за ним будет сложновато, тем более что у них нет никакого толкового повода для слежки. Глэйшер внезапно осознал, что постепенно становится крайне непопулярен среди своих коллег.

После ужина появился Ампелти и сообщил, что Перкинс является членом клуба друзей Советов и симпатизирует коммунистам. В связи с зашифрованным письмом этот факт мог оказаться довольно важным. Глэйшер решил съездить в отель «Бэльвью», чтобы побеседовать с Уимзи.

В номере того не оказалось, но после недолгих поисков начальник полиции очутился у миссис Лефранк, где нашел не только лорда Питера, но и инспектора, и Гарриет. По всей комнате валялись книги, Гарриет держала в руках «Толковый словарь» и вслух зачитывала из него слова своим компаньонам.

— Привет, начальник! — воскликнул Уимзи. — Заходите! Уверен, наша хозяйка будет рада вас видеть. Мы тут совершаем открытия.

— Неужели, мой лорд? Мы тоже этим занимались, по крайней мере, Ормонд занимался.

Глэйшер поведал им о сегодняшних событиях. Было приятно поговорить об этом с кем-то еще. Ампелти нахмурился.

Уимзи взял карту и лист бумаги и принялся высчитывать время и расстояние. Они обсуждали различные возможности, спорили о скорости лошади. Уимзи предположил, что, возможно, он ошибался на этот счет. Пожалуй, он возьмет животное у фермера и проведет небольшой тест. Гарриет молчала.

— А ты что думаешь? — вдруг обратился к ней Уимзи.

— Не верю ни единому слову, — сообщила девушка.

Глэйшер рассмеялся:

— Интуиция мисс Вэйн против.

— Это не интуиция, — возразила писательница. — Никакой женской интуиции не существует. Это здравый смысл. Профессиональный, если хотите. Все эти теории не имеют под собой оснований — они не верны. Они искусственные, и от них пахнет машинным маслом.

Глэйшер снова рассмеялся:

— Это уже выше моего понимания.

— Вы, мужчины, — с презрением заявила Гарриет, — вечно увлекаетесь расписаниями, расчетами и в итоге забываете о том, с чем вообще имеете дело. Но все ваши идеи, они... механические. Они же развалятся, стоит в них пальцем ткнуть. Вы словно... словно пытаетесь создать плохой сюжет вокруг неработающей идеи. Вы решили, что вам надо любым способом впутать в это дело Уэлдона, лошадь и Перкинса, а если вдруг натыкаетесь на какое-нибудь препятствие, то убеждаете себя, что его легко можно обойти, изобретя что-то новое. И вы говорите: «А тогда он поступит так-то. Пускай в этом случае он сделает то-то». Но в реальной жизни люди не будут подчиняться вашим расчетам. Почему вам обязательно надо вмешивать сюда всех этих людей?

— Но вы же не станете отрицать, что многое требует объяснений, — заметил Ампелти.

— Конечно, объяснить следует многое, но ваши объяснения кажутся еще более невероятными, чем сама проблема. Никто не может планировать убийство таким образом. Вы превращаете их в гениев в одном плане и в абсолютных дураков в другом. Объяснение должно быть проще, не таким натя-

нутым. Понимаете, о чем я? Вы напридумывали черт знает чего, вот и все, перемудрили.

— Я тебя понимаю, — сказал Уимзи.

— Я согласен, что все не так просто, — согласился Глэйшер. — Но если мы не будем пытаться разобраться с Уэлдоном, Брайтом и Перкинсом или с кем-то одним из них, то кого тогда обвинять? Большевиков? Но Перкинс — большевик или, по крайней мере, коммунист, а если он все-таки замешан, значит, и Уэлдон тоже, ведь у них одно алиби на двоих.

— Я знаю, но вы же все время так рассуждаете. Сначала вы решили, что убийца Уэлдон, стремящийся добраться до материнских денег, поэтому Перкинс автоматически стал его сообщником. Теперь вы хотите, чтобы виновен был Перкинс, ведь он коммунист, соответственно, Уэлдон — его сообщник. Но ведь обе эти теории не воплотятся в жизнь. Как вообще Перкинс и Уэлдон могли познакомиться?

— Мы еще не выяснили, но работаем над этим.

— Кажется маловероятным, да? Школьный учитель из Тоттенхэма и фермер из Хантингдоншира. Ничего общего. А Брайт? У вас ничего, вообще ничего нет против него, вы не знаете, что могло связывать его с остальными. А если его история правдива, то мы никак не сможем доказать, что Алексис не покончил с собой. В любом случае, если вам нужно убийство, то необходимо соединить Брайта и исполнителя, кем бы он ни был, а вы пока не нашли ни одной ниточки, ведущей от него либо к Уэлдону, либо к Перкинсу.

— Брайт получал от кого-нибудь письма? — спросил Уимзи.

— Ни строчки, по крайней мере с тех пор, как мы за ним следим.

— Насчет Перкинса мы скоро все разузнаем, — пообещал Глэйшер. — Конечно, наверняка его попадание в больницу озадачило его сообщников точно так же, как и нас. Вполне возможно, что где-то его ожидает множество писем, вероятно, написанных на другое имя, или что-нибудь вроде этого.

— Вы все настаиваете на виновности Перкинса, — возразила Гарриет, — вы действительно думаете, что Перкинс про-

ехал верхом без седла по пляжу и перерезал кому-то горло бритвой?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Ампелти.

— Разве он похож на человека, способного на подобный поступок?

— Я никогда не видел этого парня, но соглашусь, что по рассказам впечатление от него складывается совсем другое, — согласился Уимзи. — Но вы знаете, даже меня принимали за преступника.

Гарриет взглянула на его худые руки и гибкое тело.

— Не обязательно напрашиваться на комплименты, — холодно заявила она. — Мы все прекрасно знаем, что ты только кажешься хрупким, а на самом деле можешь завязать кочергу в узел своими артистичными пальцами. Перкинс же обрюзг, и шея у него как у курицы, да еще и руки трясутся. — Девушка повернулась к Глэйшеру: — Я не вижу Перкинса в роли десперадо. Даже ваше изначальное предположение, что убийца — я, и то имело под собой больше оснований.

Глэйшер моргнул, но удар принял стоически.

— Да, мисс. Работа такая, понимаете.

— Разумеется. Почему, кстати, вы отказались от этой версии?

Глэйшер явно чувствовал, что ступает по тонкому льду.

— Ну, — протянул он, — это казалось довольно очевидным, да и к тому же мы не смогли найти ничего, что могло бы связывать вас с погибшим.

— Как разумно с вашей стороны было навести справки. Конечно, вам же во всем приходилось полагаться только на мое слово, да? А фотографии подтверждали мое хладнокровие. Да и раньше со мной случались, скажем так, неприятные инциденты.

— Именно, мисс. — Глаза начальника полиции оставались абсолютно невыразительными.

— Кстати, у кого вы наводили справки обо мне?

— У вашей приходящей домработницы, — ответил Глэйшер.

— О! Вы считаете, она могла знать о моем знакомстве с Алексисом?

— Судя по моему опыту, домработницы всегда в курсе таких вещей.

— Действительно. И теперь вы меня не подозреваете?

— Теперь нет.

— Опираясь на показания моей домработницы?

— И на наши собственные наблюдения.

— Ясно. — Гарриет в упор смотрела на Глэйшера, но тот лишь улыбался в ответ. Внимательно слушавший весь разговор Уимзи готов был вручить начальнику полиции первый приз за чувство такта. Затем он решил вступить в беседу.

— Что ж, вы с мисс Вэйн вполне удачно разрушили теории друг друга. Может, вам интересно узнать, чем это мы тут занимаемся?

— Крайне, мой лорд.

— Мы решили еще раз обыскать вещи погибшего, в надежде найти хоть какие-нибудь подсказки, пролить свет появление на фотографии Феодоры или зашифрованного письма. Инспектор Ампелти нам помогает. Он уже два часа сидит на этом месте и, когда мы обыскиваем очередной угол или дыру и ничего там не находим, сообщает нам, что уже обыскивал этот угол или дыру и тоже ничего там не нашел.

Ампелти усмехнулся.

— Мы обнаружили только этот словарь, — Уимзи показал на книгу в руках у Гарриет, — точнее, мисс Вэйн отыскала его еще некоторое время назад, когда тратила свое время на разгадывание кроссвордов, вместо того чтобы работать. Многие слова в нем подчеркнуты карандашом. Мы как раз их переписывали, когда вы вошли. Вот, послушайте: дипломатия, куртизанка, тысяча, нищета, кабриолет, апостол, портной, херувим, сокровище, меблированный, ревматизм, виадук. Это только часть, там намного больше. Может, эти слова вам о чем-то говорят? Я даже не знаю, как их объединить. Скажем, некоторые входят в круг духовных проблем, но многие нет. Куртизанка, например, или тамбурин, мода и борьба.

Глэйшер рассмеялся:

— Мне кажется, молодой человек просто тоже любил кроссворды. Эти слова довольно длинные.

— Да, но есть и подлиннее, а он не отметил ни одного действительно длинного слова. В самом длинном слове из этого списка десять букв. Однако у слов есть две общие черты.

— Какие именно, мой лорд?

— Ни в одном из них не встречаются повторяющиеся буквы, и во всех больше семи букв.

Начальник полиции вдруг поднял руку, как на уроке в школе.

— Зашифрованные письма! — воскликнул он.

— Верно, письма. Мы предположили, что это ключевые слова шифра. И у меня даже есть предположения насчет того, что это за шифр, если учесть неповторяющиеся буквы. Проблема в том, что у нас еще больше ста слов, а до конца алфавита еще далеко. И я пришел к неутешительному выводу.

— Какому?

— Они меняли ключевое слово в каждом письме. Я думаю, Алексис отмечал слова заранее, чтобы потом их использовать.

— Но почему вы не думаете, что он вычеркивал уже использованные слова?

— Это маловероятно. Вряд ли ему прислали целых двести писем с марта, а мы знаем, что переписка началась именно тогда.

— Ясно. Значит, если та бумага, которую мы нашли на трупе, является шифровкой, то ключевое слово к ней должно быть отмечено здесь. Это слегка сужает круг поисков.

— Не думаю. Здесь, скорее всего, отмечены слова для тех писем, что писал сам Алексис. То письмо, что было найдено, явно получено Алексисом, а значит, ключевое слово выбирал его автор.

— Тогда слово может быть каким угодно! — простонал Глэйшер.

— Именно. Единственное, что мы теперь знаем, — шифр был на английском, то есть и письмо, скорее всего, написано по-английски. Конечно, это не обязательно, с тем же успехом переписка могла вестись на французском, немецком, итальянском — главное, что алфавит совпадал с английским. Но в любом случае это точно не русский.

— Если большевики как-то замешаны в это дело, то странно, что они не пишут на своем родном языке, — задумчиво произнес Глэйшер. — Так более безопасно.

— Действительно. Но я уже говорил вам, что никак не могу поверить в большевистскую теорию, и все-таки... к черту все! Я не понимаю, каким образом письма могут быть связаны с Уэлдоном.

— А я вот что хочу узнать, — встрял инспектор. — Как убийцы, кем бы они ни были, выманили Алексиса на место встречи? А если он договаривался с большевиками, как об этом прознали Уэлдон с компанией? То есть можно сделать вывод, что тот, кто назначил встречу, и перерезал парню горло. Следовательно, либо группа Уэлдона написала письмо, либо убийство совершили иностранцы.

— Верно.

— А как сюда вписывается Ольга Кон? — поинтересовалась Гарриет.

— А вот это, — сказал Уимзи, — самая удивительная тайна. Я могу поклясться, что девушка говорила правду, и мистер Салливан тоже. И я абсолютно ничего не понимаю.

— Я возвращаюсь к своему изначальному мнению, — проворчал инспектор. — Думаю, парень был не в своем уме, перерезал себе глотку, вот и все. Может, у него была мания такая — собирать фотографии девушек и писать самому себе шифровки.

— Из Чехословакии?

— Ну хорошо, может, кто-то делал это за него. А что я еще могу предположить, если у нас на руках нет ничего против любого из подозреваемых?

Уимзи вздохнул и поднялся на ноги.

— Я отправляюсь домой, спать, — объявил он. — Подождем, пока не получим фотографии бумаги. Жизнь отвратительна. Я не могу доказать свои версии, и даже Бантер меня бросил. Он исчез из Уилверкомба в один день с Брайтом, оставив записку, в которой говорилось, что один из моих носков потерялся во время стирки и управляющий уже извещен об этом промахе. Мисс Вэйн, Гарриет, если я могу тебя так называть, выходи за меня замуж. Ты будешь следить за моими

носками и к тому же станешь единственной писательницей, которой сделали предложение на глазах начальника полиции и инспектора.

— Ни за какие газетные заголовки.

— Я так и думал. Даже реклама меня не спасет. Слушайте, начальник, давайте заключим пари, что Алексис не совершал самоубийства и что большевики его не убивали?

Глэйшер ответил, что он не слишком азартный человек.

— Я снова раздавлен! — простонал его светлость. — Но все равно, — к нему вдруг вернулась былая сила духа, — я разобью это алиби, чего бы мне это ни стоило.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ЛОШАДЬ

Здравствуй, святилище крови!

Трагедия невесты

Среда, 1 июля

Фотографии письма, найденного у покойного, прибыли на следующее утро вместе с оригиналом. Сравнивая их, Уимзи, а также присутствовавшие при этом Глэйшер и Ампелти вынуждены были признать, что эксперты проделали отличную работу. Даже сам оригинал был теперь в лучшем состоянии, чем при обнаружении. С помощью химикатов с него убрали пятна крови и восстановили выцветшие чернила. На фотографиях теперь был практически понятен весь текст, за исключением пары букв. Но прочесть его — это одно дело, а вот расшифровать — совсем другое. Погрустневшие джентльмены печально взирали на буквенные джунгли.

XTATNX

RBEXMG

PRBFX ALI MKMG BFFY, MGTSQ JMRRY. ZBZE FLOX P. M. MSIU
FKX FLDYPG FKAP RPD KL DONA FMKPC FM NOR ANXP.

SOLFA TGMZ DXL LKKZM VXi BWHNZ MBFFY MG, TSQ A NVPD
NMM VFYQ. CJU ROGA K.C. RAC RRMTN S.B. IF H.P. HNZ ME?
SSPXLZ DFAX LRAEL TLMK XATL RPX BM AEBF HS MPIKATL TO
HOKCCI HNRV. TYM VDSM SUSSX GAMKR, BG AIL AXH NZMLF
HVUL KNN RAGY QWMCK, MNQS TOIL AXFA AN IHMZS RPT HO
KFLTIM. IF MTGNLU H.M. CLM KLZM AHPE ALF AKMSM, ZULPR
FHQ — CMZT SXS RSMKRS GNKS FVMP RACY OSS QESBH NAE

UZCK CON MGBNRY RMAL RSH NZM, BKTQAP MSH NZM TO ILG
MELMS NAGMJU KC KC.

TQKFX BQZ NMEZLI BM ZLFA AYZ MARS UP QOS KMXBJ SUE
UMIL PRKBG MSK QD.

NAP DZMTB N.B. OBE XMG SREFZ DBS AM IMHY GAKY
R. MULBY M.S. SZLKO GKG LKL GAW XNTED BHMB XZD NRKZH
PSMSKMN A.M. MHIZP DK MIM, XNKSAC C KOK MNRL CFL INFX
HAD GAIQ.

GATLM Z DLFA A QPHND MV AK MV MAG C.P.R. XNATNX PD
GUN MBKL I OLKA GLDAGA QQB FTQO SKMX GPDH NW LX SULMY
ILLE MKH BEALF MRSK UFHA AKTS.

Через час или два мучений были установлены следующие факты:

1. Письмо написано на тонкой, но плотной бумаге, какой не было обнаружено среди вещей Пола Алексиса. Это увеличивает возможность того, что письмо было им получено, а не написано.

2. Письмо написано от руки пурпурными чернилами, которых, опять-таки, у Алексиса не обнаружили. Это также может говорить о том, что у автора письма не было пишущей машинки или он боялся, что его смогут разыскать по типу машинки, если письмо будет напечатано.

3. Оно не написано обычным шифром, когда одна из букв алфавита всегда соответствует какой-то другой.

— В любом случае, — радостно сообщил лорд Уимзи, — нам есть над чем работать. Лично я полагаю, что перед нами либо шифр, связанный с одной конкретной книгой (в таком случае эта книга обязательно должна была находиться у погибшего, и нам следует тщательно обыскать его комнату), либо это может быть совсем другой код... я думал о таком вчера вечером, когда мы рассматривали слова в обнаруженном словаре.

— Что это за код, мой лорд?

— Это отличный код, — сказал Уимзи, — он легко вводит в заблуждение, если вы не знаете ключевого слова. Его использовали во время войны. Да, если честно, я и сам таким

пользовался некоторое время. Но он не является военным секретом, мне такое встречалось и в детективах. Вот только...

Он задумался на секунду.

— Я хотел сказать, что любой англичанин-любитель вполне мог наткнуться на него и научиться им пользоваться. Он не очевиден, но работать с ним очень легко. Молодой Алексис вполне мог его выучить, для этого много ума не нужно. К тому же количество букв в нем практически соответствует оригинальному посланию, поэтому его удобно использовать для длинных писем.

— Как он работает? — спросил Глэйшер.

— Очень просто. Вы выбираете ключевое слово из шести и более букв, которые не повторяются. Например, такое, как SQUANDER («расточительство»), оно, кстати, упоминалось в списке Алексиса. Затем рисуете таблицу пять на пять квадратов и вписываете выбранное слово, вот так:

S	Q	U	A	N
D	E	R		

Оставшиеся квадраты вы заполняете всеми остальными буквами в алфавитном порядке, пропуская уже написанные.

— Но двадцать шесть букв не поместятся в двадцать пять квадратов, — заметил Глэйшер.

— Верно. Поэтому вы делаете вид, будто вы древний римлянин или средневековый монах и считаете I и J одной и той же буквой. Тогда получается вот что.

S	Q	U	A	N
D	E	R	B	C
F	G	H	IJ	K
L	M	O	P	T
V	W	X	Y	Z

— Теперь давайте придумаем послание. Что бы мы хотели сказать?... Например, All is known, fly at once (Все раскрыто, немедленно беги) — это классика жанра. Итак, мы записываем фразу на бумаге и разбиваем ее на группы, по две буквы в каждой, слева направо. Две одинаковые буквы не должны стоять рядом, поэтому, если такое случается, мы вставляем между ними Q или Z, что-то в этом роде. Теперь наше сообщение выглядит так: AL QL IS KN OW NF LY AT ON CE.

— А если в конце останется одна буква?

— Тогда тоже добавляем ей в пару Q или Z. Так, теперь возьмем нашу первую группу: AL. Вы видим, что две эти буквы являются углами прямоугольника, другими его углами являются SP. Поэтому в зашифрованном послании мы пишем SP — это его начало. Точно так же QL превращается в SM, а IS в FA.

— Ага! — воскликнул Глэйшер. — Но дальше идет KN. А они находятся на одной вертикальной линии. Что тогда?

— Это легко — тогда мы берем буквы, идущие вслед за ними снизу, — TC. Дальше идет OW, попробуйте сделать это сами, вам нужны углы прямоугольника.

— MX?

— MX, верно. Продолжайте.

— SK, — радостно сказал Глэйшер, водя пальцем по листку, — PV, NP, UT...

— Нет, TU. Поскольку первая диагональ шла снизу вверх, то дальше надо продолжать в том же духе. ON = TU, а NO было бы UT.

— Конечно, конечно. TU. Эй!

— Что такое?

— CE находятся на одной горизонтальной линии.

— Значит, берите буквы справа от них.

— Но справа от C ничего нет.

— Начните снова, с начала линии.

Это ненадолго смутило полицейского, но потом он наконец сообразил: — DR.

— Верно. Итак, ваше зашифрованное послание теперь выглядит так: SP SM FA TC MX SK PV NP TU DR. Чтобы все это смо-

трелось чуть посимпатичнее и еще более запутанно, вы можете разбить шифровку на любые группы. Например, так: SPSM FAT CMXS KPV NPTUDR. Или можете наугад расставить знаки препинания. S.P. SMFA. TCMXS, KPVN, PT! UDR. Это не имеет значения. Человек, получивший шифровку, не будет обращать на это никакого внимания. Он просто снова разобьет написанное на пары и прочтет письмо с помощью кодовой таблицы. Взяв буквы по диагонали, снизу, если они находятся в одном вертикальном ряду, и справа, если они находятся в одном горизонтальном ряду.

Полицейские склонились над таблицей. Затем Ампелти произнес:

— Я понимаю, мой лорд. Гениальное изобретение. Одни и те же буквы все время соответствуют разным буквам в шифровке, и к тому же никак нельзя понять, где начинаются и заканчиваются слова. Но можно ли вообще разгадать такой шифр без ключевого слова?

— О да, разумеется, — ответил Уимзи. — Любой шифр можно взломать, если запастись терпением и немного потрудиться — ну, кроме некоторых книжных шифров. Я знаю человека, который всю свою жизнь занимался расшифровкой посланий. Он столько времени посвятил именно этим типом кодов, что если вдруг заболевает корью, то покрывается не пятнами, а квадратами.

— Тогда он сможет расшифровать и это, — воодушевленно произнесла Глэйшер.

— В уме. Мы пошлем ему копию, если хотите. Я не знаю, где он сейчас, но знаю того, кто сможет с ним связаться. Это поможет нам сэкономить немало времени.

— Пожалуйста, сделайте это скорее, мой лорд.

Уимзи взял копию письма, убрал ее в конверт и приложил короткую записку.

«Дорогой Чурбан!

Вот зашифрованное послание. Старый Банго должен легко с ним справиться. Можешь переслать письмо ему и сказать, что я буду чрезвычайно благодарен за помощь? Письмо

вроде из Центральной Европы, но десять к одному, что оно написано на английском. Как дела?

*Твой
Буравчик.*

P.S. Слышал что-нибудь о Рысаке?»

Письмо лорд адресовал представителю ведомства иностранных дел. Себе он взял еще одну копию шифра.

— Я возьму это, если вы не против. Попробую некоторые слова, подчеркнутые Алексисом. И для мисс Вэйн подобная работа станет неплохой тренировкой и приятной сменой деятельности после кроссвордов. Так, что у нас еще?

— Не много, мой лорд. Мы не обнаружили никого, кто бы встречал Перкинса в Дарли, но зато нашли аптекаря из Уилверкомба, который его обслуживал. Он говорит, Перкинс появился у него ровно в одиннадцать, то есть до Дарли он мог бы добраться к часу пятнадцати. У самого Перкинса начался рецидив болезни, и в данный момент он не в состоянии отвечать на вопросы. Еще мы встретились с Ньюкомбом, фермером, который в пятницу утром нашел лошадь, блуждающую по побережью. Он утверждает, что в среду она находилась на пастбище. Животинку видел один из его работников. При этом фермер уверен, что она сама не могла бы выбраться через дыру в изгороди. Но, разумеется, все всегда стремятся переложить вину на чужие плечи, а не признать, что что-то случилось по их недосмотру.

— Разумеется. Думаю, я поеду и навещу мистера Ньюкомба. А мисс Вэйн пока поломает голову над шифром — попробует все отмеченные слова. Правда?

— Если хочешь.

— Благородная женщина! Было бы здорово, если бы мы обогнали знаменитого шифровальщика. Полагаю, Уэлдоны не торопятся уезжать?

— Ни капельки. Но я их практически не видела с похорон. Генри держится на расстоянии — видимо, после эпизода со змеей. А его мать...

— Да?

— О, ничего особенного. Но мне кажется, она пытается раздобыть информацию у Антуана.

— Неужели?

— Да. Антуан ей очень сочувствует.

— Удачи ему. Что ж, всего хорошего!

Уимзи доехал до Дарли, поговорил с фермером и затем попросил у него на время одолжить ему лошадь и уздечку. Мистер Ньюкомб не только согласился, но и выразил желание сопровождать Уимзи во время его эксперимента. Сначала лорд был этим не слишком доволен; куда легче попробовать загнать лошадь, заставляя ее мчаться с невероятной скоростью, когда ее владелец на тебя не смотрит. Но потом ему в голову пришла мысль, что мистер Ньюкомб еще может ему пригодиться. Он попросил фермера отправиться на пляж с Утюгом и засечь точное время появления всадника в поле видимости. Фермер, который уже догадался, что случившаяся недавно трагедия и побег его лошади с пастбища как-то связаны, немедленно согласился и, сев на серого коня, отправился к пункту назначения. Уимзи слегка задержался, поглядывая на часы, а затем принялся за дело.

Лошадка легко дала себя поймать, судя по всему, она все еще помнила, что когда-то Уимзи кормил ее овсом. Дыра в изгороди, с разрешения фермера, снова была открыта, и, проведя животное сквозь нее, Уимзи сел верхом и пустил лошадь кентером.

Как и ожидалось, лошадь, хотя и шла довольно споро, не обладала какой-либо особенной мощностью, а поскольку они ехали по краю воды, то скачка сопровождалась брызгами и шумом. Наездник все время наблюдал за скалами. Но между ними бродили лишь одинокие домашние животные. Лорд Питер быстро добрался до коттеджей и принялся высматривать проем меж скал, о котором упоминал Ормонд. Тот обнаружился довольно скоро, легко узнаваемый по упавшим камням и обломкам изгороди. Уимзи взглянул на часы. У него еще оставалось время в запасе. Взглянув вперед на берег, он увидел Дьявольский Утюг, на котором сидел фермер Ньюкомб — маленькое темное пятнышко, примерно в миле пути. Решив исследовать проем позже, Уимзи пустил лошадь галопом. Она подчинилась, и последнюю милю они практически

пролетели, поднимая тучи брызг. Теперь Питер уже видел фермера совершенно отчетливо — тот привязал своего конягу к знаменитому кольцу в скале, а сам стоял на камне с ча-сами в руках.

Когда до места оставалось совсем чуть-чуть, лошадь словно вдруг осознала, где находится и что происходит. Она вздрогнула, будто ее подстрелили, вскинула голову и приня-лась брыкаться так сильно, что Уимзи с трудом удалось удержаться на ее спине. Мужчина прижал колени к бокам животного и натянул поводья, но это не помогло. Испуган-ная лошадка развернулась и понеслась в обратную сторону так, словно за ней по пятам гнался сам дьявол. Лорд Питер с присущим ему цинизмом подумал, что недооценил ее ско-рость, и крепко вцепился в шею лошади, изо всех сил пыта-ясь развернуть ее голову в сторону моря. Наконец та замед-лила ход.

— Господи, девочка моя, — мягко сказал Уимзи. — Что с тобой такое?

Лошадь тяжело дышала и дрожала.

— Так не пойдет, — продолжил Уимзи, осторожно погла-живая напряженную вспотевшую шею животного. — Никто не причинит тебе вреда, ты же знаешь.

Лошадь слегка успокоилась, но все равно продолжала вздрагивать.

— Ну, ну, — прошептал Уимзи.

Он снова развернул ее в сторону Дьявольского Утюга и увидел поспешно приближающегося мистера Ньюкомба на сером коне.

— Господи всемогущий! — воскликнул Ньюкомб. — Что случилось с лошадкой? Я уж думал, она вас сейчас скинет.

— Должно быть, ее что-то напугало, — предположил Уим-зи. — Она уже бывала здесь раньше?

— Нет, насколько я знаю, — ответил фермер.

— Вы не махали руками, когда мы подъезжали, или что-нибудь в этом духе?

— Нет. Я смотрел на часы — и вдруг! Черт, я даже о време-ни позабыл, она так резко взбрыкнула!

— Обычно ее легко напугать?

— Нет, я никогда раньше не видел, чтобы с ней случилось что-то подобное.

— Странно, — заметил Уимзи, — попробуем еще раз. Вы держитесь сзади меня, тогда мы будем точно знать, что она пугается не вас.

Он тронулся спокойным шагом в сторону скалы. Лошадь двигалась неохотно, мотая головой. Затем, как и раньше, дойдя до определенной черты, она остановилась как вкопанная и стояла, вздрагивая.

Они пробовали еще несколько раз, уговаривая коняшку и подбадривая, но безрезультатно. Она наотрез отказывалась подходить к Дьявольскому Утюгу, даже когда Уимзи спустился и попытался провести ее на поводу, она отказывалась двигаться, у нее тряслись ноги, а в глазах плескался дикий ужас. Из жалости мужчины прекратили свои попытки.

— Черт бы меня побрал, — прокомментировал Ньюкомб.

— И меня, — согласился Уимзи.

— Что могло на нее найти... — задумчиво пробормотал фермер.

— Я знаю, что на нее нашло, — сказал Уимзи, — но... Ладно, не важно, нам лучше возвращаться.

Они потихоньку направились к дому. Уимзи не стал останавливаться, чтобы изучить скалы. В этом не было необходимости. Он абсолютно точно знал, что произошло по дороге от Дарли до Дьявольского Утюга. Дома лорд записал все свои умозаключения, строчка за строчкой, и в конце, как Евклид, приписал: «Не является доказуемым».

В это время констебль Ормонд тоже чувствовал себя слегка не в своей тарелке. Ему внезапно пришла в голову мысль, что существует один человек, который точно должен был видеть мистера Перкинса в Дарли. Этим человеком был старый Гэффер Гэндер, который каждый день, и в дождь, и в жару, сидел на маленькой скамейке в тени большого дуба, что рос в центре лужайки. Вчера он совершенно позабыл об этом факте, потому что мистера Гэндера не было на своем обычном месте. Оказалось, что тот ездил в Уилверкомб на свадьбу младшего внука и девушки из города. Но сегодня он вернулся

и был готов к беседе. Пожилой джентльмен находился в высоком расположении духа. Ему было восемьдесят пять, и он обладал прекрасным здоровьем, и хотя порой жаловался на ставший уже не таким острым слух, но глаза до сих пор его не подводили.

Разумеется, да, он помнит четверг, восемнадцатое июня. Тот день, когда бедного молодого человека нашли мертвым на пляже. Прекрасный день был, хотя под вечер и поднялся легкий ветер. Он всегда замечает всех чужаков, которые проходят мимо. Он помнит, что в десять утра проехала большая открытая машина. Красная, и он даже номер запомнил, потому что его правнук, маленький Джонни (такой смысленный паренек!), сказал, какой забавный номер был у этой машины. О! 0101, как будто бы «ой-ой-ой». Мистер Гэндер еще помнит те деньки, когда вокруг не было этих штук, и люди тоже были вполне счастливы. Не то чтобы он против прогресса, нет. Он всегда голосовал за радикалов, когда был молодым, но вот социалисты заходят слишком уж далеко, по его мнению. Слишком свободно распоряжаются чужими деньгами — вот что они делают. Что? Да, конечно, машина вернулась обратно в час. В ней сидела женщина, и он бы мог сказать, что она выглядела как овца, прикидывающаяся ягненком. В его дни женщины не стыдились своего возраста. Не то чтобы он был против того, что дамы следят за собой и пытаются подать себя в лучшем свете, он за прогресс, хотя, на его взгляд, сегодня они заходят в этом слишком далеко. Из машины вышел джентльмен, мистер Мартин его звали. Он с ним поздоровался, а затем отправился в трактир, а машина поехала дальше. Да, он видел, как мистер Мартин уходил. В половине второго, судя по церковным часам. Хорошие часы, кстати. Викарий установил их за свой счет два года назад, и если включить радио, то можно услышать, как Биг-Бен и церковные часы бьют одновременно, очень красиво. Когда мистер Гэндер был молодым, радио еще не изобрели, но он считает, что это отличная штука, настоящий прогресс. Его внук Вили, тот, что женился на девушке из Таунтона, подарил ему прекрасный приемник. Такой громкий, что он замечательно его слышит, хотя со слухом в последнее время у него проблемы. А недав-

но он узнал, что скоро можно будет и картинки смотреть, а не только слушать, и дай бог ему дожить до того времени. Он ничего не имеет против изобретений. Что? Да, конечно, он помнит странного молодого человека, который проходил через деревню днем. Конечно, он может описать его, с глазами, да и с памятью у него все в полном порядке, слава богу! Вот только слышит он не очень, и мистер Ормонд должен был заметить, что с ним надо говорить четко, не бормотать, как нынче делает молодежь. Тот парень был городского типа, в больших очках, на спине сумка, а в руках длинная палка для ходьбы. Все они вечно ходят с этими палками, как будто бойскауты, хотя вряд ли они приносят им много пользы. Им об этом кто угодно может сказать. Но молодые никогда не прислушиваются к голосу разума, особенно женщины, и он считает, что они тоже далеко заходят — носят эти короткие юбки или шорты, как будто футболисты. Хотя мистер Гэндер еще не настолько стар, чтобы ему не нравилось смотреть на парочку симпатичных женских ножек. В его дни женщины не демонстрировали никому своих ног, но он знал множество мужчин, которые готовы были целую милю пройти, лишь бы взглянуть на симпатичную щиколотку.

Констебль вложил всю свою энергию в последний вопрос.

— Во сколько проходил тот молодой человек?

— Во сколько? Не обязательно кричать, юноша, я, может, слышу не очень, но не глухой. Я так и сказал священнику в прошлый понедельник. «Неплохую проповедь вы прочитали сегодня», сказал я. А он говорит: «Вам хорошо слышно с вашего места?». И я говорю ему: «Может, я слышу уже не так, как в молодости, но я могу слышать вашу речь, отец». И он говорит: «Вы потрясающий человек, для вашего возраста, Гэндер». И так и есть, это уж точно.

— Несомненно, — согласился Ормонд. — Я только хотел узнать, во сколько вы видели мужчину в очках и с длинной палкой.

— В два часа, ровно в два, — гордо сообщил пожилой джентльмен, — ровно в два. Откуда я знаю? В тот момент я как раз сказал себе: «Эй, старик, а не промочить ли тебе горло? Трактир закрывается в два, надо бы тебе поторопиться!»

Но тут появляется он, со стороны Уилверкомба, и шагает прямо в направлении Хинкс-Лейн. Я еще посмотрел на него, и сразу понял, что это городской типчик, выращенный на при-торном лимонаде. И это напомнило мне о том, что я еще успе-ваю выпить свою пинту. В баре я посмотрел на часы, было пять минут третьего — они всегда переводят часы немного вперед, чтобы все посетители убрались оттуда до закрытия.

Констебль Ормонд снес роковой удар молча. Уимзи ошиб-ся. Двухчасовое алиби было подтверждено и доказано. Уэл-дон невиновен, Брайт невиновен, Перкинс невинен как агнец божий. Осталось только доказать, что лошадь тоже ни при чем, и вся теория Уимзи разрушится, будто картонный домик.

Они с лордом встретились на лужайке в деревне и обсуди-ли это печальное знание.

Уимзи взглянул на него.

— У вас с собой, случайно, нет расписания поездов? — спросил он.

— Расписания? Нет, мой лорд. Но я могу достать. Или, мо-жет, я могу сказать вашей светлости...

— Не волнуйтесь. — Уимзи махнул рукой. — Я только хо-тел узнать, когда ближайший поезд до Колни-Хэтча.

Констебль уставился на собеседника.

— Лошадь виновна, — заявил Уимзи, — она была на мес-те преступления и видела, как произошло убийство.

— Но, мой лорд, я думал, что это невозможно.

— Так и есть. Но это правда.

Уимзи вернулся в участок, чтобы доложить Глэйшеру о своих выводах. Начальник полиции был не в лучшем настро-ении.

— Лондонские придурки потеряли Брайта, — коротко со-общил он. — Они проследили за ним до офиса «Утренней звезды», где он забрал свою награду в виде чека. Пройдоха сразу поменял чек на наличные, а затем смешался с толпой, и они потеряли его след. Я-то думал, на людей из Лондона можно положиться, но, видимо, ошибался. Как мне хочется уже, чтобы мы никогда не сталкивались с этим делом, — с го-речью добавил полицейский, — а теперь еще вы говорите,

что лошадь была на месте преступления, и что ее там не было, и что никто из тех людей, которые должны были на ней ехать, этого не делали. Дальше вы скажете, что она перерезала несчастному парню горло собственным копытом и превратилась в морского конька.

Расстроенный Уимзи побрел домой, где обнаружил ждущую его телеграмму. В ней говорилось:

«РАБОТАЮ С БРАЙТОМ. ЖДУ РЕЗУЛЬТАТОВ В СКОРОМ ВРЕМЕНИ. ГОВОРИЛ С ГЛАВНЫМ ИНСПЕКТОРОМ ПАРКЕРОМ. НАДЕЮСЬ ПРИВЕЗТИ ИЗ ДОМА ТВИДОВЫЕ КОСТЮМЫ — БАНТЕР».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ВНУК РЫБАКА

Уже двенадцать? —

Эти полчаса. Вот, я поставил

Маленькие часы, чтобы ты мог отмечать время.

Книга шуток со Смертью

Среда, 1 июля

— **Е**сть одна вещь, которая не дает мне покоя, — сказал инспектор Ампелти. — Если на том пляже около двух часов дня происходило что-то, что так напугало эту несчастную лошадь, то Поллок и его драгоценный внук должны были это видеть. Им нет никакой пользы от того, что они будут утверждать обратное. Ладно, тихое, мирное, незаметное убийство они еще могли проглядеть, но взбесившуюся лошадь? Маловероятно. Но они якобы проглядели.

Уимзи кивнул:

— Да, мне давно казалось, что они что-то недоговаривают, но как мы вытянем из них факты? Может, мне попробовать, Ампелти? Тот молодой парень, Джем, не выглядит таким уверенным в себе, как его дедуля. Как насчет его? У молодчика есть какие-нибудь особенные интересы или хобби?

— Ну, я не знаю, мой лорд, если только футбол. Он считается неплохим игроком, и я слышал, что он надеется получить место у «Уэстширских тигров».

— Хм. Лучше бы это был крикет — куда более в моем стиле. Ладно, все равно можно попробовать. Не предполагаете, где его можно найти вечерами? Может, в «Трех перьях»?

— Если он не вышел в море на своей лодке, то, скорее всего, он именно там.

Действительно, там Уимзи и нашел внука Поллока. Завести разговор в баре всегда куда проще, чем в любых других местах, поэтому пиво — неиссякаемый источник радости для детективов. После часа занимательной дискуссии о футболе и шансах различных команд в наступающем сезоне Уимзи обнаружил, что Джем разговаривался и явно стал дружелюбнее относиться к собеседнику. Крайне осторожно лорд перевел тему на рыбалку, а затем на Утюг и смерть Пола Алексиса. Сначала эффект его разочаровал. Улыбка Джема испарилась, он насторожился и нахмурился. Как только Уимзи уже решил, что пора снова менять предмет разговора, молодой человек решил. Он подвинулся чуть ближе, оглянулся через плечо на толпу в баре и прошептал:

— Видите ли, сэр, мне бы хотелось поговорить с вами об этом.

— Как вам угодно. Снаружи? Хорошо. Очень интересно. — Последняя фраза была произнесена более громким тоном. — В следующий раз, когда буду в этих краях, обязательно зайду посмотреть, как вы играете. Что ж, мне пора. Вы идете домой? Я могу вас подвезти, если хотите, это всего минутку займет.

— Спасибо, сэр. Буду рад.

— И вы сможете показать мне те фотографии, о которых мы говорили.

Они вышла на улицу, прощаясь с другими посетителями. Уимзи заметил, что местные, казалось, не особенно жаловали Джема, их прощание выглядело довольно сдержанным.

Оба уселись в машину и некоторое время молчали. Затем Джем заговорил:

— Насчет того дела, сэр. Я сказал деду, что лучше бы он сообщил полиции, как все было, но он такой упорный, и к тому же если об этом стало известно, то ведь получилось бы убийство. И он не хотел, чтобы соседи и все остальные нас обсуждали. Но дед мой не доверяет этому Ампелти и его людям, и он убил бы меня или матушку, если бы мы проговорились. Он всегда говорит — стоит сказать полиции, как о твоих словах узнает весь город.

— Ну... зависит от того, о чем именно идет речь, — произнес заинтригованный Уимзи. — Разумеется, полиция не может скрывать ничего... ну, ничего криминального, но...

— Ой, нет, сэр, я вовсе не о том. По крайней мере, для вас. Но вот если Бэйнсы узнают и расскажут Гарни... Но я всегда говорил деду, что он поступает очень глупо, пусть даже Том Гарни и сыграл над ним злую шутку.

— Если ничего криминального нет, — с облегчением сказал Уимзи, — тогда можете быть уверены, я-то никому ничего не расскажу.

— Понимаю, сэр. Именно поэтому я и хотел поговорить именно с вами, сэр. Видите ли, дед оставил о себе плохое впечатление, никому не понятно, чем он занимался у Клыков. Я бы сразу обо всем рассказал, но боялся, что он опять будет отыгрываться на матери, едва я спиной повернусь.

— Я вас вполне понимаю. Но что же вы делали в тот день?

— Доставали раков, сэр.

— Доставали раков? Но какой в этом вред?

— Никакого, сэр, вот только, видите ли, ловушки-то принадлежат Тому Гарни.

После нескольких вопросов история наконец начала проясняться. Невезучий Том Гарни, живущий в Дарли, обычно расставлял ловушки около Клыков. Но однажды он сильно обидел старого Поллока, каким-то образом испортив его сети. Мистер Поллок, который не любил пользоваться общепринятыми методами, решил отомстить в частном порядке. Он выбирал те моменты, когда Гарни отсутствовал, плавал к его ловушкам, забирал себе большую часть добычи и заменял ловушки на новые. Как объяснил Джем, мистер Поллок не то чтобы действительно надеялся восполнить пропавшие сети ценной добычей, но просто испытывал непередаваемое удовольствие, когда слышал, как Гарни ругается на то, что раков нынче на побережье практически не осталось. Джем считал все это редчайшей глупостью и не очень-то хотел принимать в ней участие (для его репутациигодились бы хорошие отношения с соседями), но, по разным причинам (под которыми подразумевались, видимо, отвратительный характер Поллока, а также маячившее на горизонте наслед-

ство), Джем развлекал своего дедушку участием в краже раков.

Уимзи был в очередной раз сражен. Все оказалось настолько просто. Вся таинственность, а за ней ничего, кроме банальной местной вражды. Он взглянул на Джема. Становилось темно, и лица молодого человека уже не было видно — только размытый профиль.

— Очень хорошо, Джем, — сказал лорд Питер. — Я все понимаю. Но как насчет того, что происходило на берегу? Почему вы с дедушкой настаиваете на том, что никого не видели?

— Но это правда, сэр. Мы никого не видели. Понимаете, сэр, дело было вот как. Мы вывели лодку в море, обогнули скалы и подплыли к Клыкам. Дед велел мне следить за берегом, он боялся, что кто-нибудь из семьи Гарни может нас увидеть. Ну, я и смотрел все время на берег, но там не было ни души, за исключением того парня на Утюге. Я на него тоже поглядывал, решил, что он спит или что-то вроде, и он не был похож ни на кого из местных, так что я сказал деду, что, скорее всего, это кто-то из города.

— Он спал, вы говорите?

— Казалось, что да. Дед тоже на него посмотрел и решил, что никакого вреда от него не будет. Он велел мне смотреть на вершины скал. Я и смотрел, и ни единой души там не было, это правда, жизнью клянусь.

— Но послушайте, Джем, — сказал Уимзи, — вы же были на суде и сами слышали, что Алексис погиб около двух часов дня.

— Это правда, сэр. Должно быть, он сам себя прикончил, потому что к нему точно никто не подходил, ну, кроме молодой леди, разумеется. Если только это не случилось, пока мы доставали ловушки. Может, в тот момент мы могли и пропустить что-то. Мы закончили с работенкой как раз около двух — точнее не скажу. Я опять тогда взглянул на того парня и сказал деду, что мне кажется, человек на камне выглядит странно. Я предположил, что с ним что-то не так. Мы подплыли немного ближе, но тут из-за скал появилась молодая леди и принялась ходить около парня. Дед сказал, что нам не следует с ними путаться, и мы снова отплыли. Потому что, понимаете, сэр, если

бы мы вмешались и потом стало известно, что у нас лодка была доверху забита чужими раками, то Гарни нам бы так этого не спустил.

— Поллок сказал, что в первый раз вы увидели Алексиса примерно без пятнадцати два.

— Должно быть, даже раньше, сэр. Но мы не постоянно за ним следили.

— Если бы кто-то подходил к нему до двух часов, вы бы это заметили?

— Думаю, да. Нет, сэр, бедный джентльмен сделал это сам, я и не сомневаюсь. Просто спокойно перерезал себе горло, сидя на камне. Тут и сомневаться нечего.

Уимзи был совершенно растерян. Если то, что он сейчас слышал, — ложь, то надо было отдать должное актерским способностям Джема. Так неподдельно искренне звучал его голос. Но если это правда, то теория об убийстве становилась еще более недоказуемой, чем прежде. Все приводило к тому, что Алексис погиб от своих собственных рук, в одиночестве.

Но все-таки... почему лошадь отказывается подходить к месту его гибели? Возможно ли... Уимзи не дружил со всем сверхъестественным, но ему уже встречалось такое... возможно ли, что дух Пола Алексиса все еще витает где-то над пляжем, заметный для животных, но невидимый для людей? Он встречал уже одну лошадь, которая отказывалась приближаться к месту, где давным-давно было совершено преступление.

Внезапно лорду пришла в голову еще одна мысль, которую он немедленно решил проверить.

— Кто-нибудь еще не спит у вас дома, Джем?

— О да, сэр. Мать наверняка меня дожидается.

— Я бы хотел с ней встретиться.

Джем не возражал, поэтому Уимзи направился в коттедж Поллоков. Миссис Поллок, подогревавшая для сына суп, приняла его светлость вежливо, но в ответ на его вопрос покачала головой:

— Нет, сэр. Мы не слышали никакой лошади на пляже сегодня.

Что ж, это его устраивало. Если Уимзи проехал мимо коттеджей незамеченным, то и любой другой мог.

— Ветер сегодня дует в сторону моря, — добавила миссис Поллок.

— И вы уверены, что ничего такого не слышали в четверг?

— О! — Миссис Поллок сняла с супницы крышку. — Не после полудня, как полиция спрашивала. Но Съюзи вспомнила, что она слышала что-то похожее на стук копыт где-то во время обеда. То есть в двенадцать. Но поскольку она была занята, то не вышла посмотреть.

— В двенадцать?

— Около того, сэр. Она вспомнила совершенно неожиданно, когда мы обсуждали визит молодого Ормонда.

Когда Уимзи покидал коттедж, мысли его находились в совершенном беспорядке. Если кто-то проезжал по берегу в полдень, то это объясняло подкову, но не объясняло убийство. Неужели он все-таки ошибся, уделив подкове столько внимания? Может, какой-нибудь паренек просто увидел лошадку и решил прокатиться на ней вдоль берега? Может, она и обратно не сама возвращалась?

Но опять-таки, а ее странное поведение сегодня днем? И кольцо в скале? Может, его использовали с другими целями? Или, предположим, убийца приехал верхом в двенадцать и проговорил с Алексисом вплоть до двух. Но Джем сказал, что они видели только одну фигуру. Мог ли убийца прятаться в нише скалы, пока не настало время нанести удар? Но зачем? И как лошадь попала домой? Ее не было на берегу с часу до двух, если Джем можно верить. Уимзи некоторое время обдумывал идею о двоих людях на спине одной лошади, но это казалось слишком уж притянутым за уши и абсурдным.

Затем его посетила неожиданная идея. Они все время исходили из того, что Алексис пришел к месту своей смерти пешком, — а что, если это не так? Почему бы Алексису не быть всадником?

В таком случае можно было объяснить время, но все остальные проблемы по-прежнему множились, как шипы в розовом саду. Когда он сел на лошадь? Его видели выходящим

из Дарли по дороге к Лесстон-Хэу. Он вернулся, забрал лошадь с пастбища и поехал? Если нет, кто привел ее? И, опять-таки, как она попала обратно?

Уимзи решил разыскать инспектора Ампелти и сообщить ему обо всех проблемах.

Инспектор как раз собирался спать и был не очень рад видеть лорда, но, услышав новую информацию, переменялся.

— Поллоки и Моггериджи — самые большие лгуны на свете, — заметил он, — и если произошло убийство, то я совершенно уверен, что они в нем замешаны. Но насчет того, как добрался до места Алексис, можете не волноваться. Мы нашли шестерых свидетелей, которые встречали его на дороге между десятью пятнадцатью и одиннадцатью сорока пятью, если только они не спутали его с другим молодым человеком с черной бородой, что маловероятно.

— Никто из свидетелей не знал его лично?

— Нет, — признал инспектор, — но я не думаю, что в тот день в одно и то же время и в одном направлении шли два юноши в синих костюмах и с бородой, если только кто-то специально не притворялся Алексисом, но какой в этом смысл? Я хочу сказать, для этого могло быть только две причины: доказать, что он был в том районе в то время, хотя на самом деле он был в совершенно в другом месте, или доказать, что он был жив, хотя к этому времени он уже был мертв. Мы и так знаем, что он находился именно там, так что первое отпадает; и мы знаем, что его действительно убили в два, а не раньше, и номер второй тоже не проходит. Если только... — медленно добавил полицейский, — настоящий Алексис не замыслил какое-то сомнительное дельце, для которого ему самому требовалось алиби, и второй парень выполнял за него эту задачу. Я об этом не подумал.

— Полагаю, что убит был на самом деле Алексис. Вы знаете, ведь лица у трупа не было, поэтому мы полагались только на фотографии и одежду.

— Ну, борода у него точно была настоящая, — сказал инспектор, — и кого, по-вашему, собирался убить Алексис?

— Большевиков, — легко предположил Уимзи. — Он мог договориться с большевиком, который хотел его убить, о встрече, чтобы самому убить большевика.

— Мог... но это дела не упрощает. Кто бы ни совершил убийство, ему удалось исчезнуть с места преступления. И как он мог поменяться с жертвой одеждой? У него не было времени.

— После убийства точно не было.

— Все это еще больше усложняет ситуацию. Лично я считаю, что ваше предположение о том, что какой-то паренек решил покататься на лошадке, верно. Кольцо в скале могло использоваться и для других целей. Тогда мы можем исключить лошадь из нашего дела, и все станет немного проще. Тогда мы можем сказать, что либо Алексис сам с собой покончил, либо его убил кто-то, кто пришел к нему на своих двоих вдоль берега. И не важно, что Поллоки его не видели. Может, он прятался под камнем. Как вы и сказали. Проблема только в одном — кто он? Не Уэлдон, не Брайт и не Перкинс. Но в мире есть и другие люди, кроме них.

Уимзи кивнул.

— Я слегка расстроен, — признался он, — это дело мне совсем не дается.

— Действительно, дело мерзостное, — согласился Ампелти, — но с другой стороны! Прошло всего две недели! Что такое две недели? Надо запастись терпением, мой лорд, и подождать перевода того письма. Может быть, в нем и скрываются ответы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ШИФР

Я точно не знаю,
Понял ли я то, что ты имеешь в виду, если да,
То смысл — в колебаниях твоего голоса,
Тусклого, как вечерние тени у ручья.

Фрагмент

Письмо от Чурбана пришло только в пятницу и не было обнадеживающим. В нем говорилось:

*«Дорогой Буравчик,
получил твое письмо. Старый Банго сейчас в Китае, разбирается с какими-то проблемами, так что я отправил ему твою задачку. Возможно, он получит ее в течение пары ближайших недель. Как дела? Видел Рысака на прошлой неделе, в Карлтоне. Он слегка поссорился со своим стариком, но вроде держится. Помнишь дело Ньютона-Кэrbэрри? Оно улажено, и Флопс отправился на континент. Вот так!*

*Всегда твой
Чурбан».*

— Идиот несчастный! — разгневанно воскликнул Уимзи. Он бросил письмо в корзину для использованной бумаги, надел шляпу и направился к миссис Лефранк. Там он обнаружил Гарриет, активно работающую над шифром, хотя у нее ничего и не получалось.

— Банго тоже нас подвел, — сообщил Уимзи. — Придется нам самим напрячь свои великие мозги. Так, смотри-ка. Вот с чего нам следует начать. Что в этом письме и почему его не сожгли вместе со всем остальным?

— Да, это действительно довольно странно, хотя и не приходило мне в голову.

— Вот именно. Письмо пришло утром во вторник. В среду Алексис привел в порядок свои счета, а ночью сжег бумаги. Утром в четверг он вышел из дома, чтобы сесть на поезд. Что, если мы предположим, что он следовал инструкциям, содержащимся в письме?

— Звучит правдоподобно.

— Да. Значит, возможно, и то, что именно в нем Алексису назначили встречу у Дьявольского Утюга. Так почему же он не сжег его?

Гарриет принялась вспоминать все криминальные романы, с которыми была знакома.

— В моих книгах, — заметила она, — я обычно делаю так. Злодей говорит: «Принеси это письмо с собой». Идея заключается в том, что, с точки зрения злодея, так он сможет убедиться, что бумага действительно уничтожена. С моей точки зрения, конечно, все наоборот, и я в итоге делаю так, что клочок бумаги остается зажатым в окоченевшей руке жертвы, чтобы помочь Роберту Тэмплтону в расследовании.

— Вот как. Ты предполагаешь, что наш злодей не ухватил двойственную природу твоих мотивов. И он сказал себе: «Гарриет Вэйн и другие известные писатели всегда заставляют убийцу сказать жертве, чтобы та принесла с собой письмо. Видимо, это правильный поступок». Это может послужить объяснением.

— Должно быть, тогда это злодей-любитель.

— Почему бы и нет? Если только это не большевистский агент, то, вероятно, так и есть. Я могу предположить, что где-то в тексте письма, скорее всего ближе к концу, мы встретим слова «Принеси с собой это письмо».

— Понятно. Но почему тогда оно оказалось во внутреннем кармане, а не в руке жертвы, как полагается?

— Не знаю. Жертва подвела?

— Тогда убийца должен был его обыскать и найти бумагу.

— Может, он забыл.

— Как неумело!

— Ничего не могу поделать. Письмо-то — вот оно. И, без всякого сомнения, в нем полно всякой опасной и нужной информации. Ведь если там указано, например, время и место встречи, то уже одно это может послужить доказательством того, что никакого самоубийства не было.

— Но послушай-ка! А что, если Алексис захватил письмо с собой только потому, что в нем содержалась инструкция, скажем, как пройти к месту встречи, и он боялся забыть дорогу?

— Невозможно. Во-первых, он бы держал его в руках, а не прятал во внутреннем кармане. И к тому же...

— Не обязательно. Он мог держать его в руках, пока не добрался, а потом убрать в карман. В конце концов, он же сидел в одиночестве целый час или больше, так ведь?

— Так, но я хотел сказать кое-что другое. Если бы он собирался ориентироваться по письму, то, скорее всего, взял бы с собой не сам шифр, а уже раскодированный вариант послания, чтобы было удобней читать.

— Конечно... Но... ох, это же все решает! Он действительно взял с собой копию, и убийца спросил: «Ты принес письмо?» И Алексис, не думая, отдал ему расшифрованный вариант, который наш злодей и уничтожил, забыв о том, что у убитого мог остаться оригинал.

— Ты права, — сказал Уимзи. — Ты абсолютно права. Именно это и произошло. Что ж, но это не продвигает нас в решении нашей задачи. Хотя мы уже слегка представляем, о чем могла идти речь в письме, так что это поможет в расшифровке. Еще мы думаем, что наш злодей был простым любителем, и само письмо подтверждает этот факт.

— Как это?

— Посмотри, в верхней части две линии букв, по шесть в каждой. Кто еще, как не любитель, мог так сгруппировать буквы, еще и два раза подряд. Можно выдвинуть два предположения по поводу того, что могут означать эти строчки. Первое — ключевое слово к шифру, но это я уже проверил, не

подходит, да и писать ключевое слово в самом письме совсем уж глупо. Конечно, это могло бы быть ключевое слово для следующего письма, но маловероятно. Шесть букв — это слишком мало для ключевого слова в этом конкретном шифре, а двенадцать — чересчур много. Тогда выдвигается другое предложение — это адрес, а еще вероятнее, адрес и дата. И место как раз правильное. Конечно, я не имею в виду адрес целиком, но просто название города, например Берлин или Лондон, а под ним дата.

— Вполне возможно.

— Нам остается только попытаться проверить. Так, про город у нас пока никаких предположений нет, так что давай займемся датой.

— Как она может быть записана?

— Посмотрим. Письмо пришло семнадцатого июня. Я точно не знаю, сколько идут письма из Центральной Европы, но уж точно не больше трех-четырех дней. Значит, его отправили после десятого июня. Соответственно, у нас есть название месяца и две буквы, в которых зашифровано число. Предположим, RBEXMG обозначает «такое-то июня» или «июнь, такое-то». Скорее всего, цифры кодируются следующим образом: один = A, два = B, три = C и так далее, а эти буквы, в свою очередь, зашифрованы вместе с остальными. Значит, в оригинале было написано A? JUNE или JUNE A?. На месте незнакомой нам цифры, которая в любом случае должна быть меньше «пять», ставим вопросительный знак. Очень хорошо. Так как ты считаешь, он вначале написал — число, потом месяц или наоборот?

— Большинство англичан ставят сначала число, а затем месяц. По крайней мере, деловые люди, а многие старомодные леди по-прежнему сначала указывают месяц.

— Хорошо. Сначала попробуем, как ты сказала. Значит, RBEXMG — это A? JUNE. Отлично. Посмотрим, что мы можем с этим сделать. Давай запишем наши пары. Оставим пока RB в стороне и начнем с EX. Так, EX = JU. Да, вот что очень полезно в отгадке этого шифра. Бывает, что в зашифрованной паре и в оригинальной паре присутствует одна и та же буква — это случается, если две нужные тебе буквы идут прямо друг за

другом, по вертикали или по диагонали. Не понимаешь? Смотри! Возьмем наше старое ключевое слово SQUANDER («расчетливость»), запишем его в таблицу:

S	Q	U	A	N
D	E	R		

Затем возьмем пару DE и буквы справа от них (следуя горизонтальному правилу), получается, что DE = ER, значит, буква E есть и в коде, и в расшифровке. То же самое и с буквами, которые следуют сразу одна за другой по вертикальной линии. В нашей первой паре EX = JU этого не происходит, поэтому мы можем записать их по диагонали, вот так:

J	E
X	U

Если мы предположим, что эти буквы выполняют роль углов параллелограмма, то JX в нашей таблице будет располагаться на одной линии, вертикальной или горизонтальной, то же самое и с JE, и с EU, и с UX. Если мы также распределим остальные буквы, то у нас получится:

J	E
X	U

N	M
G	E

A	R
B	?

К сожалению, здесь нет соседних букв, хотя это бы нам крайне помогло. Но нельзя иметь все и сразу.

Итак, начнем сначала: U и X должны быть на одной линии. Поскольку эти буквы находятся в конце алфавита, значит, эта линия — самая нижняя. После U в алфавите имеется еще пять букв, а места только для четырех. Следовательно, одна из них входит в ключевое слово. Пойдем на риск и предположим, что это не буква Z. Если это не так — придется начать все сначала, но надо же пробовать. Рискнем буквой Z. Тогда у нас остается три возможных варианта последней строки: UVXYZ, буква W — в ключевом слове; UWXYZ, буква V — в ключевом слове; UVWXZ, буква Y — в ключевом слове. Но U в любом случае попадает в нижний левый угол. Так, взглянув на наши диагонали, мы видим, что E и U находятся на одной линии, но явно не рядом друг с другом, а то ключевое слово получилось бы просто огромным. Поставим E в один из трех оставшихся квадратов в левой колонке, вот так:

e				
e				
e				
U				

Это немного, но уже какое-то начало. Теперь разберемся с X. Мы точно знаем один квадрат, в котором ее не может быть. Она не может идти после U, иначе между X и Z осталось бы два пустых квадрата и только одна буква, чтобы в них вписать. Поэтому X у нас будет либо в третьем, либо в четвертом квадрате. Итак, у нас получается две возможных таблицы.

e				
e				
e				
U	X	Z		

Zc (1)

e				
e				
e				
U			X	Z

(2)

Если мы снова обратимся к нашим диагоналям, то увидим, что X и J находятся на одной линии, так же как J и E. Это означает, что J не может находиться прямо над X, поэтому мы поступим как в прошлый раз и впишем ее в верхние три квадрата. Теперь интересный момент. M и N тоже должны быть на одной линии. В первой таблице слишком уж сильно хочется поставить их справа от J, оставив K и L для ключевого слова. Но во второй таблице для этого не хватает места. В таком случае либо M, либо N, либо обе буквы входят в ключевое слово. M и E должны быть на одной линии, но N не может соседствовать с E. Это нам кое-что дает, но вариантов все равно остается масса. Наше ключевое слово не может начинаться на EN, это точно. Но подожди! Если E расположить в третьем квадрате, то N не может находиться в дальнем конце этой же линии, потому что по правилу горизонталей все равно окажется рядом с E. Тогда в первой таблице мы можем вычеркнуть варианты JMN или JLN для этой линии. Тогда получается JLM, что невозможно, если только N не входит в ключевое слово, потому что N не может быть рядом с E, но они должны быть на одной линии, и M там же.

Уимзи слегка потянул себя за волосы и продолжал сидеть, бубня себе под нос.

— Мне кажется, мы уже все сделали с этими буквами, — сказала Гарриет, — может, попробуем разобраться с остальным сообщением? Смотри, я уже разбила все на пары. Эй! Тут наш старый друг EXMG снова появляется.

— Неужели? — Уимзи распрямился. — Тогда, если мы правы, там указана другая дата в июне. Вряд ли это может быть частью каких-нибудь двух других слов. Если в письме назнача-

ется встреча на восемнадцатое, то почему бы двум буквам впереди не быть этим самым числом, точнее, буквами АН? Надо попробовать, что там написано?

— О. В.

— ОВ = АН. Это нам пригодится. Так, запишем:

О	А
Н	В

О и А на одной линии. О и Н тоже, а про А и В мы уже и так знали. Похоже на то, что мы на верном пути, но все равно далеко не продвинулись, потому что ни одну из этих букв мы еще не вписали в таблицу.

— Секундочку, — вмешалась Гарриет. — У меня идея. Город в заголовке — он должен находиться где-то в Центральной Европе. В нем шесть букв, и последние две — это первые две, только наоборот. Как насчет Варшавы («Warsaw»)?

— Господи! Это гениально! Можно попробовать. Давай-ка посмотрим, что нам это дает.

Он нарисовал новую пару диагоналей:

W	X
N	A

R	A
T	S

— W и X на одной линии, — заметил он, — и очень хочется верить, что W находится рядом с X. В другом случае она в ключевом слове. Забавы ради давай внесем ее в обе наши таблицы. Так, теперь еще интересней. W и N тоже на одной линии. N должно быть в одном ряду с E, значит, мы не можем поставить ее ни в четвертый ряд сверху и не в третий тоже, иначе буквы не поместятся. Если W расположена правильно, то N оказывается в одном из двух верхних рядов, то есть в любом случае входит в ключевое слово.

Гарриет послушно занесла все в таблицы.

e				
e				
e				
U	W	X	Y	Z

(1)

e		n	i	
e		n	i	
e			i	
U	W	X	Z	

(2)

— Получается, первая таблица пошла не по тому пути, — удивилась она. — Но почему? Что мы не так сделали? О, знаю. Е и N не могут быть рядом, поэтому если эта таблица правильная, то Е должна находиться в третьем ряду. Ну и ну! Тогда ключевое слово состоит из одиннадцати букв!

— Не обязательно. Е может быть и на своем алфавитном месте. Но ты права, следуя первой таблице, она должна быть в третьем ряду. Продолжим. S и T по одной линии, R и T — тоже, но сочетание RST образоваться не может, так как RS не равно ST. Мне бы хотелось поместить ST прямо перед U, но уверенным быть нельзя. Черт с ним! Запиши, если ошибемся, переделаем снова. Вот! В таком случае R должна входить в ключевое слово и находится в самом правом вертикальном ряду, в одном из двух верхних квадратов. Тогда RS будет означать что-то иТ.

— Но мы знаем RS! Если $AT = RS$, то $RS = AT$.

— Господи! Точно. Отлично! Это практически доказывает, что наши S и T на нужном месте. И мы теперь знаем, что AR должны идти подряд в ключевом слове.

Гарриет снова заполнила таблицы.

— Можем мы теперь сделать что-нибудь с $NX = AW$? Да, гляди! Если мы впишем A в первую таблицу, чтобы получилось верно, то A никак не окажется рядом с R ! Так что либо мы вообще все делали неправильно, либо мы можем убрать первую таблицу к черту.

e		N	ia	r
e		N	ia	r
e			i	
			S	T
U	V	W	X	Z

— Ура! Гениальная женщина! Мне с самого начала не нравилась эта таблица, так что убираем. У нас остается подающая большие надежды вторая.

— Я рада, что ты не считаешь ее безнадежной! Как насчет M и N в одной линии, мы теперь можем что-нибудь с этим сделать?

— Почему бы и нет? Давай попробуем. Если M поставить прямо под N , то до S останется пять пустых квадратов и только три буквы для них, так как N и R входят в ключевое слово. Значит, M располагается где-то в левой стороне, в одном из четырех квадратов. Мы знаем, что $NE = MG$. Очевидно, G нельзя всунуть между E и N , иначе у нас получится ключевое слово с сочетанием MNG , что звучит невероятно. Но все же остается несколько возможностей. Мы можем сделать еще что-нибудь?

— Можем вписать Q перед S . Вряд ли оно может входить в слово без U , и R мы уже тоже точно расположили в другом месте.

— Да. Хорошо. Вот так. Кстати, какие-нибудь из этих пар придадут нашему письму смысл?

— Нет. Я все пыталась их вставить, но они совершенно бесполезны. У нас есть группа $ATGM$, что может расшифровываться как $RS EN$. С остальными тоже ничего не понятно.

— Ну ладно, я все равно думаю, мы на верном пути. Но это даже любопытно, как мало мы можем понять на этой стадии.

Гениальный шифр, не правда ли? Подожди-ка. Вот группа TS QJ, а затем MG. TS = SQ, Q, должно быть, разделяет две S, а MG = NE — получается NESS. Очень даже возможное окончание, но опять непонятно... Вот опять оно! Видимо, это важно, то же самое слово — BFFY, а затем NESS, но это BFFY меня только запутывает. Надо продолжать сражаться с верхним левым углом нашей таблицы. Давай выпишем все возможные позиции для NE = MG.

E	G
M	N

(1)

E	G
M	N

(2)

M	N
E	G

(3)

— Я вижу только одно, — сказала Гарриет, — между M и N должна быть какая-то гласная, и это не A, E, I или U, мы их уже расставили. Значит, либо O, либо Y.

— Скорее O. Число слов с сочетанием MYN довольно ограничено. Но Y тоже должно быть где-то в слове. Вероятнее всего, в самом конце, например MONY. Тогда в первой таблице у нас будет MONY и слово из девяти букв. Это нормально. Но оно должно начинаться с E-G, а это уже хуже. EBG, ECG — давай пробежимся по алфавиту. EHG — думаю, нет. ELG — где

у нас словарь? Ничего. Все остальные буквы уже расставили... Девочка моя, можешь забыть о словах на MONY, они не подойдут ни к одной таблице, если только ко второй... Но тогда в ключевом слове четырнадцать букв, а я отказываюсь в это верить.

— Тогда вторую таблицу можно вычеркнуть.

— Точно! Тогда наше слово либо начинается на MON... либо нет.

— Но оно начинается! Мы же не нашли слова на E-G.

— Не смогли. Теперь! Осталось совсем немного. Заполни-ка все. О, и смотри! Я уверен, F должно быть между E и G, там как раз есть место.

Гарриет заполнила таблицу дрожащей рукой.

M	O	N	ia	r
			ia	r
E	F	G	i	
		Q	S	T
U	V	W	X	Z

— Выглядит уже лучше, — признала она, — давай посмотрим, можно ли попробовать почитать письмо. Черт! Как много групп мы еще не расшифровали! BFFY все еще абсолютная бессмыслица. О, подожди! Вот тут что-то... MZ TS XS RS. Так, MZ это что-то и U, возможно, RU, процентов на пятьдесят. TS = SQ, а XS — это S и что-то, то есть Q — просто дополнительная буква. Предположим, XS = SI. Почему бы и нет? RS тогда скорее всего — AT, тоже ничего не мешает. И если мы предположим, что все это верно, то MZTSXSRS — это RUSQSIAT. Убираем Q и получаем RUSSIAT. Тогда может получиться слово RUSSIA.

— Действительно, почему бы и нет. Давай-ка так и сделаем. Запишем буквы. M O N A R... ой, Гарриет!

— Не дергайся!

— Я должен дергаться! Мы нашли ключевое слово! MONARCH. Подожди. Тогда перед E остается три квадрата, а у нас остались только B и D... О нет, я совсем забыл! Y, старая

добрая Y! MONARCHY. Гип-гип ура! Вот оно! Все готово! Смотри! Вот, твоя таблица заполнена. И выглядит она вполне ничего, могу я сказать.

M	O	N	A	R
C	H	Y	ia	r
E	F	G	Ij	K
L	P	Q	S	T
U	V	W	X	Z

— О, Питер! Как замечательно! Давай потанцуем или еще что-нибудь.

— Глупости! Продолжим работу. Никаких развлечений. Начинаем. PR BF XA LI MK MG BF FY MG TS QJ — и давай уже раз и навсегда разберемся с этим BFFY. Я буду читать диагонали, а ты записывай.

— Хорошо. T— O — H — I — «To His Serene» (Его светлости). Это может это быть правильным?

— Это английский. Поторопись, мы добрались до BFFY. «To His Serene Highness» (Его светлости, его высочеству).

— Питер! О чем это все?

Лорд Питер побледнел.

— Господи! — мелодраматично воскликнул он. — Неужели мы все это время ошибались, а миссис Уэлдон была права? Неужели мне придется охотиться за бандой большевиков? Читай!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ПИСЬМО

Одним словом, услышь то, о чем скоро услышат
все:

Король — мужчина, и я не буду женщиной,
Если не стану королем.

Книга шуток со Смертью

Пятница, 3 июля

«**Т**o His Serene Highness Grand-Duke Pavlo Alexeivitch heir to the throne of Romanovs.

Papers entrusted to us by your Highness now thoroughly examined and marriage of your illustrious ancestress to Tsar Nicolas First proved beyond doubt» (Его Высочеству великому князю Павлу Алексеевичу, наследнику трона Романовых. Бумаги, доверенные нам Вашей светлостью, были тщательно изучены, и брак Вашей ... родственницы и царя Николая Первого без всяких сомнений доказан).

Гарриет сделала паузу.

— Что это значит?

— Бог его знает. Николай I не был святым, но не думаю, что он был женат на ком-то, кроме Шарлотты-Луизы из Пруссии. Кто, интересно, эта таинственная родственница Алексиса?

Гарриет покачала головой и продолжила чтение.

— «All is in readiness. Your people groaning under oppression of brutal Soviets eagerly welcome return of imperial rule to Holy Russia» (Все готово. Ваш народ стонет под давлением же-

стоких Советов и с восторгом приветствует возвращение императорского правления в Святую Русь).

Уимзи нахмурился:

— Если это действительно так, какое разочарование для моих друзей-социалистов. Мне только недавно один из них доказывал, что русский коммунизм заслуживает того, чтобы им гордились, и что русские жизненные стандарты поднялись буквально с нуля за последние три года. Хотя, возможно, дело в том, что русские настолько отсталый народ, что они не могут оценить этого подъема.

— Алексис всегда же говорил, что он из благородной семьи, не так ли?

— Да, и, видимо, нашелся кто-то, кто ему поверил. Читай дальше.

«Treaty with Poland happily concluded. Money and arms at your disposal. Your presence alone needed» (Договор с Польшей заключен. Деньги и оружие в Вашем распоряжении. Необходимо лишь Ваше присутствие).

— Ого! — воскликнул Уимзи, — Мы приближаемся к развязке. Вот откуда взялись паспорт и триста золотых соверенов.

«Spies at work. Use caution. Burn all papers all clues to identity» (Шпионы не дремлют. Будьте осторожны. Сожгите все бумаги и все улики, связанные с Вашей личностью).

— Эту часть он выполнил как следует, черт бы его побрал! — вмешался Уимзи. — Но кажется, мы добираемся до фактов.

«On Thursday 18 June take train reaching Darley Halt ten-fifteen walk by coast-road to Flat-Iron rock. There await Rider from the sea who brings instruction for your journey to Warsaw. The word is Empire» (В четверг 18 июня сядьте на поезд, идущий в Дарли-Хэл в десять пятнадцать, пройдите вдоль берега до скалы под названием «Утюг». Там ждите Всадника с моря, который принесет инструкции для поездки в Варшаву. Пароль «Империя»).

— Всадник с моря? Боже всемилостивый! Означает ли это, что Уэлдон... что лошадь... что...

— Читай дальше. Возможно, Уэлдон на самом деле герой пьесы, а вовсе не злодей. Но если это так, почему он нам не сказал об этом?

Гарриет продолжила чтение.

«Bring this paper with you. Silence, secrecy imperative .

Boris»

(Принесите с собой это письмо. Молчание и строжайшая секретность. Борис).

— Что ж! — заметил Уимзи. — Во всем этом деле я понимаю только одно. Я сказал, что в послании будут слова: «Принесите с собой это письмо», — и вот они. Но все остальное выше моих сил. «Павел Алексеевич, наследник трона Романовых». Твоя хозяйка может принести нам что-нибудь выпить?

Освежившись, Уимзи пододвинул стул поближе к столу и принялся разглядывать расшифрованное послание.

— Так, — сказал он, — давай-ка все разберемся. Теперь мы точно знаем, что именно письмо привело Пола Алексиса на пляж. Его послал Борис, кем бы он ни был. Так, Борис — это друг или враг?

Лорд Питер провел рукой по волосам и продолжил, размышляя вслух:

— Первое впечатление такое, что Борис — друг, а те самые упомянутые в письме шпионы большевиков добрались до места назначения раньше его и убили Алексиса, а может, и Бориса тоже. В таком случае что там с лошадью Уэлдона? Донесла ли она Всадника с моря до места? И кто Уэлдон — Всадник и империалистический друг Алексиса? Это довольно вероятно, потому что... нет. Это забавно.

— Что?

— Я хотел сказать, что в таком случае Уэлдон должен был приехать на пляж к двенадцати, как раз тогда, когда миссис Поллок слышала шум копыт. Но он не сделал этого. Он был в Уилверкомбе. Но кто-то еще мог... кто-то, кому Уэлдон одолжил лошадь.

— А как тогда туда добрался убийца?

— Пришел по воде и ушел так же, сначала спрятавшись в нише, пока ты обыскивала тело. Для нас время представляло дополнительную сложность, только когда под подозрение попадали Уэлдон, Брайт или Перкинс. Но кто такой Всадник с моря? Почему он не появился и не сказал: «У меня была назначена встреча с этим человеком. Я видел его живым во столько-то»?

— Ну, например, потому, что он боялся, что человек, убивший Алексиса, убьет и его тоже. Но это все так странно. У нас теперь появилось два незнакомца, которых надо отыскать: «Всадник с моря», укравший лошадь и появившийся на пляже примерно в полдень, и убийца, который добрался туда к двум часам.

— Да. Как это все сложно. В любом случае это объясняет Уэлдона и Перкинса. Естественно, они оба ничего не сказали о лошади, потому что она находилась на берегу задолго до того, как кто-либо из них там появился. Подожди-ка, хотя странно. Откуда всадник знал, что в тот день Уэлдон будет в Уилверкомбе? Это ведь чистой воды совпадение.

— Может, всадник специально сломал Уэлдону машину.

— Да, но даже в этом случае как он мог быть уверен, что Уэлдон уедет? Скорее уж Уэлдон должен был остаться в лагере, возясь с машиной.

— Предположим, он знал, что Уэлдон в любом случае уедет тем утром в Уилверкомб. Тогда поломка, наоборот, была бы для него неудачей, а то, что Уэлдон в итоге добрался до Уилверкомба, — чистым везением.

— А откуда он узнал о планах Уэлдона?

— Может, он вообще ничего об Уэлдоне не знал. Уэлдон приехал в Дарли только во вторник, а все это дело было запланировано давным-давно, о чем свидетельствует письмо. Возможно, этот человек, кем бы он ни был, пришел в ужас, когда обнаружил Уэлдона с его палаткой, и испытал огромное облегчение, когда тот уехал утром.

Уимзи покачал головой:

— Такие совпадения! Ладно, может, и так. Давай продолжим и посмотрим, что случилось. Всадник договорился

с Алексисом, который должен был добраться до Утюга к 11.45. Затем они встретились, и Алексис получил инструкции — на словах, я предполагаю. Всадник поехал обратно к Дарли, отпустил лошадь и пошел по своим делам. Хорошо. Все могло закончиться к половине первого, где-то так, и должно было точно закончиться к половине второго, иначе Уэлдон бы его увидел. Что делал Алексис в это время? Вместо того чтобы подняться и отправиться по своим делам, он спокойненько сидел на камне, ожидая, пока кто-нибудь не придет и не убьет его, до двух часов!

— Может быть, Всадник велел ему оставаться на месте еще какое-то время, чтобы их не увидели вместе? Или вот идея получше. Когда Всадник уходит, Алексис ждет немного, скажем, минут пять, до тех пор, пока его друг не исчезнет из поля зрения. Затем появляется убийца, который все это время прятался в той самой нише, подслушивая, и они с Алексисом разговаривают. В два часа дня разговор заканчивается убийством. Потом выхожу я, и убийца снова прячется. Как тебе это? Убийца не показался, пока Всадник был там, потому что он побоялся связываться сразу с двоими мужчинами.

— Ну, кажется, это объясняет все факты. Мне только интересно, почему он и тебя не убил заодно, раз уж он все еще был там.

— Ну тогда смерть Алексиса не выглядела бы самоубийством.

— Действительно. Но почему же ты не увидел двоих беседующих мужчин на пляже, когда спускалась туда в час?

— Бог его знает! Но если убийца или они оба стояли с той стороны скалы, что выходит на море, я вполне могла их и не разглядеть. А это вполне возможно, ведь тогда еще был отлив, и песок у камня оставался сухим.

— Да, ты права. Во время беседы они заметили, что вода поднимается, и залезли на скалу, чтобы не промокнуть. Это случилось, пока ты спала. Но все равно странно, что ты не услышала разговор, пока обедала. На берегу прекрасная акустика.

— Вероятно, они слышали, как я спускаюсь, и умолкли.

— Возможно. А затем убийца, зная, что ты там, совершил преступление прямо перед твоим носом, образно выражаясь.

— Он мог подумать, что я уже ушла. Он знал, что в тот момент я не могла его видеть, потому что он не мог видеть меня.

— Алексис закричал, ты проснулась, и ему пришлось спрятаться.

— Вроде того. Слушай, все неплохо сходится. А значит, теперь нам следует искать нового убийцу, который мог каким-то образом узнать о договоренности Бориса и Алексиса. И это вовсе не обязательно должен быть большевик, — добавила девушка с надеждой. — Может, у кого-то были личные мотивы, чтобы разделаться с Алексисом. Как насчет этого да Сото, к которому ушла Лейла Гарланд? Лейла могла нарасказывать ему всяких отвратительных историй про Алексиса.

Уимзи молчал, его мысли, казалось, блуждали где-то далеко. Затем он произнес:

— Да. Только мы знаем, что все это время да Сото оставался в ресторане, давал концерт. Но теперь я хочу взглянуть на это дело с другой точки зрения. Как насчет самого письма? Откуда нам известно, что то, что в нем написано, — правда? Бумага вполне обычная, ни водяных знаков, ничего. Послание могло прийти откуда угодно. Если оно действительно поступило от некоего джентльмена, иностранца по имени Борис, то почему оно написано на английском языке? Уж конечно, русский кажется более безопасным, если Борис действительно русский монархист. И все эти слова о Святой Руси и жестоких Советах выглядят так карикатурно. Разве это похоже на письмо серьезного контрреволюционера, выполняющего свою работу? Здесь нет никаких имен, ни деталей соглашения с Польшей, зато, с другой стороны, присутствуют всякие пространные слова, вроде «его светлость» и «знаменитая предшественница». Все это не слишком похоже на правду. Это не деловое письмо. Оно выглядит так, словно его написал кто-то со смутными представлениями о русской революции, пытаясь польстить бедному парню, чтобы усилить его помешательство на собственном происхождении.

— Я скажу тебе, на что это похоже, — продолжила Гарриет. — Это похоже на то, что я могла бы написать в одном из своих детективов, если бы ничего не знала о России. При этом мое незнание не сильно бы меня беспокоило, ведь все, что мне требуется, — это создание особой атмосферы. Загадка, конспирация.

— Вот именно! — согласился Уимзи. — Ты абсолютно права. Письмо словно сошло со страниц одного из тех романов, что так любил читать Алексис.

— Конечно... и теперь мы знаем, почему он так ими увлекался. Ничего удивительного! Все это было частью его мании. Мы могли бы сразу догадаться.

— И вот еще что. Ты заметила, что два первых абзаца в письме зашифрованы кое-как? Такое ощущение, что автор не особенно заботился о том, правильно ли поймет их Алексис. Но с того момента, как наш Борис переходит к конкретным указаниям, он начинает отмечать окончания предложений дополнительной буквой Q или X, он должен быть уверен, что ошибки при расшифровке не случится. Место встречи значит для него гораздо больше, чем Святая Русь или Польша.

— Можно подумать, что письмо — это приманка.

— Да. Но мы не можем быть уверены, кто послал его и почему. Если в этом замешан Уэлдон, как мы думали с самого начала, то все его алиби по-прежнему стоят у нас на пути. Но если это не Уэлдон, то кто? Если речь действительно речь идет о политике, то какая роль отводилась Алексису? Почему кто-то хотел от него избавиться? Если только он и правда не был важной фигурой, что кажется мне маловероятным. Он никак не может принадлежать к императорской семье — возраст не подходит. Я знаю, ходили слухи о том, что царевич пережил революцию, но его звали Алексей Николаевич, а не Павел Алексеевич, и он не был ровесником Пола. Вряд ли кто-то мог поверить в его царское происхождение. В книгах Алексиса нет никаких заметок? Это могло бы подсказать нам, кем он себя вообразил.

— Нет, ничего.

Уимзи собрал со стола бумаги и поднялся на ноги.

— Мне надо передать это Глэйшеру, — сказал он. — Пусть ему тоже будет над чем подумать. Мне бы хотелось время от времени видеть, как работают другие. Ты осознаешь, что уже почти пять, а мы еще не ели?

— Время летит незаметно за приятными занятиями, — пошутила Гарриет.

Уимзи положил шляпу и бумаги на стол, открыл рот, чтобы заговорить, передумал, снова взял свои вещи и прошел к двери.

— Всего хорошего! — Он мило улыбнулся.

— Всего хорошего! — откликнулась Гарриет.

Лорд Питер вышел. Гарриет сидела и смотрела на закрытую дверь.

— Что ж, — произнесла она вслух, — слава богу, он перестал просить меня выйти за него замуж. Хорошо, что он перестал об этом думать.

Должно быть, данный вопрос ее сильно волновал, поскольку она повторила это замечание несколько раз.

Уимзи перекусил в кафе около полицейского участка, передал начальнику полиции расшифрованное письмо, которое привело Глэйшера в крайнее изумление, и, взяв свою машину, отправился в Дарли. Его по-прежнему волновало то совпадение, что Уэлдона не оказалось близ Хинкс-Лейн именно тогда, когда это потребовалось таинственному Всаднику. Уимзи решил еще раз побеседовать с мистером Полвистлом.

— О да, мой лорд, — начал сей достойный человек. — У него были неполадки с мотором, это точно. Стартер работал превосходно, мы проверили, и с карбюратором тоже все в порядке. Мы покопались еще немного, а потом Том сказал: «Ну, единственное, о чем я могу подумать, — это проводка». Не так ли, Том?

— Верно. У меня у самого есть мотоцикл и частенько бывают проблемы с проводкой. И поэтому я тогда и спросил: «Эй, как насчет проводки?» А мистер Мартин, он ответил: «Отличная мысль», и, прежде чем я успел произнести слово «нож», он выдернул провода из зажимов. Я предложил ему по-

смотреть на них, но он сказал, что ни к чему смотреть на чертовы штуки, все равно это нам ничего не даст. Он велел мне достать новые, так что я сделал все, как он и просил, а после этого машина сразу завелась, как новенькая. Я думаю, мой лорд, какие-то нелады с изоляцией, понимаете?

— Очень похоже на то, — согласился Уимзи. — А потом вы все-таки осмотрели те провода?

Том поскреб затылок.

— Теперь, когда вы спросили, — задумчиво произнес он, — я даже и не помню, что потом с ними случилось. Точно помню, как мистер Мартин держал их в руках, но забрал ли он их с собой или оставил здесь, этого я вам точно не скажу.

— Ага! — торжествующе воскликнул мистер Полвистл. — Зато я скажу! Когда мистер Мартин садился в машину, чтобы завести мотор, он засунул провода в карман, а чуть позже, когда доставал из кармана платок, чтобы утереть пот, провода выпали на траву. Ну, я их и подобрал, решил, что все равно ему они уже не пригодятся. Я убрал их в свою маленькую сумку, которую всегда ношу с собой, подумал, вдруг получится использовать хотя бы кусочки для каких-нибудь мотоциклов или еще чего-нибудь? Там они до сих пор и лежат, если их еще не использовали.

— Мне бы хотелось взглянуть на них.

— Нет ничего проще. — Мистер Полвистл достал небольшую сумку для инструментов и принялся в ней копать. — Нет ничего проще, ага, а вот и они. Вот видите, как хорошо оставлять все про запас.

Уимзи взял из рук мастера пару проводов.

— Действительно, провода, кажется, сплелись как раз в месте зажима. — Он рывком разделил их. — Однако с изоляцией все в порядке. Эй, эй! — Он осторожно провел пальцем вдоль одного провода. — А вот и ваши проблемы, — сообщил он.

Мистер Полвистл повторил его жест, резко отдернув руку.

— Острое! — воскликнул он. — Что это?

— Швейная иголка, полагаю, — ответил Уимзи. — Дайте-ка нож поострее, скоро узнаем.

Небольшая швейная иглолка была аккуратно вставлена в один из проводов, так что ее совсем не было заметно, а когда два провода располагались рядом, она протыкала и тот и другой, что приводило к замыканию, не давая автомобилю завестись.

— Ну надо же! — изумленно присвистнул мистер Полвистл. — Кто бы мог подумать! Кто же, интересно, сыграл с нашим уважаемым джентльменом столь злую шутку? И, Том, как получилось, что ты сразу этого не заметил?

— Никто не смог бы заметить иглолку, пока провода находились на месте, — возразил Уимзи, — она располагалась как раз под зажимом.

— И мистер Мартин вдруг выдернул все провода, совершенно без повода, — встрял Том, — поэтому я ничего и не успел рассмотреть. Конечно, если бы потом они попали ко мне в руки...

Он выразительно глянул на мистера Полвистла, который в свою очередь проигнорировал этот взгляд.

— Мне даже интересно, мой лорд, — сказал Полвистл, — как это вы до такого додумались?

— Я встречался с подобным трюком раньше. Очень полезно, если ты хочешь, скажем, задержать мотоциклиста во время гонок на старте.

— И когда вы пришли сюда расспрашивать об этих проводах, вы уже подозревали что-то подобное, мой лорд?

— Нет, Том, не подозревал. Я был уверен, что никакой иглолки там быть не должно. Послушайте, вы, оба, никому не говорите об этом ни слова.

— Как же так, мой лорд? Но мы же наверняка должны выяснить, что за хулиган сделал такое с машиной мистера Мартина.

— Нет. Я сам этим займусь, если возникнет необходимость. Но вполне вероятно, что этот... хулиган как-то связан с тем, что произошло у Утюга, а об этом лучше не распространяться. Понимаете? Кто-то, кто не хотел, чтобы мистер Мартин ехал в Уилверкомб в то утро.

— Я понимаю, ваша светлость. Очень хорошо. Мы не скажем ни слова. Но странная все-таки история, как ни посмотри.

— Очень, — согласился Уимзи, — очень странная.

На самом деле все было куда страннее, чем думал мистер Полвистл, хотя, судя по подозрительному блеску в глазах Тома, тот уже начал догадываться о всей странности происходящего. Такая иголка в проводах двухцилиндровой машины не просто создавала помехи при запуске двигателя, она бы остановила его вмертвую. Тем не менее в среду «морган» мистера Мартина ездил (пусть и не блестяще) и благополучно доставил владельца в Хинкс-Лейн. И на взгляд Уимзи, знавшего, что Мартин и Уэлдон — одно и то же лицо, все это казалось малообъяснимым. Почему Уэлдон взял напрокат для своего путешествия именно «морган»? Ведь он захватил с собой палатку и немало вещей, и потому было бы логичным арендовать и автомобиль чуть побольше и повместительней. Являлся ли простым совпадением тот факт, что Лже-Мартин остановил свой выбор именно на двухцилиндровом автомобиле, для поломки которого вполне хватило маленькой иголки? Действительно, аренда «морган» обходилась дешевле аренды любого четырехцилиндрового автомобиля, но зачем Уэлдону экономить на машине, которую он брал всего на неделю?

И все-таки, и все-таки... как ни верти, но казалось вполне очевидным, что все заинтересованные лица с удовольствием бы отправили Уэлдона в тот день в Уилверкомб, чтобы не болтался у Хинкс-Лейн. Совпадение ли, что какой-то шутник решил засунуть иголку в проводку уэлдоновского автомобиля именно в четверг? Разумеется, нет. Но кто же это сделал? Кто-то, кому нужен был свидетель в Дарли? Кто-то, кто не хотел, чтобы Уэлдон лез не в свои дела в Уилверкомбе? И почему тогда Уэлдон жаловался на неполадки в моторе еще за день до этого? Еще одно совпадение? Возможно.

Одно известно точно: Генри Уэлдон, прибывший сюда инкогнито, с покрашенными волосами и в черных очках, чтобы провести детективное расследование, влип в такую непонятную историю, словно ему пакостил какой-то злобный демон.

И еще один факт казался неоспоримым: все теории, все версии, которые Уимзи так тщательно выстраивал в последние дни, попали в молоко!

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ЛУЧШИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН ИЗ ВСЕХ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

Так они и пересеклись, и обернулись,
и вернулись назад.

Второй брат

Суббота, 4 июля

Мистер Мервин Бантер сидел в спальне дешевого отеля в Блумсбери, уставившись на запыленное окно напротив, частично закрытое изрядно потрепанными занавесками. Для мистера Бантера этот отель стал уже четвертой остановкой за последние несколько дней, и если дело будет продолжаться в том же духе, то ему станет совсем сложно оставаться незамеченным. Первую ночь он провел на улице, не сводя глаз с двери дома, в котором сдавались дешевые комнаты. Затем он проследовал за своей жертвой в маленький мрачный домишко в Брайкстоне. Там ему удалось найти прибежище в квартире напротив, и, несмотря на то что ложиться приходилось очень поздно, а вставать очень рано, Бантер все равно продолжал висеть у Брайта на хвосте. Вместе они побывали в самых отвратительных районах Лондона, бесконечно пересаживаясь с одного трамвая на другой, с одного автобуса на другой. Задача оказалась не из легких. Пару раз приходилось пользоваться одним транспортом с Брайтом, но в основном Бантер брал такси, боясь быть разоблаченным. Надо заметить, что в этой части города найти такси оказалось непросто, а договориться о цене еще сложнее. Прошлая ночь прошла на кладбище Святого Мартина. А вот теперь они здесь, и Бантер искренне надеялся, что это мучение скоро закончится. Ему пришлось купить себе ста-

рый поношенный костюм, надевая который он каждый раз содрогался от ужаса, мягкую шляпу, кепку, котелок, плащ и мерзейший чемоданчик — жуткой формы и к тому же очень тяжелый.

Последние четыре часа Брайт как будто бы просто бродил взад-вперед. Он не заходил ни в одну парикмахерскую, не пытался найти работу. Казалось, он убивает время или пытается запутать следы. Брайт гулял по улицам, посетил Британский музей, а затем полдня просидел на скамейке в Гайд-парке. Он ни с кем не разговаривал, за исключением водителей автобусов, трамваев, официанток и других безобидных личностей. В данный момент мужчина сидел у окна своей спальни, читая книгу Эдгара Уоллеса, приобретенную за день до того.

Вдруг Брайт захлопнул книгу, отошел от окна и принялся ходить по комнате, поднимая и опуская руки, совершая знакомые движения. Верный слуга лорда Уимзи, который сам не раз проделывал подобные действия, совершенно растерялся. Мужчина в доме напротив складывал и собирал пижаму и другую одежду. Бантер спустился вниз, отдал ключи от комнаты (счета у него были оплачены заранее) и вышел на улицу. К счастью, ему сразу же повстречался дружелюбный таксист, который был готов немного поработать детективом. Улица, на которой они находились, оказалась тупиком, поэтому Бантер сел в такси, и они выехали на главную дорогу. Затем Мервин вышел из машины и зашел в газетный киоск, а таксист остался следить за выездом из тупика. Когда Бантер делал вид, что увлеченно просматривает утренние газеты, таксист помахал ему рукой — это был сигнал. В переулок завернуло зеленое такси.

— Медленно заверните за угол, — велел Бантер, — и стойте там, пока такси не появится снова. Если в нем будет сидеть тот человек, что нам нужен, я постучу по стеклу. Тогда поедете за ним, но не слишком близко. Только смотрите не потеряйте его.

— Как скажете. Развод, а?

— Убийство, — ответил Бантер.

— Боже мой! — воскликнул водитель. — Полиция?

Бантер кивнул.

— Надо же, — восхищенно пробормотал таксист. — А ведь совсем не похожи. Наверное, так и надо. Ну вот, мы на месте. Такси стоит у дверей отеля. Вы лучше пригнитесь, я скажу, когда кто-нибудь выйдет.

Мужчина вышел из машины и, открыв капот, принялся делать вид, что возится с проводкой. Проходящий мимо полицейский коротко взглянул в его сторону, кивнул и пошел дальше.

— Кто-то идет, — тихо сказал таксист и затем добавил чуть громче: — Ну вот, теперь все в порядке.

Он забрался на свое место как раз тогда, когда зеленое такси выезжало из тупичка. Бантер сразу же узнал бледное лицо Брайта и постучал по стеклу. Два такси последовали друг за другом на расстоянии приблизительно в тридцать ярдов.

Зеленое такси миновало несколько переулочков, выехало на Джадд-стрит, пересекло площадь Браншвик, свернув на Гилфорд-стрит, а оттуда вниз — на Кондит-стрит и Рэд-Лайн-стрит. Направо к Холборну, снова налево — на Кингсвэй, пересечение Грейт-Куин-стрит и Лонг-Акра. Преследователям без труда удавалось удерживать его в поле зрения, пока, наконец, машина не свернула налево, на одну из узких улиц, ведущую в Ковент-Гарден и забитую огромными телегами и экипажами. Такси притормозило у входа на рынок.

Автомобиль, в котором сидел Бантер, был совсем новым и современным — в нем даже имелась переговорная трубка, которая и в самом деле работала. Бантер нажал на кнопку и обратился к водителю:

— Если он выйдет здесь, осторожно обогните вон тот экипаж. Мне надо будет тоже выйти. Не оборачивайтесь, ни на что не обращайтесь внимания. Я оставлю десятку на сиденье. Поезжайте прямо через рынок.

Таксист согласно кивнул. В левом окне Бантер мог видеть, как Брайт выходит и расплачивается с шофером. Когда машина Бантера оказалась закрытой для обзора большим экипажем, он незаметно, по его собственному мнению, выскочил на тротуар. Но это его действие не осталось без внимания — проницательный торговец фруктами собрался уже крикнуть таксисту, что его обманули пассажир пытается сбежать не за-

платив, но в этот момент появилась рука верного водителя и захлопнула дверцу автомобиля. Торговец остался стоять на месте, раскрыв рот, пока Бантер обежал машину и направился на поиски Брайта.

К своей великой радости, он обнаружил Брайта стоящим на бордюре и с удовольствием наблюдающим за отъезжающим автомобилем, послужившим Бантеру. Затем, быстро оглянувшись по сторонам, пройдоха, видимо, пришел к выводу, что теперь за ним никто не следит, и направился в сторону рынка, держа в руках дипломат. Бантер сразу же сел ему на хвост, пробираясь меж гор гнилых фруктов и капустных листьев. Погоня пересекла рынок, вышла на Тависток-стрит и оттуда направилась в сторону Стрэнда. Здесь Брайт сел на автобус, идущий на Запад, Бантер последовал за ним на очередном такси. У Черинг-Кросс Брайт снова вышел и отправился на грузовую станцию. Поспешно сунув водителю два шиллинга, Бантер заторопился следом.

Брайт повел его в направлении отеля «Черинг-Кросс», причем здесь приходилось идти очень близко, иначе можно было затеряться в толпе. Брайт подошел к стойке и заговорил с клерком. После небольшой паузы и демонстрации визитной карточки ему был передан небольшой пакет. Убрав его в свой дипломат, Брайт резко обернулся и пошел обратно к двери, пройдя буквально в метре от Бантера. Их глаза на секунду встретились, но узнавания во взгляде Брайта не было. Он вернулся на станцию.

Теперь судьба слежки повисла на волоске. Раз Бантера уже один раз заметили, отныне ему ни в коем случае нельзя попадаться на глаза подозреваемому. Сыщик-любитель немного подождал и вышел из отеля как раз вовремя, чтобы увидеть, как Брайт исчезает в подземном переходе, ведущем в метро.

В этот момент Бантер бы много отдал за свой потрепанный котелок. Но он старался как мог — быстро сменил кепку на шляпу и прямо на бегу натянул на себя плащ. Необязательно перечислять все станции и переходы, на которых они побывали в течение следующего часа. В корне концов оба оказались на Пикадилли, откуда отправились в сторону Корнер-Хаус, разумеется, на такси.

Здание Корнер-Хаус насчитывало три этажа, и на каждый можно было попасть через два выхода. Но садиться в тот же лифт, что Брайт, — значит раскрыть себя. Бантер стоял и наблюдал за поднимающимся лифтом, как растерянный кот наблюдает за исчезающей в своей норке мышью.

Некоторое время сыщик-любитель оставался на первом этаже, внимательно наблюдая за всеми лифтами, но через десять минут пришел к выводу, что Брайт решил подкрепиться. Поэтому он направился к ближайшей лестнице и поднялся наверх. В это время вниз прошел лифт, и Бантер испытал прилив ужаса, когда подумал, что в нем может спускаться его жертва. Что ж, делать нечего, ему придется выбирать. Он поднялся на второй этаж и начал лавировать между столиками.

Вид растерянного человека, ищущего себе столик, никого в Корнер-Хаус не удивлял, поэтому на Бантера не обращали внимания. Тот тем временем выяснил, что Брайта в этом зале нет. Через дальнюю дверь он вышел, сообщив по дороге официанту, интересующемуся тем, обслужили ли уже его, что ищет друга, и поднялся на третий этаж.

Этот зал ничем не отличался от предыдущего, только вместо мужского оркестра в вечерних костюмах здесь играл женский оркестр в голубых платьях. Бантер протискивался сквозь толпу, пока, наконец, с облегчением не увидел знакомую рыжую шевелюру и сгорбленные плечи. Брайт был здесь, он сидел за столиком рядом с тремя пожилыми дамами и спокойно ел отбивную.

Бантер безнадежно огляделся по сторонам. Сначала найти себе место поблизости не представлялось возможным, но потом он заметил девушку, поправлявшую волосы и макияж и явно собиравшуюся уходить. Усевшись за столик, Бантер заказал чашечку кофе, тем более что Брайт, к счастью, никуда не спешил. На всякий случай Бантер попросил, чтобы ему сразу принесли счет, и спокойно развернул свою газету.

После, как казалось нашему преследователю, нескончаемой задержки Брайт закончил обед, попросил счет и поднялся с места. Бантер едва-едва успел увидеть, как рыжая голова исчезает в лестничном пролете. В этот счастливый момент подошел лифт, поэтому нашему сыщику даже удалось попасть

на нужный этаж раньше своей добычи. Через несколько минут протискивания сквозь толпу они оказались в кинотеатре и купили в кассе билеты на ближайший сеанс.

Брайт занял место в третьем ряду. Бантер, объяснив слегка удивленному служителю, что не хочет сидеть близко к экрану, пристроился в паре рядов от Брайта. Теперь он снова мог вздохнуть свободно. Ему прекрасно было видно голову Брайта, озаренную светом, исходящим от экрана. Не обращая никакого внимания на разыгрывающуюся перед его глазами драму о Любви и Страсти, от первого непонимания до последнего волшебного поцелуя, Бантер так напряженно наблюдал за этой головой, что у него по щекам потекли слезы.

Фильм приближался к завершению. Зажегся свет. Вдруг Брайт резко встал и двинулся к проходу между рядами. Бантер собрался было уже последовать за ним, но Брайт, вместо того чтобы пройти к ближайшему выходу, миновал занавешенную арку, над которой красовалась табличка «Джентльмены».

Бантер снова сполз в кресло и принялся ждать. Проходили другие мужчины, но Брайт не возвращался. Бантера охватила паника. А если из мужской комнаты имеется выход на улицу? Свет погас, и начался следующий фильм.

Бантер поднялся и, споткнувшись о вытянутые ноги хихикающих девушек и раздраженного пожилого господина, направился по проходу между рядами вниз.

Стоило ему это сделать, как занавеска, прикрывавшая вход в мужской туалет, отодвинулась в сторону, и оттуда вышел человек. Бантер пытался рассмотреть его в тусклом свете кинотеатра, но видно было плохо. Ясно было одно — у мужчины имелась борода. Бородач протиснулся мимо Бантера, пробормотав извинения, и пошел вверх по проходу. Бантер продолжал спускаться, но вдруг, подчинившись какому-то инстинкту, повернулся и посмотрел назад.

Он увидел спину бородатого джентльмена на фоне светлого проема (мужчина как раз миновал выход) и внезапно вспомнил, как лорд Уимзи однажды сказал ему: «Любой дурак может замаскировать лицо, но вот замаскировать спину может только гений». Бантер недаром следовал за этой спи-

ной целых пять дней через весь Лондон. Он прекрасно помнил каждую ее линию. Теперь слуга лорда торопился вверх по проходу к выходу. Борода или нет, это его подозреваемый.

Еще два такси, и они оказались в Кенсингтоне. Теперь Брайт, кажется, действительно направлялся в определенное место. Он остановился у опрятного домика, поднялся на крыльцо и открыл дверь ключом от американского замка. Бантер велел таксисту проехать до угла, а затем спросил:

— Вы видели номер дома, у которого они остановились?

— Да, сэр. Номер семнадцать.

— Спасибо.

— Развод, сэр? — с ухмылкой спросил мужчина.

— Убийство, — ответил Бантер.

— Боже мой! — Кажется, естественная реакция на убийство была именно такой. — Что ж, надеюсь, его за это посадят. — И таксист уехал.

Бантер огляделся по сторонам. Он не осмелился пройти мимо дома номер семнадцать. Брайт мог все еще наблюдать, и вряд ли кепка спасет его от узнавания. Вдруг он заметил аптеку и решил зайти внутрь.

— Не могли бы вы сказать мне, — спросил мужчина у аптекаря, — кто живет в доме номер семнадцать?

— О, конечно. Джентльмен по фамилии Моркэмб.

— Моркэмб? — Кусочек головоломки с характерным кликом встал на свое место. — Невысокий мужчина с одним плечом чуть выше другого?

— Верно.

— Волосы рыжеватые.

— Да, сэр, рыжие волосы и борода.

— О, он носит бороду?

— О да, сэр. Этот джентльмен живет здесь столько, сколько я себя помню. Очень приятный человек. Вы хотели узнать...

— Да, — сказал Бантер. — Дело в том, что я слышал: в этом доме требуется прислуга для джентльмена, и хотел сначала немного разузнать о семье, прежде чем пытаться устроиться на это место.

— О, ясно. Да, вы нашли хорошую семью. Очень. Бездетную. Миссис Моркэмб тоже очень милая леди. В молодости была красавицей. Я слышал, она играла в театре, но это было уже довольно давно. У них две служанки, я уверен, вам там очень понравится.

Бантер выразил свою неизмеримую благодарность и покинул магазин, чтобы отправить телеграмму лорду Питеру.

Охота закончилась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ПОМОЩНИК ТОРГОВЦА ГАЛАНТЕРЕЙНЫМИ ТОВАРАМИ

Ха! Ну! Что дальше?
Ты — виночерпий богатейшей удачи —
Но это был лишь слух, вранье.

Второй брат

Понедельник, 6 июля

— Я так понимаю, — начал начальник полиции Глэйшер, — если Брайт — это Моркэмб, а миссис Моркэмб в сговоре с Уэлдоном, то, соответственно, Уэлдон и Брайт тоже состоят в сговоре.

— Несомненно, — согласился Уимзи. — Но если вы считаете, что это открытие превратит вашу жизнь в прекрасный сон, вы глубоко ошибаетесь. Все, что пока принес нам данный факт, — так это крушение всех сделанных нами выводов.

— Да, мой лорд, конечно. Но все-таки у нас появился материал, над которым можно работать. Прежде всего, если Брайт и Моркэмб — одно и то же лицо, то он явно не парикмахер. Значит, официальной причины для покупки бритвы у него не было, и вся его история выдумана для отвода глаз, как мы и предполагали. Из этого можно сделать вывод — Пол Алексис не совершал никакого самоубийства, его убили.

— Точно, — подтвердил лорд Питер. — И поскольку мы потратили столько времени и сил на это дело, исходя из предположения о том, что это убийство, приятно, наконец, получить хоть какое-то подтверждение.

— Вот именно. Так, далее, если сюда замешаны и Уэлдон, и Моркэмб, то, вероятно, мотив для убийства — деньги миссис Уэлдон, как мы, опять-таки, и думали. Верно?

— Похоже на то, — кивнул Уимзи.

— И при чем тогда здесь большевики? — поинтересовался Ампелти.

— При всем, — ответил лорд. — Смотрите, я могу помочь вам установить еще две личности. Во-первых, я предполагаю, что именно Моркэмб приезжал к Уэлдону на ферму в конце февраля. А во-вторых, я предполагаю, что Моркэмб был тем человеком, что приходил к мистеру Салливану в поисках фотографий русских девушек. Довольно интересно, что мистер Хоррокс сразу же сравнил его с Ричардом III.

Инспектор Ампелти выглядел потеряннным, но Глэйшер вдруг хлопнул ладонью по столу.

— Горбун! — закричал он.

— Да, но сейчас Ричарда редко изображают настоящим горбуном. Обычно актер просто слегка горбится, так что создается как раз такое впечатление, как от плеч мистер Моркэмба.

— Конечно, теперь все это довольно очевидно, тем более что мы знаем про бороду, — сказал Глэйшер. — Но зачем им фотография?

— Давайте попробуем выстроить историю по порядку, — предложил Уимзи. — У нас имеется Уэлдон, по уши залезший в долги, вытягивающий деньги из своей матери. Отлично. В начале этого года миссис Уэлдон приезжает в Уилверкомб и увлекается Полом Алексисом. Уже в феврале она объявляет, собирается выйти за него замуж, и, вполне возможно, она настолько глупа, что сразу же сообщает о своем желании оставить ему все свои деньги. Практически сразу после этого заявления Моркэмб приезжает на ферму Уэлдона. А где-то через неделю или две Алексис начинает получать загадочные шифрованные письма с иностранными штампами.

— Пока все ясно.

— Так, Алексис всегда рассказывал окружающим, что с его рождением связана некая тайна. Он считал себя русским аристократом. Я полагаю, что в первом письме...

— Минутку, мой лорд. Как вы думаете, кто писал эти письма?

— Думаю, Моркэмб писал их, а отправлял через знакомых в Варшаве. Мне представляется, что мозгом в этом заго-

воре был именно Моркэмб. Он пишет первое письмо, несомненно, на чистейшем английском, намекая на действия монархистов в России и грандиозные возможности, открывающиеся перед Алексисом, если тот сможет доказать свое происхождение. Но, разумеется, все должно содержаться в строжайшей тайне.

— Почему такая секретность?

— Для создания романтической атмосферы. Несчастный болван Алексис проглатывает все это, как рыбка наживку. Он пишет ответное письмо, в котором сообщает так называемому Борису все, что он знает или воображает о себе. Шифр используется для того, чтобы Алексису было с чем поиграть и занять себя. Затем, основываясь на рассказе Алексиса, Борис (то есть Моркэмб) выстраивает целое фантастическое генеалогическое древо и придумывает потрясающий план по захвату российского престола Полом Алексисом. Алексис читает книги о русской истории и своими собственными руками помогает построить себе западню. Затем Борис сообщает, что их план начал действовать, и наш друг таинственно намекает окружающим на свое грядущее величие и успех.

— Подождите-ка, — перебил рассказ Глэйшер. — Мне кажется, что Моркэмб мог бы просто прекратить отношения между миссис Уэлдон и Алексисом, доказав последнему, что он ему скоро надо будет ехать в Россию, чтобы стать царем. Ведь это же привело бы к тому же результату, но бедный мечтатель остался бы в живых.

— Вы уверены? — возразил Уимзи. — Я представляю себе, что, в силу романтического склада характера, миссис Уэлдон решила бы пожертвовать крупную сумму на дела монархистов, что едва ли соответствовало планам Моркэмба и Уэлдона. А потом, если бы даже Алексис разорвал помолвку — то что дальше? Не могут же заговорщики всю оставшуюся жизнь писать зашифрованные письма, строя новые козни против Советов. В конечном итоге Алексис бы все равно понял, что его мечты никогда не реализуются. Он мог рассказать об этом миссис Уэлдон, и все вернулось бы на круги своя. К тому же леди вполне могла бы настаивать на свадьбе еще сильнее, ес-

ли бы считала, что ее возлюбленный — непризнанный помазанник Божий. Нет, самое удобное — это велеть Алексису держать все в тайне, а затем изъять его из поля зрения матушки — причем навсегда.

— Да... я понимаю.

— Теперь мы дошли до Лейлы Гарланд. Думаю, нет никаких сомнений в том, что Алексис сам сознательно толкнул ее в объятия своего приятеля да Сото, хотя вряд ли они в этом когда-нибудь сознаются. Полагаю, Антуан правильно оценил действия приятеля, он, видимо, неплохо разбирается в таких вещах. Лейла представляла собой немалую опасность. Она — болтуня, а разговоры им были ни к чему. Сказать Лейле о своих замыслах — это все равно что всему миру растрепать о них. Значит, от Лейлы надо было избавиться, поскольку, оставаясь она рядом с Алексисом, невозможно было бы продолжать держать ее вне всей этой истории.

— Похоже, что Алексис был изрядным мерзавцем, — заметил Ампелти. — Сначала он бросает свою девушку. Потом он морочит голову несчастной миссис Уэлдон, заставляя ее думать, будто они скоро поженятся, хотя на самом деле он ничего такого делать не собирался.

— Нет, — возразил Уимзи, — вы смотрите на все это дело не под тем углом. Следует понять ход мыслей юноши. В изгнании лицо царской фамилии может позволить себе различные сердечные привязанности, но, когда долг призывает его обратно на родину, все личные дела должны быть забыты и принесены в жертву на благо отечеству. От такой девушки, как Лейла, можно просто отказаться или передать ее кому-то другому. С женщиной, с которой его связывают более серьезные отношения, тоже необходимо расстаться, но более церемонно. Мы не знаем и никогда не узнаем, как именно Алексис собирался поступить с миссис Уэлдон. Мне кажется, он хотел написать ей письмо после отъезда в Варшаву, сообщая о том, что с ним произошло, и предлагая свое гостеприимство при императорском дворе. Все было бы окружено такой атмосферой романтики, самопожертвования и величия, что, вне всякого сомнения, миссис Уэлдон наслаждалась бы до глубины души. И вот еще что: до того, как все началось, Алексис отка-

звался брат у миссис Уэлдон крупные суммы денег, что свидетельствует о его джентльменском, если уж не о царском поведении.

— Это правда, — согласился Глэйшер. — Думаю, если бы не обстоятельства, он бы действительно на ней женился.

— Да, я тоже так считаю. Он бы на ней женился и выполнял свой долг, согласно своим принципам, которые, возможно, были... континентальными. Он стал бы обаятельным мужем, тайно посещающим приличную любовницу.

Инспектор Ампелти, казалось, хотел оспорить термин «приличная», но Уимзи поторопился продолжить:

— Я даже думаю, что Алексис мог попытаться оказать некое сопротивление, когда дело коснулось Лейлы и миссис Уэлдон. Лейла могла ему действительно нравиться, и он мог чувствовать себя неловко из-за миссис Уэлдон. Поэтому они и изобрели Феодору.

— И кто же такая Феодора?

— Феодора, несомненно, должна была изображать леди высокого происхождения, которая предназначалась в невесты будущему императору, Павлу Алексеевичу. Что может быть проще: отправиться к театральному агенту, найти фотографию неизвестной девушки соответствующей наружности и послать снимок Алексису в качестве портрета княжны Феодоры, прекрасной дамы, которая будет ждать его в изгнании до тех пор, пока не настанет пора занять свое место подле суженого на троне? Любимые Алексисом романы вечно изобилуют подобной дребеденью. Возможно, Феодора даже писала ему письма, полные нетерпеливого ожидания. Она просто влюбилась в Павла Алексеевича после всего, что слышала о нем. Алексис был околдован самой идеей. К тому же женитьба на Феодоре была его долгом перед народом — как он мог сопротивляться? И если взглянуть на это прекрасное лицо, с царственной прической...

— Ох, — сказал Глэйшер. — Да, конечно. Вот почему они выбрали именно эту фотографию.

— Разумеется. Наверняка жемчужины в прическе Ольги были куплены в ближайшей лавке, но они послужили своему делу. Господи, Глэйшер, подумать только — этот глупый бед-

ный мальчишка, идущий к своей смерти на одинокой скале с мыслями о скорой коронации...

Уимзи умолк, потрясенный неожиданной и нежеланной силой эмоций. Двое полицейских сочувственно шаркали ногами.

— Действительно, очень жаль, мой лорд, это факт, — пробормотал Глэйшер. — Будем надеяться, что он умер быстро, ничего не поняв.

— Ага! — воскликнул Уимзи. — Но как именно он умер? Вот в чем загвоздка. Но ладно, пока забудем об этом. Что дальше? Да, три сотни золотых. Этот забавный казус едва не испортил весь заговор. Не думаю, что это изначально входило в планы заговорщиков. Моркэмб вряд ли предвидел, что юноша примется скупать золото. Скорее всего, еще один романтический порыв самого Алексиса. Наверное, он прочитал о золоте в книгах — о том, что его везде принимают, и прочее — и решил, что будет неплохо начать завоевание трона с золотишком в кармане. Конечно, это совершеннейшая глупость, и сумма просто абсурдная, и с собой носить ее крайне неудобно — но это золото. Если бы вы были романтическим молодым принцем, Глэйшер, или считали себя таковым, вы бы скорее оплачивали свои счета грязными кусочками бумаги или бесценным металлом?

Лорд засунул руку в карман и достал горсть золотых соверенов. Монеты, звеня, раскатились по столу, и оба полицейских воодушевленно принялись ловить блестящие кругляши. Они подбирали их и взвешивали на ладони, зажимали между пальцами, проводили по краям и рельефу Георгия Победоносца.

— Да, — сказал Уимзи. — Приятны на ощупь, не так ли? Здесь десять соверенов, которые можно разменять на одну бумажную банкноту, а для меня они и вовсе ничего не стоят, поскольку я нумизмат и не смог бы заставить себя их потратить. Но это золото. Я бы не отказался от трехсот таких монет, хотя они и весили целых пять фунтов. Но вот что интересно — именно эти пять фунтов веса потревожили хрупкий баланс между водой и трупом. Обычно труп через некоторое время раздувается и всплывает, но любой дополнительный вес мо-

жет утянуть его ко дну, после чего тело может застрять в скалах под названием Клыки — вам-то должно быть об этом отлично известно, Ампелти. Я полагаю, заговорщики бы не обрадовались, если бы беднягу Алексиса никогда не нашли. Конечно, со временем миссис Уэлдон поверила бы в его смерть, но до этого она могла успеть спустить целое состояние на его поиски.

— В целом это очень странная история, — заметил Глэйшер. — Но, мой лорд, теперь, когда вы разобрались с мотивами и подготовкой к преступлению, что вы скажете насчет самого убийства?

— Я как раз к этому и подбирался. В данном направлении мы действительно не сильно продвинулись. Предварительные действия преступников ясны. Кто-то из них подобрал удобное место. Не знаю, кто именно, но могу предположить. Кто-то, кто уже был знаком с местностью, потому что бывал здесь раньше. Кто-то, у кого имелась машина и отличный предлог для посещения городка. Например, визит к уважаемым друзьям не вызвал бы никакого подозрения.

— Миссис Моркэмб!

— Именно. Миссис Моркэмб. А может, и мистер Моркэмб тоже. Скоро мы узнаем, проводила ли эта замечательная пара выходные в Хизбэри в течение последних месяцев.

— Я точно знаю, что проводили, — вмешался Ампелти, — леди гостила здесь две недели в конце февраля, а ее супруг приезжал на выходные. Нам об этом сообщили, когда мы наводили справки, но мы не придали этим фактам никакого значения.

— Естественно, нет. Отлично. Затем, когда все уже было подготовлено, появилась остальная часть банды. Моркэмб превращается в парикмахера и околачивается по округе, создавая себе определенную репутацию. К тому же это необходимо, чтобы заполучить бритву, за происхождением которой будет тяжело проследить. Вы можете спросить, почему именно бритва, если известно, что Алексис никогда не брился? Я могу ответить на этот вопрос. Она тише, чем пистолет, и является типичным оружием самоубийц. Кроме того, ее удобнее носить с собой, чем, скажем, нож. И Моркэмб мог придумать

убедительную историю о том, как он передал бритву Алекси-су, — подтвердить-то ее все равно некому.

— Я думал об этом. Как вы считаете, если бы мы не поместили то объявление в газете, он бы появился?

— Сложно сказать. Думаю, он бы некоторое время выжидал, наблюдая за тем, как будут развиваться события. Возможно, он пришел бы на суд в качестве обычного зрителя, а если бы следователь засомневался в том, что произошло именно самоубийство, Моркэмб бы поднялся и доказал обратное. Видите ли, вся прелесть его маскировки (бродячий парикмахер) заключалась именно в том, что она позволяла ему исчезать и появляться наподобие Чеширского кота и к тому же менять имя. Кстати, думаю, мы обнаружим, что он действительно жил когда-то в Манчестере и поэтому знал все о его улочках и парикмахерских.

— Полагаю, в обычной жизни он носит бороду?

— О да. Наверное, он побрился, когда начал свои странствия. А по возвращении в Лондон приобрел фальшивую бороду. На самом деле, если бы Бантер не был столь быстр и наблюдателен, то Моркэмбу наверняка удалась бы его задумка, и он легко избавился бы от хвоста. Ведь в кино ему это практически удалось. А если бы Бантер последовал за Моркэмбом в мужскую комнату, то приклеивание бороды пришлось бы отложить, и, значит, погоня началась бы сначала. Но у Моркэмба сложилось впечатление, что горизонт чист. Теперь за его домом приглядывает Скотленд-Ярд, но что-то мне подсказывает, что наш дорогой джентльмен сейчас и носу не кажет из своего гнездышка, например из-за болезни, лежит в постели, в присутствии своей верной жены. Когда его борода отрастет снова, он появится, а пока его супруга, бывшая актриса позаботится о том, чтобы борода всегда оказывалась на месте в присутствии служанки.

— Так, с Моркэмбом все понятно, — сказал Глэйшер. — Что насчет Уэлдона? Мы совсем забыли о нем. А пора бы обратить внимание и на этого типа. Он приезжает на «моргане» за два дня до убийства и разбивает лагерь около Хинкс-Лейн, где уже побывал кто-то из его пособников, чтобы разузнать обстановку. Полагаю, это тоже была миссис Моркэмб. Он оп-

равдывает свое появление на сцене дурацкой историей о слежке за матерью и ее любовником. Хорошо. Но мне интересно знать, почему он вообще здесь появился, ведь это большой риск? Убийство совершил не он. Ведь нам известно, где любящий сыночек находился в половине второго в четверг, если только Перкинс не врет, что мы пока не можем доказать. И это не он проехался верхом на лошади до пляжа, потому что мы знаем, где он был в полдень...

— Разве? — мягко спросила Гарриет.

Она присоединилась к собранию где-то на середине встречи и теперь тихо сидела в кресле, положив шляпу на колени и курия сигарету.

— Да, разве мы знаем? — повторил Уимзи. — Мы думали, что знаем, когда миссис Моркэмб представлялась нам невинной свидетельницей, но сейчас? Мне кажется, я вижу в глазах мисс Вэйн блеск, который означает, что она до чего-то додумалась и сейчас нам об этом сообщит. Говори, мы слушаем! Что же обнаружил Роберт Тэмплтон?

— Мистер Уэлдон, — медленно произнесла Гарриет, — ничего нечестивого в Уилверкомбе в тот день не делал. Он вообще не был в Уилверкомбе. Он не покупал воротнички. Он не ходил в «Уинтер-Гарден». Миссис Моркэмб приехала одна и одна же уехала, и нет ничего, что подтверждало бы, что Уэлдон сопровождал ее хоть в какой-то части поездки.

— О моя слава пророка! Моя репутация летит к чертям! Я сказал, что двухчасовое алиби будет разбито, а оно прочнее Дьявольского утюга. Я сказал, что история о поездке в Уилверкомб правдива, а она рассыпается в прах у меня на глазах. Я больше не буду идти по следу вместе с тобой. Навсегда прощай спокойствие! Прощай удовольствие! Ты уверена?

— Вполне. Я пошла в магазин мужской одежды и спросила, есть ли у них точно такие воротнички, как покупал мой муж восемнадцатого числа. Продавец поинтересовался, сохранился ли у меня чек и какие именно воротнички я имею в виду. Я описала внешность Уэлдона и его темные очки. Ни один человек не смог его вспомнить. Тогда я попросила их заглянуть в книгу повседневного учета. Они посмотрели и обнаружили то, что нужно. Помощник старшего продавца

вспомнил воротнички и сказал, что их купила женщина. Женщина? Ах да, несомненно, моя свояченица. Я описала миссис Моркэмб. Да, именно эта леди. Тогда я купила шесть воротничков (вот они) и спросила, ждал ли мою родственницу в машине джентльмен. Мужчины ведь не любят ходить по магазинам. Нет, в авто никого не было. Помощник сам выносил пакет. Затем я отправилась в «Уинтер-Гарден» и, памятуя о том, что официантов уже расспрашивали насчет Уэлдона, поинтересовалась о миссис Моркэмб. Один молодой человек тут же вспомнил ее и даже упомянул, что она сидела с блокнотиком в руках и что-то записывала. Сведения для Уэлдона, разумеется. Затем я пообщалась с полисменом, который регулирует движение на Рыночной площади. Такой приятный, интеллигентный мужчина. Он вспомнил машину с забавным номером. В ней не было никого, кроме леди за рулем. И когда она уезжала из города, он опять обратил внимание на то, что в машине по-прежнему находится только женщина. Вот так. Конечно, Уэлдон и миссис Моркэмб могли встретиться в тот день, и она высадила его где-нибудь между Дарли и Уилверкомбом, но в самом городе он точно не был.

— Не был, — повторил Глэйшер. — И теперь нам ясно, где он находился. Ехал на чертовом животном вдоль берега — выехал в одиннадцать, а вернулся в половине первого или около того. Но зачем?

— Это тоже понятно. Он был Всадником с моря. Но Алексиса он не убивал. А кто убил?

— Ну, мой лорд, — заметил Ампелти, — придется опять вернуться к изначальной версии. Уэлдон принес плохие вести о заговоре, и Алексис с горя покончил с собой.

— Используя бритву Моркэмба? Нет, все это неверно, инспектор. Все неверно.

— Может, нам стоит спросить у Уэлдона? Если мы сообщим ему, что знаем про Моркэмба и письма, он может расколоться.

Уимзи покачал головой.

— Мы в глубоких водах, — сказал он, — следует быть осторожней. О, у меня идея! Что, если мы подходили к делу не с того конца? Ох, были бы у нас те бумаги, что Алексис посылал Бо-

рису, вдруг они могли бы подсказать нам что-то. Как вы считаете, где они? Возможно, в Варшаве, но мне так не кажется. Наверняка вся корреспонденция оттуда пересылалась Моркэмбу.

— Тогда, возможно, мы обнаружим их в Лондоне, — с надеждой предположил Глэйшер.

— Маловероятно. Тот, кто спланировал все это представление, не глупец. Если уж он приказал Алексису избавиться от всех улик, то и сам наверняка сделал то же самое. Но можно попробовать. Достаточно ли у нас сведений, чтобы получить ордер на обыск?

— Да, почему бы и нет, — пожал плечами Глэйшер. — Если Моркэмб прикидывался Брайтом, значит, он сообщал суду неверную информацию. Мы вполне можем обыскать его дом в Кенсингтоне. Наши лондонские коллеги за ним приглядывают, но мы решили, что торопиться не стоит, на случай если настоящий убийца попытается с ним связаться. Видите ли, мне кажется, что здесь замешан еще кто-то, тот, кто выполнил грязную работенку, но я даже и предположить не могу, кто бы это мог быть. Но вы правы, чем дольше мы не трогаем Моркэмба, тем больше у него времени на то, чтобы избавиться от улик. Но имейте в виду, мой лорд, что, если мы его задержим, нам придется выдвинуть обвинения и отправить его под суд. Есть такая вещь, как предписание о представлении арестованного в суд.

— Все равно, — сказал Уимзи, — думаю, вам надо рискнуть. Не уверен, что вы найдете письма, но вдруг всплывет что-то еще. Может, чернила и бумага или книги о России. От книг не так легко избавиться, как от пары листков. И нам следует найти, что именно связывает Моркэмба и Уэлдона.

— Мы уже работаем над этим, мой лорд.

— Хорошо. В конце концов, люди не совершают убийства развлечения ради. Миссис Уэлдон что-нибудь знает о Моркэмбе?

— Нет, — ответила Гарриет. — Я спрашивала. Она слышит о нем первый раз в жизни.

— Значит, они познакомились не так давно. Или в Лондоне, или в Хантингдоншире. Кстати, вообще кто такой этот Моркэмб?

— Его описали как комиссионера.

— О, неужели? В этом описании кроется множество грехов. Что ж, займитесь этим, начальник. А мне надо совершить нечто решительное, чтобы восстановить самоуважение. «За мыльным славы пузырем готовый влезть в самое орудия жерло»*.

— О, правда? — Гарриет озорно улыбнулась. — Когда лорд Питер начинает говорить цитатами, значит, он что-то задумал.

— Увидимся, — парировал Уимзи. — Я иду прямо к Лейле Гарланд, чтобы заняться с ней любовью.

— Что ж, берегись да Сото.

— Я рискну, — ответил лорд. — Бантер!

— Да?

Бантер появился на пороге комнаты, выглядя так, словно он никогда не вел слежку в районах южного Лондона.

— Мне нужен мой образ идеального дамского угодника — *imitation très difficile* (очень трудная имитация).

— Хорошо, мой лорд. Предлагаю бежевый костюм и ваш большой янтарный портсигар.

— Как скажешь, Бантер, как скажешь.

Уимзи галантно послал всем собравшимся воздушный поцелуй и исчез в своей спальне.

* «За мыльным славы пузырем готовый влезть в самое орудия жерло» — цитата из пьесы У. Шекспира «Как вам это понравится».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

Еще сто лет, а может быть, и больше,
И я вернусь, чтобы забрать свое княжество.

Книга шуток со Смертью

Понедельник, 6 июля

Завоевание Лейлы Гарланд велось обычным образом. Уимзи отвел ее в кафе, удачно избавился от двух назойливых подружек, покормил девушку, посмотрел с ней кинофильм, а затем пригласил в отель, чтобы выпить по коктейлю.

Юная леди проявила пуританское целомудрие, стараясь оставаться в общественных местах, и чуть не свела Уимзи с ума изысканностью своего поведения за столом. Наконец-то ему удалось заманить свою жертву в небольшую ложу за пальмовым деревом, достаточно далеко от оркестра, чтобы нормально друг друга слышать, но не привлекать чужих взглядов. Оркестр, кстати, был одной из самых раздражающих достопримечательностей отеля и играл с четырех часов дня до десяти вечера. Мисс Гарланд, однако, выразила свое одобрение, хотя и дала понять, что оркестр, где играет да Сото, куда лучше.

Уимзи осторожно завел разговор о всеобщем внимании, которое окружило мисс Гарланд в связи со смертью Алексиса. Та согласилась, что ей это вовсе не приятно переносить. Мистер да Сото был так расстроен. Джентльмену не нравится, когда его подруге задают столько неприятных вопросов.

— Конечно, — заметила Лейла, — мистер Алексис был таким милым мальчиком и всегда идеальным джентльменом.

И очень любил меня. Но он был не очень мужественным. Девушка не виновата в том, что предпочитает настоящих мужчин, которые чего-то добиваются. Таковы уж все девушки! Даже если мужчина происходит из хорошей семьи, он все равно должен что-то делать, не так ли? — Смеющийся взгляд в сторону лорда Питера.

Вот такие мужчины нравились мисс Гарланд. По мнению Лейлы, куда лучше быть благородным джентльменом, который чем-то занимается, чем благородным человеком, который только и делает, что говорит о своем благородстве.

— Разве Алексис был благородного происхождения? — притворно удивился Уимзи.

— Ну, он говорил, что да, но откуда девушка может это знать? Я хочу сказать, говорить-то об этом легко, не так ли? Пол, то есть мистер Алексис, всегда рассказывал потрясающие истории, но мне кажется, что он все выдумывал. Он так любил романтику и исторические книги. Но я сказала ему: «Ты же не зарабатываешь даже половины того, что получают многие мои знакомые, и какая польза от того, что ты, может быть, русский царь?» — вот как я сказала.

— Он говорил, что он русский царь?

— О нет... он только рассказывал, что его прапрабабушка или кто-то еще была замужем за очень важной птицей. Но я спросила, какая разница, все равно в России расправились с империализмом. Он же ничего не мог от этого получить. Я, если честно, уставала от его историй о прапрабабушке, и под конец он перестал мне их рассказывать. Полагаю, он понял, что девушкам не очень интересно выслушивать рассказы о чужих прабабушках.

— Кем же он считал свою прапрабабушку?

— Я точно не знаю. Он однажды даже записал для меня все это, чтобы я поняла, но у меня от записей только голова разболелась. Я ему сказала, что не вижу в этом ничего привлекательного и что все его родственники явно были не слишком хорошими людьми. И я сказала, что если княжна с кучей денег не может быть уважаемой девушкой, то что уж говорить о бедных девушках, зарабатывающих себе на жизнь. Вот так я ему и сказала.

— И это правда, — согласился Уимзи, — должно быть, у него было что-то вроде мании.

— Чокнутый, — сообщила мисс Гарланд, на секунду забывая о своих утонченных манерах. — То есть, я хочу сказать, довольно глупо он себя вел, вам не кажется?

— Да, кажется, он уделял этому слишком много внимания. Даже записал, вы сказали?

— Да. А затем однажды пришел ко мне и снова начал беспокоить по этому поводу. Спрашивал, сохранилась ли у меня та бумага, где он все записывал. Я сказала, что я не знаю, потому что мне не слишком интересно. Я спросила, он что, считает, что я храню все, что написано его рукой, как героиня какого-нибудь романа? И я сказала, что я оставляю себе только то, что достойно хранения, и это явно не глупые клочки бумаги.

Уимзи вспомнил, что Алексис обидел Лейлу отсутствием благородства по отношению к ней в конце их романа.

— Я спросила у него, почему он не отдает свои вещи всяким престарелым женщинам, если ему это так важно. Но он ответил, что ему вообще-то не нужно хранить ту бумагу. Я не поняла, почему он тогда так о ней беспокоится. И он сказал, что раз я ее не сохранила, тогда все в порядке. Но я действительно не помнила, куда дела тот листок. Он хотел, чтобы я сожгла его, если найду, и сказал, что мне нельзя никому рассказывать о том, что он говорил про свою прапрабабушку. Я сообщила ему, что он ошибается, если думает, что мне больше не о чем беседовать со своими друзьями, кроме его прапрабабушки. Ну, после этого, конечно, мы уже не так дружили, как раньше, хотя он всегда говорил, что я ему очень нравлюсь. Но я просто не могла больше его терпеть. Его и его глупости.

— Так вы сожгли ту бумагу?

— О, я не знаю. Расспрашивая меня об этой бумаге, вы ведете себя как Пол. Что такого важного в глупой бумажонке?

— Я увлекаюсь бумагами, — сообщил Уимзи. — Но если вы сожгли ее, ничего не поделаешь. Жаль. Если бы вы ее нашли, то можно было бы...

— Да? — выдохнула Лейла.

— Можно было бы на нее взглянуть, — прохладно ответил Уимзи, — если бы вы поискали в своих ненужных вещах...

Лейла пожала плечами. Это представлялось затруднительным.

— Не понимаю, зачем вам клочок бумаги.

— Я и сам не знаю, пока не увижу его. Но мы могли бы поискать, да?

Он улыбнулся. Лейла улыбнулась. Она начала понимать.

— Что? Мы с вами? О, ну... Но я не знаю, я не могу пригласить вас к себе, правда? То есть, я хочу сказать...

— О, все будет в порядке, — пообещал Уимзи, — вы же меня не боитесь. Я пытаюсь кое-что сделать, и мне нужна ваша помощь.

— Конечно, я помогу чем смогу — только чтобы мистер да Сото не возражал. Он такой ревнивый, вы не представляете.

— Я бы вел себя так же на его месте. Может, он тоже захочет помочь нам с поисками?

Лейла улыбнулась и сказала, что это не обязательно, и разговор закончился там, где и должен был, — в квартире девушки, не слишком чистой и заваленной всяким барахлом. Ящики, коробки, сумки — все было забито вещами, которые, никуда не помещаясь, были разложены на кровати, на стульях и на полу. Если бы Лейла осталась одна, она отказалась бы от поисков минут через десять, но Уимзи не давал ей спуска, уговаривая, делая комплименты, развлекая. Неожиданно появился мистер да Сото, узрел Уимзи с руками, полными нижнего белья (Лейла в это время перебирала смятые чеки и открытки), и разбушевался. Уимзи велел ему не быть дураком, сунул в руки белье и принялся разбирать стопку журналов и пластинок для граммофона.

Как ни странно, бумагу нашел именно да Сото. После его прихода энтузиазм Лейлы поостыл. Возможно, у нее были другие планы на лорда Питера, которым помешал Луис? В то время как да Сото, вдруг осознав, что злосчастная бумажка может представлять для кого-то немалую ценность, все более увлекался поисками.

— Я бы не удивился, сладенькая, — заметил он, — если бы ты вложила ее в один из тех романов, что ты вечно читаешь, как ты всегда поступаешь с билетами на автобус.

— Это мысль, — воодушевленно согласился Уимзи.

Они повернулись к полке, забитой дешевой литературой. В книгах обнаружилась поразительная коллекция не только билетов, но и чеков, оберток от шоколада, открыток, конвертов и прочих вещей, способных служить закладками. Да Сото взял «Девушку, отдавшую все» за корешок и потряс. Из книги вывалился смятый лист писчей бумаги.

— Что вы на это скажете? — спросил Луис, наклоняясь за листком. — Если это не его почерк, то вы можете обозвать меня глухим и глупым слоном с четырьмя левыми ногами.

Лейла выхватила у него бумагу.

— Да, это то самое, точно, — согласилась она. — Сплошные глупости, я никогда не понимала написанного, но если вам надо — пожалуйста.

Уимзи быстро взглянул на генеалогическое древо, нарисованное на листе.

— Так вот кем он себя считал. Да... Я рад, что вы не выкинули листок, мисс Гарланд. Это проливает свет на многое.

Тут мистер да Сото что-то пробормотал о деньгах.

— Ах да, — сказал Уимзи. — Хорошо, что здесь я, а не инспектор Ампелти, не так ли? Ампелти мог бы арестовать вас за укрывание важной улики. — Он усмехнулся, глядя на пораженное лицо мужчины. — Но я скажу, что поскольку мисс Гарланд перевернула свое жилище вверх дном ради того, чтобы мне помочь, то она вполне может получить новое платье, если будет хорошей девочкой. Теперь послушайте, дитя мое. Когда Алексис дал вам это?

— О, давным-давно. Когда мы дружили. Я точно не помню. Но я знаю, что прошло очень много времени с тех пор, как я читала эту глупую старую книгу.

— Давным-давно, полагаю, означает меньше года назад — если только вы не были знакомы с Алексисом до его приезда в Уилверкомб.

— Верно. Подождите. Смотрите! Здесь кусочек билета в кино, а на нем дата. О да. Пятнадцатое ноября, именно. Теперь я помню. Мы ходили в кино, а затем Пол зашел ко мне в гости и рассказывал о себе. Это было в тот же вечер. Он ожидал, что я буду в восторге от его историй.

— Ноябрь, вы уверены?

— Да, точно.

— В любом случае это было до того, как он начал получать странные письма?

— О да, задолго до этого. А когда начали приходить письма, он замолк и захотел свою глупую бумажку обратно. Я вам уже об этом говорила.

— Да, верно. Хорошо, присядьте пока. Я хочу взглянуть. Вот так выглядела бумага:

Францис Иосиас

Герцог Сакс-Кобург-Готский (1678-1735)

?

Чарлз Мари Леванньер = Анастасия (незаконнорожденная)
(французский дипломат) ? (р. 1728)

?

Николай I = Шарлотта, р. 1770

Российский царь (младшая из семи детей)

(морганатический брак в 1815) ?

Николаевна (Николь) = Гастон, родной сын Луи-Филиппа

?

р. 1820, ум. 1847

Кап. Степан Иванович Краский = Луиза, р. 1848
ум. 1871 ?

Алексей Григорьевич Воронин = Мелани, р. 1883

?

Павел Алексеевич Воронин, р. 1909

— Хм, — протянул Уимзи. — Интересно, откуда он это взял. Никогда не знал, что Николай Первый был женат на ком-то, кроме Шарлотты-Луизы Прусской.

— Это я помню, — сказала Лейла, — Пол утверждал, что тот брак был тайным. Он все время об этом упоминал. Говорил, стоит лишь доказать, что венчание действительно состоялось, и он станет принцем или вроде того. Он вечно беспокоился об этой Шарлотте — ужасная старая ведьма, я уверена.

Ей было сорок пять, а она взяла и родила ребенка. Странно, что она не погибла при родах. Должна была, наверняка.

— Император Николай тогда еще был совсем ребенком. Посмотрим... тысяча восемьсот пятнадцатый год, в это время он как раз посетил Париж, после Ватерлоо. Да, а отец Шарлотты был французским дипломатом, все сходится. Наверняка ему спланировали незаконнорожденную дочь герцога, когда дипломат посещал те места. Она поехала с ним в Париж, родила семерых детей, младшую — Шарлотту, которая каким-то образом очаровала молодого императора.

— Я так и сказала Полу, когда он принялся ухаживать за миссис Уэлдон: «Видимо, женитьба на старых клячах у тебя в крови». Но он и слышать не хотел ничего плохого о прапрабабушке Шарлотте. А я думаю, что это совсем не хорошо. Представить себе не могу, о чем только думают мужчины. Ненормальные они, если вы меня спросите. Но в любом случае вы все правильно сказали. Она несколько раз была вдовой — Шарлотта, я имею в виду. Вышла за какого-то графа или генерала, не помню, и как-то была связана с политикой.

— В тысяча восемьсот пятнадцатом году в Париже все было связано с политикой, — заметил Уимзи. — Я отлично представляю себе Шарлотту среди аристократов. В любом случае эта престарелая красотка выходит замуж (а может, и нет) за царя и рождает ему дочь, которую называет Николаевной, в честь великого отца. Поскольку она живет во Франции, девочку называют Николь. Что дальше? Наша Шарлотта, попробовав королевской крови, решает теперь заняться Бурбонами. Законных наследников, за которых можно выдать Николь, нет, но мама решает, что лучше получить хоть что-то, чем совсем ничего, и отдает дочь за какого-то отпрыска Луи-Филиппа.

— Вот уж приятные люди жили в те дни!

— Да-да. Шарлотта могла действительно считать себя женой русского царя и расстроиться, когда ее задвинули в угол. А она-то надеялась, что сорвала самый большой куш в истории — стала императрицей. А потом империя рухнула, и кто знал, что случилось с вдовой одного из наполеоновских генералов или графов?

— Как вы все рассказываете! — вздохнула Лейла. — Но по мне это совершенно неправдоподобно. Если вы хотите знать мое мнение, Пол все это выдумал или прочитал в одной из своих любимых книг.

— Вполне возможно, — признал Уимзи. — Я только хотел сказать, что история хороша. Яркая, живая, с костюмами, эффектами и множеством интриг. И с исторической точки зрения все сходится. Вы уверены, что услышали об этом в ноябре?

— Да, конечно, уверена.

— Мое мнение об изобретательности Пола Алексиса заметно улучшилось. Надо было ему писать романы. Ладно, оставим это. У нас есть Шарлотта, которая все еще мечтает о мorganатических браках и тронах, выдавая свою дочь замуж за Гастона. Ничего странного в этом нет. Так что же происходит с Николь? У нее рождается дочь (в этой семье одни девочки) по имени Луиза. Интересно, что случилось с Гастоном и Николь далее, во времена Второй империи? Мы ничего не знаем о его профессии. Наверное, он смирился и держал свое происхождение в тайне. В любом случае его дочь выходит замуж за русского в тысяча восемьсот семьдесят первом году. Так, посмотрим, что у меня ассоциируется с этим годом? Конечно, Франко-прусская война и крайне неприязненное отношение России к Франции. Увы! Боюсь, Луиза перешла на сторону врага. Возможно, этот самый Степан Иванович приехал в Париж по каким-то дипломатическим вопросам, бог его знает!

Лейла Гарланд зевнула.

— Луиза рождает дочь, — продолжал Уимзи, ничего вокруг не замечая, — и та тоже вышла замуж за русского подданного. Возможно, все они живут в России. Дочь зовут Мелани, а мужа Алексей Григорьевич, и они являются родителями Пола Алексиса, иначе Голдшмидта, которого спасают от революции и привозят в Англию. Он принимает гражданство, становится отелльным жиголом, и его убивают на Дьявольском Утюге — почему?

— Бог знает. — Лейла снова зевнула.

Убедившись, что Лейла рассказала все, что ей известно, Уимзи взял драгоценную бумагу и отнес ее Гарриет.

— Но это же просто глупость, — сразу заявила практичная молодая женщина, едва завидев рисунок, — даже если прапрабабушка Алексиса пятьдесят раз была замужем за Николаем Первым, Пол все равно не был бы наследником престола. Ведь множество людей куда ближе императорской семье, чем он, например, великий князь Дмитрий.

— О? Конечно. Но ведь человека всегда можно заставить поверить в то, во что ему хочется верить, знаешь ли. Думаю, эта история стала реликвией семьи, передававшейся из поколения в поколение. Ты же знаешь, какими становятся люди, когда у них в голове поселяются мысли о знатных родственниках. Я знаю одного парня, он помощник драпировщика в Лидсе. Так он как-то мне абсолютно искренне сообщил, что должен быть королем Англии, если только он найдет доказательство свадьбы кого-то и Перкина Уорбека. То, что с тех пор сменилось несколько династий, его отнюдь не волновало. Он на полном серьезе считал, что стоит ему заявить о себе, как ему сразу же преподнесут корону на золотой тарелочке. Алексису вполне могли сказать, что все остальные отрекутся от престола в его пользу. Не думаю, что в России существует закон, запрещающий наследование по женской линии. В общем, теперь совершенно ясно, как именно захлопнулась ловушка. Если бы мы только получили бумаги, которые Алексис послал Борису! Но они уничтожены, это совершенно точно.

Инспектор Ампелти в сопровождении главного инспектора Паркера из Скотленд-Ярда позвонил в дверь дома номер семнадцать на Попкорн-стрит. Им немедленно открыли. Паркер сам изъявил желание принять участие в обыске, хотя Ампелти казалось, что он мог бы обойтись и менее выдающимся сопровождением, но что поделать: этот человек был зятем Уимзи. В любом случае мистер Паркер предоставил провинциальному инспектору возможность самому вести дело.

В комнату, улыбаясь, вошла миссис Моркэмб.

— Доброе утро, господа. Не хотите ли присесть? Вы, наверное, снова по поводу того, что произошло в Уилверкомбе?

— Да, мадам. Возникло некоторое недоразумение. — Инспектор достал блокнот и прочистил горло. — Насчет того джентльмена, мистера Генри Уэлдона, которого вы подвозили утром в четверг. Мне показалось, вы сказали, будто подвезли его до Рыночной площади?

— Ну да. Она же так называется, верно? Прямо возле города, с лужайкой и зданием с часами?

— О! — Ампелти был в замешательстве. — Нет, это не Рыночная площадь, это площадка, где местные жители играют в футбол и где проходит выставка цветов. Вы там его высадили?

— Да. Простите, я думала, это Рыночная площадь.

— Нет, та площадь находится в центре города, где стоит регулировщик.

— О, понятно. Боюсь, я вам дала неверную информацию. — Миссис Моркэмб улыбнулась. — Это очень плохо?

— Конечно, это может иметь серьезные последствия, — сказал инспектор. — Но вы не виноваты, если сделали ошибку. Все равно я рад, что это прояснилось. Еще один вопрос, мадам: а что вы делали в то утро в Уилверкомбе?

Миссис Моркэмб ненадолго задумалась, склонив голову набок.

— Я прошлась по магазинам, а затем отправилась в «Уинтер-Гарден», потом выпила чашку кофе в кафе — ничего особенного.

— Вы не покупали мужские воротнички?

— Воротнички? — Миссис Моркэмб казалась изумленной. — Инспектор, вы неплохо осведомлены о моих передвижениях. Меня ни в чем не подозревают?

— Просто рутина, мадам, — ответил инспектор, облизывая карандаш.

— Ну нет, я не покупала воротничков, хотя и заходила в магазин, взглянуть на них.

— О, значит, вы только посмотрели?

— Да, но у них не было того, что понравилось бы моему мужу.

— Вы помните название магазина?

— Да... «Роджерс и кто-то»... «Роджерс и Пибоди», кажется.

— Хорошо, мадам. — Инспектор внимательно посмотрел на женщину, — Вас не удивит, что помощник продавца сказал, что леди, подходящая под ваше описание, купила тем утром несколько воротничков и что он лично донес ее сумку до машины?

— Меня совсем это не удивит. Этот помощник — очень глупый молодой человек. Он действительно донес пакет до машины, но в нем лежали галстуки. Я заходила в магазин два раза — сначала за галстуками, а потом вспомнила про воротнички и зашла еще раз. Я думаю, это случилось около половины первого, если время имеет значение.

Инспектор колебался. Это может быть правдой. Иногда даже самые честные свидетели ошибаются. Он решил пока оставить данный вопрос.

— И вы выбрали мистера Уэлдона там, где договорились?

— Да. Но я понятия не имела о том, что его зовут мистер Уэлдон, хочу вам напомнить. Я подвозила мужчину в темных очках и даже не узнала его без них. Я еще тогда подумала, да и продолжаю считать, что у мужчины, которого я подвозила, были темные волосы. Хотя голос у него был похож и он узнал меня и вспомнил номер моей машины, но поклясться, что это один и тот же человек, я все равно не могу. — Она пожала плечами.

— Ясно, мадам. — Инспектору действительно было ясно, что происходит. Поскольку утреннее алиби стало скорее опасностью, а не поддержкой, от него пытались отделаться. Еще больше проблем, печально подумал он, еще больше проверок, расчетов. Ампелти вежливо поблагодарил леди за объяснения и спросил, может ли он переговорить с мистером Моркэмбом.

— С моим мужем? — Миссис Моркэмб была крайне удивлена. — Не думаю, что он сможет вам чем-нибудь помочь. Его тогда вообще не было в Хизбэри.

Инспектор сообщил, что этот факт ему известен, но формальности обязывают. Ведь именно мистер Моркэмб официальный владелец «бентли».

Миссис Моркэмб мило улыбнулась. Что ж, ее муж как раз дома, в последнее время он не очень хорошо себя чувство-

вал, но, несомненно, рад будет поспособствовать инспектору, если это и правда необходимо. Она попросит его спуститься.

Инспектор Ампелти сообщил, что это вовсе не обязательно. Он сам вполне может вместе с миссис Моркэмб подняться в комнату ее мужа. Инспектор Паркер улыбнулся: так Моркэмбы не смогут ни о чем договориться.

Миссис Моркэмб прошла к двери, Ампелти за ней. Она оглянулась, словно ожидая, что Паркер тоже последует за ними, но он оставался на своем месте. Поколебавшись секунду, женщины вышла, оставив своего второго гостя одного. Поднимаясь по лестнице, инспектор бормотал извинения и старался не слишком громко стучать ботинками.

Комната, в которую они попали, оказалась кабинетом. За столом сидел невысокий мужчина с рыжей бородкой, который повернулся, слышав шаги.

— Дорогой, это инспектор Ампелти из Уилверкомба. Он хотел узнать что-то насчет нашей машины.

— О да, инспектор, что такое? — добродушно произнес мистер Моркэмб, но его дружелюбие не могло сравниться с дружелюбием, прозвучавшим в голосе Ампелти.

— Привет, Брайт, приятель! — воскликнул он. — Немного приподнялись с тех пор, как мы виделись в последний раз, а?

Мистер Моркэмб приподнял брови, взглянул на свою жену, а затем сердечно расхохотался.

— Отлично, инспектор! — заявил он. — Что я тебе говорил, милая? Британскую полицию вокруг пальца не обведешь. Этим проницательным людям удалось проследить за мной! Что ж, присаживайтесь, инспектор, выпейте, и я вам обо всем расскажу.

Ампелти опустил в кресло и принял стакан виски с содовой.

— Прежде всего, позвольте поздравить вас с удачной слежкой, — радостно сказал мистер Моркэмб. — Я верил, что отделался от хвоста, но, видимо, тот парень сумел уследить за мной, несмотря на мой маскарад в кинотеатре. Полагаю, вы хотите знать, почему комиссионер Альфред Моркэмб из Лондона отправился в Уилверкомб под видом Уильяма Брайта. Я

вас не виню, это действительно выглядит странно. Что ж, вот вам объяснение.

Он взял со своего стола несколько листов бумаги и подтолкнул их к Ампелти.

— Я пишу пьесу для жены, — сказал он. — Вы, наверняка, уже знаете, что она была известной актрисой до того, как вышла за меня. Я и раньше писал пьесы под псевдонимом Седрик Ст. Денис — в свободное время, понимаете? Вот эта последняя пьеса о приключениях странствующего парикмахера. А самый лучший способ передать что-либо — это самому окунуться в соответствующую среду.

— Понимаю, сэр.

— Мне надо было сразу вам обо всем рассказать, — признался мистер Моркэмб, — но мне показалось, что это не обязательно. Я боялся, что об этом узнают в городе и меня сочтут дураком. На работе я сказал, что беру отпуск для поправки здоровья. Мой партнер бы возмутился, узнай он, куда я направился. Мои показания в любом случае вы получили, да и мне, надо сказать, понравилось изображать неудачника. У меня хорошо получилось, как вы думаете? Школа моей жены, разумеется.

— Ясно, сэр. — Инспектор Ампелти перешел к главному пункту. — Ваша встреча с Полом Алексисом действительно состоялась?

— Да, это чистая правда, во всех деталях. Ну, кроме того, конечно, что я никогда не стремился покончить с собой. На самом деле я просто гулял, пытался отодвинуть тот час, когда мне придется вернуться в очередную отвратительную ночлежку. Я действительно сочинил печальную историю для Алексиса, но никаких денег у него не брал. Но вы практически подловили меня с этими приливами и отливами. Я превзошел сам себя, пытаюсь придумать разные красивые детали.

Он снова засмеялся.

— Ну-ну, — пробормотал инспектор. — Вы нам здорово задурили головы, сэр. — Полицейский взглянул на лежащий перед ним манускрипт, который вроде бы подтверждал историю Моркэмба. — Жаль, что вы не доверились нам, сэр. Тем не менее мне придется еще раз выслушать ваши показания. —

Инспектор склонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то, и быстро продолжил: — Полагаю, вы подтвердите все, что сказали на суде? Ничего не хотите добавить?

— Совсем ничего.

— Вы никогда, случайно, не встречались с мистером Генри Уэлдоном.

— Уэлдон?

— Тот мужчина, которого я подвозила, — вмешалась миссис Моркэмб, — чья мать была помолвлена с погибшим.

— О, с ним? Нет, никогда его не видел. Не думаю, что смог бы узнать его, он ведь не выступал в суде, верно?

— Да, сэр. Очень хорошо. Если хотите, я могу прямо сейчас записать ваши показания, только позову коллег, если вы не против.

Ампелти распахнул дверь. Главный инспектор Паркер, должно быть, ждал прямо за порогом, поскольку он сразу же вошел, за ним следовала женщина и полный мужчина, курящий сигару. Супруга Моркэмба слегка удивилась, а вот лицо мужчины внезапно переменялось.

— Итак, миссис Стэрн, — сказал Паркер, — вы уже встречали этого человека?

— Да, конечно, сэр, это мистер Филд, он приезжал в гости к мистеру Уэлдону в феврале. Я его узнала.

— Так вот кто он? — спросил толстый джентльмен. — А я-то думал, что его фамилия Поттс или Спинк. Ну, мистер Морис Вавазур, взяли вы маленькую мисс Кон на работу в итоге или нет?

Мистер Моркэмб раскрыл рот, но при этом не издал ни звука. Инспектор Ампелти обменялся взглядом с представителем Скотленд-Ярда, прочистил горло, собрался и приблизился к жертве.

— Альфред Моркэмб, — объявил он, — он же Уильям Брайт, он же Уильям Симпсон, он же Филд, он же Седрик Ст. Денис, он же Морис Вавазур, вы арестованы по обвинению в причастности к убийству Пола Алексиса, или Павла Алексеевича Голдшмидта. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Полицейский вытер лоб.

Алиби или нет, он сжег за собой мосты.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ЧТО ДОЛЖНО БЫЛО БЫ СЛУЧИТЬСЯ

Теперь ты видишь, как наше драконье яйцо
Растет со своим созревающим планом?

Книга шуток со Смертью

Среда, 8 июля

— Я поседею от этого, вот что, — заключил инспектор Ам-
пелти.

— Ни книги, ни листочка бумаги, ни строчки в ежеднев-
нике...

— И даже пурпурных чернил нет...

— Он профессионал, что тут скажешь. Служанка сказала,
что свои письма он всегда отправлял самостоятельно...

— Да, я знаю, и все это указывает на то, что он замышлял
что-то. Осталось только найти доказательства. Вы же знаете
присяжных...

— Уэлдон хоть и глупец, но молчит. И у него дома мы точ-
но ничего не найдем, Моркэмб бы ему не доверил хранить не-
что важное...

— Нет. И его друга из Варшавы мы не нашли, пока не на-
шли...

— Знаю, значит, пока придется обвинить их в чем-то...
в чем-то существенном. И быстро. Надо не забывать приказ
Хабеас корпус* ...

— Я абсолютно уверен, что никто из них не перерезал
Алексису горло у Утюга, и леди тоже. Довольно странно арес-

* Судебный приказ о передаче арестованного в суд.

товывать троих людей, обвиняя их в убийстве, хотя вы даже не можете доказать, что случилось именно убийство...

— Спасибо, мой лорд, я бы не отказался от доказательств.

— Я честно признаю, что это самый странный случай из всех, с которыми я сталкивался, — сообщил Уимзи. — У нас есть все доказательства (не все, но достаточно) существующего заговора. И есть труп, который выглядит как жертва этого самого заговора. Но когда мы пытаемся сложить эти две составляющие, они не складываются. Все прекрасно, кроме того факта, что никто из арестованных не мог совершить убийство. Гарриет! Ты должна разбираться в проблемах такого сорта — как бы ты решила данную?

— Не знаю, — ответила Гарриет. — Я могу лишь рассказывать вам о некоторых методах ведения расследования. Есть, например, метод Роджера Шерингема. Вы во всех подробностях доказываете, что А совершил убийство, затем добавляете к своей истории последнюю деталь, выворачиваете ее, и оказывается, что на самом деле убийцей был Б — человек, которого вы сначала подозревали, но потом он пропал из виду.

— Не пойдет. Мы даже не сможем решить, кто у нас будет А, а кто Б.

— Ну, тогда есть метод Фило Вэнса. Вы качаете головой и говорите: «Самое худшее еще не произошло», а затем убийца расправляется еще с пятью жертвами, что сужает круг подозреваемых, и вы его вычисляете.

— Бесполезно, бесполезно, — сказал Уимзи. — И слишком медленно.

— Верно. Есть метод инспектора Френча — разбить железное алиби.

Уимзи застонал.

— Если кто-то еще в моем присутствии произнесет слово «алиби», я... я...

— Хорошо. Есть еще много разных отличных методов. Например, есть доктор Торндайк со своим решением проблемы, которое, по его собственным словам, выглядит примерно так: «У вас не тот человек, не та коробка, не тот труп». Предположим на мгновение, что Пол Алексис на самом деле...

— Император Японии! Спасибо.

— Ну, может, ты и не так далек от истины. Он же считал себя императором или кем-то вроде того. Хотя, даже если бы в нем текло пятьдесят королевских кровей, а не две-три, это не объясняет, как ему удалось оказаться убитым, когда рядом никого не было. Истинная сложность...

— Стоп, — вдруг перебил ее Уимзи, — повтори-ка.

Гарриет повторила.

— Истинная сложность, — настаивала она, — заключается в том, что непонятно, как кто-то, тем более Моркэмб или Уэлдон, мог совершить убийство. Даже если Поллок...

— Истинная сложность, — снова перебил девушку Уимзи, неожиданно высоким и нервным голосом, — это время смерти, не так ли?

— Ну, думаю, да.

— Конечно да. Если бы не оно, мы могли бы все объяснить. — Лорд рассмеялся. — Понимаешь, мне всегда казалось странным, что если Генри Уэлдон замешан в убийстве, то как так получилось, что он вроде и сам не знает, во сколько оно произошло? Смотри! Давай сделаем вид, что это мы спланировали убийство и назначили его на полдень.

— Ну и какой в этом смысл? Мы же знаем, что на самом деле убийство произошло в два. Вам не отмахнуться от этого, мой лорд.

— Да, но я хочу взглянуть на дело с точки зрения заговорщиков. Действительно, позже наши убийцы столкнутся с изменениями в своем расписании, но пока давайте попробуем проработать оригинальную задумку. Вам не все равно? Я хочу попробовать.

Инспектор заворчал, Уимзи несколько минут сидел молча, видимо, напряженно размышляя. Затем он заговорил, причем без следов недавнего возбуждения.

— Февраль, — начал он. — Вы — Генри Уэлдон. Вы только что узнали, что ваша престарелая глупая мать собирается выйти замуж за танцора на тридцать пять лет моложе ее, а потом лишит вас наследства. Вам очень нужны деньги, и вы хотите остановить это безумие любым способом. Вы выражаете свое недовольство, но пользы это не приносит — вы только теряете все деньги, а не часть. Сами вы человек не изобрета-

тельный, но обращаетесь за помощью... да, почему вы обращаетесь к Моркэмбу, инспектор?

— Ну, мой лорд, мне кажется, что, когда Уэлдон приезжал сюда, чтобы повидаться с матерью, он каким-то образом познакомился с миссис Моркэмб. Он знает толк в том, как обращаться с дамами, а она, возможно, решила, что из него можно вытянуть немало денег, раз уж у него такая богатая мать. Довольно скоро Уэлдон поставил ее в известность о происходящем, и наша леди решила обратиться за помощью к мужу. Мы проверили, миссис Моркэмб и Уэлдон действительно приезжала зимой примерно в одно время, хотя все это лишь предположения. В любом случае вот что нам удалось узнать точно — «Комиссионное агентство» Моркэмба порой занимается темными делишками и в последнее время нетвердо стоит на ногах. Мы решили, что леди познакомила наших двух героев, и Моркэмб пообещал помочь с условием, что он получит пятьдесят процентов.

— Пятьдесят процентов чего? — спросила Гарриет.

— Материнских денег — как только они их получат.

— Но это бы случилось только после смерти миссис Уэлдон.

— Да, мисс, вы правы.

— Ох... вы думаете...

— Я думаю, эти двое готовы на все, мисс, — флегматично заметил инспектор.

— Я согласен, — кивнул Уимзи. — Итак, дальше мистер Моркэмб едет на ферму к Уэлдону и остается там на несколько дней. Думаю, именно тогда они разрабатывают план. Уэлдон упоминает о романтических пристрастиях Алексиса и его одержимости своим происхождением, и они решают, играя на слабостях Пола, заманить его к Утюгу. Так Алексису начинают приходить загадочные письма. Интересно, кстати, как они объяснили тот факт, что первое незашифрованное письмо было написано не на русском языке.

— У меня есть идея насчет этого, — заявила Гарриет. — Ты говорил, что тебе встречался английский роман, где упоминался подобный шифр и его объяснение?

— Да, одно из произведений Джона Роуда, а что?

— Думаю, в первом письме содержалось лишь название книги и нужные главы и, наверное, ключевое слово для следующего послания. Поскольку книга написана на английском, довольно естественно и письмо составить на английском.

— Гениальное существо, — умилился Уимзи. — Это я о тебе. Вполне возможно. Ладно, нам не обязательно вновь углубляться в эту историю. Видимо, миссис Моркэмб служила источником информации о топографии и фауне Уилверкомба и Дарли. Уэлдон был назначен на пост Всадника и непосредственно убийцы, а Моркэмб занимался письмами, фотографиями и доведением Алексиса до нужной кондиции. Когда все было готово, Моркэмб отправился странствовать под видом парикмахера.

— Но зачем все так усложнять? — поинтересовалась Гарриет. — Почему они просто не купили бритву в обычном магазине? За ней невозможно было бы проследить.

— Это, конечно, верно. Но удивительно, куда иногда заводят поиски происхождения той или иной вещи. План заключался в том, чтобы обеспечить двойную или тройную защиту. Сначала представить все как самоубийство, затем, если вдруг возникнет сомнение и след бритвы будет обнаружен, то ее появление должно иметь под собой вескую основу.

— Понятно. Продолжай. Моркэмб все продумал.

— Да, умный человек. Признаюсь, он совершенно сбил меня с толку. Что ж, теперь — Уэлдон. Личина Хэвиланда Мартина была уже готова, оставалось лишь примерить ее. Действуя согласно указаниям, он взял напрокат «морган» и поселился в палатке возле Дарли, около поля фермера Ньюкомба. В тот же день Моркэмб и сам прибыл в Уилверкомб. Встречались ли они или нет, я не знаю. Думаю, все было расписано заранее, поэтому они не собирались общаться во время воплощения замысла в жизнь.

— Похоже на то, — согласился Ампелти. — Это оправдывает недоразумения, возникшие позже.

— Возможно. Что ж, в четверг Алексис отправляется к месту встречи в соответствии с инструкциями. Кстати, им обязательно нужно было, чтобы тело нашли и опознали, поэтому,

скорее всего, Алексису было велено открыто прийти к Утюгу. Если бы труп вдруг затерялся, нашлись бы свидетели, вспомнившие, что они видели молодого человека, идущего в том направлении, что сузило бы круг поисков.

— Итак, Алексис отправляется завоевывать корону. В это время Генри Уэлдон загоняет иголку в проводку своей машины: теперь у него есть повод остановить попутный автомобиль для поездки в Уилверкомб. Именно поэтому он арендовал «морган». Двигатель обязательно должен был быть двухцилиндровым, его может обездвигить всего одна иголка. Конечно, сошел бы и мотоцикл, но это не слишком удобно из-за непредсказуемой погоды.

Инспектор Ампелти радостно хлопнул себя по бедру, но затем вспомнил, что основная проблема заключается совсем в другом, и печально высморкался.

— Вскоре после десяти часов утра подъезжает миссис Моркэмб на «бентли» с запоминающимся номером. Конечно, такой номер мог попасться и случайно, но в любом случае получилось здорово. Кто не запомнит столь забавный номер: «Ой-ой-ой». Очень смешно, не так ли, инспектор?

— Где же она его высадила? — хмурясь, спросил Ампелти.

— Где угодно, за деревней. Где-то, откуда он мог легко вернуться на пляж. Между Дарли и Уилверкомбом дорога довольно резко сворачивает от берега, не думаю, что у него оставалось много времени на прогулку обратно. Скажем, в одиннадцать пятнадцать он вернулся в Дарли, забрался на пастбище, держа в одной руке овес, а в другой веревку.

— А зачем он взял с собой овес? Лошадь бы подошла к нему, если бы он просто сказал «цып-цып-цып», или что там им говорят, и потряс шляпой? Довольно глупо, что он рассыпал повсюду овес.

— Да, дитя мое, — усмехнулся Уимзи. — Но у него был повод. Думаю, что овес он рассыпал за день до того, когда впервые пришел знакомиться с лошадкой. Если один раз научить животное подходить за едой, то оно и второй раз прибежит с той же скоростью; но если один раз разочаровать его, то оно больше вообще не подойдет.

— Да, конечно. Ты прав.

— Теперь, — продолжил Уимзи. — Я думаю, правда, не могу доказать, но думаю, что наш герой оставил большую часть своей одежды. Мне это кажется разумной предосторожностью, хотя утверждать не буду. В любом случае он поймал лошадь, сел верхом и поехал. Не забываем, что между Дарли и коттеджем Поллока пляж с дороги не видно, так что единственная опасность — встретить кого-то, кто будет спускаться на берег со скал. Да и вряд ли этот кто-то заинтересовался бы мужчиной на лошади. Главное — миновать коттеджи, но время специально было подобрано таким образом, чтобы в тот момент все были заняты работой в доме или обедом. Думаю, коттеджи он миновал около полудня.

— Как раз тогда они и слышали стук копыт.

— Да. Чуть позже Алексис тоже их слышит, пока сидит на своем камне и мечтает об императорских одеяниях. Он поднимает голову и видит Всадника с моря.

— Замечательно, — прокомментировал ничуть не впечатленный инспектор. — А потом что?

— Ага. Вы помните, что мы описываем идеальное убийство, в котором все шло по плану?

— О да... конечно.

— Тогда, в идеальном преступлении, Уэлдон по воде подъезжает к скале, ведь до отлива еще целый час, и камень окружен водой. Он привязывает лошадь к кольцу в скале и забирается на валун. Алексис мог его узнать, а мог и не узнать. Если узнал...

Уимзи сделал паузу, его глаза потемнели от гнева.

— Что бы он ни сделал, времени для разочарования у него практически не было. Уэлдон попросил юношу присесть, думаю, императоры всегда сидят, пока их подданные стоят рядом. Уэлдон спросил про письмо, Алексис отдал ему расшифрованный вариант. Затем Генри нагнулся над своей жертвой сзади, держа в руках бритву...

— Уэлдон, конечно, глупец. Он сделал неправильно все, что только мог. Ему надо было снять перчатки и поискать оригинал письма. Обыскать тело. Хотя, с другой стороны, если бы он сдвинул тело, он бы изменил его естественную позу и сразу поставил под сомнение самоубийство. Сдвинь труп, и ты

уже не сможешь вернуть его в изначальное положение, как ни старайся. К тому же лошадь вырывалась и бесилась, а его побег мог стать фатальным...

— Знаете, наверное, я мог бы снять шляпу перед Уэлдоном. Видели когда-нибудь лошадь, перед которой плещет свежая кровь? Не очень приятное зрелище. Ужасающе неприятное. Конечно, боевые, кавалерийские кони привыкли ко всему, но фермерская лошадка вряд ли до этого чувствовала запах крови. Когда я понял, что Уэлдон должен был сесть на перепуганное до смерти, брыкающееся, вопящее животное, причем без седла и прямо с камня, я говорю вам, я бы снял перед ним шляпу.

— Вы хотите сказать, что сделали бы это, если бы так оно и было на самом деле.

— Точно. Тот, кто задумал преступление, кое-что знал о лошадях. Возможно, даже слишком много. В смысле... есть разные способы, которыми можно успокоить взбесившееся животное... некоторые более жестокие, чем остальные...

— Предположим, он сделал это. Затем он отвязал свою кобылу и направил ее в море. Так она устанет, да и кровь смоется. Снова взяв ее под свой контроль, он едет обратно тем же путем. Но пока лошадь брыкалась, у нее ослабла одна из подков, и по дороге она отвалилась. Думаю, Уэлдон мог этого не заметить. Он доезжает до своего лагеря, до того места, где оставил одежду, одевается и торопится на дорогу, чтобы остановить «бентли», на котором миссис Моркэмб возвращается домой. Думаю, он добирается до места где-то в двенадцать пятнадцать. Леди подвозит его до «Перьев» к часу дня. Теперь оставим романтику и вернемся к фактам. Пообедав, он возвращается к себе, сжигает уздечку, испачканную в крови. После этого ему остается лишь отправиться в гараж и разобраться с «морганом». Там он, разумеется, совершает еще одну ошибку. Когда он убирал провода в карман, то должен был действительно убрать их в карман, а не потерять.

— Но видите, у него тоже было целых три линии защиты. Во-первых, самоубийство; во-вторых, туриста, остановившегося у Дарли, звали мистер Мартин из Кембриджа, и он не имел никаких связей с убитым; в-третьих, даже если мистера

Мартина и раскрывали, у него было алиби в Уилверкомбе. Бах, воротнички и прочее. Плюс совершенно независимая свидетельница.

— Да, но... — начал было Ампелти.

— Знаю, знаю. Потерпите немного. Я знаю, что план пошел наперекосяк, но хочу, чтобы вы поняли, как все должно было выглядеть в идеале. Предположим, что все бы получилось, — что дальше? Тело лежит на камне, рядом валяется бритва. В полпервого убийца уже в Дарли. В час он в трактире, ест и пьет, а свидетель подтверждает, что все утро он провел в Уилверкомбе. Если тело найдут до начала прилива, то следов в любом случае не осталось, только те, что оставил сам Алексис, так что все сразу подумают о самоубийстве, особенно когда найдут бритву. Если тело обнаружат не сразу, то следы вообще не будут играть никакой роли. А если медицинская экспертиза установит время смерти, то поможет алиби. План выглядит крайне рискованно, но на самом деле он продуман до мелочей. Его сила — в наглости. На самом деле единственный риск, на который шел Уэлдон, — это быть замеченным непосредственно во время убийства. В другом случае, даже если бы кто-то увидел всадника на побережье и сообщил об этом в полицию, — как можно узнать, кем был этот самый наездник? Явно уж это не мистер Мартин, который все утро развлекался в Уилверкомбе. Да и вообще, сколько людей проходит или проезжает по той дороге? Какова вероятность того, что тело будет обнаружено сразу? Какова вероятность того, что смерть сочтут чем угодно, только не самоубийством?

— Какова вероятность того, что это не было самоубийством на самом деле? — пробурчал Ампелти. — Но я понимаю, о чем вы, мой лорд. Вы хотите сказать, что план был продуман, а когда Уэлдон добрался до места, что-то заставило его изменить свои намерения. Как это? Алексис сразу же узнает Всадника с моря и требует объяснений. Уэлдон объясняет несчастному, что тот остался в дураках, и добивается от него обещания бросить миссис Уэлдон. Возможно, он даже угрожает бритвой. Затем Уэлдон уходит, а разочарованный Алексис через некоторое время перерезает себе горло.

— Уэлдон специально оставил ему бритву?

— Ну да... думаю, да.

— А что увидела лошадь? — спросила Гарриет.

— Призраков, — хмыкнул инспектор, — какая разница, все равно вы не можете запихнуть лошадь на свидетельскую трибуну.

— Уэлдон совершил очередную ошибку, приехав в Уилверкомб, — продолжил развивать свою мысль Уимзи. — С таким опознавательным знаком на руке он должен был оставаться в стороне, невзирая на мать и все остальное. Но ему просто обязательно надо было посмотреть, что происходит. И Моркэмб... его появление, конечно, было предусмотрено. Мне интересно, было ли разумно с его стороны ответить на наше объявление? Мне кажется, он должен был почуять ловушку. Но еще я считаю, что он решил присмотреть за Уэлдоном, который шатался по всей округе.

— Простите меня, мой лорд, — вмешался Ампелти, — но мы потратили целый час на то, что обсуждали, что должно было бы произойти или могло произойти. Для вас, вне всякого сомнения, это крайне увлекательно, но мы ни на шаг не приблизились к тому, что же случилось на самом деле, а у нас в тюрьме сидят три человека, обвиненные в том, чего не могли сделать. Если Алексис сам перерезал себе горло, нам следует отпустить их с извинениями или обвинить их в заговоре, создавшем опасность для чужой жизни или что-нибудь такое. Если его убил их сообщник, нам надо его найти. В любом случае я больше не могу и не хочу тратить свое время. Как бы я мечтал никогда вообще не заниматься этим чертовым делом!

— Но вы так торопитесь, инспектор, — жалобным голосом протянул Уимзи. — Я лишь заметил, что задуманное пошло не так, но не сказал, что они не довели дело до конца.

Инспектор Ампелти печально взглянул на Уимзи и одними губами прошептал слово «тронутый». Но вслух он заметил:

— Ну, мой лорд, что бы они ни делали, Алексиса они не убивали, потому что в два часа дня их не было на месте преступления, а в двенадцать они его не убили, потому что он не умер до двух. Это факты, верно?

— Нет.

— Нет?

- Нет.
- Вы хотите сказать, что кто-то из них был там в два?
- Нет.
- Вы хотите сказать, что они убили Алексиса в двенадцать?
- Да.
- Перерезав ему горло?
- Да.
- Прямо до кости?
- Прямо до кости.
- И как он дожил до двух?
- У нас вообще нет никаких сведений о времени смерти Алексиса, — сообщил Уимзи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ: ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ

Возьми этот цветок, чтоб бросить на его могилу,
Лилию долины; на ней колокольчики,
Потому что, оказывается, даже у растений есть свои шуты,
Настолько заразен дух сумасшествия;
И-прошепчи крапиве над его могилой:
«У Короля Смерти ослиные уши».

Книга шуток со Смертью

Среда, 8 июля

Вы хотите сказать, — возмущенно воскликнул Ампелти, — что молодая леди все это время ошибалась?

Гарриет покачала головой, а Уимзи промолвил: «Нет».

— Ну, мой лорд, я не думаю, что вы можете пойти против медицинской экспертизы. Я и других медиков спрашивал, и все они согласились с общим заключением.

— Вы не довели до их сведения все имеющиеся факты, — заметил Уимзи. — Но я вас не виню, — мягко добавил он. — Я сам только что догадался. То, что ты сказала про кровь, Гарриет. Что-то никак не желало выходить у меня из головы. Давайте запишем то, что мы знаем о предполагаемом наследнике династии Романовых.

1. В детстве был болезненным ребенком.

2. В двадцать один год носил бороду и никогда не брился. Также он был...

3. Невероятно скован, используя острые предметы, и не любил ходить к зубному врачу.

4. По крайней мере на одном зубе у него стояла коронка — последнее средство избежать удаления.

5. В четверг, восемнадцатого июня, надел перчатки, когда спускался со скал.

6. Периодически немало страданий ему доставляли боли в суставах.

7. Для снятия боли он использовал антипирин.

8. Ни за что не хотел обращаться к врачу, хотя и знал, что проблемы со здоровьем могут превратить его в инвалида.

9. Было замечено отсутствие трупных пятен.

10. Также медицинская экспертиза установила, что в крупных сосудах практически не осталось крови.

11. И, наконец, по наследству по женской линии передаются не только императорские короны.

Гарриет и инспектор некоторое время изучали написанное. Затем девушка рассмеялась.

— Конечно! — воскликнула она. — Мне сразу показалось, что твой литературный стиль страдает! Но для экспромта очень даже неплохо.

— Я ничего не понимаю, что вы тут увидели? — возмутился Ампелти. А затем с подозрением добавил: — Это шутка? Еще один шифр?

Он выдернул бумагу из рук Гарриет и провел пальцем по строчкам.

— Во что вы играете? — спросил он. — Это головоломка?

— Нет, это ответ на все вопросы, — возразила Гарриет. — Ты прав, Питер, ты прав, должен быть прав. Это бы все объясняло. Только я не знала про антипирин.

— Я почти уверен, что это так, я где-то об этом читал.

— Думаешь, передалось от Романовых?

— Возможно. Но это не доказывает, что он на самом деле принадлежал к их династии, если ты об этом. Хотя и мог. А может, и наоборот, он решил, что это еще один признак его происхождения.

— О чем вы говорите? — взорвался инспектор.

— Не мучай его, Питер. Попробуйте прочитать лишь первые буквы в строчках, мистер Ампелти.

— А... О! Опять вы веселитесь, мой лорд! Н, А, Е... Наemorphilia. Что это еще, черт возьми, такое?

— Это болезнь крови, — объяснил Уимзи, — она возникает из-за отсутствия каких-то веществ в крови. Передается по наследству, как и дальтонизм, по женской линии, а проявляется практически только у мужчин и через одно или несколько поколений. То есть эта болезнь могла поколениями прятаться в крови женщин, а потом вдруг проявиться у сына абсолютно здорового отца и внешне здоровой матери. Пока это неизлечимо.

— Но что это, конкретно? И почему вы решили, что Алексис этим болел? И какая разница вообще, чем он болел?

— Это такое состояние крови, когда она практически не может свертываться. Стоит человеку слегка пораниться, и он уже истекает кровью. Можно умереть, когда тебе удаляют зуб, или порезав подбородок бритвой, если вы не очень хорошо умеете ею пользоваться. В любом случае истекать кровью вы будете часами. От падения или удара может начаться внутреннее кровотечение, крайне болезненное, кровь выходит большими комками, начинаются опухоли. И даже если быть невероятно аккуратным, внутреннее кровотечение в суставах может начаться и без всяких на то причин. Поднимается температура, человек испытывает сильную боль. Антипирин помогает, если я не ошибаюсь.

— Гемофилией был болен царевич, — продолжила Гарриет, — я читала об этом в книгах Алексиса, но, естественно, и не подумала связать данный факт с убийством.

— Не уверен, что понимаю все до конца, — сказал инспектор. — Разве только это объясняет, почему Алексис был такой размазней. Вы хотите сказать, что обнаружили доказательство принадлежности Алексиса к императорской семье и что большевики...

— Это может подтверждать или не подтверждать известные нам факты, — ответил Уимзи. — Но неужели вы не понимаете, мой дорогой старый болван, что это полностью унич-

тожает любые медицинские заключения? Мы решили, что смерть наступила в два, потому что кровь не свернулась, — но если у Алексиса была гемофилия, то можно было прождать целую вечность, а его кровь не свернулась бы все равно. Поэтому он мог умереть и в полдень, и на рассвете, и когда угодно. Кровь в данном случае не может служить свидетельством времени смерти, никоим образом.

— Господи боже! — воскликнул Ампелти и замер с открытым ртом.

— Да, — опомнился он через некоторое время, — но вот в чем загвоздка — как же мы сможем установить, что он умер именно в полдень, если подтверждений нет?

— Легко. Во-первых, мы знаем, что именно на это время рассчитаны алиби всех троих подозреваемых. Как говорил Шерлок Холмс когда-то: «Только человек с преступными намерениями создает себе алиби». Должен сказать, это дело действительно уникально в одном. Я больше никогда не встречал ситуаций, в которых убийца не знал, во сколько должен был совершить убийство. Ничего удивительного, что Уэлдон так переполошился в суде!

— Да... но... — инспектор казался взволнованным, — для нас-то все складывается, но убийство все равно не доказано, я хочу сказать, сначала надо доказать, что произошло убийство, а потом все остальное. Я хочу сказать...

— Все верно, — успокоил его Уимзи. — В отличие от мистера Уэлдона вы способны рассуждать логически. Но смотрите, если Алексиса видели живым на дороге между половиной одиннадцатого и половиной двенадцатого и мертвым в два, то он должен был умереть в этом промежутке. Джем Поллок и его дед утверждали, что видели лежащего человека до двух часов. В таком случае он должен был быть уже мертв. Теперь мы знаем, что, скорее всего, они говорили правду, поэтому ни к чему пытаться вплести их в сложившийся заговор. Значит, мы можем сократить тот период, когда могла наступить смерть до двух часов: от половины двенадцатого, когда Алексис добрался до места встречи, примерно до половины второго, когда Поллоки впервые заметили лежащее тело. В принципе, этого должно быть достаточно, особенно если

учесть, что мы смогли установить связь между орудием убийства и одним из подозреваемых. Полагаю, вы не выяснили, каким образом бритва попала к Уэлдону?

— Мы пытались, но ничего не нашли.

— Нет. Интересно, вполне возможно, что Уэлдон ездил в Уилверкомб в среду именно за ней. Конечно, сам Моркэмб позаботился о том, чтобы они не встретились, и уехал в другой город, но он мог оставить бритву в условленном месте, у кого-нибудь из продавцов... Думаю, вам стоит попробовать разузнать это, инспектор. Это пролило бы свет на очень многие последовавшие события.

— Обязательно, сэр. Я только одного не понимаю. Почему Уэлдон и Моркэмб так изумились, узнав о времени смерти в суде? Неужели Алексис не рассказывал им о своей болезни, когда пытался доказать, что он — наследник Романовых?

— Очевидно же, что Алексис очень ревностно оберегал эту свою тайну, да и вообще относился к теме весьма болезненно. К тому же для человека, собиравшегося стать во главе революции, неизлечимая болезнь, которая может практически убить его в любой момент, — явно не самая лучшая рекомендация. Да и Феодора могла отказаться выходить за него замуж. Нет, думаю, бедняга до смерти боялся, что кто-нибудь узнает о его слабости.

— Да, я понимаю. Вполне логично с его стороны. Я, наверное, поступил бы также.

— Если вы эксгумируете тело, — продолжил Уимзи, — то наверняка обнаружите в суставах характерные утолщения, которые сопровождают гемофилию. И если опросить его знакомых из Лондона и Америки, то могут найтись подтверждающие факты. Я уверен, что он был болен.

— Даже забавно, как все сложилось для Уэлдона и компании, — заметила Гарриет. — С одной стороны, им так везло, а с другой — так не везло! Я хочу сказать, сначала они составили отличный план, с алиби и маскировкой. Затем вдруг появилась я, и маскировка полетела к черту. Это невезение. Но в то же время я проявила слишком много инициативы и своими руками создала им алиби на другое время. Это уда-

ча. Затем пропал труп, из-за того что золото потянуло его ко дну. Но тут опять вмешиваюсь я, с фотографиями и прочим, и тело опознают. Затем, к их ужасу, их замечательное алиби оказывается ненужным и даже опасным, но тут появляется бедный маленький Перкинс, невинный, как младенец, и снова создает им железное алиби — но на неправильное время. И так далее. Все так невероятно запуталось. И во всем на самом деле виновата я одна. Если бы я не была так умна и рассудительна, то никто ничего не узнал бы о состоянии крови, и мы бы сразу решили, что Алексис умер задолго до моего появления. Ох, я даже не знаю, мое присутствие помогло или помешало расследованию.

— Все настолько запутано, что я не уверен, поверят ли этому присяжные, — простонал инспектор. — А еще есть главный констебль округа, могу поклясться, он будет насмехаться надо мной постоянно. Он скажет, что мы так и не доказали, что Алексис не покончил с собой, и лучше бы нам забыть об этом деле. Он и так ужасно злится на нас за то, что мы арестовали троих людей, а уж если я расскажу ему историю о гемо-как-там-дальше, его вообще удар хватит. Как вы считаете, мой лорд, если мы продолжим настаивать на своем, у нас имеется хоть малейшая надежда?

— Я вам вот что скажу, — ответила Гарриет. — Недавно миссис Уэлдон согласилась потанцевать с Антуаном, и Генри этому вовсе не обрадовался. Если вы снова отпустите его и Моркэмба на свободу, то в награду получите еще две смерти — миссис Уэлдон и Антуана.

Сразу же после ухода инспектора повисло тягостное молчание.

— Что ж! — наконец сказала Гарриет.

— Что ж! — откликнулся Уимзи. — Какой отвратительный, горький и кровавый фарс. Старая дура, которая хотела завести себе любовника, и молодой дурак, который хотел обрести империю. Одно перерезанное горло, трое повешенных и сто тридцать тысяч фунтов, ждущих следующего кандидата, готового продать за них тело и душу. Господи! Какая злая шутка судьбы!

Он поднялся.

— Давай уедем отсюда, — предложил лорд. — Соберем твои вещи, оставим полиции твой адрес и вернемся в город. Я сыт по горло.

— Да, поехали. Я с ужасом думаю о встрече с миссис Уэлдон. Я не хочу видеть Антуана. Все это так пугающе омерзительно. Мы поедем домой.

— Верно! Мы поедем домой. Поужинаем на Пикадилли. Черт, — сердито добавил Уимзи. — Всегда ненавидел морские курорты!

Краткая биография лорда Питера Уимзи вплоть до нынешнего времени (май 1935), написанная его дядей, Полом Остином Делagarди.

УИМЗИ, Питер Дэф Бредон, кавалер ордена «За выдающиеся заслуги»; родился в 1890 г., второй сын Мортимера Джеральда Бредона Уимзи, 15-го герцога Денверского, и Гонории Лукасты, дочери Франциска Делagarди из Гэмпшира.

Образование: Итонский колледж и Баллиольский колледж, Оксфорд (окончил с отличием, специалист по современной истории, 1912); служил в вооруженных силах (майор, стрелковая бригада).

Литературные труды: «Записки о коллекционировании инкунабул», «Карманный справочник убийцы» и др.

Хобби: криминология, книги, музыка, крикет.

Клубы: «Мальборо», «Эгоист».

Места жительства: Пикадилли, 110А У.; Бредонхолл, графство Денвер, Норфолк.

Оружие: сабля; герб — кошка, готовящаяся к прыжку; девиз: «Куда заведет меня моя прихоть».

Мисс Сэйерс попросила меня заполнить некоторые пробелы, а также исправить неточности, связанные с жизнью моего племянника Питера. Я с удовольствием слеую ее просьбе. Каждый мечтает о том, чтобы его имя появилось в печати. Вместе с тем, выступая в роли живого постамент для горделивого памятника моему племяннику, я проявлю приличествующую моему возрасту скромность.

Семья Уимзи имеет древнее происхождение, на мой взгляд, даже слишком древнее. Единственный разумный поступок, совершенный отцом Питера, — объединение собственного вымирающего рода с франко-английской семьей Делагарди. Но, несмотря на это, мой племянник Джеральд (нынешний герцог Денверский) является всего лишь глупым английским помещиком, а моя племянница Мэри настолько взбалмошна и недалёковидна, что вышла замуж за полицейского. Однако я рад отметить, что Питер удался в меня и в свою мать. Конечно, он чересчур нервный и любопытный, но это куда лучше, чем состоять из сплошных мускулов и вовсе не иметь мозгов, как его отец и брат, или из одних эмоций, как сын Джеральда, Сент-Джордж. По крайней мере, Питер унаследовал ум от Делагарди, хотя его темперамент, к несчастью, происходит от семьи Уимзи.

Питер родился в 1890 году. Его мать в то время много волновалась из-за странностей своего мужа (Денвер всегда был крайне тяжелым человеком, хотя скандал не разразился вплоть до Юбилейного года), и, возможно, ее беспокойство повлияло на мальчика. В детстве он был непоседливым, про-

казливым и зачастую слишком проницательным для своих лет ребенком. Он не обладал физической мощью Джеральда, взамен развив то, что можно назвать «телесным разумом», — не силу, но сноровку. Отлично управляясь с лошадьми и мячом, он был также невероятно отважен и наделен тем самым разумным видом смелости, когда человек рассчитывает последствия, прежде чем рискнуть. В детстве его часто мучили кошмары. К ужасу своего отца, Питер вырос, полюбив книги и музыку.

Его первые школьные годы нельзя назвать особенно счастливыми. Он был утонченным ребенком, поэтому нет ничего удивительного в том, что одноклассники прозвали его слабаком и обращались как с клоуном. И он мог бы из чувства самосохранения смириться со сложившейся ситуацией, превратившись в настоящего шута, если бы кто-то в Итоне не обнаружил его природный талант к крикету. После этого, разумеется, все его причуды были отнесены на счет выдающегося ума, и Джеральд испытал невероятный шок, когда увидел, что его ненавистный младший брат стал более значительной личностью, чем он сам. Питер служил образцом для подражания — атлет, эрудит, *arbiter elegantiarum* — *пес pluribus impar*. Конечно, многим он был обязан именно крикету — большинство студентов Итона до сих пор помнят его игру. Но я осмелюсь взять на себя часть ответственности за успех моего родственника. Я познакомил его с отличным портным, показал ему город, научил его отличать хорошее вино от дурного. Денвер мало о нем беспокоился, имея слишком много своих хлопот, и к тому же был вынужден заботиться о Джеральде, который выставил себя в Оксфорде первостатейным глупцом. На самом деле у Питера никогда не было близких отношений с отцом: он слишком резко судил об отцов-

ских поступках, а влияние матери оказало разрушительный эффект на его чувство юмора.

Не обязательно говорить о том, что Денвер едва переносил собственные недостатки, как-либо проявлявшиеся в его потомстве. Ему потребовалось немало денег, чтобы вытащить Джеральда из оксфордской переделки, поэтому он был готов отдать своего второго сына на мое попечение. В семнадцать лет Питер явился ко мне по собственной воле. Он выглядел старше своего возраста и был необыкновенно разумен, и я обращался с ним соответственно. Я отправил его в Париж, наказав всегда оставаться уверенным в себе благородным мужчиной. Он полностью оправдал мое доверие. Думаю, ни одна женщина никогда не могла пожаловаться на Питера, а ведь, по крайней мере, две из них вышли замуж за членов королевской семьи (довольно отдаленных родственников, но все равно). И, опять-таки, я настаиваю на своем участии, потому что, как бы ни был хорош изначальный материал, глупо полагаться на удачу и позволять молодому мужчине развиваться самостоятельно.

В тот период Питер был обаятельным, очень искренним, скромным и благовоспитанным юношей, а также обладал живым умом. В 1909 году он начал изучать историю в Баллиоле и в этот момент, скажу честно, стал просто невыносим. Мир лежал у его ног, вот он и заважничал. Он стал неестественным, приобрел все эти раздутые оксфордские нравы и купил себе монокль. Он пытался всем навязать свое мнение, хотя, следует отдать ему должное, он никогда не пытался покровительствовать мне или матери. Он был на втором курсе, когда Денвер сломал себе шею во время охоты и Джеральд унаследовал отцовский титул. Как ни странно, Джеральд проявил неожиданную ответственность в управлении, но совершил одну большую ошибку — женился на своей

кузине Элен, тощей, слишком воспитанной ханже. Они с Питером ненавидели друг друга, но он всегда мог сбежать к матери в Дауэр-Хаус.

В свой последний год в Оксфорде Питер влюбился в семнадцатилетнее дитя и мгновенно позабыл обо всем, чему его учили. Он обращался с девушкой как с осенней паутиной, а со мной как со старым безнравственным монстром, который сделал его недостойным ее деликатной чистоты. Не буду отрицать, что они составляли изысканную пару — все в белом и золотом. Люди называли их принцем и принцессой лунного света. Лунного сияния, так будет точнее. Что Питер собирался делать с женой, у которой не было ни мозгов, ни характера, никто, кроме меня и его матери, не осмеливался спросить, но он был совершенно одурманен. К счастью, родители Барбары решили, что ей еще рано выходить замуж, поэтому Питер отправился на финальный год своего обучения с настроением сэра Эгламюра, собирающегося убить своего первого дракона. Затем он положил диплом с отличием к ее ногам, как драконью голову, и принялся терпеливо и целомудренно ожидать окончания испытательного срока.

Затем началась война. Естественно, молодой идиот решил жениться до того, как уехать. Но угрызения совести всегда делали его мягким, как воск. Ему указали на то, что, если он вернется изуродованным, это будет нечестно по отношению к девушке. Сам он об этом не подумал и поспешил совершить очередное самопожертвование, отказавшись от помолвки. Я не прикладывал к этому руку, хотя результат меня и порадовал, но средства были не в моем вкусе.

Во Франции ему все удавалось прекрасно, он стал хорошим офицером, люди его любили. В шестнадцатом году он вернулся в отпуск (в капитанском чине), чтобы узнать, что его девушка вышла

замуж за какого-то грубого майора, за которым она ухаживала в госпитале, работая в добровольческом медицинском отряде, чьим девизом в обращении с женщинами было «быстрое соблазнение и жесткое обращение». Ситуация сложилась неприятная, потому что у девочки не хватило смелости сообщить Питеру о своей свадьбе заранее, и они с майором поспешно поженились, когда услышали о его скором возвращении домой. Все, что получил Питер, — это письмо, сообщавшее о совершившемся факте и с напоминанием о том, что он сам от нее отказался.

Питер сразу же приехал ко мне и признал, что был глупцом. Я сказал, что он выучил свой урок и пусть больше не выставляет себя дураком. Он вернулся на работу с твердым намерением, в этом я уверен, попасть под пулю, но вместо этого получил звание майора и орден за работу в разведке на германском фронте. В 1918 году он подорвался на мине и едва не остался навечно во взрывной воронке около Кодри. После чего у него начался серьезнейший нервный срыв, длившийся с перерывами два года. По прошествии этого времени он купил себе квартиру на Пикадилли и поселился там со своим слугой Бантером (который до этого служил его сержантом и был ему бесконечно предан) и начал вновь собирать себя по кусочкам.

Могу честно сказать, что я был готов практически ко всему. Он потерял свою неподобную искренность, замкнулся ото всех и вся, включая мать и меня. Приобрел фривольные манеры и фактически превратился в комика. Он был богат и мог делать то, что пожелает, и я неплохо поразвлекся, наблюдая за тем, как женская часть послевоенного Лондона пыталась поймать его в свои сети. Одна заботливая матрона как-то сказала, что «нехорошо бедному Питеру жить как отшельнику». На что я ответил, что это было бы

правдой, если бы он действительно так жил. Нет, с этой точки зрения я не волновался. Но мне казалось опасным, что мужчина с его способностями не имеет никакой работы, чтобы занять себе разум, и я ему об этом прямо заявил.

В 1921-м всплыла та самая история об Изумрудах в Аттенбери. Дело так и не было доведено до конца, но наделало много шума. Суд над вором гремел сплошными пламенными сенсациями, и самой большой из них стало появление лорда Питера Уимзи на свидетельской трибуне.

Полагаю, для опытного офицера разведки расследование не составляло никаких трудностей, но «сыщик-аристократ» — это что-то новенькое. Денвер был в ярости, лично мне было все равно, чем занимается Питер, лишь бы он занимался хоть чем-то. Мне казалось, что он стал счастливее, и мне приглянулся тот человек из Скотленд-Ярда, с которым он познакомился во время расследования. Чарлз Паркер — спокойный, разумный, воспитанный мужчина, хороший друг и зять для Питера. Он обладал ценным качеством — если ему кто-то нравился, он никогда не лез этому человеку в душу.

Единственная проблема с новым хобби Питера состояла в том, что если у джентльмена было хобби, то оно должно было быть больше, чем просто хобби. Невозможно вешать убийц ради личного развлечения. Ум Питера тянул его в одну сторону, эмоции — в другую, и я начал бояться, что его разорвет на кусочки. В конце каждого случая повторялось одно и то же — старые кошмары и военный невроз, снова и снова. И тогда Денвер, из всех это оказался именно Денвер, этот болван, орущий о деградации Питера и его постыдных полицейских увлечениях, оказался замешан в каком-то грязном деле с убийством, и его судили в палате лордов. После этого действия Питера казались детской шалостью.

Питер вытянул брата из этой заварухи и, к моему облегчению, оказался достаточно человечным, чтобы напиться, освободившись от напряжения. Теперь он признает, что его «хобби» — это работа на благо общества, и он даже развил интерес к общественным делам и время от времени выполняет небольшие дипломатические поручения в ведомстве иностранных дел. В последнее время он уже может демонстрировать свои эмоции и меньше боится вообще иметь какие-либо чувства.

Последним его чудачеством стала влюбленность в ту девушку, которой он помог выпутаться из истории с обвинением в отравлении собственного любовника. Она отказалась выйти за него замуж, как и любая женщина с характером. Благодарность и унижительный комплекс неполноценности — плохая основа для брака, а его позиция с самого начала была неправильной. В этот раз Питеру хватило ума принять мой совет. «Мой мальчик, — сказал я ему, — ты совершаешь ту же ошибку, что и двадцать лет назад. Аккуратное обхождение нужно не невинным молодым девушкам, а тем, кто был напуган и ранен. Начни сначала, но учти, что тебе понадобится вся возможная внутренняя дисциплина, какой ты обладаешь».

Что ж, он попробовал. Думаю, я никогда не видел столько терпения. У девочки были мозги, и характер, и честность, но ему надо было научить ее брать, что куда сложнее, чем научиться давать. Я думаю, они найдут друг друга, если научатся не владеть своими страстями. Я знаю, он понимает, что в этом случае согласие может быть дано только по своей воле.

Сейчас Питеру сорок пять, уже пора бы ему остепениться. Как видите, я был одним из сильнейших источников влияния на его карьеру, да и вообще на жизнь. Он — Делагарди и совсем

немножко Уимзи. От них он заимствовал (тут я должен быть честен) то глубинное чувство общественной ответственности, которое удерживает английскую аристократию от полного краха. Детектив или нет, он ученый и джентльмен, и мне будет интересно посмотреть, каким мужем и отцом он может стать. Я уже старый человек, и собственного сына у меня нет (по крайней мере, мне об этом неизвестно); я хотел бы видеть Питера счастливым. Но, как говорит его мать, «у Питера всегда было все, кроме того, что он действительно хотел», а я думаю, он счастливее многих.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава первая.	
Ведется следствие: труп	8
Глава вторая.	
Ведется следствие: дорога	23
Глава третья.	
Ведется следствие: отель	34
Глава четвертая.	
Ведется следствие: бритва	46
Глава пятая.	
Ведется следствие: невеста	62
Глава шестая.	
Ведется следствие: первый парикмахер	72
Глава седьмая.	
Ведется следствие: жиголо	78
Глава восьмая.	
Ведется следствие: второй парикмахер	86
Глава девятая.	
Ведется следствие: труп	93
Глава десятая.	
Ведется следствие: инспектор полиции	107

Глава одиннадцатая.	
Ведется следствие: рыбак	117
Глава двенадцатая.	
Ведется следствие: труп	130
Глава тринадцатая.	
Ведется следствие: проблемы	148
Глава четырнадцатая.	
Ведется следствие: Утюг	162
Глава пятнадцатая.	
Ведется следствие: инспектор полиции	170
Глава шестнадцатая.	
Ведется следствие: пляж	186
Глава семнадцатая.	
Ведется следствие: деньги	202
Глава восемнадцатая.	
Ведется следствие: змея	214
Глава девятнадцатая.	
Ведется следствие: переодетый автомобилист	225
Глава двадцатая.	
Ведется следствие: леди на «бентли»	237
Глава двадцать первая.	
Ведется следствие: суд присяжных	246
Глава двадцать вторая.	
Ведется следствие: манекенщица	265
Глава двадцать третья.	
Ведется следствие: театральный агент	275
Глава двадцать четвертая.	
Ведется следствие: учитель Л.С.С.	282
Глава двадцать пятая.	
Ведется следствие: словарь	290

Глава двадцать шестая.	
Ведется следствие: лошадь	306
Глава двадцать седьмая.	
Ведется следствие: внук рыбака	319
Глава двадцать восьмая.	
Ведется следствие: шифр	327
Глава двадцать девятая.	
Ведется следствие: письмо	340
Глава тридцатая.	
Ведется следствие: лучший джентльмен из всех джентльменов	351
Глава тридцать первая.	
Ведется следствие: помощник торговца галантерейными товарами	359
Глава тридцать вторая.	
Ведется следствие: генеалогическое древо	371
Глава тридцать третья.	
Ведется следствие: что должно было бы случиться	385
Глава тридцать четвертая.	
Ведется следствие: что случилось на самом деле	396

Дороти Л. Сэйерс
ОПАСНАЯ БРИТВА

Выпускающий редактор *Е.Новикова*
Технический редактор *С.Камышова*
Корректор *М.Смирнова*
Дизайнер обложки *И.Тарачков*
Компьютерная верстка
ООО ТД «Издательство Мир книги»

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 23.04.2009.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура Newton. Печ. л. 13,0. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 7000 экз. Заказ № 2507.

Отпечатано по технологии СtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, ул. Арсенальная, д. 21/1.
Телефон / факс: (812) 495-56-10.

